

**СОВРЕМЕННАЯ
ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 3

ФЛИНТА

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коллективная монография

Выпуск 3

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2021

УДК 811.11; 821.11; 821.13

ББК 83.3(4)6

С 56

Рецензенты:

Петренко Александр Демьянович

д.ф.н., профессор, директор Института филологии Крымского
федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь

Цветкова Марина Владимировна

д.ф.н., профессор, декан факультета гуманитарных наук,
профессор департамента литературы и межкультурной
коммуникации Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород

С56 Современная германистика и западноевропейская литература
(= Modern Germanic Philology and West-European Literature) :
коллективная монография. Вып. 3 / отв. ред. А. В. Иванов. —
Москва : ФЛИНТА, 2021. — 392 с.

ISBN 978-5-9765-4858-9

Монография является третьим выпуском из серии ежегодников «Современная германистика и западноевропейская литература». Серия создана по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова.

Издание подготовлено коллективом авторов — членов диссертационного совета, а также учеными из различных вузов России, участвующими в деятельности совета, и включает работы, посвященные различным теоретическим аспектам германистики и проблемам западноевропейской литературы.

Адресовано широкому кругу лингвистов и литературоведов, интересующихся вопросами германской и — шире — западноевропейской филологии.

УДК 811.11; 821.11; 821.13

ББК 83.3(4)6

ISBN 978-5-9765-4858-9

© Коллектив авторов, 2021

© НГЛУ, 2021

© Издательство «ФЛИНТА», 2021

Авторский коллектив:

Аверкина С. Н. (гл. 4.1.)
Анашкина И. А. (гл. 3.1.)
Байкова О. В. (гл. 2.1.)
Бухаров В. М. (гл. 2.1.)
Голубева Н. А. (гл. 1.1.)
Иванов А. В. (гл. 3.2.)
Карпова О. М. (гл. 3.3.)
Кобенко Ю. В. (гл. 3.4.)
Конькова И. И. (гл. 3.1.)
Кострова О. А. (гл. 1.2.)
Левицкий А. Э. (гл. 1.3.)

Мещерякова А. А. (гл. 1.6.)
Мидова Е. О. (гл. 1.4.)
Никонова Ж. В. (гл. 1.4.)
Никульшина Т. Н. (гл. 1.3.)
Обухова О. Н. (гл. 2.1.)
Поликарпов А. М. (гл. 4.2.)
Разина И. С. (гл. 4.1.)
Рахманкулова С. Е. (гл. 1.5., 1.6.)
Родина Г. И. (гл. 4.1.)
Тырыгина В. А. (гл. 1.7.)

Раздел I
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Введение

Современный подход к изучению языка серьезен, сложен, многообразен и как гарант успешного развития гуманитарной науки должен отвечать «вызовам» XXI века. Его «точкой роста» в эпоху глобальных перемен является когнитивная лингвистика, «лингвистика мысли» (ЧЕЙФ 2015), изучающая соотношение языка и мышления (БОЛДЫРЕВ 2019). Особенностью когнитивной лингвистики является ее междисциплинарность. Когнитологам отводится важнейшая роль, объяснять и описывать языковые факты, которые не противоречат эмпирическим данным других наук, и выполнять таким образом «когнитивное обязательство» (LAKOFF 1990: 40).

Отказ когнитивной лингвистики от внутренней замкнутости основывается на том, что язык неразрывно связан с другими ментальными процессами — репрезентацией знаний, мышлением, памятью, эмоциями и др. Вместе с тем тезис о релевантности междисциплинарности ставится некоторыми учеными под вопрос ввиду того, что другие когнитивные дисциплины находятся «в концептуальном тупике» (КОШЕЛЕВ 2015: 132).

Попытаемся показать, вслед за (ГОЛУБЕВА 2020), непреложность этого тезиса на примере анализа аксиологического концепта в рамках двух научных парадигм — когнитивной лингвистики и аксиологии, понимаемой как науки «о ценностных отношениях человека к действительности, о его способности постигать ценностную структуру мира и воплощать ценности в разных видах человеческой деятельности» (МИРОШНИКОВ 2007: 5). Диалог этих парадигм предпослан высоким статусом категории оценки в жизнедеятельности человека, которая является ведущим объектом аксиологической лингвистики, не теряющим своей актуальности.

Одним из главных операциональных терминов когнитивной

лингвистики является «концепт». В настоящем исследовании он берется в разработку наряду с ключевыми для аксиологической лингвистики терминами «ценность», «цена», «модусная категория».

Целью настоящей статьи является описание структуры и содержания аксиологического концепта, что является одновременно *новым*, так как представлена авторская методика его исследования — выведение его по совокупности интерпретации априорно утверждаемых «домом бытия» человека в координатах «картины мира» конкретных аксиологических концептов. В рамках аксиологического концепта показываются аксиогенные ситуации, в которых сконцентрировано выражение системы ценностей. Когнитивно-функциональному анализу подлежат аксиологически заряженные образные сравнения, поговорки и цитаты на немецком языке, которые строятся на сравнении и метафоре как когнитивных механизмах. Анализ эмпирического материала ориентирован на интерпретацию компаративной оценки. *Теоретическая значимость* статьи определяется ее вкладом в дальнейшее развитие актуальных направлений современной лингвистики — аксиологии, концептологии, лингвофилософии.

Методология исследования строится на положениях когнитивной лингвистики, аксиологии и теории интерпретации с применением методов синтеза, когнитивного моделирования, концептуального анализа и интерпретации.

2. Концепт как предмет исследования

Начало исследования концептов относится к первой половине XX в. и связывается с именами С. А. Аскольдова-Алексеева (АСКОЛЬДОВ 1997) и Ф. Бартлета (BARTLETT 1932). Структура и содержание концептов, проблема их когнитивного моделирования и типология исследовались многими отечественными и зарубежными учеными (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. И. Шаховский; R. P. Abelson, F. Ch. Bartlett, W. Croft, D. A. Cruse, P. D. Deane, T. A. Dijk, J. Engelkamp, G. Faucon-

nier, Ch. Fillmore, R. Jackendoff, M. Johnson, G. Lakoff, R. M. Langacker, Minsky, R. C. Schank, J. R. Searle M. Silverstein, L. Talmy, J. R. Taylor, M. Wettler).

Концепт — категория мыслительная, а не наблюдаемая, и, следовательно, обладает значительным потенциалом в аспекте ее толкования не только лингвистами, но и философами, психологами, культурологами и принимает на себя результаты всех внелингвистических интерпретаций. Концепт предстает как

«некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» (СТЕПАНОВ 1997).

Как видим, уже в самой сущности концепта заложен ценностный компонент. Любой концепт, как известно, номинируется словом.

Определение концепта, данное Ю. С. Степановым, перекликается с семиозисом языкового знака теории Ч. Морриса и Ч. Пирса о наличии в его структуре наряду с означаемым и означающим третьего компонента — интерпретанты. Интерпретанта есть оценивающий компонент, который позволяет узнавать значение языковой единицы в соответствии с контекстом и коммуникативной ситуацией ее употребления (МОРРИС 1983; ПИРС 2000). Проводя такую аналогию между концептом и языковой единицей, нельзя, безусловно, не обратить внимание на разнопорядковость этих величин. Одна — единица мысли, вторая — единица языка. Однако первая вербализуется при помощи второй, адекватно передающей ценностный потенциал первой и *Modus ponens* аналогия уместна.

Такое определение концепта характеризует структуру особого, индивидуального концепта, обозначающего конкретные свойства, качества, действия и состояния предмета или явления, например, концепта «прецедент» (ГОЛУБЕВА 2009). С точки зрения типов знания, которое резервируется в каждом концепте, понятию «индивидуальный концепт» находится и другое толкование. У каждой языковой личности существуют концепты, сформированные коллективным и/или индивидуальным знанием о

мире. Если у языковой личности имеется знание о «кусочке действительности», то у нее уже есть его концепт. Поэтому концепт может быть «своим», если базируется только на индивидуальном, «своем» знании, обусловленном мировоззрением и индивидуальным миропониманием этой личности, ее типом мышления, а может базироваться на коллективном знании.

Терминологический аппарат когнитивной лингвистики располагает целым рядом определений для концепта в зависимости от методологических установок и материала исследования. Концепты «представляют собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» (ПЕТРОВ, ГЕРАСИМОВ 1988: 8).

Концепты, которые хранят информацию о целых классах объектов, репрезентируют объекты, лица, ситуации, события, действия и их результаты, представляют собой типовые концепты. Концепты, присущие концептуальной системе многих наций и народов, прежде всего, так называемые «семантические примитивы» (ВЕЖБИЦКАЯ 1999), понимаются как общие. Концепты лежат, как известно, в основе категорий.

Типология концептов по содержанию ориентирована на области анализируемого знания и способы их выражения с различием на национальные, культурные, языковые, диалектные, правовые и др. Здесь надо заметить, что концепты в своей совокупности имеют также иерархическую структуру по степени своей закреплённости в нашем сознании. Глубоко адаптированные сознанием концепты, как отмечено в (DEANE 1992), наделены такими свойствами как конкретность, высокая информативность, субъективность, выражение отношения причина-следствие. По мере убывания этих свойств в концептах в их иерархии все сильнее обозначается вектор движения к абстрактным смыслам, что позволяет говорить о конкретных и абстрактных концептах.

В свете сказанного *аксиологический концепт* можно опреде-

лить как «общий», одновременно «типовой», «абстрактный» концепт, базирующийся на семантике оценки. Оценка как маркер прагматического значения ценности выдвигает на первый план проблему интерпретации. Последнее нуждается в пояснении.

Сущность теории интерпретации языковых высказываний получила свое глубокое обоснование в двух ракурсах ее понимания — в широком и узком смысле. В широком смысле она понимается как коллективная интерпретация — любая мыслительная операция, связанная с получением нового коллективного знания и охватывающая фактически все действия над языком (классификация, категоризация, генерализация, конкретизация и др.); в узком смысле — как языковая познавательная активность отдельного индивида, в которой передается его субъективное мировосприятие, когда вторичное осмысление неразрывно связано с Интерпретатором (говорящим) и его психическим состоянием, что называется «обретением значений для себя» (ЛЕОНТЬЕВ 2000: 100).

В рамках настоящего исследования интерпретация реализуется и в широком смысле как разработка (процедура представления) предмета исследования — аксиологического концепта, и в узком смысле как «воспринимаемый результат интерпретации» — аксиологический *метаконцепт*, то есть аксиологический концепт о концептах. При этом можно прогнозировать специфические «аспекты интерпретации» (ДЕМЬЯНКОВ 1997). Мы исходим из того, что существует презумпция интерпретируемости аксиологического концепта как типового на основании отечественной научной практики исследования множества отдельных аксиологических концептов на материале разных языков *душа, совесть, судьба, верность, дом, семья, родина, порядок, успех, благополучие; концептосфер жизнь — смерть, богатство — бедность, друг — враг, прекрасное — безобразное* и др. (И. В. Адонина, А. А. Гетман, Н. С. Годжаева, Г. А. Гунышова, Н. Н. Кулдошина, К. В. Кулаковская, Л. Р. Лаврентьева, О. А. Максимчик, З. И. Моисеева, Н. В. Нечаева, Л. И. Отарова, Е. С. Руденко, С. С. Тронько, К. В. Ярцева).

3. Аксиологический концепт и аксиологическая категория

Из сказанного в (2) можно заключить, что аксиологический концепт — это *концепт ценности* и его рассмотрение лежит в рамках аксиологических теорий. Ценности приписываются миру как ему присущие и в то же время как бы пребывающие вне его. Рассмотрим некоторые толкования этого понятия, предварив их цитатой Ф. Ницше:

«Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, — он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называет он себя человеком, т. е. оценивающим» (НИЦШЕ 1990: 42).

Философы с очень давних пор проводят различие между фактами и ценностями.

«Ценности, так или иначе, проистекают от человека, они не лежат во внешнем мире, по крайней мере, в мире камней, рек, деревьев и сырых фактов. В противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира» (SEARLE 1976: 175).

По мнению американского психолога М. Рокича, ценность есть устойчивое убеждение в том, что определенный способ (mode) действия или определенные жизненные цели более предпочтительны для индивида и общества другим способам деятельности или другим конечным целям (ROKEACH 1968).

Дж. Мур уже в начале XX в. определил науку о ценностях как общее исследование того, что является хорошим (МУР 1984). Поиск свойства «хорошести», напоминающий поиск философского камня, вовлек в круг внимания философов все виды оценок, в том числе гедонистические, эстетические, утилитарные и др. Существуют разные типы и виды ценностей, чему посвящено множество трудов отечественных и зарубежных исследователей.

Термин «ценность», как и однокоренные термины «оценка», «цена», являются ключевыми во многих гуманитарных науках и областях знания — от экономики до педагогики; ср. фразу «цена вопроса», которая, к сожалению, в наши дни сохраняет высокий психологический заряд и повышает свой прагматический потен-

циал. Таким образом, одним из методологических векторов является исследование *оценки как модального феномена*.

Аксиологическая (оценочная) категоризация пришла в мир вместе с его концептуализацией — способностью человека познавать мир и интерпретировать его в двух измерениях: 1) системы мнений, оценок, ценностей и стереотипов с позиции конкретного индивидуума (его личная оценка) и 2) с позиции конкретного общества, представителем которого является индивидуум (норма — общепринятая / коллективная оценка). Но и в том, и в другом случае естественной категории сущностей (предметов, событий, состояний и др.) субъектом оценки приписывается положительный или отрицательный признак, то есть формируется положительная или отрицательная оценка. Из этого следует, что а priori онтология любой оценочной категории производна от естественной категории, то есть *вторична*. Одновременно в ходе концептуализации и категоризации картины мира неизбежно возникает оценка, по своей природе первичная, или *абсолютная*. Предметом абсолютной оценки является один объект внимания.

(1) Dieser Student ist *begabt*. — Этот студент способный.

Но оценка может выражаться путем сопоставления двух объектов и их свойств, качеств, состояний, что мотивирует появление *компаративной*, другими словами, *сравнительной*, или *относительной* оценки.

(2) Dieser Student ist *begabter*, als es seine Kommilitonen sind. — Этот студент способнее своих сокурсников.

Если в абсолютной оценке содержится имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, то в сравнительной оценке эксплицируется сопоставление объектов друг с другом и их признаков (Вольф 2002: 15). Относительную оценку отличает от абсолютной психолингвистический аспект, в котором отражается степень / интенсивность качества или свойства сущности. Как отмечается в (СЕПИР 1985), измерению и счету предшествует градуирование как психический процесс. Такая мера, как «фут», не имеет значения до тех пор, пока мы не знаем, что он

больше, чем «дюйм», и меньше, чем «ярд».

Вопрос о первичности и вторичности (производности) оценки имеет и другие ракурсы рассмотрения, имеющие прямое отношение к формированию категории вторичной оценки. Как всякая категория, оценочная основывается на концепте, который будучи «связанный знаком» является значением (НИКИТИН 2004: 57). Этот постулат дает право говорить об оценочном значении как концептообразующей основе. Первичная (абсолютная) оценка (см. выше) обуславливает существование *первичного оценочного значения*, которое формируется в оценочном суждении и реализуется в собственно оценочных словах с более широким значением (хорошо, плохо и др.). Но оно в зависимости от коммуникативной установки может быть наполнено бóльшим или меньшим количеством дескриптивной (эксплицирующей) информации, например, при выражении компаративной оценки и др. В этом случае, можно говорить о вторичном, *дескриптивном, оценочном значении*. Так, для первичного оценочного значения «хорошо» дескриптивными значениями могут быть контекстуально обусловленные «чисто», «быстро», «денежно», «халявно» и др. Поэтому дескриптивное значение является производным, *прецедентным* по отношению к первичному, оценочному. Если последнее константно, то первое перемененно. Последнее нам знакомо с детства, первое познается всю жизнь (ТЕЛИЯ 1986; АРУТЮНОВА 1988).

При этом следует видеть различие между двумя типами категорий, которые основываются на оценке, так как каждый тип категории репрезентирует свой тип знаний (БОЛДЫРЕВ 2019). При оценке явлений, будь то личной или коллективной, задействован субъективный фактор мировосприятия — отношение отдельного индивидуума к объекту оценки или сформировавшееся по нему конвенциональное мнение, что обуславливает формирование *собственно оценочных* категорий. Собственно оценочные категории передают оценочное знание о неязыковых объектах внешнего мира. В основе этого типа категорий лежит естественная катего-

ризация явлений окружающего мира с существующей в нашем сознании общей (личной или коллективной) оценкой в виде первичного, скажем так, абсолютного, оценочного знания (*погода* — хорошая / плохая, *работа* — интересная / неинтересная, *природа* — красивая / некрасивая и др.). Наличие таких категорий в нашем сознании и языке мотивируется семантикой конкретного слова.

Второй тип категорий объединяет *категории оценочных слов*, которые реализуют языковое знание, т. е. знание о единицах языка с определенной оценочной функцией. Категории оценочных слов основываются на дескриптивном оценочном значении и определяются интерпретирующим потенциалом языковых единиц, выражающих личную / коллективную оценку, который задается как системой языка, так и дискурсом (контекстом). Так, хорошая погода предпосылается нашим опытом познания как солнечная, безветренная, теплая и др., неинтересная работа — однообразная, нетворческая, бесперспективная, малооплачиваемая (неденежная) и др. Таким образом, оценка в собственно оценочной категории выступает гиперонимом (общим) по отношению к оценке в категории оценочных слов гипониму (частному). Вместе с тем оба типа оценочных категорий как аксиологические явления в нашем языковом сознании как средства оценочной концептуализации и оценочной категоризации мира и принадлежат к числу вторичных — модусных (*ibid.*).

В аксиологической сфере заметное место занимает когнитивно-тематическая область негации как отрицательная оценка, эксплицируемая знаком минус (см. ниже понятие «когнитема»). При выражении аксиологических (ценностных) характеристик явлений прослеживается аксиоматичная связь лексики и грамматики, которая выражается в категории отрицания. Так, без труда мы соотносим «плохо» с аксиологическим знаком «не хорошо». Сравним:

- (3) Er stand auf, zog sich an, frühstückte, ging in die Uni. — Он встал, оделся, позавтракал, пошел на занятия.

- (4) Er stand *nicht* auf, zog sich *nicht* an, frühstückte *nicht*, ging zum Unterricht *nicht*. — Он *не* встал, *не* оделся, *не* позавтракал, *не* пошел на занятия.

Утверждение принимается за идеализированную норму, отрицание как отклонение от нормы (АРУТЮНОВА 1987), поэтому отрицание реализует в (4) когнитивно-эмотивную «выделенность». Отрицанием маркируется аксиологическая ситуация — отступление от привычного хода вещей (ценности в виде традиций и обыкновений). Посмотрим в этом смысле на функцию отрицательной частицы *nicht* более внимательно. «Синтаксически выделенное позиционирование» элемента предложения (термин Х. Ортнера [ORTNER 1983]), в нашем случае отрицательной частицы в (5) дезавуирует актуальность представленного в последующей пропозиции содержания и имплицитно метакommunikативный предикат: *mit etw. ist nicht gemeint / gesagt* (под этим ... *не* имеется в виду), что в аксиологическом плане означает (Это есть *неправильно*).

- (5) Er weiß, *wann er kommt*. — (*Nicht*:) Er weiß: „Wann kommt er? (DUDEN, 689). — Он знает, когда он придет. — (*He*:) Он знает: «Когда он придет?»

Когнитивно-семантическая выделенность отрицательной частицы *nicht* с функцией оценки может быть обусловлена морфологической спецификой наречия, когда она «выступает элементом синтаксической завершенности основной части гипотаксиса» (ЗИНОВЬЕВА 2002: 18):

- (6) Ich hatte zuviel getrunken, das merke ich jetzt. *Nicht*, daß ich schwanke; aber ich merkte es doch deutlich. — Я выпил слишком много, это я замечаю сейчас. *He* *то*, чтобы я шатаюсь, но все-таки я это замечаю четко.

В этом контексте целесообразно обратиться к пониманию терминов «прецедентное мышление» и «прецедентное языковое знание». Первое понятие строится не на существующих догмах и общих законах постижения языкового знания, а на имеющемся опыте в обращении с тем или иным явлением, предметом в

нашем сознании. Второе понимается как «старое» заимствованное знание, которое интегрируется в новое когнитивное пространство на уровне когнитивных импликатур (пресуппозиций) или же эксплицируется как прецедентная модель в прецедентных явлениях в виде основных положений, определений, характеристик, иллюстративных примеров и др. (КУДРИНА 2011).

И первый, и второй феномены основываются на конкретном прецеденте. Так, для того чтобы высказать суждение с оценкой, как в (2) *Этот студент способнее, чем его сокурсники*, необходимо иметь прецедентное (предшествующее) знание о существовании сокурсников этого студента. В (6) имплицитно выражается прецедентное знание о том, что большое количество алкоголя прогнозирует, как минимум, пошатывание, а отрицание *nicht* выражает вторичное значение оценки через опровержение привычного развертывания процесса.

В контексте прецедентного мышления и прецедентного знания следует вспомнить о понятии «пресуппозиция уникальности» (REIS 1977). Под этим понимается презумпция существования объекта, то есть изначально активируется знание о существовании предмета, которому приписывается признак, в нашем случае выражается абсолютная оценка. Так, в (7) пресуппонируется существование Антона и Мориса, каждого в своем возрасте. И только это прецедентное знание мотивирует возникновение оценочного вторичного суждения с компаративной оценкой:

(7) *Anton ist älter als Moris.* — Антон *старше* Мориса.

Мысль о релевантности пресуппозиции как когнитивной основы производных (прецедентных) явлений обоснована в (ГОЛУБЕВА 2010) и используется далее в (4) как *прецедентная когнитивная модель* при анализе образных, переосмысленных сравнений.

Таким образом, прецедентное знание, равно как и презумпция существования, является *tertium comparationis*, когнитивной базой вторичной оценки. Выражение вторичной оценки можно проследить далее в образных сравнениях и метафорической номинации как материале интерпретации.

4. Компаративная оценка как репрезентант системы ценностей

Оценка в лингвистическом смысле берет свое начало в аристотелевской риторике, если говорить об онтологии метафоры, когнитивной основой которой является имплицитное сравнение. Таким образом, метафора и сравнение в разных способах их реализации — как когнитивных механизмов, как номинативных единиц (кластера фразеологической системы), синтаксических структур и др. — могут выступать плодотворной областью исследования оценки как языковых средств выражения модусной категории, о которой речь шла выше.

Возвращаясь к пониманию видов оценки, уточним, что здесь речь пойдет о категории оценочных слов, в нашем случае выражаемых устойчивыми сравнениями, паремиями и высказываниями (цитатами), построенными на когнитивном механизме сравнения и первичной и вторичной оценке, в которых реализуется иерархическая система ценностей. Эта система, как представлено в (АРУТЮНОВА 1988, 1998; КУВЕ 2012; КАРАСИК 2015), формируется по разным логико-философским и лингвокультурным критериям.

Система ценностей отражает общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные (национальные), групповые, профессиональные, возрастные, семейные и другие интересы. Она имеет разные логико-семантические измерения и критерии: по вертикали (родители / дети), по горизонтали (муж / жена), по степени конкретизации (высшие ценности — добро, красота, благо), фамильные ценности (ювелирные изделия), ценности в виде обычаев, традиций, обыкновений (общепринятые формы приветствия, поздравления и др.). При этом, по мнению ученых, ценности весьма условно поддаются окончательной классификации.

Можно говорить о первичных, вторичных, третичных ценностях (в зависимости от их происхождения и характера выполняемых функций в обществе); априорных и апостериорных ценностях (исходя из генезиса потребностей); прошлые, нынешние и будущие ценности (с временной точки зрения). К первичным, или

биогенным, ценностям относятся такие, которые удовлетворяют биологические потребности человека, поскольку люди, в первую очередь, должны есть, пить, иметь жилище и одеваться. К вторичным, или социогенным, ценностям причисляются ценности, созданные руками человека, прежде всего средства труда. Третичные ценности — это средства коммуникации, служащие специфическим общественным потребностям.

В ракурсе представленной иерархии ценностей рассмотрим когнитивно-функциональный потенциал сравнений, которые передают *переосмысленную*, а потому *прецедентную*, в рамках теории языковой прецедентности (ГОЛУБЕВА 2010) оценку сущностей и конкретизированы на материале немецкого языка следующими индикаторами аксиологического концепта: уровень, когнитивно-тематическая область, пресуппозиция, языковая реализация (см. Табл. 1-4).

Первый уровень ценностей (витальные ценности) формируется вокруг понятия «жизнь» и всего, что связано с жизнеспособностью человека, потому что это отложено в нашем сознании как самое дорогое. Они кроются в физической и духовной красоте и здоровье человека, его профессиональном и жизненном успехе, силе его характера, условиях и организации жизни для его успешного существования и т. п.

Таблица 1. Описание первого уровня ценностей

Уровень	Когнитивно-тематическая область	Пресуппозиция	Языковая реализация
1	физическая / духовная красота, здоровье	дуб — символ крепкого здоровья (1), вода для рыбы — необходимая среда существования (2), отсутствие проблем с самочувствием у новорожденных (3),	ein Kerl <i>wie ein Baum</i> (1), gesund sein <i>wie ein Fisch im Wasser</i> (2), sich fühlen <i>wie neugeboren</i> (3), aussehen <i>wie Milch und Blut</i> (4)

		цвет лица — симптом здоровья (4)	

Второй уровень иерархии ценностей отражает коллективную оценку в ходе обыденного познания предметов и событий бытия на уровне мироощущений и умозаключений *приятно / нравится* — *неприятно / не нравится*.

Таблица 2. Описание второго уровня ценностей

Уровень	Когнитивно-тематическая область	Пресуппозиция	Языковая реализация
2	способности, вкус, предпочтения, оценка ситуации	непрерывное говорение (1), неуклюжее поведение (2), молчаливость (3), хитрость (4), (не)опрятный вид (5)	<i>reden wie ein Buch</i> (1), <i>sich benehmen wie ein Elefant im Porzellanladen</i> (2), <i>stumm sein wie ein Fisch</i> (3), <i>schlau sein wie ein Fuchs</i> (4), <i>aussehen wie geleck</i> (5)

К третьему уровню относятся ценности морально-этического содержания — христианские, отображающие первостепенность блага для других и воссоздающие человека как творца благ; поведенческие ценности, связанные с альтруизмом, жертвенностью, филантропическими идеями, определяющими нравственные качества человека или коллектива во благо ближнего, окружающего социума и шире — общества.

Таблица 3. Описание третьего уровня ценностей

Уровень	Когнитивно-тематическая область	Пресуппозиция	Языковая реализация
3	образцовая модель поведения	модель поведения (1), отношение к окружающему миру (2),	<i>Wie die alten sungen, so zwitschern auch die Jungen</i> (1). <i>Wie man in den Wald hineinruft,</i>

		трудолю- бие/усердие (3), истина дружбы (4)	<i>so</i> schallt es wieder heraus (2). <i>Wie</i> man den Karren schmiert, <i>so</i> fährt es (3). <i>Je</i> kür- zer die Rechnung, <i>je</i> länger die Freund- schaft (4)

4-й уровень формируется терминальными ценностями, касающимися состояния духа. Они могут быть представлены в дихотомиях человек — творец благ, свой — чужой, предательство — патриотизм и др. Они существуют сами по себе (самоценности), их нельзя обосновать другими, более общими или более важными ценностями. Эти ценности, как правило, составляют смысл жизни каждого человека. К ним следует стремиться в жизни и достигать их (полноценная любовь, счастье, безопасность, удовольствие, внутренняя гармония и др.).

Таблица 4. Описание четвертого уровня ценностей

Уро- вень	Когнитивно- тематическая область	Пресуппозиция	Языковая реализация
4	самоценности	внутренняя (дис)гармония (1), мудрость (2), (не)комфортная жизнь (3), (не)признание, (не)уважение (4)	<i>Gleich und gleich</i> ge- sellt sich gut (1). Die sauersten Äpfel haben die schönsten Bäck- chen (2). <i>Arm wie eine</i> <i>Maus</i> (3). <i>Nichts ist so</i> <i>elend wie</i> ein Mann, der alles will und nichts kann (MR, 446 (4).

В Табл. 1-4 отражен интерпретативный потенциал сравнений через их когнитивную и языковую реализацию. В функциональном плане сравнения как номинативные единицы делятся на логи-

ческие, выполняющие логико-интеллектуальную (гносеологическую функцию) и *образные* с экспрессивно-эмоциональной, (образной) функцией (АРУТЮНОВА 1988; СТЕПАНОВА 2006 и др.). Логическое сравнение строится на основе прямого значения компонентов, оно представляет собой фиксацию, констатацию, результат сопоставления предметов одного семантического плана, обладающих общими признаками.

- (8) Mein Chef war *im Geschäft* immer **erfolgreicher**, als es seine Konkurrenten waren. — Мой шеф *в бизнесе* был **успешнее**, чем его конкуренты.

В основе образного сравнения лежит логическое сравнение, однако сопоставляемые предметы относятся к неоднородным классам, денотаты сближаются на основании общности признака и создают новый, сложно построенный смысл, как в (9).

- (9) Je *höher* **der Mensch** steht, umso *stärkere* **Schranken** hat er nötig, welche die Willkür seines Wesens bändigen (SICKER 1993: 441). — Чем *выше* стоит **человек**, тем *бóльшие* **ограничения** нужны ему, чтобы обуздать произвол своего существа.

Среди образных сравнений выделяются по частотности употребления *авторские*, или индивидуальные, как в (9), и *устойчивые* (СТЕПАНОВА 2006). Из числа устойчивых сравнений наш исследовательский интерес направлен на *фразеологические* сравнения: *wie ein begossener Pudel dastehen* (стоять как мокрая курица [поджавши хвост]), *langsam wie eine Schnecke sein* (быть медленным как черепаха), *wie warme Semmeln weggehen* (расходиться как горячие пирожки), *wie Pech und Schwefel zusammenhalten* (быть неразлучными), а также паремии: *Wie die alten sungen, so zwitschern auch die Jungen* (Щенок от матери лаять учится), *Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder heraus* (Как аукнется, так и откликнется), *Je mehr Gesetz, je mehr Übertretung* (Чем строже закон, тем больше его нарушений), *Je kürzer die Rechnung, je länger die Freundschaft* (Чем короче счет, тем крепче дружба).

В аспекте фразеологизации образных сравнений нельзя не выделить еще одно их когнитивно-семантическое свойство —

прецедентность. В рамках теории языковой прецедентности такие готовые фрагменты, клише, цитаты понимаются как прецедентные высказывания. Образные сравнения, по А. В. Степановой, являются прецедентными сравнениями, прецедентом которых выступает предтекст. На материале образных сравнений английского языка автор постулирует определение степени их прецедентности и организацию в «прецедентное поле» с выделением центра и периферии (СТЕПАНОВА 2006).

Для их дальнейшего когнитивного моделирования целесообразно взять в разработку термин «когнитема». Он понимается как пропозициональная единица знания, которая реконструируется при анализе когнитивного пространства языковых единиц и частотность которой указывает на ее прототипическую значимость (ИВАНОВА 2014). Когнитему можно трактовать в нашем случае как функционально значимую единицу для описания когнитивной модели образного сравнения и выделить разные ее виды. Ее когнитивной базой будут прецедентные феномены. Так, когнитема может строиться на прецедентном имени, как в (10).

(10) *Er ist nicht weniger als Puschkin.* — Он ни много, ни мало — сам *Пушкин* (ирон.).

Когнитема образного сравнения как свернутого фрагмента описания может представлять прецедентную ситуацию и отражать идеальную ситуацию с определенными коннотациями; ср.: *leben wie Gott in Frankreich* (жить, как Бог во Франции) или *Zustände wie im alten Rom* (Порядки — дальше некуда!). Первое сравнение отсылает нас к XVIII веку, временам Великой французской революции, провозгласившей торжество идей гуманизма, в результате чего духовенство как сословие было потеснено и Богу можно было отдыхать. Второе соотносится с ситуацией, когда римские государственные институты практически прекратили функционировать из-за отсутствия продуманной внутренней политики и дисциплины, что предопределило гибель Рима.

Когнитемой может быть мудрость тысячелетий, основанная на опыте человечества, заключенном в цитате или поговорке, как

в (11-13):

- (11) *Nichts ist so elend wie ein Mann, der alles will und nichts kann.* (Matthias Claudius, deutscher Dichter) (SICKER 1993: 446). — Ничего нет беднее мужчины, который все хочет и ничего не может.
- (12) *Mehr Inhalt, weniger Kunst!* (William Shakespeare, englischer Dichter, „Hamlet“) (SICKER 1993: 445). — Больше дела, меньше слов!
- (13) *Reden ist Silber, Schweigen ist Gold.* — Слово — серебро, а молчание — золото.

При этом можно заметить, что большинство ценностных сравнений основано на сопоставлении категорий хорошо — плохо, добро — зло, истина — ложь, то есть на оппозитивной аксиологической концептосфере (см. примеры ниже).

- (14) *Strafen ist leicht, Bessern schwer.* — Наказывать легко, воспитывать трудно.
- (15) *Wahrheit gibt kurzen Bescheid, Lügen macht viel Redens* (SICKER 1993: 458). — Правда скупа на слова, ложь — многословна.

В сравнении может содержаться обращенное предпочтение, как в (16).

- (16) *Ein Onkel, der Gutes mitbringt, ist **besser als** eine Tante, die bloß Klavier spielt* (Wilhelm Busch) (SICKER 1993: 456). — Дядя, который приносит подарки, лучше тети, которая только играет на фортепиано.

В ценностных сравнениях данного типа может иметь место имплицитное семантическое усложнение, которое заключается в том, что ценность хорошего может быть снижена некоторыми чертами / обстоятельствами, а ущербность объекта в одном отношении может возмещаться наличием у него положительных свойств в другом аспекте. В ситуации альтернативы в мыслительной сравнительной проекции интерпретатор должен положить на одну чашу весов абсолютное худо «никогда», а на другую — компенсирующий признак «поздно», в результате чего худо выглядит не безнадежным, облагороженным. В (17) содержится в определенной мере уступка (Даже «поздно» — лучше, чем «никогда»).

- (17) *Lieber **spät** als **nie**.* — Лучше поздно, чем никогда.

5. Аксиологический метаконцепт

Следующий вектор исследования лежит в области семиотики. Лингвистическое знание состоит, как известно, из «живого знания» о лексических, грамматических и прочих явлениях языка. «Если знание языка проявляется в его употреблении, то знания о языке проявляются в реакции на его употребление» (РЯБЦЕВА 2008: 45). Таким образом, метаязык как язык о языке передает металингвистическое знание «Я знаю, что я знаю» (КЛЕПИКОВА 2010: 271), которое, так же, как и лингвистическое, поддается структурированию и моделированию. Возникающие модели знания о метаязыке выступают специфическими опорами для формирования / извлечения смысла сообщения в случае невозможности прямого наблюдения какого-либо языкового феномена и реализуют «метаязыковое сознание» (МЯГКОВА 2010).

Метаконцепт мыслится также как

«лингвоментальная структура декларативного (теоретического) и операционного знания, которая содержит в себе ценностный и регулятивный компоненты и в силу этого оказывается способной задавать сеть смысловых координат, схем, правил» (Лошаков 2008: 16).

Эта структура представляет собой «набор правил, своеобразную надстройку, регулирующую и контролирующую составляющие его абстрактные концепты» (МЕНЬШИКОВА 2010: 276), моделирует «метакогнитивное состояние» знания о знании (КЛЕПИКОВА 2008).

Философия языка трактует значение оценки как смысловой символ, абстракцию. Оценка — это всего лишь метаслово, вербализующее метаконцепт и удобное для называния большого кластера собственно оценочных слов типа *хорошо* / *плохо*, которые в свою очередь номинируют концепты. Метаконцепт понимается как результат

«осмысления продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования (такие как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс и др.)» (Слышкин 2004: 9).

Любой метаконцепт является производным, хотя и автономным,

и, согласно вышеприведенному пониманию в лингвистике, носит условный, обобщенный, а потому интерпретативный характер.

Метаконцептами в свете наших рассуждений являются «эмоциональный концепт», понимаемый как сложное, многокомпонентное ментально-языковое образование, отражающее пристрастно-субъективное отношение человека к воздействующим на него предметам и явлениям окружающего мира (ШАХОВСКИЙ 2012). Таковыми можно считать

«концепт текста как глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» (КРАСНЫХ 2003);

«изотопический концепт» как своего рода промежуточная ступень между интерпретацией текста, ориентированной когезийно и когерентно, которая основывается на уже ставших традиционными принципах рекуррентности и субституции с семантической точки зрения, и концептом как форматом знания (GREIMAS 1966). В ряду метаконцептов следует также назвать «синтаксический концепт», под которым понимается некий понятийный субстрат (максимально абстрагированные компоненты смысла), ориентированный на репрезентацию этих знаний синтаксическими средствами в пропозициональной форме (КАЗАРИНА 2002; ФУРС 2004; КУЗЬМИНА 2015 и др.). Таким образом, аксиологический концепт как общий, абстрактный концепт в собирательном значении также является метаконцептом — *концептом об аксиологических концептах*.

В свете сказанного наше лингвистическое знание об аксиологическом концепте схематично можно представить так:

Постулируя аксиологический концепт как метаконцепт, необходимо определить его металингвистическое содержание (метакогнитивные структуры). Прескриптивно в него могут войти такие метакогнитивные структуры как *норма, ценность, оценка, отрицательная оценка, переоценка, оценочность, оценочная оппозиция лучше — хуже, импликация / экспликация оценки, аксиогенная ситуация, общая и частная оценка, классификация оценок, когнитивный контекст оценки, оценочный предикат, векторы оценки.*

Поясним, в частности последний термин, так как он является одним из ключевых для предпринятого исследования. Векторы оценки, как это трактуется в (КАРАСИК 2019), есть оценочные смысловые образования и они могут быть самые разные. Это — ключевые смысловые ориентиры, которые нацелены на оценочное восприятие идеальных или конкретных сущностей действительности и, в конечном счете, самого языкового сознания, например, вектор оценки: *прокрастинация (ibid.), ненадежный рассказчик (ГОЛУБЕВА, СЕМЕЛЕНОВА 2021)*. Прочие обозначенные выше составляющие аксиологического метаконцепта в силу ограниченного объема статьи остались за рамками рассмотрения.

6. Выводы

Многие, если не все исследователи концептов, признают, что при их изучении необходимо применение специфического метода, который только формируется в современной науке. При этом отмечается, что в целом исследование концепта может проводиться в двух основных направлениях — от концепта к способам его репрезентации в языке и, наоборот, от языковых средств к выявлению тех ментальных структур, которые репрезентируются этими средствами. Теоретически этот алгоритм отвечает двум фундаментальным путям установления отношений между мыслительными процессами со стоящими за ними когнитивными структурами и процессами языковой деятельности со стоящими за ними языковыми структурами. В нашем случае при исследовании аксиологического концепта реализованы оба направления.

Предпринятый когнитивный анализ преследовал герменевтическую цель познания и понимания стоящего за абстрактным именем «аксиологический» фрагмента идеального и заключался в рассмотрении одного из сложных с точки зрения когнитивной семантики концептов — аксиологического. Мы постарались раскрыть его сложность как свойство любой системы, обладающей внутренней организацией, и выявили его специфичность на языковом и метаязыковом уровнях. Она кроется в семантической широте и многомерности, наполняемой практически безграничной классификацией ценностей, формируемых разными видами оценки и вербализуемых выбранными нами не менее специфическими языковыми средствами — сравнительными структурами немецкого языка. На анализе языковых структур разного типа, в том числе образных сравнений и метафорической номинации, и когнитивных механизмов, стоящих за ними, а также реализуемых ими видов ценностей как материала интерпретации мы показали интерпретацию как процесс.

Знакомство с исследованиями в рамках концептологии позволило увидеть, что концептуальный анализ — это не какой-то определенный метод изучения концептов. Было бы уместнее говорить о том, что соответствующие работы объединены некоторой относительно общей целью, исследовать концепт как формат знания о «кусочках действительности», которые могут быть реальными или воображаемыми, а что касается путей ее достижения, то они могут оказаться весьма разнообразными. Анализ имеющегося отечественного и зарубежного научного опыта показал, что векторами исследования содержания аксиологического концепта могут служить языковая норма, аксиогенные ситуации и шире — интерпретация имеющихся знаний познающим субъектом о субъекте познания в рамках самых разных лингвофилософских установок.

Мы нашли свой путь интерпретации аксиологического концепта, представляя отдельные векторы его исследования и обосновывая, таким образом, статус «концепта о концептах», другими

словами, метаконцепта с его структурно-содержательным наполнением метасемантическими компонентами. Сказанное не исключает других векторов исследования общего, типового, абстрактного аксиологического концепта с расширением его структурно-содержательной характеристики, что может стать перспективой предпринятого исследования.

© Голубева Н. А.

1.2. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ МОДАЛИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

1. Постановка проблемы

Лексико-грамматическая модализация высказывания понимается в настоящей работе как выражение отношения к высказыванию субъекта речи или субъекта действия с помощью лексико-грамматических средств: модальных глаголов, модальных наречий и модальных слов. Концептуальное сопоставление этого феномена в немецкой и русской лингвокультурах проблематично, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, проблема возникает при сопоставлении состава и статуса модальных глаголов в немецком и русском языках. Во-вторых, отсутствует общепринятая методика сопоставления. Не вполне ясно, как следует определять зависимость выбора модальных средств в той или иной лингвокультуре: следует ли исходить из общекультурных различий, как предлагает Э. Холл (HALL 1981), или из конкретных сценариев, различающихся от культуры к культуре, как предлагает А. Вежбицкая (1997а; 1997б). Кроме того, отсутствует концептуальное сопоставление немецкой и русской лингвокультур, построенное на едином основании, что вынуждает исследователя использовать приблизительно соотносимые понятия. Вопрос о концептуальном сопоставлении системы лексико-грамматических модализирующих средств в немецкой и русской лингвокультурах ставится, насколько нам известно, впервые.

Остановимся на выделенных моментах. Основное внимание уделяется в работе модальным глаголам, функционирующим в немецкой лингвокультуре и их функциональным эквивалентам в русской лингвокультуре. Интерпретация модальных глаголов и их статуса в системе языка существенно различается в германистике и в русистике. Краткий обзор работ зарубежных и отечественных авторов по семантике и функционированию немецких модальных

глаголов представлен в (КОСТРОВА 2021: 89-92). Приведем его основные положения, добавив некоторые новые данные.

Известно, что в русском языке модальных глаголов в два раза меньше, чем в немецком. В литературе по германистике исследуются возможности перевода, обусловленные этим различием; делается вывод о том, что при переводе немецкие модальные глаголы заменяются в русском языке смысловыми глаголами совершенного вида (КОТИН 2011). Группа модальных глаголов в немецком языке имеет особый морфологический статус — это претерито-презентные глаголы (за исключением глагола *wollen*)¹, внутри группы различаются смысловые оппозиции глаголов, которые в русском языке не выражены, что и создает межъязыковую асимметрию: возможность, необходимость и желание выражаются в немецком языке глагольными парами, а в русском одним глаголом. В современных исследованиях модальные глаголы рассматриваются как полисемантические, выражающие деонтическую и эпистемическую модальность (HARDEN 2009; АВРАНАМ 2011; АВЕРИНА 2019). В качестве семантического признака, присущего в разной степени всем модальным глаголам, выделяется 'обязательство' (Obligation) (HARDEN 2009: 236). Исследователи пишут о транспарентной организации этой группы в немецком языке и её национальной специфике (АВРАНАМ, LEISS 2013: 1). В противоположность этому констатируется отсутствие парадигмы модальных глаголов в славянских языках (АВРАНАМ 2011: 130).

В русистике принят другой подход. Не претендуя на развернутый обзор, который увел бы нас от цели нашего исследования, остановимся на моментах, существенных для интересующей нас проблемы. Отсутствие парадигмы модальных глаголов в русском языке приводит к выделению более широкого класса *модальных предикатов*. К числу слов, выступающих в функции модальных

¹ У этого глагола произошел сдвиг не претерита в презенс, а конъюнктива в индикатив. Корневой гласный 'o' был раньше признаком конъюнктива. См. Tieroff, R., & Vogel, P. M. (2009) *Flexion*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 36.

предикатов, относятся собственно модальные глаголы, прилагательные и наречия типа 'должен', 'способен', 'готов' и модальные наречия ('можно', 'нельзя', 'надо', 'нужно', 'невозможно', 'желательно'). При этом к собственно модальным глаголам *хотеть*, *мочь* добавляются их синонимы, передающие особенности русского языкового строя ('хотеться', 'желать', 'стремиться', 'жаждать', 'смочь', 'уметь/суметь', 'удаться', 'приходиться', 'следовать') (ВСЕВОЛОВА 2000: 219-220). При интерпретации модальных предикатов исследователи используют понятие поля, что позволяет показать функционально-семантическую неравноценность составляющих поле единиц. Так, в поле, группирующем модальные предикаты, которые выражают долженствование, выделяется ядро из шести предикатов: 'должен', 'обязан', 'следует', 'надо', 'нужно', 'необходимо' (КОБОЗЕВА, ЛАУФЕР 1991: 169). Как видим, в ядро поля не входит ни один модальный глагол.

Исследователи, занимающиеся сопоставительным анализом, исходя из одного из германских языков, склонны помещать в центр поля в русском языке модальные глаголы и их эквиваленты, а на периферию относить синтаксические средства выражения модальности (БЕЛЯЕВА 1985: 33). Морфологически неоднородный состав класса модальных предикатов приводит к мысли о грамматикализации русских модальных глаголов *мочь* и *хотеть*, которые проявляют ряд свойств, характерных для вспомогательных глаголов (ХОЛОДИЛОВА 2015: 395). Аргументы в пользу структурно-семантической перестройки класса модальных глаголов в русском языке находим в диссертационном исследовании М. А. Петровой, посвященном сопоставлению модальных предикатов в славянских и германских языках, в которой в том числе рассматриваются русский и немецкий языки. Автор анализирует типы немодальных значений, развиваемых модальными глаголами в определенных контекстах (ПЕТРОВА 2007). Это, насколько нам известно, единственное сопоставительное исследование, систематизирующее периферийные значения. Несомненная ценность исследования не может тем не менее представить полную

картину, поскольку ограничивается периферийными значениями глаголов. Более полную, практически ориентированную картину находим в описаниях способов перевода модальных глаголов на русский язык (ДЗЕНС, ПЕРЕВЫШИНА 2012: 198-250).

Чтобы найти основу сопоставления столь разнородных языковых групп, обратимся к проблеме их концептуализации, непосредственно связанной с контекстом культур, частью которых являются немецкий и русский языки. Известно, что немецкая культура относится к числу *низко контекстных* (HALL 1981: 39), в которых существенную роль играет концепт ИНДИВИДУАЛИЗМ. К *типично немецким* концептам, представляющим ядро национальной культуры, ее основные ценности, исследователи относят ПОРЯДОК и подчиненный ему концепт ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (МЕДВЕДЕВА и др. 2011). Характеристику «извне» русской культуры дает Вежбицкая. В русском национальном характере она выделяет уникальные понятия русской культуры *душа, судьба и тоска*. К признакам этих понятий Вежбицкая относит *эмоциональность, «иррациональность», неагентивность и любовь к морали* (ВЕЖБИЦКАЯ 1997а: 33-34). «Изнутри» ведущим признаком русской культуры признается *соборность* (коллективизм) сознания, предполагающая *высокую степень учета контекста*. Рассматривая сознание в тесной взаимосвязи с менталитетом нации, Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин относят к основным коммуникативно-релевантным чертам русского менталитета упомянутую соборность как национальный приоритет, *душевность*, а также *созерцательность* мышления, проистекающую от непредсказуемости природных условий и ведущую к пассивно-созерцательному отношению к миру (ПРОХОРОВ, СТЕРНИН 2006). В плане модализации важно отметить высокую степень ответственности русского человека перед контролем со стороны внешних инстанций при ослабленной внутренней ответственности за совершение какого-либо действия (*ibid.*).

Как видим, характеристика культуры «извне» и «изнутри» совпадает только частично. Показательно при этом совпадение такой черты как *душевность*, входящей у Вежбицкой в понятие

«душа» и «неагентивность» (в терминологии Вежбицкой) и соотносимой с созерцательностью мышления в терминологии отечественных авторов. Последнее совпадение, как будет показано далее, чрезвычайно важно для понимания национальной специфики средств модализации в русской лингвокультуре.

Национальное коммуникативное поведение включает совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности (*ibid.*). Добавим, что оно определяется, как отмечено выше, и наличием языковых средств в системе того или другого языка. Исследователи отмечают, что для немецкой лингвокультуры характерен *прямой коммуникативный стиль* (КУЛИКОВА 2006), для которого характерна *открытая стратегия модализации* (КОСТРОВА 2021). Существенным признаком русской культуры, который находит выражение в функционировании средств модализации, является её *полярная организация*, в которой особую значимость имеет коммуникативная ценность персональности, противопоставляемая имперсональности (ДЕМЕНТЬЕВ 2013).

«Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного — и начала социального, неличностного (официального, ритуального)» (ДЕМЕНТЬЕВ 2018: 932).

Оппозиция В. В. Дементьева относится к планируемой непрямой коммуникации, включающей манипуляцию. Наш материал составляет, за небольшими исключениями, незапланированная повседневная коммуникация. Исходя из этого, мы вкладываем в эту оппозицию несколько иной смысл, соотнося ее с концептом ИНДИВИДУАЛИЗМ. Персональность понимается нами не как самовыражение индивидуума, ставящего на первый план собственные интересы, а как своего рода *коллективистская персональность*. В свою очередь, *имперсональность* понимается как «уход в тень», как стремление не выделяться².

² Стремление не выделяться отмечается как характерная черта русского коммуникативного поведения в (ПРОХОРОВ, СТЕРНИН 2006).

В концептуальных различиях языкового строя немецкого и русского языков особую значимость имеет различное восприятие модализирующих средств в составе предиката. В немецкой языковой культуре это, прежде всего, морфологически однородная группа модальных глаголов, что в цельносистемном плане объясняется разрушением категории вида, наличие которой фиксируется в готском языке (LEISS 2000). Наличие морфологически обособленной группы средств выражения модальности согласуется с прямым стилем выражения, однозначность которого не требует (во избежание неправильного понимания) учета контекста. В русском языке, напротив, — это морфологически разнородная группа модальных предикатов, многие из которых выражают модальность не прямо, а имплицитно, передаваемые категорией вида глагола или лексической семантикой прилагательных и наречий. Непрямой способ выражения грамматического значения модальности согласуется с концептуальной базой русской культуры, в которой значения часто выводятся из контекста.

Оттенки значения немецких модальных глаголов заложены в их парадигме, построенной на оппозициях, это всегда модальные оттенки. Русские модальные предикаты нередко сочетают грамматические модальные с лексическими значениями. Однако, и в том, и в другом случаях оттенки значений формируются в рамках модализирующих стратегий, о которых мы можем судить только косвенно — по используемым языковым средствам, то есть по создаваемым этими средствами значениям. Таким образом, замыкается языковой круг, возвращая нас к исследованию значений.

Наша гипотеза состоит в том, что стратегии модализации с помощью модальных глаголов в немецком и модальных предикатов в русском языке во многом определяются отмеченными культурными различиями, заложенными как в общекультурных, так и в языковых концептах.

Посмотрим, что влияет на концептуализацию этих значений, как проявляется контекст в немецкой и русской лингвокультурах.

2. Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили два современных

немецких романа (ТИММ 1989; КЕНLMANN 2000), из которых выбраны предложения с модальными глаголами, содержащиеся в повседневной прямой или несобственно-прямой речи. Выборка составила на 100 страниц романа У. Тимма 410 предложений, на 50 страниц романа Д. Кельмана 307 предложений, всего проанализировано 717 предложений. Примечательно, что в романе Кельмана модальные глаголы встречаются примерно в 1,5 раза чаще, чем у Тимма (6,1 против 4,1 единицы на страницу текста). Все выбранные предложения переведены мною на русский язык, что обеспечило возможность сопоставления выбора средств модализации в одинаковых ситуациях. Кроме того, были проанализированы некоторые статьи Конституции ФРГ, что позволило уточнить функциональную сферу некоторых модальных глаголов. К частотному анализу привлекались данные словаря (DWDS-Kernkorpus 2000-2010).

В настоящее время отсутствует общепринятая методология контрастивно-концептуального исследования. Холл излагает общие принципы влияния культуры на выбор языковых средств (HALL 1981). По мнению Вежбицкой, при сравнении культур следует применять почти универсальные понятия, пригодные в обеих культурах и выражаемые лексическими единицами (ВЕЖБИЦКАЯ 2003). Однако таких понятий не очень много, Вежбицкая относит к ним глаголы *хотеть*, *говорить*, *знать* и прилагательные *хороший* и *плохой* (ibid.). Как видим, к универсальным семантическим примитивам относится только один модальный глагол. Предлагаемые Вежбицкой описания конкретных ситуаций во многих случаях скорее относятся к характерологии отдельных культур, чем к их системному сопоставлению. Тем не менее семантические примитивы послужили единицей контрастивного сопоставления моделей речевого поведения в немецком и русском языках, основанное на оригинальных корпусных данных (GLADROW, КОТОВОVA 2018). В отечественной лингвистике представлено всестороннее сопоставление феномена вежливости как центральной коммуникативной категории в русской и английской культурах (ЛАРИНА 2009), таб-

личное параметрическое сопоставление коммуникативного поведения русских и немцев (ПРОХОРОВ, СТЕРНИН 2006).

Для наших целей наиболее адекватной представляется методология межъязыкового сопоставления на материале переводов (КАШКИН 2001). В. Б. Кашкин развивает свою теорию на материале сопоставления языков, в одном из которых отсутствует эксплицитное выражение определенной категории, а в языках, на которые делаются параллельные переводы, эта категория имеет грамматическое выражение. В частности, речь идет о категории неопределенности и неопределенном артикле (*ibid.*). Эта методология с известными изменениями положена в основу исследования.

Изменения касаются трех моментов.

1. В качестве исходного языка мы выбираем (в отличие от Кашкина) немецкий, в котором присутствует парадигматически выраженный класс модальных глаголов, а в качестве языка перевода используется русский язык, что обусловлено задачей контрастивного сопоставления функционирования этой группы в немецкой и русской лингвокультурах.

2. Мы используем наш собственный перевод, полагаясь на интуицию исследователя, а также в виду отсутствия русских переводов проанализированных немецких романов. Принимая во внимание начальный этап исследования, такой подход представляется оправданным.

3. В развитие, как хочется надеяться, методологии Кашкина акцент при анализе контекста делается на концептуальной интерпретации различий, которые проявляются на поверхностном уровне немецкого и русского текстов под влиянием соответствующих лингвокультур.

3. Концептуальная интерпретация модализации в немецкой и русской лингвокультурах

3.1. *Оппозитивная пара können : dürfen в сопоставлении с модальными предикатами возможности*

Значение самого частотного в нашем материале модального

глагола *können*, ориентированное на субъект действия, описывается в немецких грамматиках следующим образом. *Können* обозначает возможность действия, осознаваемую как объективную данность или способность / готовность к осуществлению действия (ENGEL 1996: 465). Возможность, способность и разрешение соответствующего действия расцениваются как отсутствие препятствий (FANDRYCH, THURMAIR 2018: 22). Таким образом, внутренний содержательный континуум³ этой языковой единицы в немецком языке определяется немецкими исследователями как варьирование комбинаторики семы «возможность», которая сочетается с семой «способность / готовность к чему-либо» и «отсутствие препятствий».

Анализ грамматического контекста функционирования этого глагола показывает, что на актуализацию той или иной дополнительной семы влияет целый ряд грамматических категорий, а именно, категории времени, лица и перспективы, что создает целостную картину его концептуализации. Учет категории темпоральности позволяет разграничить референциально-семантические оттенки, связанные с ориентацией на будущее, настоящее / вневременное и прошедшее. На *будущее* ориентированы значения возможности / невозможности действия, которые *предполагают альтернативу* выполнения действия, то есть актуализируют сему «готовность» и выражаются модальным глаголом в настоящем времени и инфинитивом предельного глагола. Здесь *können* имплицитно выражает видовое значение, которым он обладал ранее; ср.: (КОТИН 2011). Контрастивное сопоставление с русским показывает употребление в этих случаях *инфинитивов совершенного вида* или модального глагола совершенного вида *смогу*. Имплицитное аспектуальное значение в немецком языке эксплицируется в русском, переключая временной контекст на видовременной с ориентацией на футуральность. Ср. (1):

³ Термин «внутренний континуум языковой единицы» употребляется в (КАШКИН 2001: 33 и др.).

- (1) «Das *kann* ich Ihnen nicht empfehlen. Beim billigsten Tarif *können* Sie den Rückflug nicht mehr umbuchen» (КЕНЛМАНН 2009). — ‘Я не могу Вам это *посоветовать*. При самом дешевом тарифе Вы не *можете* перебронировать обратный полет’.⁴

Сопоставление с русским позволяет выделить дополнительные семантические варианты «способность», «состояние», «свойство», которые не допускают смысловой альтернативы, соотнося выражаемые сущности с *настоящим* / *панхроническим* или *прошедшим* временем модального глагола. В этом случае модальный глагол сочетается с инфинитивом, семантика которого варьирует. *Инфинитив неопредельной семантики* употребляется при выражении *способности/готовности и состояния*, что предполагает многократность или длительность возможной деятельности или пребывания в состоянии. В русском языке здесь появляется инфинитив несовершенного вида (2, 3). *Свойство* мыслится как нечто целое, что требует инфинитива предельной семантики, которому в русском языке соответствует *глагол совершенного вида* (4, 5). Ср. соответственно:

- (2) Meine Mutter zum Beispiel, die sehr gut kochen *konnte*, benutzte nie Olivenöl (ТИММ 1998). — ‘Например, моя мама, которая очень хорошо *готовила* (*могла*, имела способность очень хорошо *готовить*), никогда не использовала оливковое масло’.
- (3) Dieses Bild *kann* ich mir immer wieder ansehen, und jedesmal entdecke ich neue Details (ibid.). — ‘Эту картину я *могу* (*готова*) *рассматривать* снова и снова и каждый раз открываю новые детали’.
- (4) Er geht schnell und ohne sich nach ihr umzudrehen, sie *kann* kaum Schritt halten (КЕНЛМАНН 2009). — ‘Он идет быстро, не оглядываясь на нее, она едва *успевает* (в состоянии успевать) за ним’.
- (5) Er *konnte* einem einfach keine Bitte abschlagen (ТИММ 1998). — ‘Он просто никому *не мог отказать* в просьбе (обладал таким свойством)’.

При эпистемическом прочтении глагол *können* выражает предположение. Если предположение относится к прошедшему

⁴ Здесь и далее перевод мой — О. К.

времени, смысловой глагол употребляется в форме инфинитива II. Предположение в (6) говорящий делает, опираясь на свои собственные наблюдения, то есть, реализуя свою внутреннюю перспективу, внешнюю по отношению к лицу, выраженному подлежащим главного предложения. В русском языке предположение передается модальным словом, то есть происходит контекстуальное перераспределение модального содержания:

- (6) Kubin, der behauptet hatte, die äußeren Unterschiede zwischen Ost und West seien längst verschwunden, *kann* nie hier gewesen sein (ТИММ 1998). — ‘Кубин, который утверждал, что различия между Востоком и Западом давно исчезли, *вероятно*, никогда здесь не был’.

Глагол *dürfen* при соотнесении с субъектом действия концептуализируется как *разрешение, отсутствие препятствия со стороны третьего лица или инстанции*. В сочетании с отрицанием формируется смысл *запрета* (ENGEL 1996: 465; FANDRYCH, THURMAIR 2018: 22). Этот глагол не слишком типичен для современного художественного текста, тем не менее, его типичность для немецкой лингвокультуры наглядно демонстрирует текст Конституции ФРГ, которая выступает, с одной стороны, гарантом прав граждан, а с другой стороны, инстанцией, ответственной за ограничение этих прав в проблемных ситуациях. Во многих статьях этого законодательного документа четко сформулировано, что права граждан имеют ограничения, которые выражаются с помощью модального глагола *dürfen*. По замечанию Вежбицкой, широкое употребление этого глагола в немецком языке свидетельствует о популярности идеи власти, которая признается справедливой людьми, чьи поступки она должна контролировать (ВЕЖБИЦКАЯ 1999: 719). Справедливость ограничений / запретов в большинстве случаев специально оговаривается. Так, в ст. 2 Конституции, гарантирующей право на жизнь и свободу личности, оговаривается, что вторжение в область этих прав, допустимо только на основании определенного закона. Ср.:

- (7) Jeder hat das Recht auf Leben und körperliche Unversehrtheit. Die Freiheit der Person ist unverletzlich. In diese Rechte *darf* nur auf

Grund eines Gesetzes eingegriffen werden. — ‘Каждый имеет право на жизнь и телесную неприкосновенность. Свобода личности неприкосновенна. Эти права *допускают вмешательство* только на основе закона’.

В ст. 10, гарантирующей тайну переписки, оговариваются условия, которые могут ограничить это право: инстанцией, на которую возлагается ответственность за это, выступает здесь закон (8). Ст. 14 стоит на страже права собственности. Лишение этого права возможно только на основании закона (9). В сочетании с отрицанием глагол *dürfen* используется для выражения запрета на какие-то действия. Регулирующей инстанцией и в этом случае выступает закон, что находит в документе эксплицитное выражение. Ср.:

- (8) Das Briefgeheimnis sowie das Post- und Fernmeldegeheimnis sind unverletzlich. Beschränkungen dürfen *nur auf Grund eines Gesetzes* angeordnet werden. — ‘Тайна переписки, почты и телефонных переговоров неприкосновенна. Ограничения *могут быть введены* только на основе закона’;
- (9) Eine Enteignung ist nur zum Wohle der Allgemeinheit zulässig. Sie darf *nur durch Gesetz* oder auf Grund eines Gesetzes erfolgen. — ‘Лишение собственности *допустимо* только на общее благо и только на основании закона’.

Сопоставление с русским показывает, что модальный смысл «разрешение», передаваемый в немецком языке модальным глаголом, может быть передан лексически. В концептуальном плане приведенные примеры показывают, что в сознании граждан ФРГ формируется оппозиция «права : регулирующие ограничения». При этом ответственность за возможные ограничения прав возлагается на дополнительные законодательные акты или на Основной закон. Тем самым речь идет о разграничении ответственности между возможностью и необходимостью: граждане могут пользоваться правами, но обязаны учитывать ограничения, накладываемые в законодательном порядке.

Русские переводы показывают, что в ряде случаев модаль-

ный глагол может быть элиминирован, что означает имплицитную модализацию за счет вида смыслового глагола (2, 4) или лексическую модализацию за счет синонимичного модального предиката (7, 9).

3.2. Оппозитивная пара *müssen* : *sollen* в сопоставлении с модальным предикатом *долженствования*

На примере пары *müssen* : *sollen* покажем контексты, в которых обнаруживается взаимодействие с категориями персональности и перспективы.

Корневое значение глагола *müssen* определяется как вынужденная (*gezwungen*) или вызванная чем-либо (*veranlasst*) необходимость (ENGEL 1996: 466). Концептуализация необходимости ставится в связь с категорией лица: при употреблении со вторым лицом конструкция с модальным глаголом становится конкурентной формой императива (*ibid.*); ср.: (10). Имплицитный учет категории лица содержится и при разграничении семантики общей, субъективной (связанной с конкретным субъектом действия — 3-м лицом) и персональной необходимости. Обобщение необходимости передается неопределенно-личным местоимением (11). Личная необходимость обозначается как вынужденное действие (12, 13) или в редких случаях как самообязательство (*Selbstverpflichtung*) (FANDRYCH, THURMAIR 2018: 22). Ср. (14):

- (10) Du *musst* mir noch deine Adresse geben, dann schick ich dir eine Kopie meiner Arbeit (ТИММ 1998). — ‘Ты еще *должен дать* мне (*дай* мне) свой адрес, тогда я пошлю тебе копию моей работы’.
- (11) Man *muß* umdenken, sagte er (*ibid.*). — ‘*Н*адо думать по-другому, сказал он’.
- (12) Da vibrierte ihr Telefon, und sie *musste* eilig hinaus auf den Gang. (KEHLMANN 2009). — ‘Тут завибрировал ее телефон, и она *поспешила* выйти (*должна была* поспешно выйти) в коридор’.
- (13) Nein, sagte ich und *musste* lachen (ТИММ 1998). — ‘Нет, сказал я и *засмеялся*...’
- (14) Und da dachte ich, ich *müsse* in die Stadt zurückkommen, aus der ich vor zwanzig Jahren weggegangen war, ich *müsse* dieses Requiem schreiben, das auch eines über diese Stadt sein sollte (*ibid.*). — ‘И тогда я

подумал, я *должен* вернуться в город, из которого я уехал 20 лет назад, я *должен* написать этот реквием, который должен быть и про этот город'.

Переводные соответствия показывают, что в русском языке в случаях реализации семы «повод к действию» (12, 13) сема «необходимость» остается на латентном уровне в смысловом глаголе совершенного вида, обозначающем результат вынужденного действия. На наш взгляд, в этих случаях в немецкой лингвокультуре имеет место *избыточная модализация*, что можно расценивать как *гиперответственность* субъекта речи. В русском языке, напротив, имеет место недокодирование ответственности субъекта, что согласуется с пониженным чувством внутренней ответственности, которое констатируется в русской коммуникативной культуре (ПРОХОРОВ, СТЕРНИН 2006).

Сопоставление с русским выявляет также *большую унифицированность* выражения необходимости в немецком языке. Это проявляется, в частности, при генерализованном употреблении модального глагола (11), которому в русском языке соответствует предикативное наречие 'надо'. По нашим наблюдениям, это наречие передает оттенок вынужденности необходимого действия или обусловленного внешними обстоятельствами состояния. Именно эти семантические оттенки концептуализации необходимости преобладают в нашем материале. Вежицкая рассматривает подобные случаи как «пациентивную ориентацию» в противоположность агентивному подходу, считая эту ориентацию характерной для русской культуры (ВЕЖИЦКАЯ 1997а: 55).

В русском языке нет точных соответствий сочетаниям инфинитива с модальными глаголами (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ 2004: 160), глагол 'долженствовать' фактически вышел из употребления; передача семантики вынужденной необходимости осуществляется другими средствами, например, предикативными прилагательными 'должен', 'вынужден' или глаголом 'пришлось'. Характерно, что глагол 'пришлось' употребляется в формально безличном пред-

ложении, в котором семантический субъект выражен местоимением в дательном падеже. Вежбицкая отмечает это как типичный случай пациентивной ориентации, связанной с отсутствием контроля субъектом ситуации (ВЕЖБИЦКАЯ 1997а: 55), что выражается недокодированием модальности необходимости. Ср.:

(15) Die S-Bahn war wieder überfüllt, auch heute *musste* er stehen (KENLMANN 2009). — ‘Поезд снова был переполнен, сегодня ему опять *пришлось* (он должен, вынужден был) стоять’.

Понятие перспективы разграничивает корневую и эпистемическую модальность. Внутренняя перспектива соотносится с субъектом действия, внешняя — с субъектом речи (АВЕРИНА 2019: 10-16). При корневом прочтении глагол *müssen* в большинстве случаев обозначает внутреннюю необходимость сделать что-либо, осознаваемую субъектом предложения как необходимость, вытекающую из сложившейся ситуации, ср. (12, 15). Обычно это связано с 1-м или 3-м лицом, которые формируют особые типы предложений, обозначаемые в русской грамматике как Я-/ОН-/ОНО-предложения (СТЕПАНОВ 1981: 162-169; ОНИПЕНКО 2018: 204). При обращении речевого субъекта к коммуникативному партнеру во 2-м лице или в вежливой форме возникает внешняя перспектива, имплицитная смысл побуждения к действию; ср.: (10). Пожалуй, чаще, однако, внешняя перспектива возникает как результат размышлений речевого субъекта, который не всегда совпадает с грамматическим субъектом предложения, содержащего модальный глагол. Часто это последнее функционирует в качестве придаточного объектного или атрибутивного, в котором эпистемическая семантика предположения может сочетаться с эвиденциальностью и подчеркиваться употреблением конъюнктива. В (16) *уверенное предположение* основано на пресуппозиции знания стиля русских художников-конструктивистов. Другим признаком внешней перспективы служит употребление основного глагола в форме инфинитива II, создающего в комплексе с глаголом *müssen* то же эпистемическое значение *уверенного предположения* (17, 18). В русских соответствиях, поскольку модальный глагол со значением

долженствования вышел из употребления, он заменяется модальным выражением 'должно быть' или модальным наречием 'наверное'. Таким образом, в немецкой лингвокультуре концепт модального глагола включает эпистемический, а иногда и эвиденциальный смысл, а в русском языке эти смыслы передаются не модальным глаголом, а наречными выражениями.

- (16) ... und immer hatte ich die Vorstellung, es *müsse* das Bild eines russischen Konstruktivisten sein (ТИММ 1998). — '...и всегда у меня было представление, что это, *должно быть*, картина русского конструктивиста'.
- (17) Er *musste* lange in Deutschland gelebt haben (ibid.). — 'Он, *должно быть* / *наверное*, долго жил в Германии'.
- (18) Der Vorbesitzer *musste* extrem kurze Schweizer Arme gehabt haben, denn an dem Mantel, der sonst tadellos saß, mussten die Ärmel um gut vier Zentimeter ausgelassen werden (ibid.). — 'У прежнего владельца (пальто — О. К.), *должно быть*, были чрезвычайно короткие швейцарские руки, поскольку у пальто, которое в остальном сидело безупречно, рукава надо было отпустить по меньшей мере на 4 сантиметра.'

Концептуализация высказываний с модальным глаголом *sollen* предполагает учет третьей инстанции, от которой исходит требование, предложение или запрет. Необходимость выполнения этих требований или запретов не такая строгая, как с глаголом *müssen*. Особенность концептуализации проявляется в дистрибуции: *sollen* часто употребляется в косвенной или несобственно-прямой речи, в условных и вопросительных предложениях, имеющих гипотетический смысл (ENGEL 1996: 467-468). Контекстуальные пресуппозиции (по Г. Цифонун: «речевой фон»), на которые опирается концепт — известные предписания, общие принципы, обязательства (ZIFONUN 1997: 1891). Таким образом, во внутреннем континууме этого глагола выделяется несколько элементарных смыслов: 'необходимость', 'обусловленность внешней инстанцией', 'гипотетичность'.

В романе Тимма преобладает употребление глагола *sollen* в

косвенных или прямых вопросах при соотнесении его с 1-м лицом единственного числа. Говорящий рассматривает себя как активного, хотя нередко и сомневающегося, исполнителя чужой воли или общепринятых принципов. В русском языке в подобных случаях модальность необходимости не выражается прямо, а только имплицитруется в инфинитиве смыслового глагола. Обилие таких инфинитивных предложений считается одной из основных особенностей русского языка (BOGUSLAWSKI, KAROLAK 1970: 35; цит. по: ВЕЖБИЦКАЯ 1997а: 59). Кроме того, немецкое личное местоимение в именительном падеже приобретает в русском характер пассивного подлежащего в дательном падеже, обозначая человека, находящегося в состоянии неуверенности в необходимости какого-либо действия. Ср.: (19-21). Комментируя подобные предложения, Вежбицкая пишет:

«В предложениях такого типа говорящий сообщает, что не знает, что ему нужно <с>делать или как [...]. Очень часто такие вопросы бывают риторическими» (ВЕЖБИЦКАЯ 1997а: 65).

Некоторые вопросы имеют в немецком языке формульный характер, с одной стороны, выражая неуверенность говорящего в правильности формулировки своей мысли, а с другой стороны, передавая ощущение говорящим необходимости соотнести эту неуверенность с какими-то общими правилами. В русском языке акцент делается на выражении неуверенности, модальность необходимости следования каким-либо правилам остается на латентном уровне; ср.: (22):

- (19) Einen Augenblick überlegte ich, ob *ich* ihm *sagen sollte*, dass ich Frau Spinnweb schon getroffen hätte (ТИММ 1998). — ‘Какое-то время я обдумывал, *не сказать ли* ему, что я уже встречал фрау Шпинвеб’.
- (20) *Sollte ich* nicht gleich Rosenow *anrufen* und ihm gestehen, dass ich das Kästchen verloren hatte? (ibid.). — ‘*Не позвонить ли мне* сразу Розенову и признаться ему, что я потерял коробочку?’
- (21) *Soll ich* warten? (ibid.). — ‘*Мне подождать?*’
- (22) Dachte ich an das Hallenbad, war es, als hätte ich das alles, *wie soll ich sagen*, in einem Film gesehen (ibid.). — ‘Если я думал о закрытом

бассейне, у меня было ощущение, как будто я все это, *как бы это сказать*, видел в каком-то фильме’.

При соотнесении глагола *sollen* с 3-м лицом, что типично для стиля Кельмана, происходит слияние перспектив субъекта действия и эксплицитно выраженного третьего лица (23) или имплицитного наблюдателя, в роли которого выступает автор (24-26). Русские соответствия содержат косвенный субъект, переводящий высказывание в пассивную перспективу. Модальность необходимости либо имплицитруется в конструкции инфинитивного предложения, что отмечается в русистике как возможное (СКОБЛИКОВА 1997: 159-160), либо передается категорией состояния, например, лексемой ‘надо’ или безличным глаголом с модальным значением ‘следует’ (*ibid.*: 148-149), в семантике которого присутствует оттенок отсылки к третьей инстанции. Ср.:

- (23) Es war Elke, die ihm sagte, er *solle* noch Gurken kaufen (KELLMANN 2009). — ‘Это была Эльке, она сказала, что *ему надо* купить огурцов.’
- (24) Sein Herz klopfte, er wusste nicht, was er *sagen sollte* (*ibid.*). — ‘Сердце у него стучало, он не знал, что (ему следовало) *сказать*.’
- (25) ...immer wieder denkt Rosalie, dass sie diesen Anruf *nicht hätte machen sollen* (*ibid.*). — ‘...Розалия все снова думает о том, что ей *не следовало / не надо было* делать этот звонок.’
- (26) Woher *hätte sie wissen sollen*, dass es hier heiß war? (*ibid.*). — ‘Откуда ей было *знать*, что здесь жарко?’

При контекстуальной опоре на фонд общих знаний в качестве подлежащего выступают в немецком языке местоимения *das, es, man, jeder*. В русском языке высказывания, соответствующие немецким предложениям с подлежащим *man*, могут концептуализироваться обобщенно-личными предложениями, в которых, по свидетельству Е. С. Скобликовой (1997: 136), легко может возникнуть модальное значение необходимости. Размытость русского концепта с семантикой необходимости нередко затрудняет поиск русского соответствия немецким оригиналам подобного типа, что можно расценивать как лингвокультурную специфику последних.

Это относится, например, к предложениям (27-30). Ср.:

- (27) «Aber was *soll man* machen?» rief Rogler (KENLMANN 2009). — «Но что поделаешь?», воскликнул Роглер.»
- (28) *Sollte es möglich sein, dass jedes Mal, wenn man gefilmt wurde, ein anderer entstand, eine nicht ganz gelungene Kopie...?* (ibid.). — «Возможно ли, что каждый раз, когда тебя снимали, получался кто-то другой, не совсем удачная копия?»
- (29) ...alle wollen sie, die Immobilie, *es soll bleiben*, wie es ist (TIMM 1998). — «...все хотят её, недвижимость, *пусть останется*, как есть...»
- (30) ...alle fragten sich, was das bedeuten *sollte* (ibid.). — «...все спрашивали себя, *что бы это значило*.»

В концепт глагола *sollen* включается также модальный компонент целеполагания, который эксплицируется в русском переводе. Это имеет место при обращении к речевому партнеру с целью передать ему чье-либо указание. В (31) обнаруживается двойная дейктичность модального глагола, о возможности которой пишет А. В. Аверина (2019: 19). Дейктичность маркируется формой презентного конъюнктива модального глагола, отсылающей, во-первых, к источнику, из которого исходит требование — субъекту невербального действия главного предложения, а во-вторых, к автору, излагающему эту ситуацию. Ср.:

- (31) ...er schüttelte heftig den Kopf und winkte, dass sie endlich herüberkommen *solle* (KENLMANN 2009). — «...он решительно покачал головой и кивнул, *чтобы* она, наконец, подошла к нему.»

В эпистемическом значении предположения, сделанного с чужих слов, высказывания с модальным глаголом *sollen* концептуализируются не так часто. В нашем материале зафиксировано всего 3 случая такого употребления из 107 контекстов с этим глаголом. При употреблении с инфинитивом I значение предположения контаминирует смысл неопределенности, который может быть эксплицирован в русском переводе (32). Употребление с инфинитивом II обнаруживает двойную дейктичность, отсылающую к субъекту речи, а через него к слухам, что дополнительно выражается в (33) модальным словом *angeblich*. Недоверие к источнику

информации порождает скепсис говорящего (ENGEL 1996: 472). В русском переводе сохраняется только эвиденциальная отсылка к слухам за счет модального слова ‘якобы’; ср. (33):

(32) Wo wollen Sie denn aussteigen, fragte sie misstrauisch. Es *soll* ein Bad am Wannsee geben (ТИММ 1998). — ‘Так где же Вы хотите выйти, спросила она недоверчиво. *Где-то здесь должен быть* бассейн на Ванзее.’

(33) Diese Dobermänner mögen kein Chanel, eigenartig, ausgerechnet dieses Parfüm, das doch *angeblich* Marilyn Monroe nachts *getragen haben soll* (ibid.). — ‘Эти доберманы не любят шанель, странно, именно эти духи, которые *якобы* употребляла на ночь Мэрилин Монро’.

Таким образом, семантический компонент ‘третья инстанция’ приобретает в немецком языке градуальный смысл, будучи осложнен компонентами ‘неопределенность’, ‘цель’, ‘эвиденциальность’, которые частично эксплицируются в русском переводе. В русской лингвокультуре эвиденциальность концептуализируется с помощью модальных слов, а неопределенность необходимости заключается в инфинитиве смыслового глагола и вопросительной структуре высказывания. Зависимость от внешней инстанции не исключается в виду пассивности семантического подлежащего в дательном падеже.

3.3. *Оппозитивная пара wollen : mögen в сопоставлении с модальным предикатом хотения*

Смысл ‘хотеть’, выражаемый английским глаголом ‘want’, принадлежит «универсальному алфавиту человеческих мыслей» (ВЕЖБИЦКАЯ 1997б: 334). Этот семантический примитив В. А. Плунгян также относит к базовым элементам общечеловеческого словаря, определяя статус желания в сфере модальности как центральный. Его центральное положение в сфере модальности подтверждается, по мнению Плунгяна (2011: 433), тем, что в его семантике содержатся все основные компоненты модальности: нереальность желаемого и его положительная оценка. Тем не менее наш анализ показывает, что в немецкой лингвокультуре этот смысл частотно уступает выражению возможности и необходимости. По данным

DWDS, лемма *soll* встречается 28370 раз, лемма *kann* — 27578 раз, а лемма *will* — только 14195 раз (DWDS Kernkorpus 21).

В значении глагола *wollen* прослеживается волитивный компонент, позволяющий выразить собственные намерения, планы и желания субъекта действия (ZIFONUN 1997: 1896; FANDRYCH, THURMAIR 2018: 22). Этот тип намерений относится к активным (ПЛУНГЯН 2011: 424). Желаемое действие имеет футуральную ориентацию по отношению к моменту речи. В сочетании с 1-м лицом выражается внутренняя перспектива, в устах рассказчика намерение третьего лица приобретает характер внешней перспективы. В русских переводах смысловые глаголы различаются по категории вида: *внутренняя перспектива* передается глаголом *несовершенного вида*, а *внешняя* — глаголом *совершенного вида*, ср. (АВРАНАМ, LEISS 2014). В нашем материале намерения связываются, в основном, с ближайшими краткосрочными действиями (34, 35); выражение намерения, рассчитанного на долгосрочную перспективу, встречается гораздо реже (36). В русских переводах модальный глагол сохраняется в сочетании с агентивным субъектом. Ср. соответственно:

- (34) Ich *will* Sie keiner Gefahr *aussetzen* (KEHLMANN 2009). — ‘Я *не хочу подвергать* Вас опасности.’
- (35) Am Montagmorgen *will* sie zunächst ihren Koffer *packen* (ibid.). — ‘В понедельник утром она сначала *хочет упаковать* чемодан’.
- (36) Rogler hat an einer völlig verrückten Sache gearbeitet. Er *wollte* einen Geschmacks katalog für die Kartoffel *aufstellen* (ТИММ 1998). — ‘Роглер работал над сумасшедшим проектом. Он *хотел составить* вкусовой каталог для картофеля.’

Желание чего-либо самому себе передается в русском языке эмоциональными инфинитивными предложениями (ВЕЖБИЦКАЯ 1997а: 61-62), а иногда безглагольными предложениями с частицей ‘бы’. По данным информантов, таким высказываниям соответствуют в немецкой лингвокультуре двусоставные предложения с модальным глаголом *möchte*:

Чайку бы! — Jetzt möchte ich gern ein Tasse Tee!

Глагол *mögen* при употреблении в индикативе приобретает в современном языке самостоятельное (не модальное) значение ‘любить что-либо’ (37). Наряду с этим глагол употребляется в форме претеритального конъюнктива *möchte*, выражая осторожное желание или вежливую просьбу (FANDRYCH, THURMAIR 2018: 22) (38):

(37) Er *mochte* keine Blumen (KENLMANN 2009). — ‘Он не любил цветы’.

(38) *Möchten Sie etwas trinken? fragte mich die alte Frau* (ТИММ 1998). — ‘(Хотели бы / хотите) что-нибудь выпить? Спросила меня старая женщина’.

Концептуализация намерения может включать целевой компонент, который в немецком языке присутствует имплицитно, а в русском переводе эксплицируется целевым союзом (39). Здесь значения *wollen* и *mögen* сближаются, причем в значении просьбы прослеживается 3-я инстанция (40). В некоторых случаях модальный глагол в немецкой лингвокультуре представляется с позиций русской лингвокультуры избыточным (41).

(39) Seine Tochter, die vom Ballettunterricht *abgeholt werden wollte* (KENLMANN 2009). — ‘Его дочь, которая хотела, *чтобы* ее встретили с урока балета’.

(40) Schrieb der Pensionswirtin eine Notiz mit der Bitte, sie *möge* mir die Rechnung *zuschicken* (ТИММ 1998). — ‘Написал владелице пансионата записку с просьбой, *чтобы* она прислала мне счет.’

(41) „Du hast nie die Schule geschwänzt.“ „Woher *willst* du das wissen?“ (KENLMANN 2009). — ‘«Ты никогда не прогуливал школу.» «Откуда ты это знаешь?»’

В паре *wollen* и *mögen* перспектива тоже разделяется на внешнюю и внутреннюю, однако речь идет в обоих случаях о действиях одного лица, направленных либо вовне (39), либо на собственные желания (40). В обоих случаях. Глагол *mögen* употребляется, как правило, в форме претеритального конъюнктива *möchte*, но иногда возможен индикатив этого глагола с семантикой желания, исходящей от говорящего или направленной на лицо, к которому обращаются, выражая его внутреннюю перспективу (42):

- (42) Wenn Sie *mögen*, *können* Sie die Aufzeichnungen gern haben. (ibid.). — ‘Если хотите, Вы можете взять эти рисунки’.

Концептуализация глаголов *wollen* и *mögen* включает значение предположения. Однако у глагола *wollen* предположение при сочетании с инфинитивом I выражено слабее и должно поддерживаться модальными словами типа *vielleicht* (43). Сочетания с инфинитивом II в нашем материале встретились только с глаголом *mögen* и выражают неуверенное предположение, относящееся к прошлому (44). Ср.:

- (43) Vielleicht *wollte* sie damit aber auch auf eine andere Tätowierung hinweisen (ТИММ 1998). — ‘Но, возможно, она хотела указать этим на другую татуировку’.
- (44) Ich blicke in eine der verspiegelten Säulen, um an meinem Spiegelbild abzulesen, was diese Besessene *bewogen haben mag*, gerade mich zu verfolgen (ibid.). — ‘Я смотрю на одну из блестящих колонн, чтобы по своему отражению понять, что *могло побудить* эту ненормальную преследовать именно меня’.

Употребление немецких модальных и близких им по семантике глаголов — общеязыковое явление, характерное не только для художественных текстов. Тем не менее, представляется, что функционирование этих глаголов, связанное с общекультурным концептом VERANTWORTUNG, отражает их художественную специфику. Их функционирование не привязано к определенным художественным концептам, которые были рассмотрены выше, однако оно способствует выявлению, опредмечиванию этих концептов. Так, в (17, 18) ответственность за предположение берет на себя говорящий, а в (20) — субъект действия. Для художественной литературы особенно характерно использование модальных и близких к ним глаголов в эпистемической функции, поскольку разного рода предположения нередко делаются во внутренней, несобственно-прямой (20, 22) или прямой речи (21).

4. Сопоставление стратегий модализации

Ранее нами выявлены два типа модализирующих стратегий в немецком языке, согласующихся с реализацией базового концепта

немецкой культуры ИНДИВИДУАЛИЗМ и связанных с ним концептов ПОРЯДОК и ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, а также с особенностями немецкой языковой личности, прибегающей к прямому стилю выражения мысли. С одной стороны, это *открытая стратегия*, позволяющая утвердить себя как личность, что поддерживается прямым выражением модальности возможности, необходимости и желания модальными глаголами в сочетании с прямым выражением субъекта (1, 3, 13, 14). Латентным фактором влияния на выбор стратегии оказываются концепты ПОРЯДОК и производный от него концепт ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (КОСТРОВА 2021: 94). Субъект речи принимает на себя ответственность и в высказываниях о возможном, необходимом или желаемом действии 3-го лица (2, 4, 5 и др.). С другой стороны, — это смягчающее выражение тех же семантических значений, исходя из желания проявить эмпатию по отношению к партнеру и минимизировать давление на его личность, то есть избежать создания «угрозы лицу» (*ibid.*: 97). Смягчающие стратегии применяются и при выражении эпистемической модальности, связанной с предположительностью высказывания (6, 16-18). Смягчающий эффект проявляется также в вопросительных высказываниях с глаголом *sollen*, в которых говорящий выражает свою неуверенность в необходимости запрашиваемого действия (*ibid.*) (20, 21). Кроме того, смягчающая модализация проявляется в этикетных высказываниях с глаголом *sollen* (22).

Стратегии модализации в русском языке соотносятся, в свою очередь, с характерными концептами высоко контекстной лингвокультуры. С одной стороны, здесь реализуется ее полярная организация, в которой противопоставлены личностная и неопределенно-статусная персональность, а с другой стороны, это противопоставление возможно благодаря высокому уровню контекстной зависимости высказывания. Полярная организация допускает оппозицию открытой и завуалированной (имплицитной) неопределенно-статусной модализации. При этом степень открытости стра-

тегии выше, чем в немецкой лингвокультуре, поскольку охватывает не только случаи, аналогичные упомянутым выше (1, 3, 5, 34 и др.), но и переходит в открытое побуждение, выраженное императивом (10), а также в экспликацию цели субъекта речи (31, 39). Кроме того, к открытым стратегиям относится выражение модальности не только глаголами, но и прилагательными (14). Завуалированные стратегии выражаются целым комплексом языковых средств: семантикой смыслового глагола, имплицитующего модальность возможности (10) или вынужденности действия лица, о котором идет речь (12, 13, 15, 27); синтаксическими структурами, в которых модальность выражается категорией состояния, оставляющей открытой связь обязательства с каким-либо лицом (11, 23); безличным вопросительным предложением с инфинитивом смыслового глагола совершенного вида (19-21). Помимо этого, завуалировано во многих случаях и отношение субъекта речи к выражению эпистемической и эвиденциальной модальности, поскольку эти модальные типы выражаются модальными словами (28, 33). Смягчение модализации реализуется с помощью частицы сослагательного наклонения 'бы' без участия модального глагола (22, 30) или за счет неопределенных местоимений и наречий (29, 38) также без участия модального глагола.

5. Выводы

Межъязыковые переводные соответствия позволяют яснее увидеть внутреннюю континуальность семантики немецких модальных глаголов и ее перераспределение в контексте русского высказывания. При деонтическом употреблении в одних случаях скрытая семантика, вложенная в модальное значение глагола, эксплицируется в лексическом значении компонентов русского контекста, в других, напротив, семантика немецкого модального глагола заложена в русском смысловом глаголе совершенного вида.

Сопоставление стратегий выражения модальности в немецкой и русской лингвокультурах подтверждает тезис Холла о главенствующей роли культурного контекста при выборе способа поведения и средств кодирования (HALL 1981: 92), а также идею

о стилеобразующей роли культуры (ЛАРИНА 2009). В низкоконтекстной немецкой культуре при кодировании модальности выбирается прямой способ соотнесения модальных обязательств с субъектом речи, что находит выражение как в языковом строе, требующем облигаторного выражения субъекта речи, так и в прозрачности оппозитивной структуры группы модальных глаголов. В высококонтекстной русской культуре кодирование модальности во многих случаях имеет завуалированный имплицитный характер вследствие расплывчатости группы модальных предикатов, гибкости языкового строя, допускающего широкую вариативность безличных, в том числе инфинитивных предложений, а также возможности контекстуальной интерпретации в модальном смысле видовой характеристики смысловых глаголов.

Преобразование агентивной семантики немецкого модализирующего субъекта в имперсональную семантику русских соответствий проявляет лингвокультурное различие, состоящее в разном понимании персональности: в немецкой культуре личность стремится выделиться, а в русской — личность избегает выделения, используя имперсональный способ выражения. Обозначенная дифференциация связана и со степенью осознания внутренних обязательств и контроля. Внешний контроль, фиксируемый немецкими глаголами *dürfen* и *sollen*, выражается на латентном уровне в русских предложениях с пассивным семантическим субъектом в дательном падеже и категорией состояния.

© Кострова О. А.

1.3. ОТТЕНОЧНЫЕ ЦВЕТООБРАЗОВАНИЯ В КОЛОРИСТИКЕ АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ*

1. Введение

Среди основных направлений лингвистики начала XXI в. выделяются исследования, ориентированные на изучение единиц, вербально эксплицирующих актуальные вопросы взаимосвязи языка и мышления, а также смежных с ним — языка и общества, языка и культуры, фокусируя внимание исследователя на антропоцентрической основе процесса общения (БОЛДЫРЕВ 2017, КУБРЯКОВА 2004, ЛЕВИЦКИЙ 2016, ПРИВАЛОВА 2006, ТЕРМИНАСОВА 2008).

С древнейших времен человек имел целостную систему представлений об окружающем мире и своем месте в нем. Каждая этнокультурная общность создавала свою национальную картину мира, которая имела ту или иную форму воплощения с целью сохранения и передачи ее новым поколениям. Понятие *картина мира* относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человеческого бытия, его взаимоотношений с миром и важнейших условий форме существования в мире. Картина мира — целостный образ мира, который является результатом всей активности человека и создается благодаря познавательной деятельности человека и отражательной способности его мышления (БЕРЕСТНЕВ 2007, КОЛЕСОВ 2004, КОЛШАНСКИЙ 1990, КОРНИЛОВ 2003, ПЛУНГЯН 2010, ПОСТОВАЛОВА 1988).

Человек с первых дней жизни познает мир в его наивной, донаучной форме. Он созерцает, осознает и осмысливает окружающий мир, чувствует, познает и воспроизводит его. Сказка является одной из форм экспликации и трансляции мироздания; одним из важнейших лингвокультурологических феноменов, отражающих

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

национальное своеобразие народа посредством особым образом структурированной системы языковых средств, символов, персонажей, семантических пространств. Сказка предстает как совокупность знаний и особенностей мировосприятия и миропонимания народа, сформированный в результате коллективного творчества (ПРОПП 1998, ТОПОРОВ 1983).

Сказочная картина мира является воплощением образа возможного мира, сконструированного этносом на основе воображаемого хода событий или состояния дел; это ментальная модель, в которой сосуществуют реальность и ирреальность.

Сказочная фантастика основана на вымышленном понимании природы и противопоставлении повседневного такому видению. Отличительная особенность сказки — безусловное признание таинственной чудодейственной силы. Вера в такую силу присутствует и во взгляде на реальность, которая является основой образной трактовки информации об окружающем мире. Движущим механизмом этого процесса служит человеческая психика. В сказке ее возможности практически безграничны: чудесная сила проявляется повсюду, она лежит в основе всего действия сказки и является причиной того, что обычные законы природы нарушаются, изменяется логический ход событий, а время и пространство теряют свою значимость. Сказка изображает людей, животных, силы природы и сверхъестественные существа как носителей волшебной силы. Кроме того, сказка наделяет волшебной силой и неодушевленные предметы, чаще всего вещи домашнего обихода (НАЗВАНОВА 2006: 84). Сказка превращает известный мир в волшебный, т. е. вымышленный. Это происходит благодаря наделению чудесными свойствами самых обыкновенных предметов, явлений, событий, которые основаны на сверхъестественных причинах.

Осмысление сказочного мира сквозь призму языка является существенным, поскольку такой подход обеспечивает возможность на объективной основе найти в его содержании то, что веками откладывалось и накапливалось в народном сознании.

Цветообозначения — один из способов представления окружающего мира, которые играют важную роль в лингвосообществе, помогая ориентироваться в пространстве и времени, регулируя отношения между людьми. Природу и окружающий мир человек воспринимает в цветовом наполнении, связывая с ним суждения о положении вещей, создавая новые объекты, придавая им не только форму, но и наделяя цветовыми показателями. Каждый языковой коллектив по-своему созерцает мир, что непосредственно находит отражение и в способах его цветовой визуализации.

Изучение цвета — одна из актуальных тем в современной лингвистике, поскольку его восприятие неразрывно связано с языковым, историческим и культурным опытом народа. Цветовая визуализация осуществляется как с помощью основных цветообозначений, составляющих ядро системы цвета, так и оттеночных цветоименований, образующих ее периферию, детализирующих и уточняющих систему базовых цветообозначений. Одной из первых попыток уточнить названия оттенков цвета на основе применения достижений корпусной лингвистики, стало исследование А. Стейнвала (STEINVALL 2002). Шведский ученый отмечает, что корпусный анализ является эффективным инструментом для широкой обработки периферийных, контекстуально-зависимых закономерностей цветовой семантики, в частности для анализа функционирования оттеночных цветообозначений (*ibid.*: 7).

Работы, в которых подробно и обстоятельно анализируется роль оттенков базовых цветообозначений, немногочисленны; см., например, в (ВАСИЛЕВИЧ 2007; Кудря 2015; ХАРЧЕНКО, 2007; 2009; MILLER 1997). В них акцентируется внимание на историческом (CASSON 1994; MACLAURY 1992; ZOLLINGER 1984) или прикладном аспектах: в медицине (МАДЖАЕВА 2020); косметологии (ЛАПИНСКАЯ 2006); текстильной, автомобильной промышленности и сфере производства лакокрасочных покрытий для дизайна помещений (ГОРДЕЕВА 2018), а также в психологии (ВИШНЕВСКАЯ 2016; HEIDER 1972). Поскольку цвет является мощнейшим средством манипуляции общественным сознанием (БЕЛОВ 1988: 57),

вполне объяснимо наличие большого количества работ, посвященных значению оттенков в рекламе (КОСТЮЛИНА 2017; КУЛЬКО 2004; ПЕЧЕННИКОВА 2006; СУН ЧУНЬЧУНЬ 2018; и др.).

Человеческий глаз может различать до семи тысяч цветовых оттенков, хотя даже в самых полных цветовых атласах названия не превышают четырех тысяч (ХАРЧЕНКО 2009). Их основная масса представляет собой технические понятия.

Выявление специфики вербализации оттеночных цветообозначений осуществлялось на корпусе из 200 английских народных сказок (BRIGGS 1991; EFT; FTE; RIORDAN 1987), которые являются богатейшим источником языкового материала, позволяя исследовать особенности взаимоотношения языка и культуры англичан.

Предлагаемая работа продолжает цикл публикаций А. Э. Левицкого и Т. Н. Никульшиной (ЛЕВИЦКИЙ, НИКУЛЬШИНА 2020; 2021а; 2021б), посвященных визуализации сказочного пространства.

Ввиду отсутствия единства в терминологическом обозначении номинаций цвета термины *оттеночные цветообозначения*, *оттеночные цветономинации* и *оттеночные цветоименования* используются в работе как синонимы.

2. Результаты исследования

Состав оттеночных цветообозначений в сказочной картине мира англичан неоднороден с точки зрения структуры, узуальности, этимологии, гендерной дифференциации, социальной детерминированности, оценочного характера. Так, в английских сказках зафиксированы оттеночные цветообозначения с неясной (*crimson* ‘малиновый’) и ясной (*milk-white* ‘молочно-белый’, *golden* ‘золотой’, *silvery* ‘серебристый’) семантической мотивацией.

Для языка английских сказок не характерно частеречное разнообразие оттеночных цветообозначений: превалируют имя прилагательное (*scarlet* ‘алый’, *cherry* ‘пунцовый’) и причастие (*overbaked* ‘пережаренный’, *sandy-coloured* ‘цвет песка’).

Передача оттенков осуществляется посредством простых но-

минаций: *rosy* (*rose*) ‘розовый’, *blond* ‘цвета блонд, светлый оттенок желтого’) и составных (*Milky-white* ‘молочно-белый’, *silvery grey* ‘серебристо-серый’. Аналитизмом английского языка объясняется преобладание сложных структурных конструкций, которые объединены в одиннадцать типов: 1) базовое цветообозначение + оттеночное цветообозначение — *red gold* ‘цвет красного золота’; 2) оттеночное цветообозначение + базовое цветообозначение — *silvery grey* ‘серебристо-серый’; 3) референт + базовое цветообозначение — *snow-white* ‘белоснежный’; 4) референт + лексемы *coloured* | *colour* — *sandy-coloured* ‘цвет песка’, *amber-colour* ‘янтарный цвет’; 5) оттеночное цветообозначение + объект, имеющий данный цвет — *rosy-cheeked*; 6) сравнительный оборот «*as* + базовое цветообозначение + *as* + референт» — *as white as snow*, *as black as a crow* ‘черный как ворон’, *as green as grass* ‘цвета травы’; 7) базовое цветообозначение в превосходной степени сравнения + базовое цветообозначение вне сравнения — *the blackest black* ‘самое черное’; 8) интенсификатор + базовое цветообозначение — *so white* ‘очень белый’; 9) базовое цветообозначение в превосходной степени сравнения + объект с качественным признаком — *the reddest of ripe apples* ‘самые красные из спелых яблок’; 10) форманты светло-, темно-, ярко-, уточняющие интенсивность окраски + базовое цветообозначение — *light blue* ‘голубой’, *deep blue* ‘темно-синий’, *dark oak* ‘цвет темного дуба’, *bright red* ‘ярко-красный’; 11) предлог *like* + референт — *like cherries* ‘вишневого цвета’. Базовые цвета *black* и *white*, являясь полярными на шкале ахроматических цветов, не образуют оттенки со словами-интенсификаторами во избежание смысловой нелогичности (напр., *ярко-белый, *бледно-черный, *темно-белый и т. п.).

Оттеночные цветообозначения, в составе которых присутствует базовое цветообозначение, достаточно многочисленны в сказочном дискурсе: *light blue* ‘светло-синий, голубой’, *deep blue* ‘насыщенно-синий’, *dirty yellow* ‘грязно-желтый’, *dark red* ‘темно-красный’, *as white as snow*, *as black as a crow* ‘черный как ворон’, *as*

green as grass и др.

Оттеночные цветообозначения в сказочной картине мира англичан вербализируются также с помощью слов-интенсификаторов и дифференцируются по параметрам 'яркий / тусклый' (bright red 'ярко-красный' / pale grey 'бледно-серый'), 'темный / светлый' (dark red 'темно-красный', dark oak 'цвет темного дуба' / light blue 'светло-синий, голубой'). Зафиксированы также многочисленные примеры, эксплицирующие максимальную интенсивность оттенков: deep blue 'насыщенно-синий', the reddest 'насыщенно-красный', the blackest black 'самое-самое черное', so red 'насыщенно-красный', red rosy 'насыщенно-розовый', so white 'очень белый', so green 'насыщенно-зеленый'.

В сказочной картине мира англичан предметной номинации характеризуются отсутствием / наличием предметной номинации: red rosy 'насыщенно-розовый', / cherry-coloured 'вишневого цвета', snow-white 'белоснежный', black-coal 'угольно-черный'.

В языке английских сказок зарегистрированы лексические единицы, не имеющие в своей мотивации непосредственного отношения к цвету, но способные передавать цветовую характеристику, например, golden 'золотой', bloody 'кровавый', milky 'молочный', blushing 'румяный'. Такие оттеночные цветообозначения имеют понятную говорящему внутреннюю форму и обладают ясной семантической мотивированностью.

Оттеночные цветообозначения в английских сказках могут передавать эмоциональное состояние человека: г н е в (a new queen flushed up and cried out [...] and then she muttered below her breath: I'll soon put an end to her beauty 'новая королева вспыхнула и закричала [...], а затем пробормотала себе под нос: я скоро покончу с ее красотой'); с м у щ е н и е (she stood there with blushing cheeks and eye on ground 'она стояла, с пылающими щеками, устремив взгляд в землю'); и с п у г (the farmer's face turned as white as marble 'лицо фермера стало белым, как мрамор'; с м е х (silvery peals of laughter 'серебристые раскаты смеха') и др.

Отдельные оттеночные цветообозначения имеют семантику

оценочного характера. Положительная перцепция оттенков в сказочной картине мира англичан обусловлена: 1) внешними данными объекта (*golden-coloured hair* ‘золотистые волосы’, *a fine old chapel of dark red sandstone* ‘красивая старая часовня из темно-красного песчаника’), 2) качественно приготовленным продуктом (*well-toasted bread* ‘хорошо поджаренный хлеб’) и 3) эмоциональным состоянием (*with bowed head and scarlet cheeks, he just stared shyly at her feet* ‘склонив голову и пылая от смущения, он просто застенчиво уставился на ее ноги’). Отрицательная маркированность оттеночных цветообозначений актуализируется при описании предметов, явлений и их свойств: 1) неэстетичного вида (*his eyes were light blue and watery (an old man)* ‘глаза у него (старика) были водянисто-голубые’, *the smoke has changed the colour [of the wall] to a dirty yellow* ‘из-за дыма стена стала грязно-желтой’), 2) плохо приготовленного продукта (*overbaked bread* ‘пережаренный хлеб’), 3) опасности (*bloody clothes* ‘окровавленная одежда’) и 4) эмоционального состояния (*a new queen flushed up and cried out [...] and then she muttered below her breath: I'll soon put an end to her beauty* ‘новая королева вспыхнула и закричала [...], а затем пробормотала себе под нос: я скоро покончу с ее красотой’).

Палитра оттеночных цветообозначений в английской сказочной картине мира включает 68 номинаций, с явно доминирующей позицией ключевого оттеночного цветообозначения с семантикой красного цвета — 32.35%. Околоядерную зону составляют оттеночные цветономинации с семантикой белого (17.65%) и черного (14.71%). Ближнюю периферию оттеночного цветового сказочного пространства в английском языке конституируют лексемы, эксплицирующие оттенки желтого (11.77%), дальнюю — оттеночные цветономинации с семантикой коричневого (7.35%), серого (7.35%), синего (4.41%) и зеленого (4.41%). Репрезентативность вербализации оттеночных цветообозначений в языке английских сказок представлена в Таблице (см. Табл.).

Таблица. Номинативная плотность оттеночных цветообозначений в сказочной картине мира англичан

Базовый цвет	Оттеночные цветообозначения	
	Относительное количество, %	Абсолютное количество
1. Красный	32.35	22
2. Белый	17.65	12
3. Черный	14.71	10
4. Желтый	11.77	8
5. Коричневый	7.35	5
6. Серый	7.35	5
7. Синий	4.41	3
8. Зеленый	4.41	3
Всего	100.0	68

Цветообозначения различных оттенков *красного*, рассматриваются нами как его второстепенные обозначения, которые позволяют детально и образно описать те или иные особенности, отличающие его от базового цвета. Так, цветообозначение pink ‘розовый’, находясь на последней ступени иерархии развития цветообозначений, согласно теории Б. Берлина и П. Кэя (BERLIN, KAY 1969), относится к базовому. С другой стороны, мы рассматриваем его как оттеночное, поскольку семантика pink не относится к первичным и определяется относительно других базовых цветов: pink — the colour between red and white (CAMBRIDGE DICTIONARIES ONLINE: электронный ресурс) ‘розовый — цвет между красным и белым’. Кроме семантической специфики данного цветообозначения отмечаем фрагментарность его употребления на фоне обширного эмпирического материала.

Оттенки красного цвета, зафиксированные в сказочной картине мира англичан, отличаются разнообразием: red ‘рыжий’, dark red ‘темно-красный’, bright red ‘ярко-красный’, the reddest ‘насыщенно-красный’, so red ‘насыщенно-красный’, blushing ‘румяный’, pink ‘розовый’, rosy (rose) ‘розовый’, rosy-cheeked ‘розово-

щекий', scarlet 'алый', bloody 'кровавый', blood-red 'кроваво-красный', as red as blood 'кроваво-красный', as red as June roses 'красный как июньские розы', crimson 'малиновый', crimsoned 'ставший малиновым', cherry-coloured 'вишневого цвета', cherry 'вишневого цвета', like cherries 'вишневого цвета', red goby 'насыщенно-розовый', the reddest of ripe apples 'самые красные из спелых яблок', as red as a turkey-cook 'красный как индюк'.

Референтами оттеночных обозначений красного цвета являются *кровь, вишни, июньские розы, спелые яблоки и индюк*.

Проведенное исследование доказывает, что для вербальной презентации оттенков красного, кроме качественных, используются и относительные прилагательные, реализующие цветовое значение, например, bloody 'кровавый', blushing 'румяный'.

Оттеночные обозначения *красного* цвета делятся на несколько групп в зависимости от оттенка, который они именуют: а) ярко-красный — scarlet 'алый', bright red 'ярко-красный'; б) темно-красный — cherry 'пунцовый', dark red 'темно-красный'; в) бледно-красный, розовый — goby 'розовый', pink 'розовый'; г) насыщенный розовый — red goby 'насыщенно-розовый'; д) смешанный — bloody 'кровавый' (багровый + ярко-красный); crimson 'малиновый' (красный + синий, фиолетовый); red 'рыжий' (красный + желтый).

В сказочной картине мира англичан при упоминании одежды оттеночные цветообозначения красного crimson и scarlet социально детерминированы: nobles dressed in crimson velvet 'знать, одетая в малиновый бархат', St. George was flung a scarlet mantle 'Святой Георгий носил алую мантию', a scarlet dress 'алое одеяние (у джентльмена)'.

Цветообозначения, маркирующие различные оттенки красного цвета, многочисленны и разнообразны в английской сказочной картине мира, что свидетельствует о необходимости тончайшей конкретизации данного базового цвета даже для детей.

В языке английских сказок палитра оттеночных цветообозначений с общей семой *белого цвета* включает двенадцать «цветовых» лексем и словосочетаний: white₁ 'бледный', white₂ 'седой',

Milky-white ‘молочно-белый’, milk-white ‘молочно-белый’, white-milk ‘молочно-белый’, snow-white ‘белоснежный’, white-haired ‘седой’, as white as milk ‘белый как молоко’, as white as snow ‘белоснежный’, as white as marble ‘белый как мрамор’, translucent alabaster ‘полупрозрачный алебастр (алебастр — мелкозернистый гипс белого цвета)’.

Референциально оттеночные цветообозначения с семьей белого цвета соотнесены с *молоком* — приоритетным референтом, а также со *снегом* и *мрамором*.

В основе базовых оттеночных прототипов *черного* лежит цвет полезного ископаемого — угля (black-coal ‘угольно-черный’) и биологического времени — ночи (black as night ‘черный как ночь’). Сажа (as black as soot ‘черный как сажа’), ворон (as black as a crow ‘черный подобно ворону’) и физико-химический процесс (overbaked ‘пережаренный’) не относятся к доминирующим референтам, хотя также одновременно указывают на окраску и источник ее происхождения.

Интенсивность оттенков черного цвета декодируется с помощью лексических интенсификаторов, выражающих большую или меньшую по сравнению с нормой степень цвета, его насыщенность: а) прилагательное black в превосходной степени сравнения + имплицитное выражение темного цвета — the blackest night ‘самая темная ночь’, б) прилагательное black в превосходной степени сравнения + прилагательное black в положительной степени сравнения — to put on the blackest black ‘надеть самое черное’.

В английской сказочной картине мира цветовая гамма оттенков *желтого цвета* вербализируется посредством восьми «цветовых» номинаций (amber-colour ‘янтарный цвет’, blond ‘цвета блонд’, dirty yellow ‘грязно-желтый’, golden ‘цвет золота’, Goldilocks ‘Златовласка’, red gold ‘цвет красного золота’, golden-coloured ‘цвет золота’, sandy-coloured ‘цвет песка’). При передаче зрительного восприятия оттеночных цветообозначений желтого цвета преимущественно используется *цвет золота* — драгоцен-

ного металла как объекта окружающего мира. Сема предметности отходит на второй план и актуализируется сема признаковости, в центре внимания — одно из качеств, которым наделено золото, — его цветовой признак. Именно с цветом данного драгоценного металла англичане традиционно ассоциируют оттенки желтого: *golden* ‘цвет золота’, *Goldilocks* ‘Златовласка’, *red gold* ‘цвет красного золота’, *golden-coloured* ‘цвет золота’.

Мир вокруг нас полон красок. Эксплицируя такое многообразие, оттеночные цветообозначения отражают потребность в более дифференцированном изображении объектов. По параметру ‘интенсивность цвета’ оттеночные обозначения *коричневого цвета* подразделяются на светлые (*hazel* → ‘светло-карие’ (о глазах)) и темные (*dark oak* → ‘цвет темного дуба’).

В английских сказках отмечен пример использования эксплицитного компонента *dark* ‘темно-’ (*the dark oak dresser* ‘комод цвета темного дуба’), хотя в целом, данный элемент не характерен для эксплицитной передачи оттенков коричневого цвета в английской сказочной картине мира.

Референты оттеночных обозначений с семантикой коричневого цвета отличаются разнообразием (*дуб, лесной орех, бронза, степень прожарки мяса*) и “мотивационной прозрачностью”.

В результате проведенного исследования фиксируются неактуальность оттенков коричневого для англичан (7.35%).

Оттеночная семантика *серого цвета* в сказочной картине мира англичан эксплицируется посредством фрагментарных примеров (*silver* ‘серебряный’, *silvery* ‘серебристый’, *silvered* ‘серебристый’, *silvery grey* ‘серебристо-седой (о волосах)’, *pale grey* ‘светло-серый’), что свидетельствует о периферийности (7.35%) данного цвета для английской лингвокультуры.

Каждый язык по-своему членит цветовое пространство. Одни цветовые ощущения подробно и разнообразно именуется в языке, другие же имеют лишь одно-два наименования. Для языка английских сказок не характерна развитая система обозначения оттенков с общей семьей *синего*: *light blue* ‘голубой’, *deep*

blue ‘темно-синий’, as blue as two forget-me-nots ‘синие как незабудки’.

В сказочной картине мира англичан отмечен незначительный диапазон оттенков синего: светло-синий (light blue) и насыщенно-синий (deep blue).

Материал исследования позволяет констатировать отсутствие широкого охвата оттеночной семантики синего цвета и узурально ограниченное использование его оттенков.

Группа оттеночных цветообозначений с семантикой *зеленого* в сказочной картине мира англичан малочисленна (sea-green eyes ‘глаза цвета морской волны’, as green as grass ‘цвета травы’, so green ‘насыщенно-зеленый’). Фиксируется влияние объекта характеристики на оттенок: sea-green и as green as grass отражают разные оттенки зеленого, не являясь равнозначными. Оттеночные цветообозначения с семантикой зеленого передаются и посредством ассоциаций: если события происходят весной, то растительный мир априори обладает ярко-зеленой насыщенностью; если же события разворачиваются в конце лета или начале осени, то зелень уже не такая яркая и сочная.

Редкие примеры эксплицитной вербализации оттенков зеленого цвета свидетельствуют о его периферийности в английской сказке. Зеленый цвет в сказочной картине мира англичан — это, прежде всего, цвет растительного мира. Исследование доказывает, что дифференциация зеленого по оттенкам не существенна для носителей английского языка: не имеет значения, насколько светлее / темнее, ярче / тусклее окружающий англичанина растительный мир. Низкая степень конкретизации данного цвета для английского обыденного сознания объясняет периферийное место зеленого цвета в английской сказке.

3. Выводы

Система оттеночных цветообозначений является важным фрагментом в цветовой визуализации сказочной картины мира англичан, придавая персонажам, объектам и событиям образность,

выразительность и рельефность. Конституенты группы оттеночных цветообозначений объединены на основании общего семантического признака — оттенок базового цвета. В сказочной картине мира англичан используются традиционные оттенки без детализации в семантике колоронимов тончайших оттенков.

В зависимости от важности тех или иных базовых цветов в повседневной жизни, их оттенки имеют большее или меньшее отражение в языке. Доминирующую позицию, формируя ядро оттеночного цветового сказочного пространства, занимают оттеночные номинации с семантикой красного цвета, для которых характерны богатство символических и семантических наполнений, обширный информационный потенциал. Цветообозначения, называющие оттенки белого и черного, локализованы в ядре колористической картине мира английских сказок. Наименования оттенков желтого, коричневого, серого, синего и зеленого находятся на периферии данной картины мира.

Группа оттеночных цветообозначений характеризуется отсутствием / наличием предметного компонента, включает простые и сложные структурные конструкции, номинации разной частеречной принадлежности с явным доминированием имени прилагательного, аксиологической и гендерной маркированности, социальной значимости, фиксированным / универсальным узусом, выражающим прямое / переносное значения, дифференцированные по яркости, интенсивности и тону.

Отмечается связь зрительного образа — оттеночного цветообозначения — с определенным универсальным образцом.

Для каждого народа цвет — одно из средств осмысления мира и ословливания: цвет помогает человеку выделить наиболее важное и заметное в природе (what's yellow and shining but isn't gold? 'желтое и блестит, но не золото. Что это?', the sky was all the colours in the world, blue and red and green 'небо было всех цветов в мире, и синее, и красное, и зеленое'; красные ягоды, конь белый), в мире окружающих его объектов (the smoke has changed the colour [of the wall] to a dirty yellow 'из-за дыма стена стала

грязно-желтой’; выпили по чарке зелена вина) и в самом себе (his wife as red as a turkey-cook ‘его жена покраснела как индюк’, побелеть от зависти).

Итак, вербализация цветообозначений в сказочном дискурсе отражает представления носителей английского языка о специфике картирования определенного — цветового — фрагмента и репрезентации структур знаний в языке.

Цвета имеют варианты, уточняющие их определенные аспекты: наличие / отсутствие светового потока, интенсивность и равномерность проявления цветового признака, количество световой энергии, испускаемой источником света.

Недостаточная разработанность проблемы языковой объективации национально-культурных особенностей критериев разграничения цвета — тона, яркости, насыщенности — в сопоставительном аспекте предопределяет актуальность изложенного в работе материала.

1. Параметр ‘светлый / темный’. В английском сказочном дискурсе зарегистрированы цветономинации, в которых передающие светлый тон оттенки репрезентируются как эксплицитно (light blue ‘светло-синий’), так и имплицитно (hazel ‘светло-карие (о глазах)’, blond ‘цвета блонд’). Эксплицитность характеризуется наличием определенных слов-идентификаторов (наречие slightly ‘слегка’, прилагательное light ‘светлый’) и не отличается многообразием в сказках англичан: slightly baked ‘слегка подрумяненный’, light blue ‘голубой’. Базовый цвет yellow в определенном контексте также подчеркивает светлоту объекта: yellow silken hair ‘светлые шелковистые волосы’.

Специальные слова-идентификаторы (прилагательные: dark ‘темный’, darker ‘темнее’ и наречие hard ‘сильно’) и словообразовательные элементы (префикс over- ‘избыток признака’) актуализируют темный оттенок в языке английских сказок: the dark oak dresser ‘комод из темного дуба’, raiment of a dark hue ‘одежда темного оттенка’, dark red sandstone ‘темно-красный песчаник’, bright-berried holly alternating with darker ivy ‘остролист с яркими

ягодами, чередующийся с более темным плющом', *hard-baked* 'сильно подрумяненный', *overbaked* 'сгоревший'. Имплицитная представленность темных оттенков также фигурирует в английском сказочном дискурсе: *cherry* 'пунцовый' → темно-красный оттенок (*cherry-coloured cheeks* 'щеки вишневого цвета', *cherry cheeks* 'щеки вишневого цвета').

В английском сказочном дискурсе имплицитность параметра 'темный / светлый' передается и контекстуально при помощи антонимии, когда качественный признак уступает цветовому: *the girl was as white as milk* 'у девушки была молочно-белая кожа', *black King of Morocco* 'темнокожий король Марокко'.

2. Параметр 'яркий / тусклый'. При реализации параметра 'яркий' англичане отдают предпочтение прилагательным *bright* и *shiny* (*shiny bright hair like gold* 'светлые, блестящие как золото, волосы', *bright red cap* 'ярко-красный колпак', *bright red apples* 'ярко-красные яблоки'), но и имплицитное выражение они также не игнорируют (*scarlet cheeks* 'алые щеки', *Her golden-coloured hair falling over her shoulders and floating on the water shone like sunbeams on the sea* 'ее золотистые волосы, падающие на плечи и плавающие на воде, сияли подобно солнечным лучам на море').

Цветообозначение *gold* 'золотой' распространено в описаниях солнца, приближаясь в этом контексте к колореме *yellow* 'желтый', что связано с ассоциативными особенностями восприятия данного цвета как теплого, уподоблением его по таким признакам как яркость, сияние и блеск: *What's yellow and shining but isn't gold?* 'Желтое и блестящее, но не золото?' — *Sun* 'солнце'.

В сказках англичан признак 'тусклый' проявляется в немногочисленных примерах: *drab-coloured coat* 'тусклое пальто', *faint green glimmer* 'тусклое зеленое мерцание', *to grow dim and rusty* 'становиться тусклым и ржавым', *gloomy evening* 'мрачный вечер'.

3. Параметр 'бледный / насыщенный'. В английском и русском сказочных дискурсах сема 'бледность' преимущественно сосредоточена непосредственно в семантике лексических единиц (*rosy* 'розовый', *pink* 'розовый', голубой, голубенький, румяный),

а эксплицитный способ представлен единичными примерами: формант *pale* — *pale grey light* ‘бледно-серый цвет’, сравнительная степень — белее полотна.

Насыщенность характеризует степень, уровень, силу выражения цветового тона и в человеческом сознании связана с концентрацией пигмента, или краски. Насыщенность оттенков основных цветов в английском сказочном дискурсе декодируется с помощью лексических интенсификаторов, выражающих большую или меньшую по сравнению с нормой насыщенность цвета. Большая, превышающая норму, насыщенность цвета представлена следующим образом: 1) базовое цветообозначение + оттеночное цветообозначение — *red gosu* ‘насыщенный розовый’; 2) базовое цветообозначение в превосходной степени сравнения — *the reddest* ‘насыщенно-красный’; 3) базовое цветообозначение в превосходной степени сравнения + объект с качественным признаком — *the blackest night* ‘самая темная ночь’, *the reddest of ripe apples* ‘самые красные из спелых яблок’; 4) базовое цветообозначение в превосходной степени сравнения + базовое цветообозначение в положительной степени сравнения — *the blackest black* ‘самое черное’; 5) частица, усиливающая признак + базовое цветообозначение — *so white* ‘очень белый’, *so red* ‘насыщенно-красный’, *so green* ‘насыщенно-зеленый’; 6) прилагательное с усиливающим признаком + объект с качественным признаком — *dressed in deep mourning* ‘быть одетым в траурную одежду; одежда насыщенно черного цвета’; 7) прилагательное с усиливающим признаком + базовое цветообозначение — *deep blue* ‘насыщенный синий’.

В рамках параметра ‘бледный / насыщенный’ можно говорить о градуальности цветового признака, т. е. его нарастающей или убывающей интенсивности. В английском сказочном дискурсе градуальные оттенки присутствуют в семантике цветообозначений (*blond* ‘цвета блонд’ → *yellow* ‘желтый’) или же иллюстрируются с помощью дополнительных формантов: *gosu* ‘розовый’ → *red gosu* ‘насыщенный розовый’ → *so red* ‘насыщенный красный’ → *the*

reddest ‘насыщенный красный’; slightly baked ‘слегка подрумяненный’ → well-toasted bread ‘хорошо поджаренный хлеб’ → hard-baked ‘сильно подрумяненный’ → overbaked ‘сгоревший’; blue ‘синий’ → deep blue ‘насыщенно-синий’.

© Левицкий А. Э.

© Никульшина Т. Н.

1.4. ПРОБЛЕМА КОСВЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

1. Введение в проблематику исследования

Одной из наиболее актуальных областей современного языкознания является лингвистическая прагматика, фокусирующая свое внимание на исследовании вопросов, связанных в том числе с процессами порождения и интерпретации косвенных речевых актов (РА).

Традиционно косвенные РА противопоставляются прямым в зависимости от выбранной говорящим коммуникативной стратегии и описываются в рамках общей проблематики теории коммуникации, теории вежливости и конвенциональности речевого высказывания.

Однако многие вопросы косвенности РА остаются на сегодняшний день открытыми. Так, достаточно дискуссионными являются вопросы о природе косвенного РА и его характеристиках, способах формирования косвенных смыслов высказывания и механизмах возникновения косвенности (Дж. Серль, Р. Бертолет, Дж. Лич, О. Г. Почепцов и др.). Нерешенной на сегодняшний день остается проблема декодирования истинного смысла высказывания в случае осуществления косвенного РА (В. Кинч, М. Крессвелл, Дж. Лакофф и др.). Затруднительным представляется создание типологии косвенных РА. Это связано с тем, что сложно выделить, систематизировать и описать все способы косвенного выражения смысла, что объясняется разнообразием ситуаций и невозможностью учесть «все случаи речевых хитросплетений» (БУЛЫГИНА 1997: 284).

В настоящее время отсутствуют также четкие критерии разграничения прямых и косвенных РА. Это, в свою очередь, обуславливает и терминологическую неопределенность самого понятия «косвенный речевой акт». Необходимость решения названных проблем и связанная с этим актуальность исследования проблемы

косвенности РА неоднократно подчеркивается в трудах многих современных исследователей, таких как Дж. Серль (1986), Н. Д. Артюнова, Е. В. Падучева (1985), И. М. Кобозева (1986) и др.

Следует подчеркнуть, что в исторической перспективе само понятие косвенных РА наиболее интенсивно обсуждалось в рамках одноименной междисциплинарной концепции, подготовившей возможность описания варьирования смысла формальной структуры высказывания в условиях определенного коммуникативного контекста. Одним из первых исследователей, обратившихся к изучению данной проблематики, стал Дж. Остин, указавший на то, что содержание локутивного акта¹ не всегда обусловлено тем, для чего должно использоваться конкретное высказывание. Чтобы высказывание полностью соответствовало цели, должна быть устранена неоднозначность слов, и точно должны быть определены значения выражений, зависящих от контекста. Зачастую же такая определенность отсутствует.

Развитием данных положений послужили идеи Серля, вплотную обратившегося к разграничению прямых и косвенных РА с помощью понятия иллокутивной силы, и вошедшего в историю лингвистики в качестве основоположника теории косвенности РА.

Последователями Серля детально описаны многие проблемные области процессов формирования и выделения косвенных РА в языке. Выделены конкретные вопросы, вызывающие наибольшую дискуссию среди ученых.

2. Косвенность и имплицитность речевого акта

Анализ лингвистической литературы показывает, что различия в воззрениях современных языковедов на природу косвенных РА связаны зачастую с недетерминированностью понятий «косвенный речевой акт» и «имплицитный речевой акт» (И. М. Кобозева, О. Г. Почепцов, Е. В. Милосердова и др.). Это обусловлено пересечением понятий косвенности и имплицитности в лингвистике.

¹ О симультанных составляющих РА — локутивном, иллокутивном и перлокутивных актах — см. подробнее в (НИКОНОВА 2007).

Термин «косвенный» употребляется в лингвистике в двух значениях: 1) «непрямой» (*indirekt, indirect*) и 2) «опосредованный, содержащий промежуточное звено» (*mittelbar, mediate*) (МАРУЗО 1960: 142).

Кобозева рассматривает косвенность как способ такого выражения смысла, который кодируется с помощью языкового знака, конвенционально предназначенного для выражения другого, буквального, смысла знака (КОБОЗЕВА 1986).

В широком смысле «косвенным» признается всякий коммуникативный акт (как речевой, так и невербальный), действительная цель которого не выражена явно (КОБОЗЕВА, ЛАУФЕР 1988). В узком смысле «косвенным» признается такое высказывание, в котором один иллокутивный акт производится посредством совершения другого иллокутивного акта (КОБОЗЕВА 1986). Истинное коммуникативное намерение говорящего в таком РА не находит прямого выражения в языковой структуре высказывания.

Следует подчеркнуть, что понятие косвенности в узком смысле слова применяется в лингвистике как к содержанию высказывания (пропозиции), так и к интенции говорящего (иллокуции). В качестве примера косвенной пропозиции может выступать реплика В в следующем фрагменте диалогического текста:

- (1) A: Ich dachte, Anarchie ist interessant, aber der Typ geht gar nicht.
B: Ja, das ist so eine Schlaftablette (Die Welle 2008, <00:31:04>).

В приведенном РА осуществляется одна иллокутивная сила — сила утверждения. С точки зрения теории косвенных РА, высказывание В не является косвенным РА, поскольку косвенным в нем является пропозициональное содержание высказывания, а не иллокуция. Сравнение человека с таблеткой снотворного составляет пропозициональную часть РА, которая, безусловно, не может пониматься буквально, а анализируемое высказывание должно рассматриваться как прямой РА утверждения. Напротив, в косвенном РА имплицитно выраженным является его иллокутивный, а не пропозициональный смысл.

Как было отмечено выше, понятие косвенности пересекается в лингвистике с понятием имплицитности.

Имплицитность признается в языкознании общим свойством языковых единиц, которое может проявляться на любом уровне системы (Е. И. Шендельс, В. Х. Багдасарян, А. В. Старкова, К. А. Долинин, Л. В. Лисоченко, И. А. Стернин, В. В. Дементьев и др.), и рассматривается в его связи с другими смежными объектами, такими как «импликация», «импликатура» (А. В. Бондарко, Г. В. Колшанский, И. В. Арнольд, М. В. Никитин, М. Ю. Федосюк, Л. В. Лисоченко, P. Seuren, A. Kemmerling, R. Lakoff, F. Liedtke, M. Astroh, F. Wagner), «пресуппозиция» (Н. Д. Арутюнова, В. А. Звегинцев, Е. В. Падучева, R. Kempson, M. Reis, M. Pinkal), а также «подтекст» (К. А. Долинин, М. В. Никитин, М. Ю. Федосюк и др.).

Основным критерием имплицитности выступает отсутствие непосредственной выраженности содержания в поверхностной структуре высказывания. Так, А. В. Бондарко, анализируя план содержания текста, включает в его состав имплицитный компонент. С точки зрения исследователя, имплицитный компонент представляет собой совокупность семантических элементов, которые не выражены прямо (непосредственно) определенными языковыми средствами, а извлекаются из эксплицитно выраженных семантических элементов, их соотношения. По мнению М. В. Никитина, имплицитность есть «домысливание прямо не выраженного содержания». Имплицитные значения, по словам автора, не имеют непосредственного материального выражения и характеризуются сложной формой выявления: они производны от взаимодействия эксплицитного значения высказывания с совокупными условиями его реализации (НИКИТИН 1988: 141-144). К. А. Долинин также рассматривает имплицитное содержание как содержание, которое не воплощено прямо в узуальных лексических и грамматических значениях единиц языка, составляющих высказывание, а выводится из эксплицитного содержания высказывания в результате взаимодействия последнего со знаниями адресата и информацией, которую слушающий получает из контекста

ситуации общения (Долинин 1983: 37). Для получения имплицитной информации необходимы усилия со стороны слушающего, которые не могут быть сведены к сопоставлению языковых единиц и их значений (ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ 1999: 10).

Таким образом, исследователи едины в понимании имплицитности как элемента содержания высказывания, не находящего прямого выражения в языковых средствах и извлекаемого слушающим из взаимодействия эксплицитно выраженного значения высказывания посредством средств языка и условий реализации высказывания. Такой подход к пониманию явления имплицитности позволяет рассматривать понятия косвенного РА и имплицитного РА как полные синонимы.

В современной лингвистической литературе представлена и другая точка зрения, предполагающая обязательное разграничение этих понятий. Так, Милосердова выделяет три критерия разграничения терминов «косвенный речевой акт» и «имплицитный речевой акт». В качестве первого выступает разная степень удаленности реализуемого смысла от буквального значения. В косвенных высказываниях эта удаленность незначительна, в связи с чем слушатель без труда может расшифровать коммуникативное намерение говорящего. Отмечается, что иллокутивная функция косвенных высказываний не зависит от контекстуального окружения и ситуации. Вторым критерием выступает интенсивность деятельности говорящего. Для образования косвенных высказываний и их включения в коммуникативный процесс говорящему требуется меньше усилий, чем для образования имплицитных высказываний. Имплицитность не предполагает формального выражения интенции. Третьим критерием является характер реакции слушающего. Неадекватная реакция слушателя на косвенное высказывание является свидетельством намеренного нарушения процесса коммуникации (МИЛОСЕРДОВА 2001: 40-41).

Данные критерии не представляются, однако, достаточно четкими для разграничения терминов «косвенный речевой акт» и «имплицитный речевой акт». Прежде всего, критерий степени

удаленности реализуемого смысла от буквального значения весьма относителен и требует детализации. Автор не обращает внимания на то, что смысл РА включает как пропозициональный, так и иллокутивный компоненты, что, безусловно, необходимо учитывать при определении критериев косвенности РА. Вопрос о дифференциации обсуждаемых терминов также решается в концепции, предложенной автором, во многом с опорой на конвенциональность РА. Конвенциональные РА сближаются при этом с косвенными РА, а неконвенциональные — с имплицитными. Такое сближение понятий связано, по-видимому, с тем, что автор придерживается понимания конвенциональности в узком смысле слова, как следование языковым и речевым конвенциям в общении. Это обуславливает понимание косвенного РА как высказывания, в котором представлен конвенциональный способ косвенного выражения цели. Поэтому в качестве косвенных РА автором рассматриваются прежде всего клишированные формы выражения намерения говорящего. Следует согласиться с исследователем, что конвенциональность присуща косвенным РА в большей степени, чем прямым, и косвенность тесно связана с различными параметрами речевой ситуации. Однако то, что четкой границы между конвенциональными и неконвенциональными РА не существует, является доказанным постулатом современной теории конвенциональных и неконвенциональных РА (Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, М. Л. Макаров, В. В. Дементьев и др.).

Раскрывая понятие имплицитности, приведем и точку зрения, представленную в лингвистической литературе, в частности, Почепцовым. Выстраивая классификацию перформативных высказываний, ученый исходит из деления таких РА на высказывания с одной иллокутивной функцией («простые перформативы») и высказывания с двумя и более иллокутивными функциями («сложные перформативы»). И простые, и сложные перформативы могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. В состав эксплицитных сложных перформативов входит иллокутивный глагол, а имплицитными, с точки зрения автора, являются

сложные перформативы, которые не содержат описания иллокутивного акта (Почепцов 1986: 25-26). Так, если руководствоваться предложенными Почепцовым критериями, можно утверждать, что высказывание (2) представляет собой эксплицитный сложный перформатив, поскольку в его структуру входит иллокутивный глагол *fragen*. РА (3) следует признать имплицитным сложным перформативом, так как он не содержит описания иллокутивного акта:

- (2) Ich wollt' Sie *fragen*, ob Sie mit mir tauschen. (\approx Tauschen Sie mit mir?) (Die Welle, <00:03:21>).
- (3) Das ist mein Sohn! (\approx Machen Sie es schneller!) (Vincent will Meer, <01:06:21>).

Тем самым в качестве одного из критериев имплицитности следует рассматривать наличие или отсутствие в поверхностной структуре высказывания иллокутивного глагола, соотносимого с истинной иллокутивной функцией. Исходя из этого, высказывание (3) является имплицитным, а высказывание (2) может рассматриваться как эксплицитное.

РА (2) и (3) являются по терминологии Серля косвенными, хотя, безусловно, не являются однородными. Так, РА, представленный в примере (2) может рассматриваться как полифункциональный. Данное высказывание, являющееся по форме утверждением, однозначно распознается адресатом как вопрос, при этом две осуществляемые в РА иллокутивные силы оказываются сопряженными друг с другом. Истинное коммуникативное намерение говорящего в таких высказываниях не вступает в противоречие с интенцией, которая оказывается выраженной эксплицитными средствами. К подобным РА может быть отнесен и следующий пример:

- (4) Wenn Sie die U-Bahn nehmen, dann schaffen Sie's vielleicht noch (Good bye, Lenin, <00:12:40>).

РА (4) может характеризоваться как утверждение с точки зрения формы и как побуждение с точки зрения функции. Однако, как

и в рассмотренном выше примере, иллокутивная функция утверждения может рассматриваться как расширенная. Говорящий одновременно и сообщает об имеющейся возможности, и побуждает к действию, однако замещения функций здесь не происходит.

На случаи коммуникативной многозначности указывают многие лингвисты. В частности, Милосердова выделяет класс «бифункциональных вопросов». Она подчеркивает, что в зависимости от конкретной ситуации общения такие РА могут быть интерпретированы в двух смыслах: как истинный вопрос и как побуждение совершить действие, названное в вопросе (МИЛОСЕРДОВА 2001: 156).

Иной характер имеет высказывание, в котором одна иллокутивная функция осуществляется посредством другой иллокутивной функции, при этом исключается явление синкретизма иллокутивных функций. Так, в следующем высказывании иллокутивная функция побуждения осуществляется посредством иллокутивной функции утверждения:

- (5) Das war echt'n netter Abend, Tim. Wirklich. Aber Anke und ich, wir würden gerne noch'n bisschen alleine sein, wir haben mal'n Paar Sachen zu besprechen (Die Welle, <01:05:40>).

Говорящий дает собеседнику понять, что последний должен идти домой. Поверхностная структура высказывания содержит лишь показатели иллокутивной функции утверждения, однако речевая ситуация позволяет убедиться в том, что истинным коммуникативным намерением хозяина было побуждение — гость должен покинуть дом. Актуальный иллокутивный смысл высказывания может быть раскрыт только в контексте.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что проблема разграничения понятий «косвенность» и «имплицитность» обусловлена пересечением данных феноменов в языке и речи. Общность содержания указанных понятий как вариантов подразумевания создает основу для недифференцированного употребления лингвистами терминов «косвенный речевой акт» и «импли-

цитный речевой акт», что, в свою очередь, приводит иногда к подмене этих понятий и искажению концептуального смысла косвенности РА при выявлении и анализе данных феноменов в языке.

Анализ научной литературы и языкового материала позволяет сделать вывод о том, что понятия косвенности и имплицитности не являются взаимозаменяемыми в отношении косвенных РА и связаны с различными лингвистическими явлениями. Под косвенностью РА следует понимать косвенность выражения иллокутивной составляющей смысла высказывания, а понятие имплицитности относится к случаям, когда показатели иллокутивной функции РА не выражены формально.

3. Основные подходы к лингвистическому описанию косвенных речевых актов

Феномен косвенного РА базируется на известном в лингвистике положении о том, что в значении любого высказывания необходимо различать собственный (семантический) и прагматический компоненты (В. Г. Гак), прямое (буквальное) значение и реальный «речевой смысл» (А. В. Бондарко), «значение говорящего» и «значение слушающего» (Г. Грайс), «выраженное» и «подразумеваемое содержание», «собственное» и «контекстуально обусловленное» значение (В. И. Карасик). Первое, собственное, значение вытекает из общеязыкового значения компонентов, из семантико-синтаксической структуры высказывания. Прагматическое значение отражается в его функциональной направленности и определяется иллокутивной силой высказывания, будучи во многом обусловленным лингвистическим контекстом РА и коммуникативной ситуацией. Семантическое значение, с одной стороны, ограничивает иллокутивную силу: говорящий может придавать высказыванию лишь такую иллокутивную силу, которая не вступает в противоречие с семантическим содержанием. С другой стороны, семантическое содержание не исчерпывается одной иллокутивной силой, поскольку высказывание может приобретать дополнительный смысл, не совпадающий со значением иллокутивного акта.

Тем самым положения лингвистической теории указывают на явление косвенного РА, характеризующегося расхождением собственного и прагматического значения, «формы (синтаксического, графического, просодического оформления) и коммуникативной направленности» (ПОСПЕЛОВА 1988: 141). В речи участники коммуникации нередко употребляют одно предложение, чтобы выразить смысл, соответствующий другому, и при определенных условиях «высказывание одного содержания влечет выражение другого» (ГОРДОН, ЛАКОФФ 1985: 276).

В научной литературе представлено несколько концепций, которые по-разному объясняют наличие и соотношение в косвенном РА двух видов значений (семантического и прагматического), а также по-разному освещают способы формирования косвенных смыслов РА. В соответствии с содержанием и основными положениями этих концепций можно говорить о том, что в современной лингвистике сложились конвенциональный, логико-инференционный и прагматико-транспозиционный подходы к описанию косвенных РА.

Представители конвенционального подхода, базирующегося на положениях, изложенных в работе *Косвенные речевые акты* Серля (1986), считают, что иллокутивная сила косвенных актов речи может распознаваться адресатом с опорой на конвенции — «неписаный договор, установления, принятые в данном обществе» (ФОРМАНОВСКАЯ 2007: 268). При этом такое распознавание возможно и без опоры на контекст. Операция декодирования проводится адресатом подсознательно.

Серль отмечает, что определенные формы постепенно приобретают статус конвенционально установленных стандартных форм для выражения косвенных РА. Такие формы могут употребляться условно, сохраняя свое буквальное значение. Серль, справедливо отмечая, что некоторые синтаксические формы функционируют в косвенных актах речи успешнее других, стремится установить определенную «общность формы» косвенных РА, т. е. найти те «формальные признаки в поверхностной структуре

предложений», которые позволяют осуществлять косвенные акты речи (СЕРЛЬ 1986: 200-201).

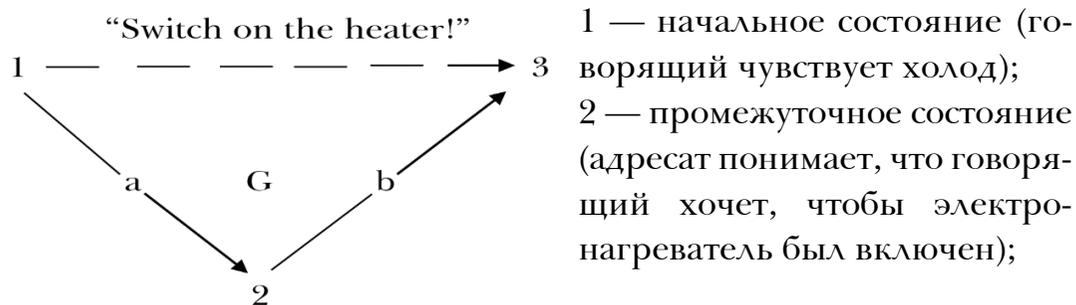
Таким образом, некоторые косвенные смыслы получают в языке стандартный способ выражения и могут быть распознаны слушающим с опорой на языковые и речевые конвенции. Первичным признается косвенный иллокутивный акт.

С позиции логико-инференционного подхода, фокусирующего внимание на процессах порождения косвенных РА, существуют две точки зрения на феномен косвенности актов речи.

Первое направление представлено работами Дж. Лича (1980; 1983) и Д. Холдкрофта (1985) и базируется на положении о косвенном характере человеческой коммуникации в целом. Согласно концепции упомянутых авторов, человеческая коммуникация, рассматриваемая с точки зрения анализа «цель — средство», является преимущественно косвенной. Степень косвенности может, безусловно, различаться и выражается лишь длиной цепочки «цель — средство», соединяющей РА и цель говорящего. Наиболее «прямые» иллокуции представлены высказываниями, в которых отсутствует противоречие между иллокуцией и принципами речевого общения, а «косвенные» иллокуции отличаются большим количеством этапов, которые проходит слушающий до установления цели говорящего. Таким образом, косвенными признаются все иллокуции, т. е. их значение всегда выводится из импликатур. Различие заключается лишь в степени косвенности (LEECH 1983).

Согласно Личу, косвенный РА, указанный Серлем, представляет собой лишь частный случай реализации РА.

Так, Лич приводит следующий пример:

З — конечное состояние (говорящий чувствует тепло);

G — цель дойти до состояния З (чувствовать тепло);

a — действие говорящего, в котором он говорит адресату, чтобы последний включил электронагреватель;

b — действие адресата, в котором он включает электронагреватель (ibid.: 37).

Рассматривая этот пример в свете результатов анализа «цель — средство», следует отметить, что в то время как конвенциональная теория феномена косвенности Серля характеризует приведенное высказывание как прямой РА, с позиции теории Лича о косвенном характере человеческой коммуникации оно будет рассматриваться как косвенный РА.

Второе направление исследований в рамках логико-инференционного подхода к анализу косвенных РА, акцентирующее внимание на тесной взаимосвязи последних с максимами речевого общения Грайса, представлено в современной лингвистике работами Д. Шпербера и Д. Уилсона (1986), Р. Бертолета (1995), Е. Н. Стариковой (1985).

Исходя из основного принципа кооперации Грайса, коммуникативный вклад участников коммуникации на каждом шаге диалога «должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» (ГРАЙС 1985: 222). Данному принципу кооперации подчиняются более конкретные коммуникативные постулаты (количества, качества, отношения и способа). По мнению Бертолета, именно нарушение говорящим одного из постулатов наводит слушающего на мысль, что говорящий преследует другую прагматическую цель. Нарушение правил происходит лишь на уровне поверхностной структуры РА, глубинная же структура отвечает требованиям коммуникативных максим. С учетом этого подхода, в косвенном РА в понимании Серля осуществляются не два иллокутивных акта, а лишь один, а именно тот, показатели которого находят выражение в поверхностной структуре высказывания (т. е. такой иллокутивный акт,

который сам Серль считает вторичным). Дополнительная иллокутивная сила выводится как коммуникативная импликатура.

Таким образом, основу для распознавания иллокутивного акта, который, по Серлю, является первичным, составляют коммуникативные постулаты. С их помощью слушающий может распознать те компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысловую структуру предложения — «коммуникативные импликатуры» или «импликатуры речевого общения», по Грайсу. Исследователь отмечает, что коммуникативная импликатура должна быть логически выводимой, в отличие от конвенциональной импликатуры, которая конвенциональным образом связана с тем или иным словом или синтаксической конструкцией и наличие которой может постигаться носителем языка интуитивным путем. Кроме того, коммуникативная импликатура возникает при произнесении высказывания p в данном контексте, но не каждый раз, когда произносится p . Конвенциональная импликатура, будучи результатом автоматизации логических связей в стереотипных ситуациях, напротив, возникает каждый раз при произнесении p (*ibid.*). Понятие импликатуры, предложенное Грайсом зачастую используется в современной прагмалингвистике при определении сущности косвенного РА. Так, например, Арутюнова и Падучева определяют косвенные РА как такие, смысл или иллокутивная сила которых выводится адресатом по правилам импликатур (АРУТЮНОВА, ПАДУЧЕВА 1985: 29). А. Г. Поспелова отмечает, что в косвенных РА наряду с прямой иллокутивной силой присутствует импликатура — конвенциональная или разговорная (ПОСПЕЛОВА 1988).

В отечественной лингвистической традиции явление косвенности в разных языках рассматривается с точки зрения теории прагматической транспозиции, восходящей к идеям Ш. Балли (1955), который описал различные виды транспозиции, механизм и направления ее действия. Транспозиция, как установлено, может проявляться на разных уровнях языка (КУБРЯКОВА 1977). В связи с развитием в лингвистике прагматико-ориентированного

подхода к изучению языковых единиц, понятие транспозиции было рассмотрено и с позиций прагматического синтаксиса. Представители такого подхода используют понятие прагматического транспорирования, т. е. использования предложений в несвойственных им прагматических функциях. Центральным понятием в этих исследованиях становится понятие коммуникативной интенции говорящего, которая присуща высказыванию в соответствии с ситуацией общения.

С точки зрения О. И. Герасимовой, коммуникативное намерение говорящего в косвенном РА выражается посредством языковых форм, не предназначенных для этого. Косвенными высказываниями, по ее мнению, являются «случаи транспорированного употребления высказываний определенного коммуникативно-прагматического типа в несвойственной им области» (ГЕРАСИМОВА 1985: 157). Аналогичное определение дает Почепцов, рассматривающий косвенный РА как случай транспорирования формы для передачи другого содержания. Он отмечает, что прагматическое транспорирование предложений происходит, когда предложение, по своим формальным признакам являющееся единицей одного прагматического типа, приобретает в речи иллокутивную силу предложений другого прагматического типа (ПОЧЕПЦОВ 1986).

Согласно рассматриваемой теории, транспозиция высказывания в категориально несвойственную ему область употребления приводит к тому, что основная (базисная) иллокутивная сила высказывания нейтрализуется вторичной иллокутивной силой. Основным, базисным, значением предложения является прямое значение, вытекающее из языкового содержания высказывания. Косвенное же значение, заключающееся в функциональной направленности высказывания, считается в рамках данного подхода вторичным. Важно отметить, что базисная сила высказывания при транспозиции нейтрализуется не полностью. Напротив, прямое значение играет решающую роль в распознавании адре-

сатом коммуникативной интенции говорящего, являясь предпосылкой для операции логического вывода, опирающегося на фоновые знания говорящих и условия общения (ГАК 1982; WUNDERLICH 1976a; 1976b; 1977; 1979; 1980). Именно поэтому прямое значение рассматривается сторонниками теории прагматической транспозиции как первичное, имеющее логический приоритет (ГЕРАСИМОВА 1985: 142), а высказывание, по их мнению, интегрирует два иллокутивных акта одновременно. Значение транспорированных предложений, как отмечается, является результатом действия разнообразных параметров речевого общения лингвистического и экстралингвистического порядка.

Итак, в рамках теории прагматической транспозиции утверждается, что возникновение косвенных РА обусловлено использованием высказываний в несвойственных им прагматических функциях. Основным, первичным значением признается значение прямого иллокутивного акта, в то время как косвенный смысл является вторичным.

Представленные подходы к интерпретации косвенных РА могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Так, Серль признает, что для объяснения косвенных РА необходимо обращение не только к теории РА, но и к теории кооперативного речевого общения Грайса, к инференционной способности слушающего и общим фоновым знаниям участников коммуникации, предлагая последовательность шагов, которые необходимы для вывода первичной иллокуции из буквальной иллокуции, и подчеркивая тот факт, что стратегия построения умозаключений состоит, во-первых, в установлении того факта, что первичная иллокутивная цель отличается от буквальной, и, во-вторых, в выявлении содержания первичной цели (СЕРЛЬ 1986). Грайс также отмечает, что при выводе коммуникативной имплицатуры слушающий опирается на конвенциональные значения использованных слов и знание всех их референтов, принцип кооперации и постулаты речевого общения, контекст высказывания, фоновые знания, имеющиеся у коммуникантов, а также на тот факт, что вся

указанная информация доступна обоим коммуникантам и они об этом знают. Сторонники теории прагматической транспозиции указывают на необходимость при выявлении коммуникативного смысла РА процедуры логического вывода, которая основана на знании принципов речевого общения, фоновых знаниях коммуникантов и на способности разумного рассуждения, подразумеваемой у говорящего и слушающего.

Однако сравнительный анализ теоретических положений рассмотренных концепций позволяет сделать вывод о принципиально разных результатах лингвистического анализа косвенного РА с позиций представленных подходов. Во-первых, совершенно различными являются исходные положения изложенных концепций. Так, конвенциональная теория при объяснении феномена косвенности актов речи исходит из анализа формальной структуры, характеризующей РА; логико-инференционная теория подходит к интерпретации феномена косвенности с точки зрения общего характера человеческой коммуникации; теория прагматической транспозиции отталкивается от изучения механизма транспорирования высказываний в несвойственную им категориальную область. Во-вторых, по-разному решается вопрос о том, осуществляет ли говорящий одновременно два иллокутивных акта (согласно конвенциональному подходу и теории прагматической транспозиции) или только один иллокутивный акт (согласно логико-инференционному подходу). В-третьих, разной оказывается роль косвенного иллокутивного акта. Согласно конвенциональному подходу, первичным является именно косвенный иллокутивный акт, т. е. тот акт, который соответствует коммуникативному намерению говорящего. С точки зрения логико-инференционного подхода и теории прагматической транспозиции, первичен тот иллокутивный акт, показатели которого содержатся в поверхностной структуре высказывания. В-четвертых, один и тот же РА может считаться прямым актом речи в интерпретации сторонников конвенционального подхода, но косвенным при логико-инференционном подходе.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что критерии лингвистического анализа косвенных РА остаются в настоящее время дискуссионными, и вопрос о механизме возникновения косвенности трактуется по-разному. Существенным в связи с этим оказывается выбор подхода к объяснению феномена косвенности в языке, определяющий в итоге содержание основных понятий и результаты лингвистического анализа косвенных РА.

Наиболее целесообразным для описания косвенного РА представляется интегративный подход, поскольку, во-первых, осуществление косвенного РА связано с реализацией двух или более иллокуций; во-вторых, распознавание актуального смысла РА возможно благодаря действию целого ряда факторов. Кроме того, для верной интерпретации коммуникативного намерения говорящего необходимо обращение к различного рода конвенциям, принципу кооперации и постулатам речевого общения, контексту высказывания, инференционной способности слушающего и общим фоновым знаниям участников коммуникации.

4. Проблема конвенциональности косвенных речевых актов

Как известно, близкие по коммуникативному предназначению ситуации предполагают сходные коммуникативные реакции у адресата, а связующей основой (помимо языковой системы) выступает коммуникативная ситуация во всем многообразии лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих единство норм и правил общения. На данных положениях основывается выделение учеными «прагматических универсалий понимания речевого акта» (Д. О. Добровольский), «правил прагматической интерпретации» (Т. А. ван Дейк), «речевых конвенций» (Дж. Серль, П. Стросон и др.). Отмечая роль различного рода установлений, Л. Витгенштейн указывает на то, что употребление произвольно и регулируется принятыми в языковом сообществе правилами. Овладевая языком, ребенок учится следовать этим правилам (цит. по: [Сокулер 1988: 127]).

Несмотря на то, что проблема конвенциональности разрабатывается в течение продолжительного времени, на сегодняшний

день остается открытым целый ряд вопросов, связанных с этим понятием (Д. Вундерлих, В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, Дж. Серль, М. Л. Макаров, А. Ю. Маслова и др.) Следует отметить, прежде всего, разнообразие терминов в данной предметной области. В современной лингвистике, наряду с термином «конвенция», используются термины «ритуал» и «ритуальность» (С. Б. Аракелян, В. И. Карасик, М. В. Кронгауз, С. И. Володина, А. Г. Сулейманян и др.), «правило» (Дж. Серль, Дж. Сэдок и др.), «нормы» (И. А. Стернин), «принцип» (Г. Грайс, В. З. Демьянков, Л. А. Азнабаева, и др.), «фильтр» (Э. Р. Шакирова), «фактор» (А. В. Кутькова), «стереотип» (И. В. Шалина, О. Ксенда, Н. И. Токарева и др.). В научной литературе отмечается неоднородность явления конвенциональности (Д. Вундерлих и др.).

Анализ лингвистической литературы позволяет говорить о том, что конвенциональность может пониматься как в широком, так и в узком смысле. Конвенциональность *в широком смысле* представляет собой обеспечение акта коммуникации посредством языка как культурного кода, регламентирующего различные социальные действия. С позиции данного подхода конвенциональность является одним из константных признаков РА: конвенционален любой РА, успешно реализующий свою коммуникативную интенцию (АРУТЮНОВА 1990: 412).

Традиционно конвенция определяется следующим образом: «регулярно повторяющаяся закономерность R в поведении членов общества P в ситуации S считается конвенцией, если истинно и общеизвестно в P, что почти всегда в ситуации S из всех членов общества P

- практически каждый следует R;
- практически каждый ожидает, что все остальные также следуют R;
- практически каждый почти одинаково оценивает приоритетность и предпочтительность всех возможных комбинаций действий;
- практически каждый предпочитает, чтобы любой другой следовал R при условии, что все остальные следуют R;
- практически каждый предпочел бы, чтобы любой другой следовал R' при условии, что все остальные также следовали бы R',

где R' — возможная закономерность в поведении членов общества P в ситуации S, что практически никто из членов данного общества P в данной ситуации S не может следовать одновременно R и R'» (LEWIS 1969: 78; цит. по: МАКАРОВ 2003: 204).

С такой трактовкой понятия конвенциональности связаны определения конвенции как «принятых в данном обществе и регламентируемых им форм взаимодействия, в том числе и речевого» (Е. В. Ключев), как «ситуативно-обусловленного стремления к кооперативному взаимодействию» (С. А. Сухих, В. В. Зеленская), «знания общих привычек» (У. Морган), «фоновых требований к коммуникации» (В. З. Демьянков). В частности, Демьянков выделяет такие свойства конвенций как имплицитность, угроза санкций со стороны общества при их нарушении, усвоение или благоприобретенность (ДЕМЬЯНКОВ 1994: 81).

В узком смысле конвенциональность — это следование тем или иным конвенциям при употреблении конкретных слов и выражений. Это положение требует разъяснений терминологического характера, поскольку в исследованиях лингвопрагматической направленности зачастую отсутствует четкая дифференциация явлений, подразумеваемых под понятием конвенции. Во-первых, исследователями отмечается существование различного рода конвенций (И. А. Стернин, Е. В. Ключев, С. С. Рябков, Дж. Виррер и др.). Во-вторых, приоритетными при осуществлении и распознавании иллокутивной силы речевого акта в различных концепциях признается тот или иной вид конвенций (М. Л. Макаров, А. Ю. Маслова, Н. И. Формановская, В. Г. Гак, Дж. Сэдок др.).

Первостепенное значение при определении конвенциональности речевого акта приобретают, по мнению ряда исследователей, *социокультурные конвенции* (П. Стросон, М. Л. Макаров, А. Ю. Маслова и др.). На начальном этапе становления теории РА рассматривались, в основном, речевые действия в институциональной сфере и вопрос о конвенциональности трактовался с опорой на данный вид конвенций. Речевое действие, согласно данной точке

зрения, понимается как действие, совершаемое согласно определенным неязыковым установкам. К конвенциональным РА относятся разнообразные ритуализованные речевые действия, которые обусловлены социальным институтом и приносят изменения в институциональное положение дел (например, голосование, арест, крещение, бракосочетание). Успешно осуществить такой РА в соответствующий момент ритуализованного события может лишь (согласно установленным социальным конвенциям) исполнитель, наделенный соответствующим социальным статусом. Знания

«об этих актах входят в коммуникативную компетенцию всех «нормальных» носителей языка, что подтверждается способностью каждого из нас правильно интерпретировать подобные речевые акты независимо от нашего личного опыта участия или неучастия в таких ритуалах» (МАКАРОВ 2003: 167-168).

В соответствии с изложенным, необходимый результат речевого акта достигается говорящим в случае, если для совершения конвенционального акта речи в указанном смысле он будет действовать в строгом соответствии с установленной процедурой. Лишь в соответствующих условиях произносимые фразы могут быть восприняты слушающим в том смысле, который подразумевается говорящим, и могут быть эффективными для совершения речевых действий.

При этом открытым вопросом остается объяснение того, каким образом обеспечивается распознавание коммуникативного намерения говорящего в РА, которые не регламентированы социальными конвенциями. С целью решить этот вопрос некоторые исследователи, обращаясь к изучению роли других видов конвенций в речевом общении, полагают, что приоритетными при определении конвенциональности РА являются *языковые и речевые конвенции* (конвенции употребления). Конвенциональность РА в таком случае понимается как «условие успешности реализации данного РА в определенной коммуникативной форме, которая позволяет акту быть декодированным в силу определен-

ных языковых норм», «фиксированная коммуникативная оболочка речевого акта, позволяющая декодировать его» (РЯБКОВ 2008). Остин утверждает, что на уровне локутивного акта действуют языковые конвенции, которые определяют значение высказывания. В ином случае говорящий и слушающий не смогли бы адекватно реализовать свои коммуникативные интенции и сделать правильный выбор языковых средств. Конвенциональными исследователь называет все акты, носящие характер ритуала или церемонии. Однако Остин, размышляя о ведущем значении языковых конвенций, не отрицает, что языковых конвенций оказывается, как правило, недостаточно для объяснения производства и восприятия иллокутивного акта. Как известно, одно и то же высказывание может быть использовано говорящим с разными иллокутивными намерениями. В таких случаях по отношению к языковым конвенциям производятся тождественные действия, но говорящий совершает разные иллокутивные акты, а слушающий понимает, какой именно иллокутивный акт производится. Тем самым иллокутивный акт регулируется конвенциями, не являющимися собственно языковыми (ОСТИН 1986: 89-91). Таким образом, если локутивное значение может быть определено с опорой на языковые конвенции, то тип иллокуции — с привлечением социальных конвенций.

Серль анализирует явление конвенциональности, снимая различие между конвенциями локутивного и иллокутивного уровня речевого действия. Он рассматривает иллокутивный акт как конвенциональное действие, относя совершение иллокутивного акта к тем формам поведения, которые регулируются конститутивными правилами. По мнению Серля, для того, чтобы говорящий при совершении иллокутивного акта получил определенный результат посредством опознания слушающим его намерения, необходимо пользоваться именно теми словами и выражениями, которые обычно используются в обществе для осуществления определенных воздействий. Если говорящий употребляет

слова в буквальном смысле, он хочет, чтобы опознание его намерения было осуществлено именно благодаря тому, что правила употребления произносимых выражений связывают это выражение с получением данного результата (СЕРЛЬ 1986: 151-169). Аналогичной позиции придерживается Почепцов, утверждающий, что речевой ход должен быть в максимальной степени стереотипизирован, как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания (ПОЧЕПЦОВ 1986: 77).

Действительно, следует согласиться, что в случае неадекватного и расходящегося с конвенцией использования языка намерение говорящего не может быть распознано слушающим. Однако, по замечанию Кобозевой, правила Серля оказываются действительными только для высказываний, в которых присутствует тот или иной языковой показатель коммуникативного намерения и этот показатель употреблен в буквальном смысле. Поэтому роль языковых средств в общении в рамках такого подхода оказывается преувеличенной (КОБОЗЕВА 1986: 16).

Проблема конвенциональности напрямую связана с исследованием плана содержания и плана выражения косвенных РА. Следует отметить, что вопрос о том, как соотносятся конвенциональные и косвенные РА, решается в лингвистике с различных позиций. Так, Х. Хаверкате, изучающий побуждение к действию, считает признак конвенциональности языковых средств основой различения прямых и косвенных речевых актов. Прямые акты речи имеют конвенциональные средства для выражения иллокутивной силы, т. е. средства, способствующие установлению иллокутивной силы без помощи коммуникативной ситуации. Напротив, косвенные РА не имеют конвенционально закрепленных средств, поэтому интерпретация слушающим иллокутивной силы высказывания зависит от его знания, понимания коммуникативной ситуации. Конвенциональные РА вообще исключаются исследователем из числа косвенных. Такую точку зрения Хаверкате объясняет тем, что в конвенциональных высказываниях пропозициональная часть называет действие, ожидаемое от адресата, поэтому данное

высказывание в большой степени сходно с соответствующим прямым высказыванием в форме императива (NAVERKATE 1979: 101-107). Ту же точку зрения представляет Т. В. Федорова, указывающая на то, что конвенциональные высказывания не следует относить к формам непрямой коммуникации, признаками которой являются осложненная интерпретативная деятельность адресата, ситуативная обусловленность, неконвенциональность и креативность (ФЕДОРОВА 2003).

В основе разграничения конвенциональных и неконвенциональных косвенных РА в зависимости от наличия и степени конвенционализации — стандартизации языковых выражений в типичных ситуациях лежит понимание конвенциональности в узком смысле слова (Дж. Серль, Н. И. Формановская, В. Г. Гак, С. М. Эрвин-Трипп и др.).

Согласно указанной трактовке, *конвенциональными косвенными речевыми актами* в лингвистике признаются типизированные образования, иллокутивная сила которых может распознаваться слушающим в единичном высказывании, изолированном от контекста. Прямое собственное значение форм оказывается вытесненным новым косвенным значением, так что и вне благоприятного контекстного окружения, вне конкретной ситуации, они сохраняют свою новую коммуникативную функцию. Распознавание коммуникативной интенции говорящего происходит с опорой лишь на языковые конвенции и выводится из обычности, стереотипности высказывания.

Косвенные РА, являющиеся с этой точки зрения конвенциональными, некоторыми исследователями характеризуются как идиоматичные (ГАК 1982; SADOCK 1975; 1977; SÖKELAND 1980). Как считают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский (1996: 51), идиоматичность означает «осложненность способа выражения содержания» в смысле концентрированного выражения и сложности понимания». Вероятно, в таком понимании можно принять положение об идиоматичности косвенного РА. Однако не следует считать косвенные РА идиомами в привычном смысле слова, так как

в отличие от идиом они допускают возможность буквального перевода на другие языки с сохранением значения конструкции (Дж. Серль).

К конвенциональным РА следует относить, прежде всего, распространенные этикетно-закрепленные формы общения. Так, вопрос *Können Sie mir sagen, wie viel Uhr es ist?* косвенно выражает просьбу сообщить время. Говорящий в данном случае использует некоторый стандартный способ косвенного выражения просьбы. В данном случае значение интенции побуждения может быть распознано носителем языка в изолированном от контекста высказывании. Напротив, формула *Ich frage mich, wie viel Uhr es ist* не является типизированной (ERNHARDT, HERINGER 2011: 67). В случае конвенционального косвенного РА трудно представить себе ситуацию, в которой РА мог бы выступать в своем буквальном значении, однако такие высказывания все же могут использоваться и в своей первичной функции (Дж. Мёшлер).

Неконвенциональные косвенные речевые акты («контекстуально-ситуативные» в терминологии Формановской) не имеют узואльно закрепленного за ними значения и употребляются лишь в определенных условиях в роли другого РА. Такие высказывания не могут распознаваться носителями языка в виде, изолированном от контекста и обстоятельств коммуникации. Интенциональный смысл может быть извлечен слушающим в этом случае из фоновых знаний, пресуппозиций и других условий коммуникативной ситуации на основе пропозициональной семантики высказывания (ФОРМАНОВСКАЯ 2007: 268-269). Распознавание коммуникативного намерения говорящего становится возможным и благодаря тому, что в отличие от бесконечного числа контекстов количество элементарных коммуникативных действий ограничено. Примером высказывания, в котором истинное намерение говорящего может быть понято слушающим лишь с привлечением контекста, является следующее диалоговое единство:

A: Komm, wir gehen heute Abend ins Kino.

B: Ich muss für eine Prüfung lernen (MEIBAUER 1999).

Реплика В содержит иллокутивный смысл отказа от предложения пойти в кино. Однако если рассматривать данное высказывание в изолированном от контекста виде, то информации об отказе в нем не содержится. То, что говорящий подразумевает отклонение предложения и объясняет причину отказа, может быть понято лишь в контексте диалога.

Сторонники разграничения конвенциональных и неконвенциональных косвенных РА признают, что четкой границы между названными видами РА не существует, что степень косвенности варьирует (М. Л. Макаров, Дж. Серль, Дж. Сэдок и др.). Они обращают внимание на то, что единичное употребление может развиться в конвенциональное, т. е. определенные формы могут приобретать статус конвенционально установленных стандартных форм для выражения косвенных РА. Такие формы употребляются условно, сохраняя свое буквальное значение. Конвенционализация происходит постепенно, что находит выражение в наличии непрерывной шкалы идиоматичности — неидиоматичности (SADOCK 1974: 158). Возможность конвенционализации обусловлена здесь тем, что высказывания, выступающие в роли средств реализации определенного косвенного РА, должны быть связаны с условиями успешности этого акта. Высокая частотность и повторяемость данных связей в разных коммуникативных ситуациях приводит к появлению в языке особых конвенций употребления (ЦУРИКОВА 2002: 34). Как следствие, конвенционализируются и языковые средства, используемые для реализации данного косвенного РА. В результате, эти средства могут стать стандартными речевыми способами выражения определенных РА. Полностью конвенционализованные значения РА прочно срастаются с соответствующими им пропозициями, становятся идиоматичными, начинают восприниматься как прямые и становятся фоновым знанием. Конвенционализация косвенных актов речи может быть проверена тестом на совместимость с отрицанием имплицитной цели (АРУТЮНОВА 1990: 413).

Таким образом, косвенные РА проявляют при функционировании различную степень конвенциональности, понимаемую в узком смысле слова. В случае косвенных РА с низкой степенью конвенционализации невозможно определить их значение без учета контекста. Вывод косвенных смыслов из прямого значения высказывания и распознавание намерения говорящего осуществляются лишь с опорой на прагматическую ситуацию, пресуппозиции и цели говорящего. Косвенные РА, имеющие высокую степень конвенционализации, напротив, не требуют привлечения контекста, чтобы быть понятыми.

Многие исследователи, рассматривающие конвенциональность в широком смысле, указывают на то, что этот признак свойственен речевой коммуникации как виду деятельности, что выражается в факте обязательного социального контроля протекания и результатов акта общения (С. С. Рябков, Е. В. Ключев, Э. Р. Шакирова, М. В. Лебедев). Так, Ключев полагает, что все коммуникативные акты в той или иной степени регламентированы (КЛЮЕВ 2002: 25). Шакирова указывает на то, что интенция говорящего в процессе материализации проходит через «фильтр» — комплекс нормативных ограничений, задаваемых структурой языка и речеповеденческими моделями общения (ШАКИРОВА 2003: 10).

Вышеизложенное позволяет констатировать тот факт, что все РА, являясь формой языкового общения, конвенциональны. Конвенциональность есть условие успешности акта речи. Как отмечает Демьянков, конвенции имеют характер фоновых знаний и входят в пресуппозицию говорящих. Все конвенции обладают следующими свойствами: имплицитность; угроза санкций со стороны общества при нарушении; усвоение или благоприобретенность (ДЕМЬЯНКОВ 2003: 81). Иллокутивный акт является всегда конвенциональным и по данному признаку может быть противопоставлен перлокутивному акту (СТРОСОН 1986). Конвенциональность РА требует знания определенных норм речевого поведения. Правила построения РА возведены в статус постулатов и максим общения (Г. Грайс, Дж. Серль, П. Стросон, Дж. Лич и

др.). Данные правила формируются в процессе коммуникации в течение определенного времени и переходят в сферу подсознательного использования (РЯБКОВ 2008: 64-65).

5. Критерии выделения косвенного речевого акта в языке

Проведенный анализ теоретических положений современной лингвистической прагматики позволяет сделать следующие выводы и сформулировать критерии выделения косвенных РА в языке.

В качестве первого критерия выступает *наличие в таком РА двух или более иллокутивных функций*. Важно подчеркнуть, что в основе этого критерия лежит исходный тезис теории речевых актов — разграничение пропозиционального содержания высказывания и его иллокутивной функции (Дж. Остин, Дж. Серль и др.) Пропозиция определяется языковедами как семантическое ядро, инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций и являющийся обозначением действительного или возможного положения дел (Н. Д. Арутюнова, И. М. Кобозева и др.). Теорией РА установлено, что одно и то же пропозициональное содержание может соединяться с разными иллокутивными функциями, давая разные РА. Однако, несмотря на то, что пропозиция и иллокуция часто получают совместную реализацию, в глубинной структуре их следует разделять. При этом, безусловно, имеется определенное согласование между типом РА и структурой участвующей в нем пропозиции: каждому иллокутивному акту соответствуют определенные ограничения, наложенные на структуру или смысл пропозиций.

В рамках теории РА о косвенном акте речи принято говорить, когда имеет место косвенность его иллокутивной функции. Иллокутивная функция есть результат сообщения высказыванию говорящим иллокутивной силы, который манифестирует свою коммуникативную цель в определенных условиях в ходе РА. Недифференцированное употребление термина «косвенность» применительно как к пропозиции, так и к иллокуции РА приводит к

тому, что в научной литературе как косвенные рассматриваются, например, такие явления, как намек, ирония, аллюзия. Тем самым исследователи не проводят разграничения между косвенностью пропозиционального содержания таких высказываний и их иллокутивного смысла, что обуславливает терминологически неточное использование понятия «косвенный речевой акт».

В настоящем исследовании под косвенным РА понимается РА с имплицитно выраженным смыслом иллокутивного акта, а не пропозиции.

Учитывая то, что класс косвенных РА не является однородным, мы предлагаем использовать в качестве критерия косвенности схемы вида «ИФ¹ => ИФ²» или «ИФ¹ + ИФ² => ИФ²», равно как и их возможные модификации, при сохранении неизменным правила «ИФ¹ ≠ ИФ²». Такой способ интерпретации косвенности высказывания представляется наиболее обоснованным. Выведена может быть и схема, применимая к прямым речевым актам: ИФ¹ => ИФ¹, где иллокутивная функция может быть выражена как эксплицитно (т. е. содержать иллокутивный глагол или его семантический эквивалент, пример (6)), так и имплицитно (т. е. включать в свой состав иные индикаторы иллокутивной функции, отличные от иллокутивного глагола и его семантических эквивалентов, пример (7)):

(6) Ich muss *mich* bei euch *entschuldigen*. Wir sind zu weit gegangen (Die Welle, <01:31:27>).

(7) Jetzt helfen Sie mir doch mal suchen! (Vincent will Meer, <00:40:46>).

В качестве второго критерия выделения косвенного РА выступает *возможность его интерпретации с опорой на целый ряд экстралингвистических факторов*. Безусловно, поверхностная структура РА, выражающая пропозициональное содержание, выступает в качестве отправной точки для правильной интерпретации высказывания. В ином случае вывод актуального смысла высказывания слушающим нужно было бы признать невозможным.

Смысл косвенного РА может быть выведен слушающим из эксплицитно выраженного пропозиционального содержания, однако, как справедливо отмечают многие исследователи, для решения вопроса косвенности РА необходимым является рассмотрение речевого поведения в широком неязыковом контексте. Как отмечает Долинин,

«вне ситуации и вне субъекта актуальный смысл просто не существует — он целиком ситуативен и субъективен» (Долинин 1983: 7).

В прямых РА выявление иллокутивной функции высказывания становится возможным благодаря наличию в поверхностной структуре предложения иллокутивных показателей — индикаторов иллокутивной функции, формальных элементов высказывания, которые регулярно соотносятся с определенным типом РА. Именно такие языковые маркеры показывают, какую иллокутивную силу или иллокутивное предназначение (термин Кобозевой) в действительности имеет высказывание.

В теории косвенности РА иллокутивные индикаторы подразделяются на первичные и вторичные. Значение первых заключается в указательной функции, выражающейся в назывании типа произведенного иллокутивного акта, т. е. они передают собственное значение высказывания. Значение вторичных индикаторов не сводится к указанию. Их назначение — поддержка косвенного значения высказывания. К числу вторичных индикаторов относятся, в частности, контекст и пропозициональное содержание (Герасимова).

Мы полагаем, что перечень вторичных индикаторов может быть расширен и может включать все факторы экстралингвистического характера, способствующие интерпретации косвенного РА. Поэтому встречающаяся в научной литературе точка зрения, согласно которой в поверхностной структуре косвенных РА индикаторы, указывающие на истинное коммуникативное намерение говорящего, отсутствуют, требует уточнения. В косвенном РА отсутствуют первичные указатели, но присутствуют вторичные ин-

дикаторы иллокутивной функции. К числу вторичных индикаторов следует также отнести различного рода конвенции, принцип кооперации и постулаты речевого общения, контекст высказывания и общие фоновые знания коммуникантов.

Предложенные критерии выделения косвенных РА могут выступать основой для описания и выявления данного феномена в различных языках, в том числе в целях сопоставительного исследования.

© Никонова Ж. В.

© Мидова Е. О.

1.5. СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ СОБЫТИЯ В СИНТАКСИСЕ АНГЛИЙСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

1. Введение

Исследования английского языка, выполненные в русле когнитивной лингвистики, в настоящее время остаются актуальными. Популярность таких исследований связана, по-видимому, и с общей востребованностью когнитивных наук, в центре которых — воспринимающий и осмысливающий мир субъект, и со способностью когнитивной лингвистики выявлять и объяснять особенности образования и функционирования языковых единиц, ранее в лингвистике не отмеченные. В последние десятилетия внимание ученых привлекает также дидактический аспект лингвокогнитивных исследований — возможность интеграции принципов и данных когнитивной лингвистики в теорию и методику преподавания иностранных языков; см. в (ACHARD, NIEMEIER 2004; DE KNOP, BOERS, DE RYCKER 2010; DE KNOP, DE RYCKER 2008; PÜTZ, NIEMEIER 2001; PÜTZ, NIEMEIER, DIRVEN 2011; ROBINSON, ELLIS 2008; ACHARD 2018; HOLME 2004; LANGACKER 2008A, 2008B; LITTLEMORE 2009; LLOPIS-GARCIA 2016; TYLER 2012; БЕЛЯЕВСКАЯ 2013; БУДАНОВА 2007; и др.).

Появились, в частности, работы, рассматривающие с позиций когнитивной лингвистики способы обучения английскому языку (RUDZKA-OSTYN 2003; ТАЈ 1989; TYLER, MUELLER, HO 2011; YASUDA 2010; YU-DA-LAI 2011; ДРУЖИНИН 2016; КРАВЧЕНКО 2013; МОТОВ 2019; РАХМАНКУЛОВА 2020; и др.).

Рост числа таких работ (обзор см. в [HIJAZO-GASCÓN, LLOPIS-GARCÍA 2018; РАХМАНКУЛОВА 2020]) связан, с одной стороны, с тем, что в методике обучения иностранному языку подчеркивается необходимость сознательного изучения языковых единиц в единстве их формы и значения в добавление к постоянному восприятию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00361.

эмпирического материала и воспроизведению данных языковых единиц в речи (см., в частности, [BOWLES, MONTRUL 2008]).

С другой стороны, исследования лексики и грамматики разных языков в рамках когнитивной лингвистики, нацеленные на выявление особенностей осмысления и преломления действительности в конкретном языке (обусловленных особенностями мышления человека вообще и спецификой восприятия мира носителями данного языка), позволили предложить системные, интуитивно-понятные, психологически обоснованные и непротиворечивые объяснения разнообразным языковым явлениям. Поскольку объяснения исходят именно из особенностей восприятия и осмысления человеком фрагмента мира, они носят функциональный характер и позволяют увидеть, как особенности мысли (содержания) находят отражение в языковых формах. Стала очевидной мысль о том, что именно такие объяснения имеют большой лингводидактический потенциал, поскольку главнейшая цель обучения иностранному языку, несомненно, состоит в том, чтобы приобрести навык выражения своей мысли в формах изучаемого языка и навык обратной процедуры — декодирования смысла из форм иноязычной речи при ее восприятии.

2. Постановка проблемы

В настоящей работе отражены результаты лингвистического исследования, являющегося основой для построения лингвокогнитивной модели обучения грамматике (синтаксису) английского языка (RAKHMANKULOVA 2021). В соответствии с предлагаемой моделью, изучающий английский язык объясняются не только и не столько синтаксические конструкции английского языка как таковые, но механизмы и способы осмысления базовых типов ситуаций действительности в английском языковом сознании и соответствующие способы репрезентации представления об этих ситуациях в синтаксисе высказывания. Синтаксическая модель предложения рассматривается как знак типовой пропозиции, то есть когнитивной схемы, структурирующей фрагмент действительности в виде

определенного типа отношений между предметами. Навыки построения конкретных высказываний на английском языке осваиваются в направлении «от смысла к форме», от понимания того, о каком типе отношения говорится в высказывании и что именно в этом отношении представляется важным для говорящего, — к подбору синтаксической конструкции для выражения этого понимания. Особый акцент делается на специфике восприятия мира и его отражения в англоязычном предложении-высказывании по сравнению с русским и преодолении как собственно языковой, так и узуальной интерференции родного языка, с тем чтобы обеспечить формирование у учащихся навыка построения не только синтаксически правильной, но и естественной, аутентичной речи. Различия между структурами предложений в родном и изучаемом языке усматриваются в различиях пропозициональных схем структурирования одного фрагмента мира. Возможность устранения интерференции видится в формировании в сознании обучаемых пропозициональных когнитивных моделей описания определенного фрагмента действительности, свойственных носителю языка.

Однако конкретные концептуальные различия высказываний об одном типе события на русском и на английском языках крайне многообразны, а конкретные различия в использовании синтаксических моделей в речи на русском и английском языках многочисленны: само число возможных ситуаций действительности, концептуализирующихся как тот или иной тип отношения, бесконечно велико, а один и тот же фрагмент действительности может соотноситься с различными пропозициональными структурами. Разнообразны также различия в концептуализации одних и тех же сущностей, выделяемых во фрагменте действительности и получающих репрезентацию в языке. Для получения системного представления о различиях в синтаксической репрезентации действительности и, следовательно, в структурах высказываний о мире в русском и английском языках может быть полезно понимание более *общих закономерностей концептуализации мира и его синтаксической репрезентации* в изучаемом языке, которыми и

обусловлены особенности функционирования его синтаксических конструкций. Общие закономерности, как можно предположить, объясняются, с одной стороны, действием универсальных когнитивных механизмов, а с другой — спецификой восприятия события носителями данного языка (результатом реализации этих когнитивных механизмов).

3. Методы исследования

Для выявления общих особенностей репрезентации события в англоязычном высказывании был подобран и исследован материал, включающий образцы простых, неэллиптических, неинвертированных высказываний, принадлежащих к нейтральному и разговорному стилям речи и иллюстрирующих собой живую речь носителей английского языка, соответствующую языковой норме. В материал исследования вошли примеры высказываний, отобранные методом сплошной выборки из произведений современной англоязычной художественной литературы и кино, англоязычных текстов, созданных носителями английского языка и размещенных в сети Интернет, примеры из англоязычных корпусов *Corpus of Contemporary American English* (<https://corpus.byu.edu/coca>), *British National Corpus* (<https://corpus.byu.edu/bnc>), а также примеры из иллюстративного материала словарей английского языка. Отобранные высказывания были упрощены до минимальной информативной структуры: удалены вводные, уточняющие элементы, определения и другие второстепенные члены, не влияющие на смысловую достаточность высказывания. Далее высказывания были подвергнуты синтаксическому, пропозициональному, концептуальному анализу; проведен сопоставительный анализ англоязычных высказываний и их русскоязычных эквивалентов, и в результате были сделаны следующие выводы.

4. Результаты исследования

4.1. Общие различия в восприятии и репрезентации события обнаруживаются в соотнесении элементов «фигуры» и «фона» при восприятии события (TAYLOR 1995), соответствующем его

«профилированию» (LANGACKER 2000), что обусловлено способностью человеческого сознания фокусировать внимание на наиболее значимых (объективно выделяющихся в реальности или актуальных для конкретного субъекта) элементах действительности. Результаты реализации этого когнитивного механизма отражаются в различиях семантических и синтаксических структур высказывания.

По сравнению с русским высказыванием характерная особенность английского высказывания заключается в том, что то же самое событие действительности отражается в нем как признак (свойство, действие и т. п.) наиболее выделенного элемента. Наиболее значимый «участник» события (человек, неодушевленная сила, неодушевленный предмет) представляется в качестве активного субъекта («агенса»).

Имя субъекта занимает позицию подлежащего в синтаксической структуре высказывания и выражается именем (местоимением) в прямом падеже. Сравним:

Мне это не нравится; Ему холодно; Нам все равно. — I don't like (enjoy) it; He is cold / He feels cold; We don't care.

Построение таких высказываний обычно вызывает трудности у изучающих английский язык только на начальном этапе обучения.

В действительности некто может быть объектом или адресатом действия, но при этом в высказывании представлен именно как субъект и отражен именем в прямом падеже: *Нам так сказали.* — *We were told so.* Также правильно: *They told us so / that.* Анализ речи обучаемых с начальным и средним уровнем владения языком свидетельствует о том, что из двух приведенных вариантов языковой репрезентации события предпочтение, в силу интерференции русского языка, отдается второму варианту, несмотря на большую распространенность в аутентичной речи структур с глаголом в страдательном залоге. Данное наблюдение согласуется с результатами комплексного исследования русского идиома английского языка, предпринятого в (ЩЕННИКОВА 2017). Воз-

можно, изучающим английский язык необходимо объяснить особенность английского высказывания, заключающуюся в том, что в качестве наиболее значимого элемента (соответственно, отображаемого именем в прямом падеже в позиции подлежащего) типично представляется сам говорящий, с «перспективы» которого рассматривается событие (ср. толкование термина «перспективизация события» в [Филлмор 1988]).

Наиболее выделенный элемент ситуации, даже если он является объектом или инструментом действия, в русском языке также обозначается именем в первой позиции в предложении:

По стене колотили; Эту ткань легко гладить (=Эта ткань хорошо гладится); И Оскар вручили Леонардо Ди Каприо.

Однако в английском языке такой элемент отражается как субъект отношения и обозначается именем в позиции подлежащего (в случае, если он выражен местоимением, — в прямом падеже):

The wall took some beating; This cloth irons easily; And the Oscar went to Leo DiCaprio.

В этом случае (по крайней мере применительно к первому и третьему примерам) можно говорить о метафорическом осмыслении ситуаций (отсутствующем в русскоязычных примерах), о персонификации объекта.

Аналогично, в отличие от русского нейтрального высказывания, английское высказывание метафорически отражает событие, в котором особой значимостью для говорящего оказывается его временная характеристика: обозначение временного промежутка «получает роль» субъекта и обозначается именем без предлога в позиции подлежащего:

На прошлой неделе многое произошло; Во время пожара погибло 5 человек. — Last week saw a lot of events. The fire killed 5 people.

Стоит подчеркнуть, что англоязычные высказывания несмотря на свою метафоричность не являются принадлежностью исключительно образной, стилистически отмеченной речи, но соответствуют узусу английского языка.

Название места или обладателя чего-либо в английском высказывании также соответствует субъекту действия (тогда как в русском языке обладание концептуализируется по локативной модели [АРУТЮНОВА, ШИРЯЕВ 1983; БОНДАРКО 1996; СЕЛИВЕРСТОВА 2004; HEINE 1991; LYONS 1968]):

В доме было пусто — в нем никто никогда не жил; В моем резюме указано, что...; У меня есть мечта; У меня получается; У него голова болит. — The house was empty — it had never been lived in; It says on my CV that...; I have a dream; I am doing well (I am good at it / I can do that / I am getting the hang of this); He developed a rash.

4.2. Следующая особенность английского высказывания состоит в том, что, по сравнению с русским высказыванием, более значимым в нем предстает не само действие (процесс), а его конечный результат — новое состояние, положение субъекта:

Я устал; Я уйду; Я вернусь; Приготовьтесь; Я опаздываю; Темнеет. — I am tired; I am out of here; I'll be back; I am going to be late (I am running late, I won't make it on time); It's getting dark.

Внимание может также фокусироваться на положении субъекта в данный момент, а не на процессе воздействия на него:

Приложение сейчас тестируют; Ваши поправки рассматриваются. — The app is under test; Your amendments are in / under review.

Поэтому в тех случаях, когда русское высказывание строится по модели с глагольным сказуемым, английское высказывание может включать составное именное сказуемое или составное локативное сказуемое со связочным глаголом *to be* и именной частью, выраженной прилагательным (страдательным причастием) со значением состояния, наречием или предложным сочетанием со значением местоположения:

Его проверяют; Он пропал. — He is under test; You are under arrest; He is missing.

О той же самой ситуации в некоторых случаях можно сказать, используя конкретные глаголы:

Я уйду. Я вернусь. Он пропал. — I am going away. I'll return. He went missing.

Однако в других случаях альтернативного варианта нет (как, например, в *Я устал. — I'm tired*), а способ выражения со связочным глаголом *to be* и именной частью характерен для аутентичной разговорной речи, поэтому изучающим английский язык необходимо им овладеть.

Вместо связочного глагола *to be* может использоваться глагол *to get*, что показывает более резкое изменение состояния, процесс этого изменения и/или его случайность:

I've got tired (=I am tired). I was getting tired of this. I'll get back.
Ср.: Я устал. Меня уже это начинало утомлять. Я попаду обратно, доберусь обратно.

О том, что внимание говорящего в первую очередь обращено на результат события (новое положение предмета или состояние, метафорически понимаемое как новое положение), свидетельствуют также высказывания, в которых в отличие от эквивалентных русских высказываний отсутствует глагол, обозначающий движение (изменение состояния) предмета, либо вместо него используется глагол с более широкой семантикой. Сравним:

Он помог ей *перейти* дорогу. Он пригласил меня куда-нибудь *сходить*. Он написал домой *с просьбой выслать ему денег*. Если съешь все это, тебе будет плохо (тебя *будет* тошнить, *доведешь* себя до *тошноты*). — He helped her across the road. He asked me out. He wrote home for some money. You will eat yourself sick.

Сравним также:

Это меня радует. — This makes me happy; Он меня рассмешил. — He made me laugh.

По-видимому, большая значимость результата события обуславливает такую характеристику английского высказывания (о которой изучающим английский язык необходимо узнавать как можно раньше и не только эмпирическим путем), как высокая степень генерализации в способах выражения мысли по сравнению с русским языком. Сам процесс называется обобщенно, единицей с предельно широким абстрактным значением, получающим конкретизацию в контексте в сочетании с обозначением его результата.

В рассмотренных примерах два простых события, объединенных причинно-следственной связью, благодаря депрофилированию их отдельных элементов и реализации механизма концептуальной интеграции (FAUCONNIER, TURNER 2002), концептуализируются как одно, отражаются одной пропозициональной структурой, изоморфной структуре одного из событий (события перемещения в пространстве / изменения состояния). Одна из двух концептуальных структур включается в другую.

4.3. Действием механизма интеграции, наряду с механизмом профилирования / депрофилирования, можно объяснить еще одну особенность английского высказывания, которая заключается в том, что несколько смыслов могут быть представлены в нем интегрированно, в одной единице: несколько составляющих одного события — в одном слове, несколько событий — в одной структуре. При этом те элементы мысленного образа ситуации, которые в русском высказывании относятся к элементам «фигуры», в английском высказывании предстают как депрофилированные, «отодвинутые» на задний план.

Несколько событий, которые в русской речи выражаются отдельными предложениями (или частями сложного предложения), в английской речи могут быть выражены в одном высказывании, которое кажется простым по структуре, как в приведенном выше примере:

Если съешь все это, тебе будет плохо. — You will eat yourself sick.

Сравним также:

Она плакала, пока не уснула. Полиция решила, что это был несчастный случай. Я хочу, чтобы вы обыскали дом. — She cried herself to sleep. The police ruled it an accident. I want the house searched.

В этом случае, очевидно, имеет место «сжатие», «свертывание» информации как часть процедуры ее когнитивной обработки.

Сравним также следующие примеры:

Он тот человек, к которому нужно прислушиваться; Тебе стоит

составить список мест, обязательных для посещения (куда обязательно нужно сходить, которые нельзя пропустить); Это нечто, что есть только в Сан-Франциско (Это нечто, характерное только для Сан-Франциско). — He is a man to listen to; You should make a list of places not to be missed; This is a San-Francisco thing.

В этом случае части комплексного события не обязательно представлены в русском высказывании в виде частей сложного предложения, они могут отражаться полупредикативными структурами, однако в любом случае структура английского высказывания представляет две интегрирующихся пропозиции в еще более «свернутом» виде — в конструкциях с определением, выраженным инфинитивом глагола (с зависимыми словами), в многокомпонентных сочетаниях существительных. В результате описание ситуации действительности оказывается более компактным, а значит, экономичным, удобным для обмена информацией. Для достижения аутентичности речи такие способы выражения осваивать необходимо.

В одном элементе английского высказывания в «свернутом» виде может выражаться информация о различных предметах и аспектах действительности. Так, в одном глаголе-сказуемом может выражаться информация и о самом действии, и об инструменте или средстве, с помощью которого оно осуществляется, и об объекте этого действия, сопутствующих ему обстоятельствах и результате. Сравним:

Я пошлю (напишу) тебе сообщение. Тебя добавят (внесут) в черный список. Он прокладывал себе дорогу, расталкивая толпу локтями. Я ставлю «лайки» («сердечки») фото в Instagram. Сделай так, чтоб мое сердце снова стало не разбитым. — I'll text you. I'll DM you (I will direct message you). You will be blacklisted. He elbowed his way through the crowd. I heart things on Instagram. Unbreak my heart.

Это, разумеется, не означает, что нельзя сказать *I will send you a message* вместо *I will DM you*, но изучающим английский язык необходимо знать о том, что в реальной разговорной речи распространен более «сжатый» способ выражения. Как и в случае с рассмотренными выше особенностями английского высказывания, подобный способ выражения мысли для русского языка не характерен.

В семантику существительного с суффиксом *-er*, выступающего в высказывании в качестве именной части сказуемого, может быть также инкорпорирована характеристика предмета (как правило, информация о его типичном действии). Такому существительному в русском языке соответствуют сочетания и предикативные единицы:

Это шокирующая новость. Это очень увлекательный роман (заставляющий нас быстро переворачивать страницы). Тот, кто рано встает, все успевает. Он отлично упаковывает вещи. — That's a shocker. This is a page-turner. An early-riser manages everything. He is a nice packer.

Кроме того, подобные примеры, как и лексикализованные комплексы типа *He is the-glass-is-half-empty kind of person* (Он тот человек, для которого стакан наполовину пуст), по-видимому, демонстрируют стремление «закрепить» за предметом ту или иную характеристику, статус, представляя ее не как временный признак, но как постоянное свойство, или качество, идентичность предмета.

В целом для английского высказывания характерна более высокая степень «сжатия» информации в компактные языковые формы, или компрессия средств выражения мысли (см. об этом подробнее в [РАХМАНКУЛОВА, ИБО, ЦВЕТКОВА 2021]).

4.4. Одновременно с этим благодаря различиям в осмыслении, структурировании одних и тех же ситуаций действительности в английском высказывании может быть выражено несколькими единицами то, что в русском высказывании выражается одной единицей. Английское высказывание в этом случае обладает метафоричностью (в понимании теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Тернера [LAKOFF, TURNER 1980]): абстрактные сущности концептуализируются как дискретные объекты наблюдаемого мира, а отношение между ними может быть уподоблено наблюдаемому, физическому событию.

Так, в одной ситуации для русского языка выделены субъект, его действие (и характеристика этого действия), а для английского — более значимы субъект, действие и объект этого дей-

ствия, обладающий определенными характеристиками. Как следствие, высказывания о тех или иных действиях строятся по-разному: по модели с простым глагольным сказуемым в русском языке и по модели с простым глагольным сказуемым и прямым дополнением — в английском:

Мы поговорили; Я хотел бы поговорить с вами; Поможешь мне с сумками? Позвони мне. — We had a talk; I'd like to have a word with you; Will you give me a hand with the bags? Give me a call.

Соответственно, характеристика действия, которая в русском высказывании выражается обстоятельством образа действия (наречием), в английском высказывании представлена в определении (прилагательном):

Мы хорошо поговорили; Ты хорошо провел выходные? — We had a nice talk; Did you have a nice holiday?

Разумеется, изучающие английский язык должны понимать, что все сказанное не означает, будто в английском языке нельзя выразить тот же смысл и одним глаголом; во многих из рассмотренных случаев это возможно:

Позвони мне. — Call me; Хочу поговорить с тобой. — I'd like to talk to you.

Однако использование в тех же ситуациях сочетаний простых глаголов give, get, take, make и т. п. с существительными делает речь более естественной, ритмичной и поэтому похожей на разговорную речь носителей языка. Но в некоторых случаях в английском языке имеется только один из данных способов выражения:

Они позавтракали. — They had breakfast. Она накрасилась. — She's wearing makeup / She's made her face up (She's made up / Her face is made up).

Изучающему английский язык, как представляется, сложнее подобрать единицу для выражения смысла в том случае, когда для определенной конструкции русского языка в системе английского языка возможны несколько соответствий, а в речи носителей языка (в узусе языка) распространено одно из них.

5. Заключение и обсуждение

Итак, по результатам реализации механизмов профилирования и депрофилирования, перспективизации, интеграции, генерализации и компрессии как механизмов осмысления и «обработки» информации о мире для ее дальнейшего языкового отражения английское высказывание во многом отличается от русского. Эти различия необходимо понимать для достижения высокого уровня владения английским языком.

Однако знания о специфике концептуализации события и его репрезентации в синтаксисе простого высказывания — разумеется, лишь этап в развитии умения строить аутентичные высказывания о разных типах событий.

Закреплению понимания специфических способов выражения мысли в высказывании на английском языке и выработке автоматизма в их применении в речи должна способствовать система соответствующих упражнений, учитывающая принцип поэтапности обучения, — от ознакомления с новым материалом к формированию умения, от воспроизведения высказываний, реализующих правильный способ выражения мысли на английском языке, — до заданий речевого, творческого характера. Одновременно с этим особенности аутентичной речи, обусловленные спецификой интерпретации действительности английским языковым сознанием, необходимо осваивать индуктивным, эмпирическим путем через постоянное взаимодействие с аутентичным материалом, восприятие и анализ речи носителей языка.

Наряду с преодолением языковой интерференции внимание к описанным выше особенностям английского языка, как представляется, может способствовать более глубокому пониманию специфики мировосприятия, отраженной в структуре высказывания, и способов выражения знания о мире как в изучаемом иностранном языке, так и в родном.

© Рахманкулова С. Е.

1.6. ВЛИЯНИЕ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ УСЛОВИЙ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ТЕКСТОВ НА L1 И L2 НА КОЛИЧЕСТВО РЕАЛИЗУЕМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ИХ КОЛИЧЕСТВА В ИСХОДНЫХ ТЕКСТАХ*

1. Введение

Проблемы восприятия и порождения речи входят в число центральных проблем когнитивной лингвистики и психолингвистики, связанных с изучением закономерностей и механизмов речепорождения. В последние годы полученные данные находят все большее применение в сфере лингводидактики, способствуя переосмыслению методов и приемов обучения различным видам речевой деятельности при восприятии и воспроизведении текста.

В настоящее время в фокусе внимания исследователей находятся разнообразные аспекты затруднений, возникающих при структурировании речи как на родном (L1), так и на иностранном (L2) языках (ГАЛАКТИОНОВА 2008; ЖАБИН, МОЛОКАНОВА 2018; РАХМАНКУЛОВА 2020; DIDIRKOVA, DODANE, DIWERSY 2019; JORDANIDISZ, MIHÁLY, BÓNA 2019; LACZKÓ 2019; МАЕКАВА 2019; REDFORD 2019; и др.).

Результаты, полученные в ходе эксперимента со студентами начального этапа обучения Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета, интерпретируются с точки зрения внешне формализованного подхода: сопоставительному статистическому анализу подлежат количественные закономерности реализации предложений при воспроизведении текстов на L1 и L2. При этом выявляются изменения в количестве воспроизведенных предложений как в речи на обоих языках, так и по сравнению со стимульными исходными текстами. Полученные данные позволяют уточнить картину тех затруднений, с которыми обучаемые сталкиваются при восприя-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00361.

тии и воспроизведении текстов, скорректировать учебный материал и лингвометодические приемы, используемые для формирования и совершенствования языковой способности.

2. Методы исследования

Ниже приведены краткие сведения об особенностях проведенного эксперимента. Более подробно об участниках исследования, его целях и задачах, используемых методах и стимульном материале см. в (БЕЛЯЕВА, СИНЕОКОВА 2020).

2.1. Участники эксперимента

В эксперименте участвовали 14 студентов 1 курса Высшей школы перевода НГЛУ, мужского и женского пола, средний уровень владения иностранным (английским) языком — В1.

2.2. Материал исследования

В качестве стимульных текстов предлагались 6 адаптированных под задачу басен Эзопа, каждая на русском и английском языках (всего 12 текстов). Выбор одного жанра и одного автора предполагал нивелирование дополнительных факторов, влияющих на особенности восприятия и презентации представленной в тексте информации. Каждый текст содержал по 15 предложений: 5 простых, 5 сложносочиненных и 5 сложно-подчиненных.

2.3. Способы презентации стимульных текстов

В настоящее время появляются исследования, посвященные изучению особенностей воспроизведения текста в зависимости от характера их восприятия (SUZUKI, KORMOS 2019). В проведенном эксперименте список переменных был значительно расширен.

Варьировались следующие условия предъявления текстов.

Условие 1 (У1): текст предъявлялся в графическом варианте, сначала на L1, затем на L2.

Условие 2 (У2): текст предъявлялся в графическом варианте, сначала на L2, затем на L1.

Условие 3 (У3): текст предъявлялся в смешанном (графическом и звуковом) варианте, сначала на L1, затем на L2.

Условие 4 (У4): текст предъявлялся в смешанном (графическом и звуковом) варианте, сначала на L2, затем на L1.

Условие 5 (У5): текст предъявлялся в звуковом варианте, сначала на L1, затем на L2.

Условие 6 (У6): текст предъявлялся в звуковом варианте, сначала на L2, затем на L1.

2.4. Обработка полученных данных

Аудиозаписи воспроизведенных текстов на L1 и L2 (всего 168 текстов) расшифровывались самими участниками эксперимента. С одной стороны, каждый из тестируемых производил разметку собственных высказываний для достижения объективности членения речи на завершённые синтагмы. С другой стороны, расшифрованные материалы подвергались дополнительной проверке другими участниками с опорой на аудиозаписи.

В ходе анализа материала предполагалось получить ответы на следующие вопросы.

1. Существуют ли общие тенденции при изменении количества предложений в воспроизводимых текстах по сравнению с исходными?

2. Как порядок предъявления текстов на L1 и L2 вне зависимости от характера предъявления текста (графического, смешанного, звукового) влияет на количество предложений?

3. Как характер предъявления текста (графический, смешанный, звуковой) влияет на количество предложений вне зависимости от порядка предъявления текстов?

4. Как порядок предъявления текстов на L1 и L2 и характер их предъявления влияют на количество предложений?

3. Обсуждение результатов

3.1. Тенденции в изменении количества реализованных предложений по сравнению с их количеством в исходных текстах

Общие данные, дающие представление о количестве предложений, реализованных участниками эксперимента, приведены в Табл. 1.

Таблица 1. Количество реализуемых предложений при разных условиях предъявления

Испытуе- мый	Условия предъявления											
	У1		У2		У3		У4		У5		У6	
	L1	L2	L2	L1	L1	L2	L2	L1	L1	L2	L2	L1
1	9	11	10	12	9	12	7	8	9	11	9	11
2	8	9	8	11	10	11	9	10	11	10	8	10
3	8	6	11	10	10	11	10	11	9	7	8	12
4	10	13	11	12	13	11	13	13	11	12	12	13
5	6	8	11	11	10	11	12	12	7	12	12	13
6	8	8	7	9	11	12	12	10	10	9	11	11
7	12	10	11	8	10	11	9	13	9	9	12	11
8	6	8	11	8	13	14	11	13	11	10	11	14
9	9	7	9	9	10	13	10	10	11	9	13	13
10	12	10	12	10	12	15	10	12	12	11	14	15
11	16	10	9	11	11	8	9	11	11	10	8	11
12	10	10	10	7	10	8	9	12	10	16	13	13
13	10	8	9	11	9	11	8	11	8	10	10	11
14	7	10	11	12	11	9	10	13	10	12	11	12
Среднее значение	9	9	10	10	11	11	10	11	10	11	11	12

Как было сказано выше, каждый из 12 исходных текстов (6 на L1 и 6 на L2) содержал 15 предложений. Как видно из Табл. 1, количество реализуемых предложений может как совпадать с количеством предложений в исходных текстах, так и отличаться от него в сторону увеличения или уменьшения.

Для удобства ниже представлены данные о разнице в количестве воспроизведенных предложений по сравнению с их количеством в исходных текстах (Табл. 2).

Таблица 2. Разница в количестве реализованных предложений по сравнению с исходными текстами

Испыту- емый	Условия предъявления											
	У1		У2		У3		У4		У5		У6	
	L 1	L 2	L 2	L 1	L 1	L 2	L 2	L 1	L 1	L 2	L 2	L 1
1	-6	-4	-5	-3	-6	-3	-8	-7	-6	-4	-6	-4
2	-7	-6	-7	-4	-5	-4	-6	-5	-4	-5	-7	-5
3	-7	-9	-4	-5	-5	-4	-5	-4	-6	-8	-7	-3
4	-5	-2	-4	-3	-2	-4	-2	-2	-4	-3	-3	-2
5	-9	-7	-4	-4	-5	-4	-3	-3	-8	-3	-3	-2
6	-7	-7	-8	-6	-4	-3	-3	-5	-5	-6	-4	-4
7	-3	-5	-4	-7	-5	-4	-6	-2	-6	-6	-3	-4
8	-9	-7	-4	-7	-2	-1	-4	-2	-4	-5	-4	-1
9	-6	-8	-6	-6	-5	-2	-5	-5	-4	-6	-2	-2
10	-3	-5	-3	-5	-3	0	-5	-3	-3	-4	-1	0
11	+1	-5	-6	-4	-4	-7	-6	-4	-4	-5	-7	-4
12	-5	-5	-5	-8	-5	-7	-6	-3	-5	+1	-2	-2
13	-5	-7	-6	-4	-6	-4	-7	-4	-7	-5	-5	-4
14	-8	-5	-4	-3	-4	-6	-5	-2	-5	-3	-4	-3
Среднее значение	-6	-6	-5	-5	-4	-4	-5	-4	-5	-4	-4	-3

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в абсолютном большинстве случаев количество воспроизведенных предложений отличается от количества предложений в исходных текстах. В 98,2% случаев наблюдается уменьшение количества предложений в воспроизводимых текстах, в 1,2% случаев — увеличение (у испытуемого № 11 (У1, L1) и у испытуемого № 12 (У5, L2)). Количество исходных и воспроизведенных предложений совпало в 0,6% случаев (единственный результат у испытуемого № 10 (У3, L2)).

Диапазон разброса показателей (разница между наибольшим и наименьшим количеством воспроизведенных предложений) по всем испытуемым в среднем составляет 9 предложений.

В то же время у испытуемых наблюдаются значительные индивидуальные разбросы. Так, у 7% испытуемых диапазон разброса показателей составляет 9 ед., у 14% — 8 ед., у 7% — 7 ед., у 21% — 6 ед., у 29% — 5 ед., у 14% — 3 ед., у 7% — 2 ед. Если брать все показатели без привязки к конкретному испытуемому и условию предъявления, то диапазон разброса показателей составит 10 ед. (от -9 до +1).

Представляется, что уменьшение или увеличение количества предложений может быть вызвано целым рядом причин. Среди них можно выделить, например, степень сформированности таких когнитивных способностей как память, концентрация внимания и т. п. Большую роль могут играть также индивидуальные особенности сегментирования информации на смысловые отрезки и уровень языковой компетенции.

Большее количество предложений может быть результатом выделения многочисленных, но достаточно ограниченных по объему квантов информации и дальнейшего оформления их в самостоятельные синтагмы в потоке речи. Кроме того, в речи на L2 вероятным представляется стремление использовать синтаксически более простые структуры, что при условии максимального сохранения объема информации может приводить к увеличению количества предложений.

Меньшее количество предложений также может объясняться несколькими факторами. Во-первых, в силу указанных выше причин когнитивного и собственно языкового характера не исключено опущение части информации, что ведет к полной или частичной потере смысловых элементов. С другой стороны, уменьшение количества предложений может быть вызвано предпочтениями в выборе языковых средств при описании определенной ситуации, когда один и тот же факт может быть описан как через цепочку простых предложений, так и с помощью сложных предложений, в том числе сложносочиненных и сложноподчиненных с разной степенью подчинения.

В этом смысле полученные результаты являются лишь отправной точкой для дальнейшего изучения и осмысления выявленных тенденций с привлечением методик анализа языкового материала на структурном и смысловом уровнях.

3.2. Влияние порядка предъявления текстов на L1 и L2 вне зависимости от характера предъявления текста (графического, смешанного, звукового)

При сравнении количества реализуемых на разных языках предложений были выявлены следующие закономерности.

Существует разница между воспроизведением информации на разных языках: при воспроизведении на L2 диапазон средних значений по шести условиям составляет от -4 до -6 ед., в то время как при L1 — от -3 до -6 ед.

При предъявлении текстов в порядке L2—L1 на L2 воспроизводится большее количество предложений, чем при предъявлении текстов на L2 в порядке L1—L2. При этом на L2 различие между значениями при разном порядке предъявления ничтожно мало и составляет 0,03 ед.: $-4,64$ при L2—L1 и $-4,67$ при L1—L2.

При предъявлении текстов в порядке L1—L2 на L1 воспроизводится меньше предложений, чем при предъявлении в порядке L2—L1.

При предъявлении текстов на L1 в ситуации L1—L2 и при предъявлении текстов на L2 в порядке L2—L1 воспроизводится одинаковое количество предложений (10); наблюдаемые различия ничтожно малы. В то же время при предъявлении текстов в ситуации L2—L1 на L1 воспроизводится больше предложений, чем на L2 при предъявлении текста в порядке L1—L2.

Наибольшее количество предложений воспроизводится при предъявлении текстов на L1 в порядке L2—L1.

При предъявлении текстов на L1 при L1—L2 и в обоих случаях с L2 воспроизводится примерно одинаковое количество предложений.

Полученные результаты свидетельствуют о следующем.

1. В среднем на L2 воспроизводится несколько меньше предложений (–4,7), чем на L1 (–4,5). Количество предложений, воспроизводимых на L2, превышает количество предложений, воспроизводимых на L1, только при У5.

2. Количество воспроизводимых на L2 предложений не меняется при различном порядке предъявления. При воспроизведении на L1 наблюдается увеличение количества предложений в том случае, когда испытуемый уже знаком с содержанием текста на L2.

Что касается сравнения количества реализуемых на каждом языке предложений с количеством предложений в исходных текстах, в Табл. 3 приведены данные относительно усредненного числа реализованных предложений в текстах на L1 и L2 с учетом очередности их предъявления по сравнению с текстами стимульными.

Таблица 3. Среднее количество воспроизведенных предложений при разном порядке предъявления исходных текстов на L1 и L2

Порядок предъявления	L1	L2
1	–5	–4,7
2	–4	–4,7

Анализ результатов показал, что количество воспроизводимых на L1 предложений всегда меньше количества предложений в исходных текстах (исключение составляет результат испытуемого № 11 при У1: в его речи было зарегистрировано на 1 предложение больше, чем в исходном тексте). Таким образом, при предъявлении текстов на L1 в порядке L1—L2 количество воспроизводимых на L1 предложений меньше, чем в исходных текстах, и меньше количества предложений, которое воспроизводится при предъявлении текста на L1 в порядке предъявления L2—L1.

Из Табл. 3 также следует, что количество воспроизводимых на L2 предложений всегда меньше количества предложений в ис-

ходных текстах. Исключение составляют результаты испытуемого № 12 при У5 (превышение количества предложений исходного текста) и испытуемого № 10 при У3 (совпадение количества предложений стимульного и воспроизведенного текстов). Как видим, при предъявлении текста на L2 в порядке L2—L1 количество воспроизводимых на L2 предложений меньше, чем в исходных текстах, и совпадает с количеством предложений, которые воспроизводятся при порядке предъявления L1—L2.

3.3. Влияние характера предъявления текста (графический, смешанный, звуковой) на количество предложений вне зависимости от порядка предъявления текстов

Влияние характера предъявления текста и особенностей его восприятия студентами начального этапа обучения также представляет интерес с точки зрения выявления механизмов, лежащих в основе восприятия текста на L1 и L2.

В Табл. 4 представлены абсолютные показатели, характеризующие среднее количество реализованных предложений при предъявлении текстов в рассматриваемых условиях.

Таблица 4. Средние значения изменения количества предложений при разных способах предъявления текстов

Характер предъявления текстов	Среднее значение
Графический	9
Звуковой	11
Смешанный	11

Как показывают данные, наименьшее количество предложений испытуемые воспроизводили после предъявления текстов в графическом варианте (вне зависимости от языкового фактора). Результаты воспроизведения предложений после смешанного и звукового предъявления совпадают и превышают значения, полученные при графическом предъявлении. Одно из возможных объяснений может быть связано с фактором стрессогенности. Как указывали испытуемые в ходе специально проведенного после эксперимента анкетирования, первый его этап (именно на нем был

представлен графический вариант текстов, У1 и У2) характеризовался для них новизной ситуации и страхом неизвестности (МЕЩЕРЯКОВА, СИНЕОКОВА 2021). Вероятно, переживаемый стресс мог негативно влиять на когнитивные процессы, что приводило к опущению ряда смысловых деталей и, соответственно, реализации меньшего количества речевых синтагм.

3.4. Влияние порядка предъявления текстов на L1 и L2 и характера предъявления текстов на количество предложений

Полученные результаты позволяют выявить некоторые закономерности воспроизведения текстов с учетом комплекса рассматриваемых факторов.

В Табл. 5 приведены средние показатели 14 испытуемых по всем 12 комбинациям: три способа предъявления текстов и два порядка их предъявления.

Таблица 5. Количество воспроизведенных предложений на обоих языках при разных способах предъявления текстов

Характер предъявления	Порядок предъявления языка			
	L1—L2	L2—L1	L2—L1	L1—L2
Графический	9	9	9	7
Смешанный	10	10	10	13
Звуковой	11	13	13	9

Приведенные данные свидетельствуют о следующем.

Количество воспроизведенных предложений, наиболее близкое к количеству предложений в исходных текстах, наблюдается при У5, L2; У6, L1 и У6, L2, наименее близкое — при У1, L2.

При любом характере предъявления среднее количество воспроизводимых предложений меньше количества предложений в исходных текстах. Исключениями являются результаты испытуемых № 10 (У3, L2), № 11 (У1, L1) и № 12 (У5, L2).

Для удобства полученные результаты представлены на рисунке ниже.

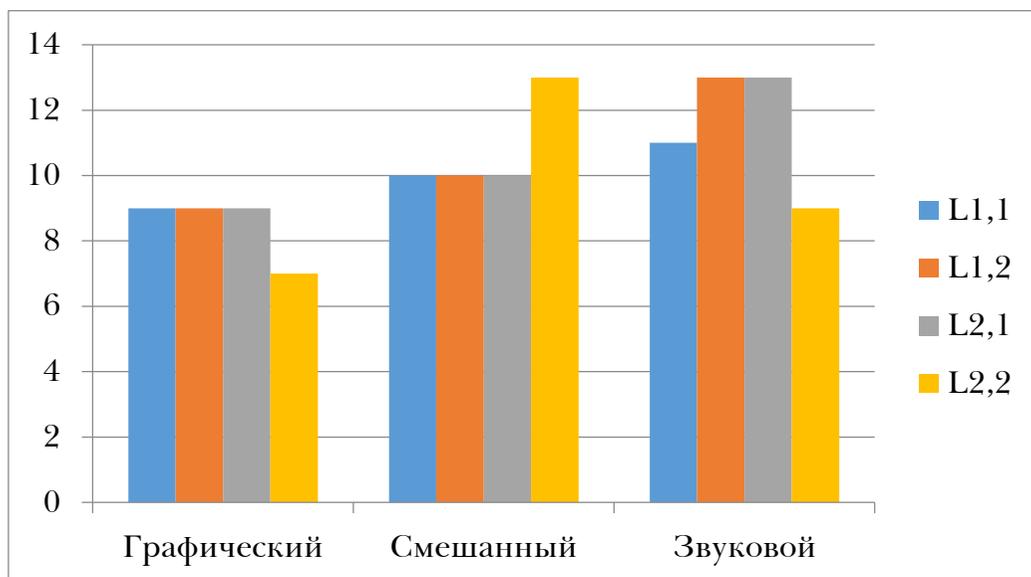

Рис. Изменение количества воспроизводимых предложений при разных условиях предъявления текстов (порядок следования языков и характер предъявления)

Представленная диаграмма позволяет проследить изменение количества воспроизводимых предложений, а также демонстрирует еще одну выявленную закономерность: количество предложений при втором предъявлении на L1 совпадает с количеством предложений, которое воспроизводится при первом предъявлении исходного текста на L2.

Как видим, в трех из четырех рассматриваемых ситуаций количество воспроизводимых предложений постепенно увеличивается; лишь при воспроизведении предложений в условиях, когда текст на L2 предъявляется во вторую очередь, наблюдается резкое уменьшение количества предложений.

При этом среднее количество воспроизводимых предложений не превышает количество предложений в исходных текстах.

4. Заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы относительно наблюдаемых тенденций в количестве воспроизводимых речевых синтагм.

В среднем количество реализуемых предложений меньше, чем в исходном тексте, вне зависимости от условий предъявления

текста. Однако с каждым новым этапом эксперимента оно увеличивается, что может объясняться уменьшением для испытуемых фактора стрессогенности ситуации эксперимента и достижением определенной стабильности в протекании когнитивных процессов, связанных с восприятием и порождением речи.

В то же время наблюдаются значительные индивидуальные разбросы, которые могут объясняться как психологическими, так и собственно языковыми затруднениями у участников эксперимента.

Наконец, при воспроизведении текста на L2 наблюдаются большие изменения по сравнению с исходными текстами, чем при воспроизведении текста на L1. В то же время при сравнении результатов, полученных в рамках экспериментов с одним и тем же языком, выясняется, что показатели речи на L2 имеют между собой меньше различий, чем показатели речи на L1. Одновременно при комплексном анализе факторов видно, что при воспроизведении текста на L2 (в условиях его предъявления в порядке L1—L2) количественные характеристики текстов сильно отличаются от их характеристик при восприятии в других ситуациях.

Перспективой настоящего исследования является расширение экспериментальной базы исследования, включение в комплекс факторов, определяющих количество реализованных предложений, учитывающих семантическое наполнение стимульных текстов, глубину содержащейся в них информации и т. п. Предполагается, что полученные результаты будут способствовать совершенствованию современных лингвометодических приемов, базирующихся на глубоком понимании механизмов реализации речемыслительной деятельности.

© Рахманкулова С. Е.

© Мещерякова А. А.

1.7. ЖЕСТИКУЛЯЦИОННО-РЕЧЕВЫЕ КЛАСТЕРЫ В ПЕРСУАЗИВНОМ ДИСКУРСЕ

1. Постановка проблемы

Современная наука о языке постулирует его рассмотрение в более широком контексте. В связи с этим особое значение имеет мультимодальная лингвистика, которая изучает просодические (сегментные, суперсегментные), грамматические, лексические прагматические стороны языка во взаимодействии с визуальными элементами. Учет несегментных и невербальных явлений, по убеждению А. А. Кибрика, дает более объемную картину и позволяет по-новому взглянуть на традиционные лингвистические вопросы. Термин «модальность» определяется им, как «тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» (КИБРИК 2010). В процессе устной коммуникации информация передается как звуковым, так и незвуковым, визуальным способом, т. е. через жестикуляцию, мимику, позы (КИБРИК, ФЕДОРОВА, НИКОЛАЕВА 2019). Под жестом понимают коммуникативно направленное движение рук; в семиотическом плане жест относится к кинетическим сигналам коммуникативного поведения.

Проблема координации собственно речевых и кинетических сигналов привлекает к себе пристальное внимание лингвистов с точки зрения их информативного вклада в коммуникацию, семантической согласованности vs. рассогласованности с речевыми сигналами, с точки зрения рассмотрения кинетических сигналов как дискретных систем, с точки зрения когнитивной лингвистики, рассматривающей жест как звено в определении специфики ментальных процессов. Так, Д. Болинджер подробно изучал связь между просодией и разными типами кинетических сигналов, а именно мимикой и жестами и предположил, что если они и возникают, сопровождая речь, то это происходит параллельно движению тона (BOLINGER 1983: 102-104).

Прогресс в изучении невербального поведения достиг своей

вершины лишь в XX в. Областью исследования ученых становятся части тела человека и их движения, мимика лица, обстановка, созданная вокруг говорящего и влияние на него кинетических элементов (КОРЛЫХАНОВА 2000; ВАШУНИНА 2007; ЦЫБУЛЯ 2016; АРНОВА 2018; ГРИШИНА 2017].

Ф. Бирдуистелл, рассматривая кинетическое поведение как дискретную систему, описал 60 кинем, 33 из которых приходится на движения, выполняемые головой, например, наклон головы — это кинема. Семь кинем реализуются различными положениями рта (сжатые губы, вытянутые губы, поджатые губы, широко раскрытый рот). То же самое происходит с движением глаз, положением бровей, состоянием рук или ног. Кинемы согласно автору, могут образовывать более сложные единицы, которые называются кинеморфемами. Совокупность кинем может выразить определенное эмоциональное состояние: человек сжимает зубы, прищуривает глаза и сдвигает брови — все эти действия он выполняет из ненависти, соответственно, все вместе будет являться кинеморфемой (BIRDWHISTELL 1973).

В связи с этим представляет интерес исследование, в котором устанавливается корреляция между жестами и используемыми в речи грамматическими конструкциями (BOUTET, MORGENSTERN, SIENKI 2016). Связь между речью и жестом рассматривается на материале французского языка, а именно, в области категории аспекта *passé simple*, *passé composé* and *imparfait*. Исследователи, руководствовались гипотезой о том, что может существовать корреляция между несовершенным аспектом и неограниченными жестами (*unbounded gestures*) и совершенным аспектом и ограниченными жестами (*bounded gestures*) (*ibid.*). Для описания конфигурации и скорости жеста, последний был разложен, сегментирован на задействованные в нем сегменты (пальцы, рука, предплечье). Результаты кодирования граничных схем позволили утверждать, что имеется сигнификативная корреляция между ограниченными жестами и совершенным временем (*passé composé*), а также между неограниченными жестами и несовершенным временем (*imparfait*).

Более того, экспериментаторы пришли к выводу, что аспектуальное различие между исследуемыми временами, по-видимому, воплощается в качестве используемых жестов (BOUDET, MORGENSTERN 2018). Вместе с тем исследование на материале русского и немецкого языков показывают, что там есть своя специфика (ИРИСХАНОВА 2017: 59-60).

На важный момент в исследовании полимодальности указывает А. Ченки (2019: 120). Так, исследователи, работающие в области конструкционной грамматики (*construction grammar*) трактуют конструкции как

«конвенционализированные кластеры признаков (синтаксические, просодические, прагматические, семантические, текстовые и т. д.), которые повторяются как дальнейшие неделимые ассоциации между формой и значением» (FRIED 2015: 974).

Поскольку это определение довольно широкое, ведутся споры о том, каким критериям следует следовать для определения того, можно ли также сказать, что жест «принадлежит» данной грамматической конструкции или нет. Одним из критериев включения жеста в кластер называется критерий частоты встречаемости (GOLDBERG 2006: 5).

Еще одна сфера дискурсивной деятельности, исследующей совместное употребление языковых выражений и жестов, и которая тем не менее, по утверждению О. К. Ирисхановой, остается в стороне от «жестовой» тенденции, наблюдаемой в когнитологии в целом, — это литературный текст и его устное чтение, устное воспроизведение (ИРИСХАНОВА 2019: 989). Результатом предпринятого ею эксперимента (была сделана видеозапись, на которой профессиональный актер по просьбе экспериментатора читает стихотворение Федора Тютчева), стало выявление поэтических жестов, играющих специфическую роль в масштабе всего произведения в целом (*ibid.*: 990).

Исследования, проводимые в настоящее время в области полимодальной коммуникации разнообразны по спектру решаемых

задач, по эмпирическому материалу. Задача данного исследования заключается в том, чтобы на материале видеотехноблогов, в которых техноблогеры продвигают продукты IT-индустрии, выявить специфику их жестикуляции и определить вклад жеста в реализацию коммуникативной задачи говорящего.

2. Методы исследования

Методика, предлагаемая в данной работе, обеспечивает проведение аудитивного, визуального, аудиовизуального и функционально-прагматического видов анализа. Для изучения вербального компонента общения применялся аудиторский анализ. Кинетические компоненты изучались методом наблюдения. План проведения исследования состоял из трех этапов: слухового анализа (аудирование), визуального анализа (наблюдение) и лингвистической интерпретации экспериментальных данных, проведенных с позиции наблюдателя (аудитор/интерпретатор), т. е. соотнесение результатов аудио- и визуального анализа.

Эмпирическим материалом послужили опубликованные на интернет-портале YouTube четыре видеовыпуска, содержащих презентацию или обзор новых технопродуктов (НААРОЖА 2021; NILSENTEGER 2020; NILSENTEGER 2021; MCKINNON 2021). На начальной стадии исследования были отобраны наиболее репрезентативные участки речи (синтагмы), в которых присутствуют ключевые слова и словосочетания.

Под синтагмой в настоящем исследовании понимается фонетическое единство, имеющее относительную смысловую завершенность и функционирующее в виде самостоятельной структурной единицы. В результате анализа видеоматериала был сформирован набор синтагм, включающих ключевые слова и словосочетания, интонационно и жестикуляционно оказывающие наиболее сильное влияние на аудиторию и показывающие представляемый продукт в наиболее выгодном свете. Критериями выделения ключевых слов в контексте данной работы служат частотность употребления и «выдвинутость» в текстовом пространстве (начало, ко-

нец, центр, основные смысловые швы текста), хотя это не единственные признаки, в некоторых исследованиях упоминаются, например, расширение грамматического, синтагматического и парадигматического потенциала слова и другие признаки.

3. Описание и обсуждение результатов исследования

3.1. Ключевые слова-маркеры, их частотность и лексико-синтаксические характеристики

Комплексный подход к исследованию речи говорящего невозможен без учета как качественных — лексических, синтаксических, просодических средств, так и количественных параметров, т. е. частотности употребления этих языковых средств в рамках некоторого ограниченного отрезка речи, а также учета занимаемой ими позиции в синтагме. В качественном плане ключевые слова-маркеры характеризуются лексико-синтаксическим, просодическим и жестовым выделением на фоне нейтральной части высказывания. В количественном плане ключевые слова могут занимать инициальную, медиальную и финальную позиции в интонационной группе. Наиболее частотными в нашем исследовании оказались медиальные (35%) и финальные (59%) позиции, соответствующие реме высказывания. Это позволяет подчеркнуть ключевые слова, придать им больший вес.

С учетом частеречной принадлежности выделяются следующие группы.

Существительные: product, speed, change, quality, ability, detail, features, improvement, flexibility, comfort, process, choice, gear, content, top, budget, advantage, price, power, alternative, stability, customization, size, version, capacity, device, smartphone, experience, software, technology, evaluation, market.

Прилагательные: cool, easy, handy, rapid, important, great, good, perfect, incredible, amazing, clean, excited, easier, smooth, helpful, updated, favourite, quick, fast, awesome, superior, nice, tasty, better, useful, ergonomic, magic, top, faster, must have, super cheap, main, comfortable, respectable, sturdy, honest, solid, excited, greatest, stylish, lightweight, extra, simple, beautiful, high-tech, wireless, inexpensive.

Глаголы: trust, change, fits, need, use, crush, enjoy, switch, like, love, save, bump, help, upgrade, recommend, set up, check out, pay, believe, feel, pick up, operate, level, promise, charge, switch, refresh, impress.

Наречия: perfectly, instantly, quickly, definitely, importantly, immediately, sincerely, fully, literally, legitimately, honestly, exclusively.

Словосочетания: noticeably better, easier to use, shockingly incredible, brand new, absolutely the best, incredibly impressive, definitely minimal, pretty easy, totally respectable, perfectly competent, super popular, nice clean view, nice sturdy grip, really excited, pretty nice looking, slightly different.

Семантический анализ слов-маркеров показывает, что они призваны привести в действие целый ассоциативный ряд в сознании слушателей для реализации персуазивного эффекта. Так, например, существительные power, speed, quality, comfort ставят акцент на удобстве использования продукта. Скорость, качество и комфорт являются ключевыми характеристиками успешного и долговечного устройства. В речи видеоблогеров часто используются глаголы с сильной семантикой, такие как like, love, use, save, trust, believe, enjoy. Эти номинации призывают полностью доверять говорящему, так как он уже использовал тот или иной продукт и в данный момент делится своим мнением и опытом. Употребление сильных глаголов с позитивной семантикой производит на адресата значительный персуазивный эффект.

Можно отметить и частотность употребления местоимения you. Услышав личное обращение к себе, слушающий невольно обращает внимание на то или иное высказывание, а также становится более вовлеченным в процесс обзора технопродуктов и в большей степени готов доверять говорящему. Следовательно, такой прием тоже является способом воздействия. Широко известно высказывание «Время — деньги», сделанное в свое время Б. Франклином. В наши дни эта фраза особенно актуальна: человек устроен таким образом, что ему необходимо получать желаемое мгновенно, а такие наречия как instantly, quickly, immediately

активизируют понимание того, что счастье наступит прямо сейчас, незамедлительно. Соответственно, эти слова являются элементами воздействия на аудиторию.

Обращает на себя внимание частое употребление качественных прилагательных со значением свойства и общей оценки. Видеоблогеры подчеркивают быстрое действие гаджетов (*fast, faster*) и их интуитивно понятный интерфейс (*easy, simple*). Ключевые слова с таким значением апеллируют к важнейшим приоритетам в мире современных цифровых технологий и направлены на активизацию положительного ассоциативного ряда в сознании слушающих. Что касается знака оценки, она имеет ярко выраженную положительную эмоциональную окраску (*perfect, incredible, amazing*). Все это позволяет говорящему в рамках рекламной интеграции подчеркнуть достоинства продукта, достичь максимального персуазивного эффекта.

Лексика, используемая блогерами во время презентации продукта, имеет разговорную окраску. Разговорный язык создает неформальную обстановку, ставит адресанта и адресата на один социально равный уровень, за счет чего также реализуется эффект убеждения. В речи блогеров следует отметить наличие технических жаргонизмов (*anamorphic lens, crop, post, sensor, footage, fingerprint scanner, headphone jack*). Используя узкоспециальные номинации, автор транслирует идею о том, что его зритель тоже является экспертом в этой области, так как понимает сказанное. В этом случае также прослеживается персуазивный эффект.

С точки зрения синтаксиса, в речи блогеров часто встречаются риторические вопросы. Они, в сущности, не требуют ответа и выполняют две базовые функции: привлечь внимание, побудить аудиторию обдумать тот или иной вопрос и принять ответ автора; предполагается, что ответ настолько очевиден, что слушатель/зритель не может не согласиться с ним. Использование риторических вопросов сопрягается с эффектом воздействия на адресата.

3.2. Визуальный анализ

Визуальная часть исследования заключалась в детальном

описании жестов, используемых видеоблогерами. Под жестами в работе понимается

«коммуникативное кинетическое поведение, в первую очередь при помощи рук, способное передавать смысл от говорящего к слушающему» (КИБРИК, 2010).

Первый шаг визуального анализа требовал выделения жестов, сопровождающих синтагмы, содержащие ключевые слова, и их подробное описание по четырем параметрам: направление (вправо / влево, от себя / к себе, вверх / вниз), скорость воспроизведения (быстрый (б) / медленный (м) / средний (ср)), сила воспроизведения (сильный (с) / слабый (сл) / средний (ср)), амплитуда (большая (б) / малая (м) / средняя (с)).

Задача второго шага состояла в разнесении жестовых средств по пяти группам: *эмблемы, иллюстраторы, регуляторы, аффективны, адапторы*. С этой целью использовалась классификация П. Экмана и У. Фризена (ЕКМАН, FRIESEN 1969; ЕКМАН 2004). Эмблемы — это жесты, которые заменяют собой слово или целую фразу, например, большой палец вверх может означать «Отлично!»). Каждый жест-эмблема имеет точное значение, понятное всем представителям той или иной культуры. В каждой культуре свои собственные эмблемы; что приемлемо для одной, может быть совершенно непонятно другой.

Адапторы — жесты, во время которых человек выполняет специфические движения рукой, например, почесывание, царапание, подергивание отдельных частей тела, поглаживание, перебирание, переворачивание отдельных предметов. Цель жестов-адапторов — успокоить нервную систему. Они показывают излишнюю нервозность или активность человека. При этом человек совершает эти движения бессознательно.

Жесты-регуляторы демонстрируют отношение к аудитории, например, одобрительная улыбка, кивок головы, наклон вперед, приподнятые брови, целеустремленные движения руками и т. д. Жесты-аффективы выражают эмоции от гнева и ярости до удовлетворения посредством движений различных частей тела или

мимики, например, покраснение от стыда.

Иллюстративные жесты — самый обширный класс жестов, направленных на передачу информации и выполняющих коммуникативную функцию. Среди них П. Экман и У. Фризен выделяют 5 типов: 1) дейктические жесты — говорящий указывает или на некоторого референта, или на точку во времени или в пространстве; 2) жестовые ударения — согласованные по времени с тоном и ударением простые и короткие движения руки, однако иногда они могут возникать независимо от тона; 3) изобразительные жесты — жесты сложные по форме, которые помогают донести до слушающего информацию; такие жесты дублируют или просто дополняют речь оратора: «Вот такая стопка книг уместилась в ее сумку» при этом говорящий держит ладони параллельно друг другу на определенном расстоянии, показывая нужное количество книг; 4) иллюстративные регуляторы — жесты, которые помогают в вербализации и передаче говорящим какой-либо информации, структуры, дискурса и т. п.; 5) ритмические жесты — повторяющиеся жестовые ударения, которые падают на каждый слог или на ударный слог каждого слова в воспроизводимом фрагменте.

Анализ частотности употребления различных видов жестов показал, что лидирующее положение в речи техноблогеров занимают жесты-иллюстраторы. Такие жесты как регуляторы, эмблемы, аффективы и адапторы в анализируемом материале не зафиксированы.

Преобладание в техноблогах жестов-иллюстраторов, подчеркивающих вербальную составляющую речи, представляется вполне закономерным. В соответствии с классификацией Экмана и Фризена, иллюстраторы представляют собой жесты, сопутствующие речи в процессе коммуникативного акта. Они имеют отношение к содержанию высказываний, мелодическому контуру, громкости, к целым фразам (EKMAN, FRIESEN 1981). Жесты-иллюстраторы усиливают и подчеркивают вербальную составляющую речи. Сложные иллюстраторы часто сопутствуют ключевым словам;

например, на каждый ударный слог приходится три-четыре ритмичных движения рукой вниз. Сложными иллюстраторами исследователи называют сложный жест. Однако не следует смешивать понятия сложного жеста и жестовой фразы, поскольку жестовая фраза представляет собой комплекс жестов, которые выражены разными кинетическими формами (жесты рук и позы, жесты головы и выражение лица, телодвижения), и функционируют вместе, в виде фразы для достижения общей цели (СУХОВА 2004: 111).

Преобладающее использование жестов-иллюстраторов указывает на то, что техноблогер стремится подчеркнуть вербальную составляющую выступления, на предмет сообщения и тем самым усилить воздействие, оказанное на слушателя. Такие жесты как адапторы, как правило, отвлекают слушающего от восприятия информации, поэтому неудивительно, что этот вид жестов полностью отсутствует в презентациях. Отсутствие жестов-аффективов дает основание полагать, что адресант не стремится завладеть вниманием аудитории только при помощи силы эмоций. Однако следует заметить, что эмоциональное состояние говорящего передается не только через жестикуляцию, но и через пантомимический, миремический (взгляд) и фонационный каналы общения, поэтому полностью исключить эмоциональное состояние как фактор воздействия на аудиторию невозможно. Жесты-эмблемы также не используются в речи блогеров. Это говорит о том, что, приоритетным каналом общения все же является вербальный. Для того чтобы проследить взаимодействие просодии с кинетически выделенными жестами, все исследуемые синтагмы были проанализированы по двум характеристикам: совпадение жеста и ядерного тона, совпадение жеста и ключевого слова.

3.3. Аудиовизуальный анализ

Аудиовизуальный анализ состоял из двух этапов. Задача первого этапа состояла в том, чтобы установить совпадение / несовпадение максимальной точки жеста и ядерного тона синтагмы. На втором этапе необходимо было соотнести ключевые слова с просодическими и жестовыми средствами.

Рассмотрим процесс анализа на примере синтагмы

«I know / they're action cams / and for that specific type of filming, / *so good*» (McKINNON 2021).

Прежде всего необходимо выделить ключевое слово, в приводимом примере это — словосочетание *so good*. Данное словосочетание весьма часто используется в обзорах и презентациях с целью продемонстрировать достоинства того или иного устройства. После идентификации ключевого слова устанавливается, какую позицию ключевое слово занимает в интонационной группе: инициальную, медиальную или финальную. В нашем примере позиция ключевого слова является финальной. Следующее действие анализа связано с установлением рабочего органа жестикуляции и последующего максимально подробного описания его параметров, уточняющих направление, скорость воспроизведения, силу воспроизведения, амплитуду и другие особенности. В рассматриваемом примере жест выполняется правой рукой вниз со средней скоростью, большой силой воспроизведения и большой амплитудой. Согласно классификации Экмана и Фризена, тип жеста квалифицируется как иллюстративный. Далее устанавливаются жестикуляционно-просодические характеристики синтагмы, а именно: совпадает ли максимальная точка жеста с ядерным тоном синтагмы, то есть приходится ли она на ее ядерный тон. В анализируемом примере максимальная точка жеста совпадает с ядерным тоном. На заключительном этапе подтверждается наличие или отсутствие факта совпадения жеста и ключевого слова. В описываемом примере наблюдается совпадения жеста и ключевого слова.

Аналогичным образом были проанализированы сорок жестикуляционно-речевых кластеров. Ниже в качестве примера приводится описание параметров кластера *this is a better camera internally* (McKINNON 2021): позиция: инициальная; рабочий орган: рука; описание жеста-направления: вперед; скорость воспроизведения: средняя; сила воспроизведения: большая; амплитуда: малая; особенности: говорящий держит в руках по камере, движение левой

руки вместе с камерой; тип жеста: жест-иллюстратор.

Результаты описания сорока примеров были оформлены с помощью матричной таблицы, в которой по горизонтали обозначены параметры описания анализируемой единицы, по вертикали — приводится собственно описываемая единица (синтагма).

О еще двух параметрах — параметре совпадения пика жеста с ядерным тоном синтагмы и параметре совпадения жеста с ядерным тоном синтагмы — речь пойдет ниже.

3.3.1. Совпадение пика жеста и ядерного тона синтагмы

На этапе установления наличия или отсутствия факта совпадения пика жеста и ядерного тона синтагмы, учитывался тот факт, что любой жест в процессе производства проходит фазы экскурсии, воспроизведения (пик) и рекурсии (СУХОВА 2004: 62). В работе пик жеста также называется максимальной точкой жеста. Ядерный тон является коммуникативным центром интонационной группы и показывает самую важную с точки зрения говорящего информацию.

В литературе описываются разные модели взаимодействия просодических и кинетических сигналов. Согласно одной позиции, кинема приходится на паузы, согласно другой, — на звучащий отрезок речи (КОРЛЫХАНОВА 2000). Аудиовизуальный анализ эмпирического материала в данном исследовании указывает на то, что максимальная точка жеста синхронизируется с звучащим отрезком речи, точнее, с ядерным тоном, несущим главную информацию для слушающего, и представляет собой наиболее просодически выделенные участки речи. Наблюдение за взаимодействием жестикуляции и просодии в границах целой синтагмы показывает наличие корреляции жестикуляции и просодии.

Ниже помещены два скриншота, показывающие стадию экскурсии и стадию пика жеста.

Рис. 1.

Рис. 2.

На Рис. 1 и 2 показано, как жест сопровождает речевой отрезок «or ↑overcast / or you have great light on you / like this» (McKINNON 2021). Прогрессия жеста (экскурсия-пик-рекурсия) происходит параллельно движению тона: пик жеста синхронизируется с ядерным (восходящим в данном примере) тоном. Вывод, таким образом, заключается в том, что просодические и кинетические средства функционируют однонаправленно и одновременно.

3.3.2. Совпадение жеста и ключевого слова

Анализ совпадения жеста и ключевого слова показал, что средний процент совпадения этих двух параметров составляет

63%. Исходя из этих данных, можно сказать, что блогеры предпочитают выделять жестом именно ключевое слово.

Рис. 3.

На Рис. 3 техноблогер, описывая дополнительные технические возможности новой анаморфической разновидности линз, говорит о своем сильном желании их заполучить: «this makes me wanna get some lenses *so bad*, that I show you guys what it looks like» (НААРОЈА 2021) усиливая ключевое словосочетание *so bad* поднятыми вверх руками с раскрытыми навстречу друг другу ладонями.

Полученные в ходе исследования данные дают основание полагать, что жест и ключевое слово образуют жестикуляционно-просодический комплекс, призванный визуально и аудиально акцентировать ключевое слово или фразу, служащую актуализатором информации в сознании слушающего.

Путем сочетания различных видов анализа удалось установить, что жестикуляционно-речевой комплекс, используемый блогерами в презентациях и обзорах технопродуктов, оказывает наиболее сильное прагматическое воздействие на адресата.

4. Заключение

В главе были представлены результаты исследования, посвященного изучению координации собственно речевых и нерече-

вых, кинетических, сигналов, а именно, особенностей взаимодействия лексических, синтаксических, просодических и жестовых средств в речи видеоблогеров, представляющих новые технопродукты с целью оказания персуазивного воздействия на аудиторию. Для изучения взаимодействия звуковых и незвуковых, визуальных способов передачи информации в устной коммуникации в данной работе был использован широкий спектр исследовательских методов, включающий анализ ключевых слов, визуальный, аудиторский и аудиовизуальный виды анализов. В результате проведенного комплексного анализа были получены данные, которые подтверждают и уточняют специфические полимодальные параметры устной убеждающей коммуникации, осуществляемой в техноблогах.

1. В результате проведенного анализа лексических средств был выделен ряд ключевых слов, или слов-маркеров, характеризующих «выдвинутостью» в текстовом пространстве (начало, конец, центр, основные смысловые швы текста) и частотностью употребления. Эти слова интонационно и жестикуляционно выделяются в речи блогеров, представляющих продукт в наиболее выгодном свете, и оказывают наиболее сильное влияние на аудиторию.

2. В результате визуального анализа было обнаружено преобладание в техноблогах жестов-иллюстраторов, подчеркивающих и усиливающих вербальную составляющую речи. Жесты-иллюстраторы имеют прямое отношение к содержанию высказываний, мелодическому контуру, громкости, к целым фразам.

3. В ходе изучения параметра совпадения / несовпадения пика жеста и ядерного тона в выступлениях-презентациях был сделан вывод о том, что пик жеста всегда приходится на ядерный тон. Данный показатель дает основание предположить, что построение жеста или жестовой фразы напрямую зависит от просодического оформления синтагмы.

4. Результаты исследования параметра совпадения / несовпадения жеста и ключевого слова показывают, что предпочтение в

виде выделения жестом отдается именно ключевому слову. Согласно данным исследования, совпадения ключевого слова и жеста фиксируются в 63% случаев. Таким образом, совпадение пика жеста и ключевого слова являются частью жестово-просодического комплекса, призванной визуально и аудиально выделить ключевое слово или фразу, служащую актуализатором информации в сознании слушающего.

В целом можно заключить, что комплексный анализ персуазивного дискурса позволяет выявить жестикуляционно-речевой просодический комплекс (полиmodalный кластер) в речи адресанта техноблога и проследить различную роль лингвистических и нелингвистических (кинетических) ресурсов в передаче информации в процессе коммуникации. Дальнейшее изучение взаимодействия кинетических сигналов с информационной структурой текста представляется перспективным и целесообразным.

© Тырыгина В. А.

Раздел II
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ

2.1. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ УДМУРТИИ

1. Введение

Общепризнанным является тот факт, что современные процессы глобализации, сопровождающиеся интенсивными межкультурными контактами, изменением социальной структуры, усиливающейся урбанизацией, оказывают влияние на межэтнические отношения, в том числе на этническую идентификацию. Этническая идентификация или этническая идентичность — категория едва ли не всеобъемлющая; те или иные ее признаки непременно освещаются в работах по этнологии и этнолингвистике. В своем понимании этнической идентичности мы опираемся на исследования ведущих отечественных и зарубежных ученых (С. А. Арутюнов, Л. Бардзини, Ю. В. Бромлей, М. Мид, Ф. Риггс, В. А. Тишков и др.). Этническая идентичность — это культурно-генетическая программа, которая формируется в результате вековых связей и общности, в результате социализации, формирования соответствующей среды обитания человека.

Дистинктивными признаками (лингвокультурными маркерами или параметрами) этнической идентичности выступают следующие признаки: 1) общность исторической судьбы; 2) общность территории; 3) религия; 4) быт; 5) семейный уклад; 6) фольклор; 7) традиционные ремесла; 8) нормы поведения; 9) общность психического склада; 10) этнический язык.

Вышеперечисленные признаки могут быть идентифицированы в рамках следующих аспектов применительно к изучению истории, языка и быта российских немцев, проживающих на территории Удмуртии, в частности в городе Глазове:

1) историко-демографический аспект, разрабатываемый на основе сбора, анализа и обобщения данных (в том числе и статистических) относительно географии расселения и численности россий-

ских немцев в исследуемом регионе, их возрастном составе, происхождении. С учетом этого аспекта актуальными являются следующие параметры (лингвокультурные маркеры) этнической идентичности: общность исторической судьбы, общность территории;

2) культурологический аспект, связанный с изучением культуры российских немцев; его характеризуют следующие лингвокультурные маркеры: религия, быт, семейный уклад, фольклор, традиционные ремесла, нормы поведения, общность психического склада;

3) социолингвистический и собственно лингвистический аспект, который дает возможность выяснить так называемую «лингвистическую биографию» дикторов и степень владения родным (немецким) языком. Сюда относится этнический язык российских немцев города Глазова.

Актуализация этих признаков в диапазоне «доминантность — рецессивность» коррелирует с условиями бытования этноса (этнической группы) — политико-административными, социокультурными, межэтническими. Соответственно, этническая идентичность выступает в качестве категории, изменяющейся во времени.

Рассмотрим более подробно упомянутые выше лингвокультурные маркеры этнической идентичности на примере этнической группы российских немцев Глазова, изучение которой начато в 2007 г. и продолжается в настоящее время.

На сегодняшний день немецкая этническая группа города Глазова насчитывает примерно 176 человек по данным Всероссийской переписи 2010 г. (в 2002 г. — 260 человек). Снижение численности в основном связано с «естественной убылью» старшей возрастной группы и внутривосточной миграцией.

2. Материал и методы исследования

Целью исследования является выявление лингвокультурных маркеров этнической идентичности и этнических представлений миноритарных народов, в частности, российских немцев, проживающих на территории Глазова.

Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: полевые методы при сборе лингвистического материала; метод социолингвистического анкетирования и интервьюирования анкетлируемых; метод социально-дифференцированного анализа исследуемого языкового материала, включающий наблюдения над функционированием языков российских немцев в различных ситуациях общения. Привлечение этих методов к анализу материала позволяет рассмотреть обнаруженные явления в комплексе с большой степенью объективности и достоверности.

3. Результаты исследования

Немецкое этническое сообщество Глазова — это потомки спецпоселенцев, которые в 1949-1950 гг. были отконвоированы для работы на промышленных объектах, в лесной и торфодобывающей промышленности в условиях режима спецкомендатуры. С 2011 г. в России создана Федеральная национально-культурная автономия российских немцев, в рамках которой функционирует Глазовское отделение Федеральной национально-культурной автономии российских немцев с региональным центром в Ижевске.

Рассмотрим более подробно каждый из 10 параметров этнической идентичности применительно к изучаемому этническому сообществу российских немцев.

3.1. Историко-демографический аспект: лингвокультурные маркеры

- *Общность исторической судьбы, общность территории.*

Нами установлено, что российские немцы с большим уважением относятся к собственному прошлому, особенно к семейной истории. При этом прошлое воспринимается не как набор сухих фактов и дат, а как глубокий личностный опыт. Историческая память является ключевым маркером идентичности: события середины XX века (депортация, трудармия, спецпоселения), дополненные в 1990-е гг. массовым переездом немцев из стран СНГ в Германию, сформировали групповое самосознание российских немцев. Этот фактор объединяет все немецкое население России (КУРСКОЕ 2011).

Поволжье сохраняет свою значимость и притягательность как «историческая колыбель» российских немцев, оно воспринимается ими как «утраченная» Родина и альтернатива выезду в Германию. Произошла мифологизация истории АССР НП и идеализация прошлого, что в целом характерно для психологии этнического самосознания. Этот феномен нашел свое отражение в фольклоре российских немцев (*ibid.*).

Традиционные устои семейной жизни, обычаи, традиции, семейные ценности свидетельствуют о сохранении глубинных, традиционных этнических ценностей как доминантных в структуре этнической идентичности респондентов обеих исследуемых групп. На основе проведенных наблюдений можно также отметить сохранение, сбережение таких доминантных признаков как этническая ментальность (чувство ответственности, организованность, законопослушность, воспитанность, бережливость) (ОРЕХОВА, ОБУХОВА 2012).

Что касается параметра этнической идентичности *общность территории*, то в условиях урбанистической, этнически разнородной среды этот параметр не является валидным (этнические немцы не принадлежат к автохтонному населению России).

3.2. Культурологический аспект: лингвокультурные маркеры

- *Религия, быт, семейный уклад, фольклор, традиционные ремесла, нормы поведения, общность психического склада.*

Благодаря приверженности своим традициям, обычаям, религиозным верованиям проживающие на Северном Кавказе народы «сумели, — как пишет И. А. Задворнов, — сберечь себя в качестве целостных и самобытных этносов» (ЗАДВОРНОВ 2000: 52). Описывая диаспору, определяемую как «устойчивая совокупность людей единого происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» (ГОЩЕНКО, ЧАПТЫКОВА 1996: 37; ФАЙЗУЛЛИН, АСЫЛГУЖИН 2005), ис-

следователи не обходят вниманием не только специфику ее формирования и функционирования, но и религиозный фактор. История диаспор показывает, что религия в ряде случаев стала цементирующим фактором в консолидации представителей единоверцев (часто совпадающих с определенной национальностью). В качестве примера можно привести фактор принадлежности к греко-католической церкви, роль которой в сплочении украинцев в Канаде, Латинской Америке трудно переоценить.

Религия рассматривается как мощный этноконсолидирующий фактор. Однако наследие десятилетиями насаждавшегося в России «государственного» атеизма в значительной мере разрушило религиозное сознание. Евангелистско-лютеранская церковь сохранилась в крупных региональных центрах, в провинции ее присутствие никак не институализировано. Однако воспринятые в детстве религиозные обряды и традиции празднования Пасхи и Рождества в сообществе Глазовских немцев поддерживаются. Это соблюдение традиционного протестантского Адвента (за месяц до Рождества), праздничное убранство зала, приготовление ритуальных блюд на Рождество и Пасху. Следует отметить, что лютеранство продолжает оставаться лидирующей конфессией в среде российских немцев только за счет старшего поколения. Собранные эмпирические данные свидетельствуют о том, что носителем традиционной этнической идентичности оказывается старшее поколение (50 лет и старше), принадлежащее к лютеранскому вероисповеданию, хорошо владеющее немецким языком и знающее историю своей семьи и своего народа. Оно является «этническим ядром» и продолжает оказывать заметное влияние на другие возрастные группы; ср.: (КУРСКЕ 2011).

Быт (жилье, пища, гигиена) также этнически специфичен. Неукоснительно соблюдается чистота, ухоженность, поддерживается продуманный уют, будь то квартира, коттедж или скромный дачный домик.

Российские немцы сохранили традиции декорирования

предметов домашнего интерьера, где ими используются аналогичные с бытовавшими на Украине и в Поволжье наволочки, скатерти; как память сохраняются полотенца. Бережно хранятся старые фотографии, в том числе и свадебные. Традиционная одежда не сохранилась, фиксируются только воспоминания о домашнем производстве юбок, кофт Глазовскими немцами. Обращает на себя внимание правило одеваться особо аккуратно, даже рабочую одежду дополняют рубашки с белым или голубым воротничком. Специфически воспроизводятся и традиции домостроительства и приусадебного хозяйства. Рядом с жилыми домами располагаются летние кухни, добротные постройки и ограждения для скота, курятники, огороды. Кроме обычного полива широко используется на огороде полив при помощи разных шлангов и приспособлений (ОРЕХОВА, ОБУХОВА 2010).

Семейный уклад также имеет свою специфику. 95% российских немцев состоят в браке, безбрачие крайне редко. Семьи полиэтнические, как правило, имеющие двух детей, разводы — редкое исключение. Национальность детей по паспорту определяется по желанию ребенка (нередко сын зарегистрирован как немец, дочь — русская, и наоборот).

Фольклор. Нашим респондентам известны пословицы и поговорки, сказки и сказочные персонажи, они знают этнические песни. Регулярно проходят репетиции немецкого хора в Глазове. Немецкий мелос на русской почве претерпел изменения: от многоголосия к унисонному пению, открытому звуку, большей распевности.

Ремесла. В современном индустриальном урбанизированном социуме не столь востребованы кузнецы, часовщики, столяры. Эти профессии скорее являются личным хобби.

Нормы поведения в определенной степени, как мы полагаем, коррелируют с общностью психического склада. Устойчивость проявляют такие качества как трудолюбие, чувство ответственности, деловитость, рациональность, способность к сопереживанию,

готовность оказать помощь в сложной жизненной ситуации близким и знакомым независимо от этнической принадлежности. Немцы чтят предков, знают семейную историю и фиксируют ее. Чаще всего в ходе исследования мы имеем дело с женщинами, и нас приятно удивило отсутствие таких распространенных привычек как пустословие, пересуды, интерпретации чужих высказываний (эти свойства гендерно маркированы). Российские немцы проявляют постоянную трогательную заботу о престарелых соотечественниках. Это 6 человек в возрасте 90 лет и старше, бывшие трудармейцы, по 5-8 лет отработавшие в трудармии.

3.3. Социолингвистический и собственно лингвистический аспект: лингвокультурные маркеры

- *Речевое поведение российских немцев города Глазова.*

Понятие «речевое поведение» рассматривается обычно в рамках речевой деятельности и «определяется как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания в условиях, определяемых ситуацией общения, эмоциями, действиями, поступками человека» (ШВЕЙЦЕР, НИКОЛЬСКИЙ 1978). В данном исследовании под речевым поведением российских немцев понимается определяемое речевой деятельностью поведение, в котором отражаются особенности, проявляющиеся под влиянием внутренних и внешних факторов в условиях иноязычного окружения (БАЙКОВА 2012).

Внутренние факторы трактуются как собственно лингвистические, а внешние — как экстралингвистические. Экстралингвистические факторы, в свою очередь, можно разделить на: 1) факторы социально-демографического характера (социально-исторические, социально-экономические, географические условия жизни, отсутствие или наличие смешанных браков, демографические параметры (пол, возраст), национальность, культурный фактор (уровень образования), среда проживания, профессия, участие в общественной жизни); 2) факторы ситуативно-переменного характера (тема, обстановка, характер отношений между коммуникантами, их социальный статус). При этом следует иметь

в виду, что далеко не все случаи выбора речевых действий и языковых средств могут быть объяснены даже с учетом всей совокупности экстралингвистических факторов, так как возможны случаи экспрессивного использования языка, а также моменты, которые могут интерпретироваться лишь с учетом индивидуально-психологической мотивации или же должны рассматриваться как ошибки, произвольные отклонения от нормы, нарушения правил. Таким образом, экстралингвистические факторы дают возможность вскрыть и объяснить принципы речевого поведения, процессы языкового взаимодействия и взаимовлияния в ситуации билингвизма. Исследование и учет этих факторов при анализе речевого поведения билингвов дает объективную основу для правильной оценки языковых явлений.

Как уже указывалось выше, наиболее значимыми факторами социально-демографического характера, оказывающими влияние на речевое поведение билингва, являются историческая судьба, возраст, условия проживания (дисперсное проживание, полиэтническая среда города), доминирование во всех сферах общения русского языка (см. Рис. 1.).

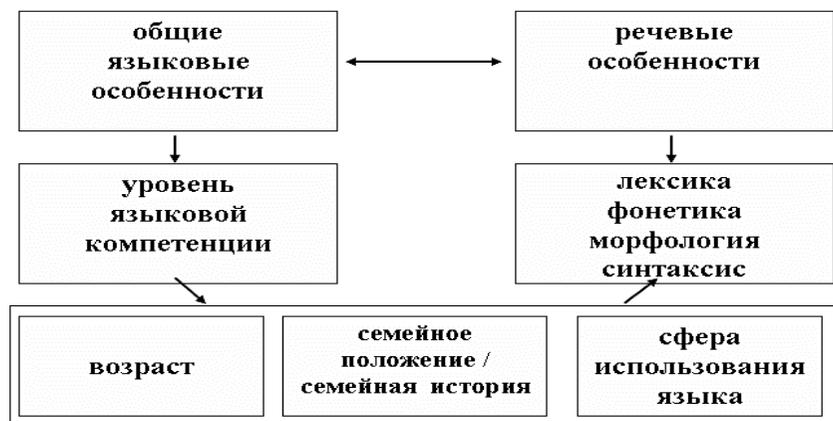

Рис. 1. Факторы социально-демографического характера, оказывающие влияние на речевое поведение билингва

Как показывает лингвистический материал, собранный в городе Глазове, объем функций немецкого языка у представителей старшего, среднего и младшего поколений различается.

Как видим, «возраст коррелирует с различными стадиями

билингвизма. Каждая возрастная группа российских немцев города Глазова имеет свои характеристики, которые сформированы различными историческими эпохами. Использование языковых систем данными возрастными группами необходимо рассматривать в контексте важнейших исторических событий определенного времени, которые сыграли значительную роль в речевом поведении этнических немцев и должны быть учтены при языковой характеристике представителей разных возрастных групп. Поэтому можно говорить о языковом поведении определенного поколения» (БАЙКОВА 2012). Подобной точки зрения придерживаются П. Хилькес, В. А. Маныкин, Л. И. Москалюк (HILKES 1989; МАНЫКИН 1992; МОСКАЛЮК 2000).

Изучение речевого поведения этнических немцев Глазова строится по следующим направлениям:

1) выявление общих особенностей языка у групп представителей немецкого этнического сообщества, объединенных по следующим социолингвистическим и социально-демографическим критериям:

а) языковая компетенция (владение литературным немецким языком, разговорным немецким языком, диалектом, умение читать и писать на родном языке (Muttersprache)),

б) возраст; в) семейное положение и вид брака, включая условия усвоения родного языка (Muttersprache);

2) описание речи отдельных респондентов, анализ ее особенностей на всех уровнях языка с учетом специфики речевого поведения респондентов, особенностей биографии, функционирования немецкого языка в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия) (см. Табл. 1).

Таблица 1. Владение речью с учетом специфики речевого поведения респондентов

Социолингвистические и социально-демографические критерии	Состав этнической группы	Старшая возрастная группа	Средняя возрастная группа	Младшая возрастная группа
возраст	40	(80-90 / 60-70 лет)	(40-60 лет)	(до 30 лет)
владение диалектом		+	—	—
владение литературным немецким языком		+ / —	+	— / +
брак		моноэтнический / смешанный	смешанный	—

Основным отличительным признаком речевого поведения респондентов старшей возрастной группы является то, что подавляющее большинство владеет не только литературным немецким языком, но, прежде всего, одним из языковых вариантов существующих диалектов. Следует отметить, в этой возрастной группе наблюдаются довольно значительные различия в языковой (диалектной) компетенции. В результате проведенных исследований было выявлено, что этнические немцы старшей возрастной группы, 80-90 лет, (ЛВЯ⁶ (1924 г. р.), КХБ (1935 г. р.), ТРН (1938 г. р.), ШАГ (1938 г. р.) выросли и воспитывались в относительно гомогенной немецкой этнической среде. С раннего возраста, усвоив немецкий язык как материнский, респонденты имели возможность общаться, по крайней мере, в кругу семьи с родителями и

⁶ В аббревиатуре зашифрованы фамилия, имя, отчество респондента.

ближайшими родственниками. Большинство респондентов проживали до периода депортации вместе с родителями в условиях компактного поселения на территории республики немцев Поволжья, Азербайджана, что означало активное использование немецкого разговорного языка во всех сферах повседневной жизни. Следует также отметить, что никто из опрошенных респондентов не обучался в национальной школе, а немецкий язык, как правило, изучали в школе как иностранный. Два респондента смогли закончить 7 классов общеобразовательной школы. Один респондент завершил среднее образование в вечерней школе. Два респондента овладели литературным немецким языком во время обучения в ВУЗе. Одна респондентка имела возможность закончить лишь три класса общеобразовательной школы (ТРН, 1938 г. р.), не может изъясняться на литературном немецком языке, не умеет читать и писать на родном языке, владеет только устной диалектной формой, поскольку родители на протяжении всей своей жизни общались с ней только на диалекте. Супруги Тааг не владели литературным немецким языком, не смогли усвоить русский язык, даже прожив длительное время в условиях иноязычного окружения в Глазове. Анализ речи отдельных респондентов, ее особенностей на различных уровнях языка с учетом специфики речевого поведения респондентов, особенностей биографии, существования немецкого языка в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия) позволил выявить следующие особенности речевого поведения этнических немцев старшей возрастной группы:

- беглый, естественный темп речи. Свободное владение литературным немецким языком и, как правило, диалектом;
- наличие в речи респондентов небольшого количества калек, наиболее распространенные из которых — лексические и синтаксические;
- интерференция основного языка общения — русского: в речи некоторых респондентов прослеживается интонационное и фонетическое влияние русского (частично удмуртского) языка.

Средняя возрастная группа включает респондентов в возрасте 40-60 лет. Как правило, это — этнические немцы, родившиеся уже на территории Глазова. У респондентов данной возрастной группы отмечается:

- замедленный (неестественный) темп речи;
- владение «школьным» немецким языком (Schuldeutsch);
- высокий уровень интерференции. В речи всех респондентов наблюдается интонационное и фонетическое влияние русского (частично удмуртского) языка.

Следует особо отметить, что респонденты средней возрастной группы осознают свою национально-культурную идентичность, но материнским языком не владеют или имеют низкий уровень языковой компетенции. Необходимо признать, что ситуация угасания языка в семьях этнических немцев имеет политические, идеологические, социопсихологические корни. Через многие десятилетия сказываются последствия репрессивных мер тоталитарного режима: депортация, насильственная репатриация, непосильный труд, голод и лишения и в особенности клеймо «наказанного народа». Немецкий язык был языком «врагов народа». Это привело к тому, что этнические немцы не только не обозначали свою этническую принадлежность, часто скрывали ее, но и осознанно отказывались от родного языка (Muttersprache), отдавая предпочтение доминантному русскому языку. Все эти моменты мотивировали вытеснение немецко-русского билингвизма не только во внесемейной, но и внутрисемейной сферы общения — казалось бы, достаточно целесообразной модели личностно-семейного речевого поведения. Немецкий язык, по признанию, респондентов средней возрастной группы, — это язык родителей, бабушек и дедушек, который не является для них родным языком. Этнические немцы города Глазова младшей возрастной группы родились и воспитываются в семьях, где основным средством общения является русский язык. Респонденты, как правило, не владеют немецким языком или знают лишь несколько обиходных фраз, как правило: приветствия и фатические формулы: Guten Tag! Grüß' Euch/Dich! Wie geht's?

В данном случае немецкий язык играет второстепенную роль, так как у российских немцев нет нужды использовать его в речи. Таким образом, происходит вытеснение немецкого языка и всех его диалектных проявлений, и это наблюдается не только во внесемейной, но и во внутрисемейной сфере общения. Как показывают результаты анкетирования, русский язык стал необходимой формой общения, с помощью которой достигается взаимопонимание. В беседах на темы о современной жизни, технике или политике респонденты используют русский язык, особенно если углубляются в тему. Это приводит к тому, что преобладание немецкого диалекта среди языковых форм общения, которое было характерно для старшего поколения, исчезает. «Языковой водораздел» между поколениями пролегает на стыке старшей и средней возрастной группы (БАЙКОВА 2009).

- *Этнический язык российских немцев города Глазова.*

Как известно, этнический язык — один из важнейших признаков этноса, отражающий все многообразие бытия народа, его духовный потенциал, неповторимую картину мира. У немцев города Глазова языковая компетенция (речевое поведение) крайне гетерогенна, от полного нигилизма до полноценных коммуникативных навыков. Некоторые респонденты самостоятельно изучали немецкий язык, посещали курсы, имеют достаточную компетенцию (около 20%), остальные понимают текст средней сложности и знают обиходные речевые клише, воспринимают несложные высказывания. Те же, кто овладел материнским языком в семейном общении, являются носителями сохранившихся до наших дней немецких диалектов: южнонемецких (включая швабский) и нижненемецких. Разумеется, иноязычное окружение — русский язык как повседневный язык общения — оказывает сильное интерферирующее влияние на всех уровнях. Упрощается синтаксис (порядок слов, несоблюдение рамочной конструкции), склоняемые формы контаминируются, частотны русские лексемы (ну, вот, да, так). Просодический рисунок фразы, в отличие от немецкого, более плавный, менее ритмизированный, темп речи снижается

под влиянием русского языка. Помимо необходимости использовать русский язык в повседневном общении, сокращение коммуникации на родном языке мотивировалось нередко негативным отношением к немецкому языку в школе и на работе в 1950-х гг. XX в. Имеются устные свидетельства о том, что в детском саду малышей наказывали за немецкую речь. Целое поколение, рожденных в 1950-х гг., было лишено возможности овладеть этническим языком в естественных условиях (а это самый эффективный способ) — в семейном общении. Однако есть и примеры очень высокой мотивации в овладении немецким языком в зрелом возрасте — и путем обучения, и во внутрисемейном общении. С 1990-х гг. Германия спонсирует обучение немецкому языку взрослых и детей в рамках Национально-культурной автономии.

Немецкий язык у этнических немцев города Глазова сохраняется в виде отдельных идиолектов. Поскольку представители старшего поколения до сих пор обнаруживают достаточно прочные знания родного языка — диалекта, которым они овладели в детстве в условиях проживания в немецкоязычной среде Украины, Поволжья или Причерноморья, — то при сборе диалектного материала мы сознательно ориентировались на лиц пожилого возраста, ожидая от них наиболее высокого уровня языковой компетенции; ср.: (БАЙКОВА 2012).

Сбор диалектного материала и наблюдения, которые проходили в период с 2007 г. по 2016 г., производились путем прямого опроса и записей на цифровой магнитофон (тип SONYWM-D6C и SONYTCD 100), что дает возможность прослушать то или иное высказывание несколько раз, а также привлечь других аудиторов при возникновении каких-либо сомнений. Магнитофонные записи в объеме 6,32 часов представляют собой диалоги и монологи информантов-дикторов на разнообразные темы: биографический материал, сведения об информанте, рассказы о родственниках и знакомых, о пережитых событиях в годы депортации, впечатления о Глазове. Аудиоархив содержит языковой материал, который состоит из рассказов информантов о своей биографии, текстов на свободную

тему, списка отдельных слов, перевода 40 предложений с литературного немецкого языка на диалект по стандартной анкете германиста-диалектолога Г. Венкера и перевода 200 отдельных словоформ с литературного немецкого языка на диалект по анкете В. М. Жирмунского (АРХИВ РАН. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. Хр. 38).

Речь информантов-дикторов имеет различную степень экспрессивности в зависимости от темы и содержания повествования. Запись, как правило, производилась на квартире информанта-диктора в естественной обстановке, и, чтобы приблизить акустические условия записи к нормативным, нередко приходилось просить об удалении из комнаты бытовых приборов.

Весь собранный материал, предварительно проиндексированный и запротоколированный, введен в компьютер типа IBMPC с целью перевода его на CD-носители. Архив всех полученных записей находится в Глазовском государственном педагогическом институте им. В. Г. Короленко и в научной лаборатории экспериментально-фонетических и перцептивных исследований языков различного типологического строя Вятского государственного университета (ВятГУ) города Кирова.

Во время диалектологических экспедиций были сделаны записи 11 информантов-дикторов, проживающих в городе Глазове. С учетом классификации Хилькеса и Маныкина (HILKES 1989: 137; МАНЫКИН 1992: 5) при сборе диалектного материала мы сознательно ориентировались на лиц пожилого возраста, ожидая от них наиболее высокого уровня языковой компетенции. Исследование показывает, что представители старшего поколения, родившиеся до 1935 г., обнаруживают достаточно прочные знания родного языка — диалекта. Из 11 информантов-дикторов 5 являются представителями старшего поколения, родившихся в украинских (4) и волжских колониях (1). Все названные места компактного проживания немцев имели до начала Второй мировой войны статус национальных районов, что означало использование немецкого языка практически во всех сферах повседневной жизни.

Информанты-дикторы второй возрастной группы происходят из Казахстана (1), Удмуртии (2), Юга России (2), Азербайджана (1). К этой возрастной группе относятся 6 информантов-дикторов, родившиеся в период с 1935 г. по 1956 г. Это наиболее трагический для российских немцев период, включающий годы репрессий, возникших практически с началом Второй мировой войны и приведших в 1941 г. к массовой насильственной депортации немцев из европейской части бывшего СССР на север и восток. 1955 год отмечен частичной реабилитацией немецкого населения, отменой спецкомендатур, под надзором которых немцы жили в местах депортации, и началом воссоединения семей, разобщенных в годы репрессий, после снятия запрета на перемещения по территории бывшего СССР (СМИРНИЦКАЯ, БАРОТОВ 1997: 25-26). Для представителей этого поколения характерно то, что только самые старшие из них родились в старых довоенных колониях на Волге, Украине, или на юге России. Двое информантов-дикторов второй возрастной группы назвали своей родиной Удмуртию, двое информантов-дикторов — юг России (Ростовская область), один информант-диктор — Азербайджан, один информант-диктор — Казахстан.

В диалектном отношении шесть информантов-дикторов тяготеют к южнонемецкому (Oberdeutsch) диалекту, а двое информантов-дикторов используют нижненемецкие говоры (Niederdeutsch). Однако следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении диалектные материалы свидетельствуют о смешанном характере представленных в изучаемом регионе говоров. Это объясняется 1) изначально смешанным характером диалектов как материнских (Mutterkolonien), так и, в особенности, дочерних колоний (Tochterkolonien); 2) исключительно широким географическим диапазоном представленных в регионе немецких говоров; 3) сложностью личных судеб информантов-дикторов, прошедших путь от родного села в местах компактного проживания немцев (до 1941 г.), через насильственное переселение и связанные с ним места проживания в областях депортации

(Сибирь, Северный Казахстан), где были представлены все немецкие диалекты, смешанные между собой, что было не характерно в предвоенное время, и, наконец, послевоенные миграции в совершенно новые регионы расселения в азиатской части бывшего Советского Союза — на Урале, в Западной Сибири, в среднеазиатских республиках.

При выборе информантов-дикторов учитывались следующие факторы:

1) информант-диктор не имеет никаких патологических отклонений в речевом аппарате;

2) темп речи нормальный (в среднем около 90-100 слов в минуту);

3) предки информанта-диктора выходцы из материнских колоний Поволжья и Украины, Закавказья, Казахстана;

4) общение ведется преимущественно на диалекте;

5) возрастной ценз — старшее поколение от 65 лет.

При рассмотрении основных явлений из области фонетики и их отражения в речи немецких поселенцев города Глазова мы будем исходить из фонетической системы немецкого языка средневерхненемецкого периода (*далее* — свн.). К основным изменениям в области консонантизма, лежащим в основе диалектного членения немецкоязычной области, могут быть отнесены диалектные отражения взрывных *b, d, g; p, t, k*, а также ассимиляторные изменения в группах согласных (*-nd-, -rs-, -rst-, -st-, -sp-, -sk-, -ks-, -ns-* и др.) (23).

Рассмотрим следующие группы языковых соответствий:

• герм. *p, t, k* > древневерхненемецкий (*далее* — двн.), свн. *ff*, *33 (ss)*, *hh (xx)* в позиции после гласных;

• герм. *p, t, k* > двн. *ph* (свн., нововверхненемецкий (*далее* — нвн.) (*pf*), *z (ts)*, *zz (hvn. z, t)*, *ch (kx)* в начале слова, в удвоении и после согласных.

Следует отметить, что идиолекты Глазова характеризуются наличием второго перебора согласных *p, t, k*:

а) герм. [*p*] → двн., свн. [*ff*]:

(ЛВЯ) — verkauft [fərkaof], angerufen [angəru:fən];
(КХБ) — fünfundvierzig [fi:funfi:rtsiç], früher [fri:er], fortgefahren [fortkfarən];

(ШАГ) — befreundet [bəfru:ndət], Freizeit [frəitsəit], fünfte [fi:nstə]; fünfundvierzig [fi:funfi:rtsəç], früher [fri:ər];

b) герм. t → двн., свн. 33 (ss):

(ЛВЯ) — groß [gr'ɛ:s], interessant [interesant], Großeltern [gro:seltərn];

(КХБ) — Großmutter [grosmər];

(ШАГ) — besser [b'es'ər], heißt [hais];

c)) герм. k → двн., свн. hh (xx):

(ЛВЯ) — nicht [niç];

(КХБ) — wenig [v'en'ic], danach [naχ];

(ШАГ) — fünfundvierzig [fi:funfi:rtsəç], mache [midəmaxə], ich [iç], achtunddreißiger [axtundraisçə].

В начале слова (синтагмы) и после согласных глухие взрывные [p], [t], [k] реализуются следующим образом:

герм. [t] подвергается перебою и соответствует [ts]:

(ЛВЯ) — zweiundzwanzig [tsvəiuntsantsiç], zwei [tsvai];

(ШАГ) — jetzt [jet's], Freizeit [frəitsəit], neunzehnhundertzweiundsiebzig [nəintsenhunderttsvoiuundzibtsiç].

Осуществление перехода герм. [b, d, g] → двн. [p, t, k]:

Переход [d] → двн. [t], характерный для верхненемецких диалектов:

(ЛВЯ) — zweiundzwanzig [tsvəiuntsantsiç], zwei [tsvai];

(КХБ) — Großeltern [gro:seltərn];

(ШАГ) — Schwester [ʃ'vester], alte [altə], jetzt [jet's], Freizeit [frəitsəit].

У информанта-диктора (ЛВЯ) в некоторых случаях наблюдается [d], характеризующее диалекты нижненемецкого типа: Plattdeutsch [pl'adoitʃ], Vater [fadər].

Звонкий взрывной [g] реализуется как глухой спирант [x/ç]:

(ЛВЯ) — Gorkovskij Rayon [xor'kovski rajon]; im Krieg [im kri:ç], achtunddreißiger Jahr [axtundraisçə ja:ə], abliegen [aplijən].

У остальных дикторов-информантов спирализация [g] → [x/ç] отсутствует.

Типичным остается реализация [g] в интервокальной позиции и на конце слов и после [t]; ср. [g] → [k]:

(ШАГ) — der Krieg [d'e: k'ri:k'];

(КХБ) — weggehen [væke:n], fortgefahren [fortkfarən].

В суффиксах -ig/-zig реализуется спирант [ç], что характерно для верхненемецких диалектов:

(ЛВЯ) — zweiundzwanzig [tsvəiuntsantsiç];

(ШАГ) — fünfundvierzig [fi:funfi:rtsəç], achtunddreißiger [axtundraisçə];

(КХБ) — wenig [v'en'iç], neunzehnhundertzweiundsiebzig [nəintsenhunderttsvoiuundzib tsiç], zweiundfünfzig [tsvoiuundzibtsiç].

Фрикатизация взрывного [d] → [j]:

(ЛВЯ) — im Krieg gestorben [im jə kri:g gəstorbm].

У остальных дикторов-информантов фрикатизация взрывного [d] → [j] отсутствует.

Палатализация согласных:

(ЛВЯ) — gestern [g'estərn], schon [ʃ'on], groß [gr'ɛ:s], Plattdeutsch [pl'adoitʃ]; (ШАГ) -gesehen [g'əze:ən], immer [im'er], der Krieg [d'e: k'ri:k'], Deutschland [d'oitʃ'l'ant], sie [z'i:], Schwester [ʃ'vestər];

(КХБ) — wenig [v'en'iç], besser [b'es'ər].

Ассимиляция: сохранение групп согласных sn, sm, sl, sp, st, sw — особенность, характерная для нижненемецких диалектов. Отметим, что у представителя данного идиолекта (ЛВЯ) в указанных группах s отражается как [ʃ] (признак верхненемецких диалектов):

(ЛВЯ) — gestorben [gəʃtorbm], verstehst [fərʃte:s], Schwester [ʃvestər];

(ШАГ) — Mensch [m'enʃ], Schwester [ʃvestər], sterben [ʃterb'ən].

В группах согласных st в середине слова и в конце слова s отражается как [ʃ]. Это явление представлено во многих верхненемецких говорах: [s] → [ʃ], [ts] → [ç]:

(КХБ) — jetzt [jeʦ], ist [ift].

У остальных дикторов-информантов переход [s] → [ʃ], [ts] → [ç] отсутствует.

Ассимиляция (в пределах слова сочетание двух смежных плавных согласных реализуется как один согласный, озвончение глухого согласного под влиянием последующего звонкого). Ассимиляторные изменения в группах согласных nd/nt отмечены у всех дикторов-информантов:

(ЛВЯ) — Plattdeutsche sind die [pla:doitʃə sī: di:], verstehst du das? [fərʃte:s das];

(ШАГ) — und dort [undort], und dann [undan], was ich mit dem mache [vas iç midə maxə];

(КХБ) danach sind wir [naχ zən vir], Mama fortgefahren sind [mama fɔrtkfarən sət]».

Отдельные признаки немецких диалектов в системе консонантизма представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Отдельные признаки немецких диалектов в системе консонантизма

Диалектные признаки	ЛВЯ	ШАГ	КХБ
	м	ж	ж
	представитель нижне-немецких диалектов	представитель нижне-немецких диалектов	представитель верхне-немецких диалектов
наличие второго перебора согласных:			
[p] → [f]	+	+	+
[t] → [s]	+	+	+
[t] → [ts]	+	+	—
переход [d] → [t]	+ / —	+	+
озвончение глухих согласных в слове	+	—	—
переход [g] → [k]	+ / —	+	+
спирантизация	+	—	—

[g] → [x/ç]			
фрикатизация взрывного [d] → [j]	+	—	—
отражение соглас- ного s как [ʃ] в группе согласных sn, sm, sl, sp, st, sw	+	+	+
переход [s] → [ʃ], [ts] → [ç] (в сере- дине и на конце слова)	—	—	+
ассимиляторные изменения в груп- пах согласных nd/nt	+	+	+

К основным изменениям в области вокализма, ведущим к образованию немецкого литературного языка, могут быть отнесены следующие изменения:

1) дифтонгизация узких долгих свн. ī, ū, iu, [y:] > нвн. ei [ae], au [aʊ], eu [ɔø];

2) стяжение узких дифтонгов свн. ie, io, üe [iə, yə] > нвн. [i:, u:, y:];

3) расширение дифтонгов среднего уровня свн. ei, ou > нвн. ei > [ae], au > [aʊ].

Следует отметить, что идиолекты Глазова также характеризуются данными изменениями.

Дифтонгизация узких долгих гласных.

Узкий долгий свн. ī представлен, как правило, в речи дикторов-информантов дифтонгом ei с разной степенью открытости: ei → [əi]⁷ / долгий гласный [i:]:

⁷ В речи информантов обнаруживается более употребительный узкий вариант дифтонга ae [əi].

(ЛВЯ) — zweiundzwanzig [tsvəiuntsantsiç], ein [əin];

(ШАГ) — Freizeit [frəitsəit], meinen [mi:nən].

В речи диктора-информанта (ШАГ) обнаруживается непоследовательность в реализации свн. ī.

В речи информантов обнаруживается вариант дифтонга [æ] → [ai]:

(ЛВЯ) — zwei [tsvai], verzeihe [fərtsiç], dreiunddreißig [draiunddraisiç], zweiundzwanzig [tsvaiuntsvantsi:];

(ШАГ) — einmal(s) [aima:ls], arbeitet [ar bait], heiratet [hairat], meine [maine].

свн. iu отражается в идиолектах Глазова как широкий вариант [ai]:

(ЛВЯ) — Deutsche [daitʃə], neun [nain], Neujahr [naija:r];

(ШАГ) — heulen [hailən].

В речи этого же диктора (ШАГ) сохраняются особенности нижненемецких диалектов: eu [ɔø] → [u:]: befreundet [bəfru:ndət].

В речи информантов отмечается сужение дифтонга [æ] → [oi]: (ЛВЯ) — zweiundfünzig [tsvoiuundzibtsiç], zwei [tsvoi].

Для всех информантов Глазова характерно стяжение старых дифтонгов ie → [i:], ou → [u:].

(ЛВЯ) — Gebiet [gəbi:t], Krieg [kri:ç], angerufen [angəru:fən];

(КХБ) — fünfundvierzig [fi:funfi:rtsiç], Kassierer [kasi:r], Bruder [bru:deə];

(ШАГ) — fünfundvierzig [fi:funfi:rtsəç], Krieg [k'ri:k'], tut [tu:t].

Делабиализация гласных ö, ü → [i:, e:]:

В идиолектах Глазова у информантов (КХБ) и (ШАГ) отмечаются случаи делабиализации гласных:

(КХБ) — dreiundvierzig [draəunfi:ftsic], fünfundvierzig [fi:funfi:rtsic], früher [fri:er];

(ШАГ) — fünfte [fi:nstə], fünfundvierzig [fi:funfi:rtsəç], früher [fri:ər]; schön [ʃe:n].

Расширение гласных:

i, u → [e:]:

(КХБ) — wir sind in Kasachstan [ver zin in kazaxstan], muss immer mit der Mama [mes imər mit der mama:];

(ШАГ) — sie [zə].

ä → [ai]:

(ШАГ) — meine Mutter, tut immer Krähen, Hänself [mainə mutər tu:t imər krainen, hainsa:]

Примером расширения гласного o → [a] может служить следующая словоформа:

(ЛВЯ) — Hochdeutsch [haxdaitʃ].

Сужение долгого a → [o]. По нашим наблюдениям, данное явление характерно для информантов

(ШАГ) — waren [vorən], abends [obən];

(КХБ) — Jahre [jo:ər].

Следует отметить, что расширение гласных представлено в речи исследуемых информантов неравномерно.

Частичная редукция гласного на конце слова:

(ЛВЯ) — unsere Familie [unzer familia:].

Ассимиляция вокализованного [v]:

(КХБ) — erster Bruder [ersteə bru:deə], der [deə], nur [nuə];

(ШАГ) — warten [va:tən], immer [ime], sehr [z'e:].

Отдельные признаки немецких диалектов в системе вокализма представлены в Табл. 3.

Таблица 3. Отдельные признаки немецких диалектов в системе вокализма

Диалектные признаки	ЛВЯ	ШАГ	КХБ
	м	ж	ж
	представитель нижне-немецких диалектов	представитель нижне-немецких диалектов	представитель верхне-немецких диалектов
дифтонгизация свн. [i:] → [əi] / долгий гласный [i:], [ae] → [ai]	+	+ / —	+

дифтонгизация свн. [i:]: [aɐ] → [ai]	+	+	—
сохранение узкого долгого гласного ū: eu [ɔø] → [u:]; ei → [ɛi] ⁸ / долгого глас- ного [i:]: ei → [i:]	—	+	—
стяжение старых дифтонгов ie → [i:]; [aɔ] → u:	+	+	+
делабиализация гласных ö, ü → [i:, e:]	—	+	+
сужение долгого а → [o]	—	+	+
редукция безудар- ных гласных	+	+ / —	+ / —

При исследовании идиолектов, носителями которых являются этнические немцы города Глазова, были обнаружены отчетливые следы взаимодействий на межъязыковом уровне.

К проявлениям межъязыковой интерференции на фонетическом уровне, на наш взгляд, можно отнести следующие.

В области *консонантизма* значимы процессы:

- отсутствие твердого приступа (Knacklaut) в речи всех респондентов;
- снижение напряженности щелевых, ослабление придыхания [p, t, k] в инициальной и финальной позициях;
- слабая интенсивность аффрикат [tʃ] и [ts];
- расширение сферы палатализации, что присутствует в высказываниях всех респондентов: gestern [g'estern], groß [gr'ø:s], fortgenommen [fo^vtg'enomen], Mensch [m'enʃ], sehr [z'e:], der Krieg

⁸ В речи информантов обнаруживается более употребительный узкий вариант дифтонга [aɐ] > [ɛi].

[d'e: k'ri:k'], lass [l'as], Baumgärtner [baumg'ertn'er], erzählen [ferts'e:l'en], Laden [l'a:d'en];

• увеличение зоны прогрессивной ассимиляции, свойственной русским произносительным стандартам (при сохранении характерной для немецкого языка регрессивной модели): Plattdeutsche sind die [pladoitʃə sinddi:], Vater [fa:der], das Haus verkauft, hat alles [das haos ferkaof, han ales], Jakob ist im Krieg gestorben [jakob° is im jə kri:g° gestorbm];

• упрощение артикуляции, уподобление русской произносительной традиции (произнесение в позиции звонкого аллофона z/s вместо [ʃ]): drei Schwester [draizester], schwer [sve:r].

В области *вокализма* значимы процессы:

1) качественные изменения гласных, в том числе редукция: in [en], du [de]: in der Ukraine [en dɐ ukraina:], die [d´], dort [dart], kann sie [kann zə], waren [voren], abends [oben´], Hochdeutsch [haxdaitʃ];

2) качественные изменения дифтонгов и монофтонгов:

редукция ei → [a³] / [i:] / долгий гласный [a³:]; eu [ɔø] → [u:]: noch ein Bruder war [a³:n], meinen [mi:nen], befreundet [°befru:ndet];

расширение дифтонга [ɔø] → [oi]/[ai]: Deutsche [doitʃe / daitʃe], neun [nain], Neujahr [naija:r], ihre Häuser [ire haizer], heulen [hailen];

расширение монофтонга ä > [æ]: meine Mutter, tut immer Krähen, Hänselfn [maine muter tu:t imer kræjnen, hæjnsa:];

3) частичная редукция гласного на конце слова: unsere Familie [unzer familia:], Ukraine [ukraina:] [155].

Как можно убедиться, значительным преобразованиям подвергаются дифтонги (звукотип, отсутствующий в русском языке), достаточно велика зона редукции гласных в безударной позиции, а также в служебных словах. Реализация типологически значимой оппозиции по долготе — краткости гласного в ударном слоге также минимизирована. Интерферирующее воздействие русского языка проявляется и на интонационно-просодическом

уровне. Четкий ритм, свойственный немецкой речи (в том числе и диалектной) минимизирован. Под воздействием севернорусских говоров и контактирующих с ними на территории Удмуртии удмуртского и татарского языков мелодический рисунок фразы приобретает специфическое звучание благодаря удлинению ударной гласной в финальном слого синтагмы. Однако этот вопрос требует отдельного изучения.

Ряд отмеченных в идиолектах явлений, скорее всего, соотносится с общими тенденциями, свойственными немецкому, германским и другим европейским языкам. Так, фонетисты отмечают ослабление четкости артикуляции, усиление назализации гласных, переход взрывных звукотипов во фрикативные, ослабление лабиализации.

Таким образом, говоры этнических немцев города Глазова рассматриваются в работе как идиолекты их носителей. Диалектное членение осуществляется по признаку преобладания в идиолектах верхненемецких или нижненемецких черт.

Рассматриваемые идиолекты обнаруживают отчетливые черты взаимодействия как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровне. Рассматривая важнейшие явления из области консонантизма, можно констатировать, что основное различие между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами базируется на отражении второго перебора согласных.

4. Заключение

Актуальная задача сохранения этнокультурного многообразия российской нации, оптимизации и гармонизации межнациональных отношений в современном российском обществе выдвигает в качестве первоочередных вопросов выяснение реальной языковой ситуации в стране, выявление основных процессов в этнической сфере, этнокультурных потребностей и запросов, оценку эффективности осуществляемых мер в области этнокультурной политики.

В целом, этническая идентичность представляет собой изменчивую, динамичную категорию. Проявление тех или иных

дистинктивных признаков обусловлено как объективными причинами (политическая система, этническая политика государства, территориальное администрирование), так и личностно-субъективными причинами (мотивация к сохранению языка, культуры, традиций). Российские немцы в абсолютном большинстве считают своей родиной Россию, что свидетельствует о их четко определяемой гражданской идентичности. При этом, однако, большинство полагает, что российские немцы должны сохранять свои традиции, язык и историческое наследие. Это обстоятельство следует считать свидетельством выраженной этнической идентичности.

© Байкова О. В.

© Обухова О. Н.

© Бухаров В. М.

Раздел III
СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

3.1. АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

1. Введение в проблематику исследования

В настоящее время, когда широкое распространение получили информационные технологии, особый интерес для анализа дискурсов представляют корпусные инструменты, такие как AntConc, Sketch Engine, WordSmith Tools и др., используемые в корпусной лингвистике. По мнению В. П. Захарова, корпусная лингвистика представляет собой раздел компьютерной лингвистики, в рамках которого формулируются основные принципы построения и применения корпусов текстов посредством компьютерных технологий (ЗАХАРОВ 2005: 3). Несмотря на то, что приведенное определение рассматривается как базовое в лингвистике, ряд ученых придерживаются другого мнения. В. В. Мамонтова считает, что компьютеры являются лишь инструментом в корпусной лингвистике, поэтому нельзя считать ее разделом компьютерной лингвистики (МАМОНТОВА 2010). Авторы данной статьи согласны с точкой зрения Захарова.

В лингвистической науке существует ряд определений термина «корпус». Изучением корпусной проблематики занимались Дж. Синклер (SINCLAIR 1991), А. Н. Баранов (БАРАНОВ 2003), Т. МакЭнери (MCENERY 2011), Д. Байбер (VIBER 2011), С. Ю. Богданова, В. П. Захаров (ЗАХАРОВ, БОГДАНОВА 2013). Так, В. П. Захаров и С. Ю. Богданова пришли к выводу, что корпус — это «унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для определенных филологических и, более широко, гуманитарных изысканий» (ЗАХАРОВ, БОГДАНОВА 2013: 52). Авторы статьи придерживаются определения, предложенного Синклером, по мнению которого корпус, выступая источником данных для лингвистических исследований, представляет собой собрание отрывков текстов в электронной форме, отобранных в соот-

ветствии с внешними критериями, чтобы наиболее полно представлять язык или вариацию языка (SINCLAIR 1991).

В статье излагаются результаты экспериментального корпусного исследования способов выражения отрицания в художественном и научно-техническом (сфера роботехники) дискурсах. Помимо этого, цель статьи заключается также в проверке валидности методик корпусного анализа для выявления отрицательных форм в анализируемых корпусах. Исследование осуществляется при помощи инструмента для исследования корпусов AntConc и его функции «Concordance» («Строка сочетаемости»). Материалом для исследования послужил специально составленный вручную корпус научно-технических дискурсов, представленный 13 статьями из журнала *Robotics* (ALTURBEN, et al. 2020; CARUSO, et al. 2021; DERROUAI, et al. 2021; FERRENTINO, et al. 2021; FUGAL, et al. 2021; ISIK, et al. 2020; LISSANDRINI, et al. 2019; NETWICH, et al. 2019; PAGANI, et al. 2021; POZZI, et al. 2021; RASTEGARPANAH, et al. 2021; SCHENKEL, et al. 2020; YAMAOKAWA, et al. 2021) общим объемом 86462 лексические единицы, а также корпус художественного дискурса аналогичного объема. Материалом для последнего выступает роман ирландского писателя, профессора кафедры английской литературы в Колумбийском университете Нью-Йорка К. Тойбина *Бруклин* («Brooklyn»), повествующий о жизни главной героини Эйлиш из маленького ирландского городка, которая ради карьерных перспектив оставляет привычный образ жизни и отправляется через океан в Америку (TOIBIN 2009).

Отрицанию и анализу способов его выражения отрицания в лингвистике посвящено много исследований (Ш. Балли, А. М. Пешковский, Н. Н. Болдырев и др.), но, несмотря на это, изучение указанной категории сохраняет свою актуальность. Отрицание, являясь одной из базовых операций мышления, которые находят выражение в языке, выступает объектом изучения таких наук как философия, формальная логика и лингвистика. Термин «отрицание» (die Negation) возник в философии благодаря работам Г. Гегеля,

чья трактовка связана с одним из основных законов бытия, законом отрицания, согласно которому отрицание приравнивается к утверждению и характеризуется принятием положительных сторон исследованного ранее (ГЕГЕЛЬ 1997).

В рамках логики под отрицанием понимается

«...логическая операция, противопоставляющая истинному суждению неистинное, ложному суждению неложное суждение, указывающая на несоответствие предиката субъекту или образующая дополнение к данному классу» (КОНДАКОВ 1975: 367).

С лингвистической точки зрения, отрицание в предложении указывает на то, что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное (БАЛЛИ 2001). Аналогичного мнения придерживается А. М. Пешковский, который трактует отрицание как элемент значения, отмечая, что связь между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует (ПЕШКОВСКИЙ 2001: 386). Соглашаясь с упомянутыми учеными, Болдырев одной из основных характеристик категории отрицания называет выражение отсутствия чего-либо, несоответствия чему-либо, отрицательную оценку чего-либо и отрицательную коммуникативную реакцию на что-либо (БОЛДЫРЕВ 2018: 402). Таким образом, в данной статье под отрицанием поднимается такое построение предложения, при котором четко прослеживается отсутствие какого-либо признака, элемента или действия в описываемом явлении или событии.

Предварительный анализ двух корпусов позволяет предположить, что целесообразным будет обратиться к наиболее традиционному способу реализации категории отрицания с помощью морфологических, лексических и синтаксических средств.

2. Средства выражения категории отрицания

Прежде, чем перейти к рассмотрению примеров, следует отметить недостаток инструмента AntConc при отборе лексических единиц с акцентом на определенный аффикс, так как указанный инструмент не дифференцирует полнозначное слово, включающее, например, словообразовательную морфему *in-*, которая

омонимична отрицательному префиксу un-, но отрицанием в составе конкретной лексической единицы не является (см. Табл. 1).

Таблица 1. Погрешности поиска в инструменте AntConc

Анализируемый аффикс	Варианты, предложенные инструментом AntConc
un-	understand university under
mis-	mission Miss
dis-	discuss discrete distance distribute
ir-	IROS — Intelligent Robots and Systems
-less	less than nevertheless regardless

В связи с такой погрешностью данного инструмента при отборе лексического материала, помимо методики корпусно-ориентированного анализа необходимо прибегать и к критическому дискурс-анализу, позволяющему вычленить требуемые лексические единицы. В результате анализа было выявлено 659 отрицательных единиц в научно-техническом дискурсе и 1552 единицы в художественном, что может быть связано с целевым назначением научно-технического дискурса передавать проверенную, чаще утвердительную информацию, реже отрицательную, направленную на опровержение выявленных ранее закономерностей, установленных в ходе научных экспериментов и исследований.

2.1. Морфологические средства выражения отрицания

Обратимся к морфологическим средствам выражения отрицания. При анализе корпусов научно-технического и художе-

ственного дискурсов инструментом AntConc были выявлены лексические единицы с такими отрицательными префиксами, как un-, mis-, dis-, ir-, non- и суффиксом -less. Морфологические элементы являются аналогичными для исследуемых типов дискурсов (см. Диаграмма 1).

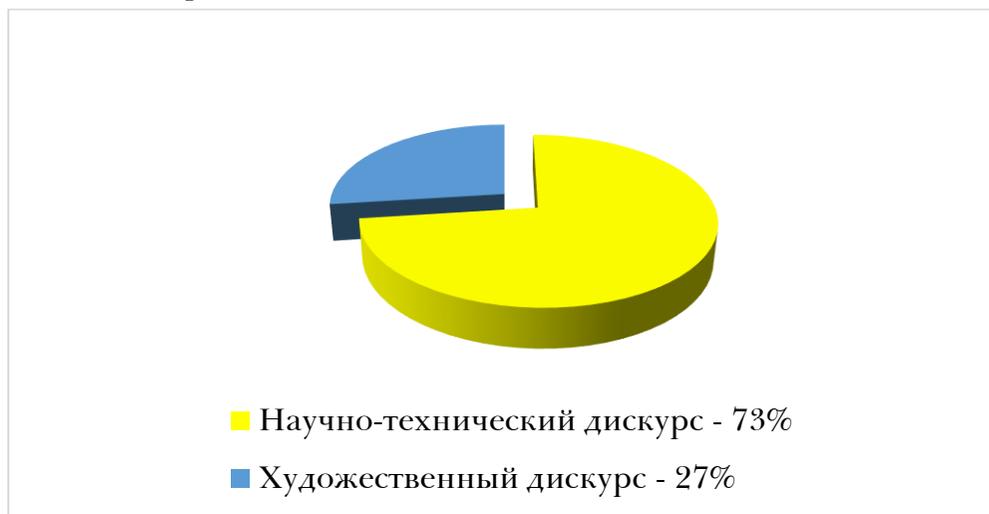

Диаграмма 1. Частотность употребления морфологических средств выражения отрицания

Как видно из Диаграммы 1, морфологические средства выражения отрицания получили более широкое распространение в научно-техническом дискурсе (73%), в то время как на долю художественного дискурса приходится только 27%. Такая неравномерность может быть вызвана тяготением научно-технического дискурса к употреблению более сложных лексических единиц в том случае, когда необходимо продемонстрировать отрицательные результаты опыта или эксперимента, в то время как в художественном дискурсе преобладает разговорная лексика, в которой отрицание образуется менее сложным образом, чаще с использованием отрицательной частицы *not* в полной и краткой формах.

Аффиксы также были рассмотрены с учетом части речи лексической единицы, к которой они примыкают при образовании отрицания (см. Диаграмма 2).

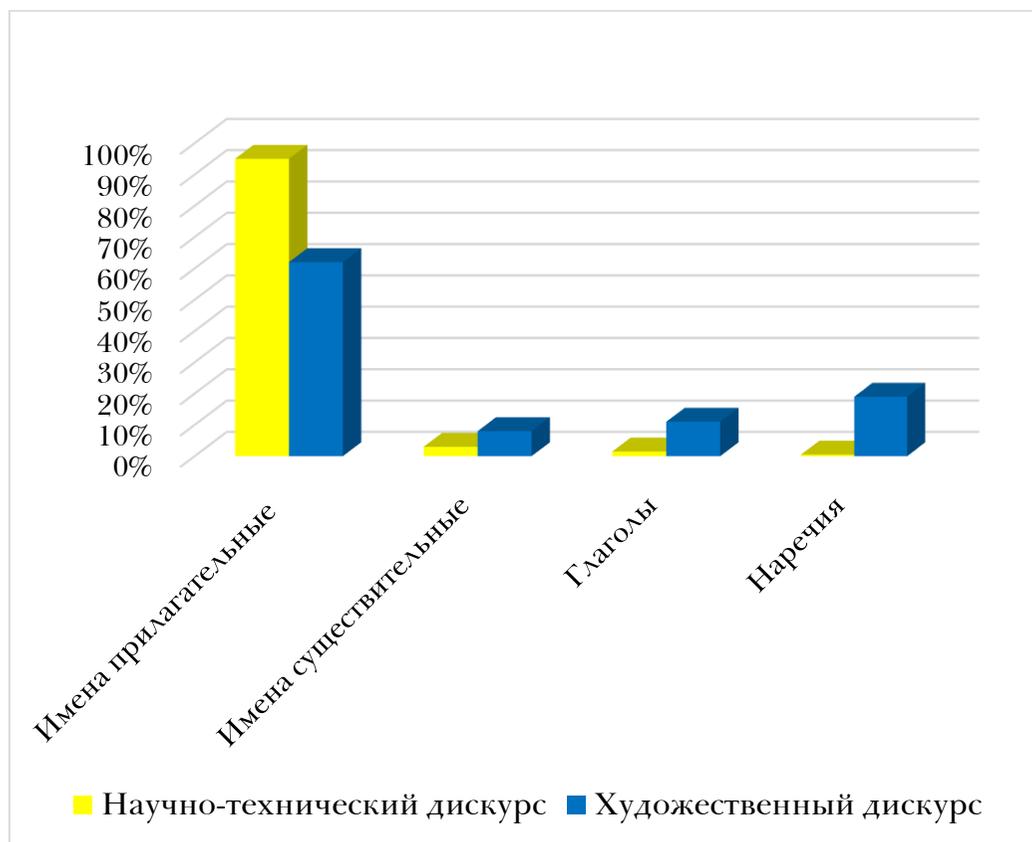

Диаграмма 2. Частотность употребления частей речи с отрицательными аффиксами

Как видно из Диаграммы 2, в научно-техническом дискурсе наиболее часто морфологические средства используются для образования имен прилагательных (95%), далее следуют имена существительные (3%), глаголы (1,5%) и наречия (0,5%). Говоря о художественном дискурсе, стоит отметить, что отрицательные аффиксы также преобладают у имен прилагательных (62%), затем идут наречия (19%), глаголы (11%) и имена существительные (8%). Такое соотношение может быть вызвано стилистическими особенностями рассматриваемых типов дискурса. Так, для художественного дискурса характерно разнообразие словесных форм и стилистических приемов, в связи с чем в нем представлены отрицательные формы всех исследуемых частей речи, в то время как строгий и регламентированный научно-технический дискурс

не предполагает витиеватости. Именно поэтому в последнем значительно преобладают имена прилагательные, используемые для оценки успешности проведенных научных исследований.

Обратимся к примерам (см. Табл. 2).

Таблица 2. Морфологические средства выражения отрицания

Научно-технический дискурс	Художественный дискурс
Имя прилагательное	
(1) ... <i>consequently, the algorithm becomes unusable in any case of practical relevance.</i> Авторы статьи подчеркивают непригодность описываемого алгоритма, когда речь заходит о его применении на практике. При помощи морфемы <i>un-</i> выражается его отрицательная оценка	(2) <i>Eilis looked away in case her watching made Nancy uncomfortable ...</i> В данном примере префикс <i>un-</i> обозначает отсутствие признака, а именно комфортного состояния
Имя существительное	
(3) ... <i>the operator will inevitably feel a sense of disorientation during operation ...</i> В данном примере представлены два случая использования отрицательной приставки, причем первый случай (<i>inevitably</i> ‘неизбежно’) усиливает степень выражения несовершенства второго действия (<i>disorientation</i> ‘дезорентация’)	(4) ... <i>a mixture of amused friendliness and passionate disagreement about a game they had both seen and a player...</i> Префикс <i>dis-</i> выражает несоответствие во взглядах на наблюдаемую персонажами спортивную игру
Наречие	
(5) <i>Therefore, the uncertainty in initial position seems misleadingly small by itself.</i> В данном примере помимо наречия с префиксом	(6) <i>Miss Kelly pursed her lips disapprovingly as she listed soap, shampoo...</i> Критическое (<i>disapprovingly</i> ‘неодобри-

mis- используется существительное с префиксом un-, причем в контексте указанные лексические единицы дополняют друг друга, так как нехватка уверенности в начальном положении детали роботехники отличается незначительностью (<i>misleadingly small</i> 'обманчиво малы'), что, однако, может оказать существенное влияние на работу прибора в целом	тельно') выражение лица хозяйки магазина, в котором работала Эйлиш относится к посетителям, которые приходят за обычными товарами, продаваемыми среди недели, в воскресенье, когда в наличие имеется что-то более изысканное, что вызывает большое скопление покупателей
Глагол	
(7) ...<i>available intruder state ... can be mismatched with the actual one.</i> В данном случае префикс mis- означает несоответствие между двумя состояниями исследуемого объекта	(8) <i>Eilis did not believe that her mother had misunderstood anything.</i> Префикс mis- демонстрирует отсутствие понимания. В данном примере используется также синтаксическое средство отрицания (частица <i>not</i>), в связи с чем само предложение несет положительный смысл

2.2. Синтаксические средства выражения отрицания

Рассмотрим синтаксические средства выражения отрицания в исследуемых типах дискурса, которые представлены отрицательной частицей *not*, союзом *neither ... nor* и предлогом *without*. Наибольшее распространение данные средства (74%) получили в художественном дискурсе, в то время как на научно-технический дискурс приходится 26% (см. Диаграмма 3), что объясняется широким использованием сокращенных форм с отрицательной частицей *not* помимо ее полного варианта в художественном дискурсе. Поиск *'t в инструменте AntConc установил 315 подобных лексических единиц в корпусе в указанном типе дискурса (*isn't*,

don't, wasn't, didn't, haven't, can't, wouldn't).

(9) *So, you **don't** touch that bread whatever you do.* Свежий хлеб в магазине предназначен для особых покупателей и подается самой хозяйкой. Именно поэтому продавцам запрещено его продавать другим посетителям. Отрицанием передается запрет на совершение определенного действия.

Употребление сокращенных форм не характерно для отличающегося строгостью научно-технического дискурса.

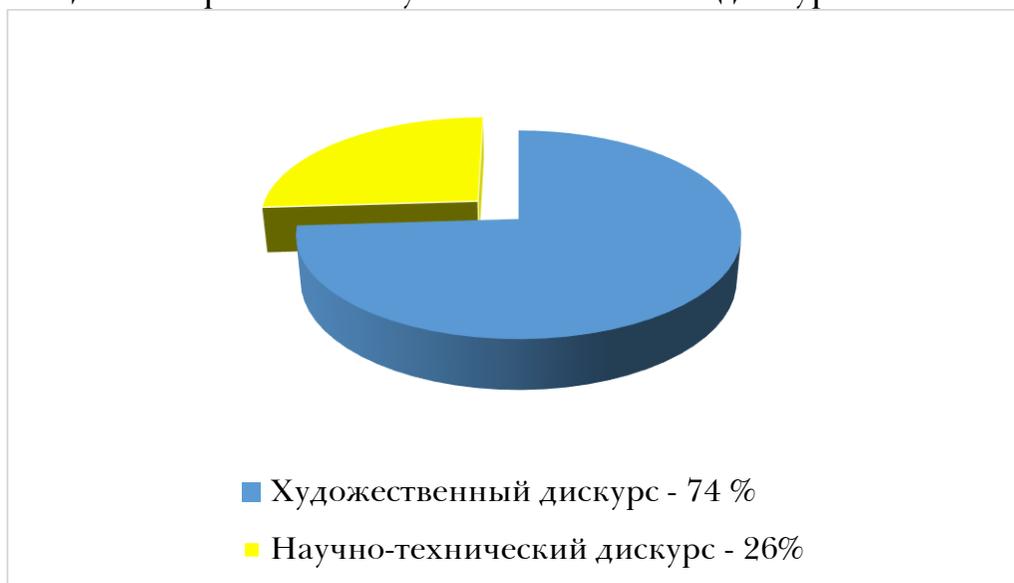

Диаграмма 3. Частотность употребления синтаксических средств выражения отрицания

Рассмотрим примеры (см. Табл. 3).

Таблица 3. Синтаксические средства выражения отрицания

Научно-технический дискурс	Художественный дискурс
Отрицательная частица <i>not</i>	
(10) ... <i>can reduce the training required in reaching tasks involving elevated target locations, but not all target locations.</i>	(13) <i>Those ones there are not for anybody unless I give precise instructions.</i>
(11) <i>On contrary, if an analytic solver is not available, and the ex-</i>	(14) ... <i>after Elis had done so, not letting her give the customers the change...</i>
	(15) <i>Some people, she added, also</i>

<i>tended Jacobian cannot be factorised...</i> (12) <i>In fact, even detailed studies like [18] do not consider the effect of including or excluding gravity compensation</i>	<i>bought bags of sugar on a Sunday, or salt and even pepper but not many...</i>
Союз neither ... nor	
—	(16) <i>Eilis noticed that neither Miss Kelly nor Mary had anything to eat or drink.</i> Данный союз выражает отсутствие субъекта выполнения действия, т. е. никто, согласно примеру, не прерывается на еду и питье во время работы
Предлог without	
(17) <i>... the resources that can be easily accessed without following a predefined order.</i> Предлог передает отсутствие необходимости следования определенному порядку действий для получения доступа к ресурсам	(18) <i>There was no day that passed without an event.</i> В данном примере помимо отрицательного предлога используется отрицательное местоимение <i>no</i>, что в целом делает предложение утвердительным и каждый описываемый день, описываемый автором, насыщенным на события

Как видно из Табл. 3, отрицательная частица *not* в научно-техническом дискурсе чаще всего относится к сказуемому (*is not, do not, cannot* (примеры 11-12) и др.), но возможны варианты ее использования при дополнении (пример 10). Отрицательная частица в художественном дискурсе, так же, как и в научно-техническом, может относиться к сказуемому (*I'm not, could not, might not, are not, was not, would not* (пример 13) и др.) или к другим членам предложения (примеры 14-15).

2.3. Лексические средства выражения отрицания

Перейдем к лексическим средствам выражения отрицания, представленным отрицательными местоимениями (no, no one, nobody, none, nothing) и наречиями (never, nowhere, hardly, seldom). Указанные средства преобладают в художественном дискурсе (86%), в то время как в научно-техническом дискурсе они представлены менее частотно — 14% (см. Диаграмма 4).

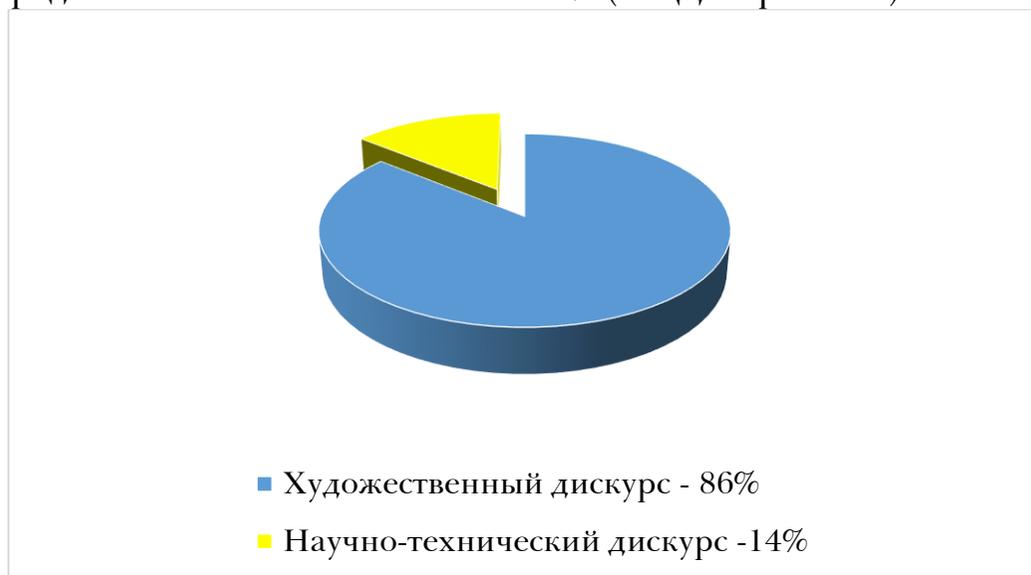

Диаграмма 4. Частотность употребления лексических средств выражения отрицания

Такое непропорциональное распределение лексических средств может быть связано со стилем изложения в научно-техническом дискурсе, который в большей степени предполагает передачу проверенных, доказанных фактов, не вызывающих сомнения.

Рассмотрим примеры употребления лексических средств для передачи отрицания (см. Табл. 4).

Таблица 4. Лексические средства выражения отрицания

Научно-технический дискурс	Художественный дискурс
Отрицательное местоимение	
(19) <i>We believe that they can represent a useful medium for people that have little or no experience with robotics to</i>	(20) <i>No wonder she's so mad. В школе Мисс Келли (хо-</i>

<i>understand the foundations of the subject.</i> Безусловно, сфера роботехники отличается комплексностью, однако при этом ее разработчики стремятся создать благоприятные условия ее применения даже для людей, не имеющих опыта обращения с ней. Местоимение по передает отсутствие необходимых навыков	зьяйка магазина) подвергалась насмешкам одноклассников, что определенно сказалось на ее дальнейшей жизни. В данном случае отрицательное местоимение выражает отрицательную оценку по отношению к указанным событиям
Отрицательное наречие	
(21) ... <i>although an extended Jacobian is virtually defined once the redundancy parameter is selected, it is never used for kinematic inversion.</i> В данном примере речь идет о Матрице Якоби, которая, несмотря на то, что она определяется автоматически после выставления параметра избыточности, не используется для кинематической инверсии. Наречие <i>never</i> демонстрирует невозможность ее применения с этой целью	(22) <i>She's never seen daylight, that's what's wrong with her.</i> В этом примере раскрываются причины такого жесткого характера хозяйки магазина, в котором работает Эйлиш, заключающиеся в том, что мать хозяйки заставляла ее много работать с раннего детства. <i>Never</i> выражает отсутствие свободного времени в жизни девочки

3. Заключение

В ходе сопоставительного способов выражения категории отрицания в англоязычных корпусах научно-технического и художественного дискурсов, были сделаны следующие выводы:

1) инструмент AntConc не является совершенным при отборе лексических единиц с отрицательными аффиксами, так как к поиску добавляются все слова, включающие искомый элемент, независимо от его значения, что требует использования метода критического дискурс-анализа;

2) в художественном дискурсе преобладают лексические и

синтаксические средства выражения отрицания, в то время как для научно-технического дискурса характерно использование морфологических средств выражения отрицания. Это объясняется частотностью разговорных и простых форм, используемых в художественном дискурсе, таких как отрицательная частица *not* (включая ее сокращенные формы), в то время как научно-технический дискурс тяготеет к сложным лексическим единицам, образованным при помощи отрицательных аффиксов;

3) самыми продуктивными префиксами в обоих исследуемых корпусах являются *in-* и *dis-*, которые используются для образования имен прилагательных с отрицательным значением, однако их частотность в корпусе художественного дискурса значительно ниже, чем в корпусе научно-технических дискурсов;

4) не являясь широко распространенным средством образования отрицания в художественном дискурсе, морфологический способ демонстрирует наибольшую распространенность в частеречном составе выявленных лексических единиц (наречия, имена существительные, глаголы), в то время как научно-технический дискурс ограничивается в основном именами прилагательными за исключением отдельно взятых случаев.

© Анашкина И. А.

© Конькова И. И.

3.2. АПЕКС В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

1. Постановка проблемы

Апекс, и как слово общего языка, и как термин в специализированном (прежде всего, лингвистическом) значении представляет интерес, скорее, не в аспекте своей этимологии, хотя и в этом отношении остаются неясными некоторые нюансы его происхождения, а по причине эволюционирования его значения в направлении от одного общего к совокупности частных значений, реализуемых в различных сферах как гуманитарного, так и естественнонаучного знания. Автора статьи, в первую очередь, интересует проблема вхождения слова *apex* в состав терминологии европейской лингвистики. Этим обстоятельством обусловлен выбор русской, английской и немецкой лингвистических терминосистем как совокупностей специализированных лексических единиц, обслуживающих потребности национального языкознания.

Как объект изучения в лингвотерминологическом аспекте апекс редко попадал в фокус интереса исследователей. Чаще всего упоминание о нем можно найти в работах по античной эпиграфике (HÜBNER 1885; CHRISTIANSEN 1889; EGBERT 1896; SANDYS 1919; ФЕДОРОВА 1991 и др.). В данных работах описывается графический вид этого знака, встречающегося во множестве древних латинских надписей, исследуется эволюция его формы, анализируются случаи и причины его употребления в текстах древних рукописей, а также в текстах, вырезавшихся на камне, дереве, бронзе или наносившихся на восковые таблички.

Лингвисты редко уделяли внимание апексу как графическому знаку, обозначавшему сначала долготу гласного в слоге, а затем применявшемуся в качестве знака острого ударения или же выполнявшему иные функции. На основе постепенно расширявшейся сферы употребления апекса сформировалась его семантическая структура, отражающая разнообразие его функциональных возможностей, складывавшихся на протяжении веков. Изучению

апекса в функционально-семантическом аспекте посвящено крайне небольшое количество исследований. Эти исследования большей частью освещают проблематику греко-латинской акцентуации (GALLY 1754; PRIMATT 1764; FOSTER 1820 и др.), и апекс не выступает в них в качестве основного объекта исследования. Одна из немногих работ, в которых апекс изучался целенаправленно, хотя и в аспекте его возможной связи с орфографическим знаком *sicilicus*, была опубликована более 50 лет назад Ревило П. Оливером (OLIVER 1966). В 1991 г. появилась статья Йоханнеса Крамера об использовании апекса в текстах папирусов (KRAMER 1991). Исследования, которые нацелены на изучение лингвотерминологической и лексикографической истории апекса, практически отсутствуют.

2. Цель и методы исследования

Автор ставит своей целью сопоставить точки зрения этимологов на проблему происхождения слова *арех*, описать историю развития системы его значений в русском, английском и немецком языках и на этом основании уточнить семантическую структуру слова. В необходимых случаях привлекается языковой материал латинского языка. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, этимологического, дефиниционного и семантического анализа.

3. Характеристика материала исследования

В поисках языкового материала было обследовано около 700 источников на латинском, церковнославянском, русском, английском и немецком языках. К их числу относятся как текстовые, так и лексикографические источники, включая одноязычные, двуязычные и многоязычные словари и глоссарии, этимологические словари, номенклаторы, справочники и грамматики на упомянутых языках.

Классические источники включают сочинения латинских грамматиков, а также сочинения на средневековой латыни (Цицерон, Варрон, Квинтилиан, Геллий, Великий Лонг, Скавр, Касси-

одор, Фоссий и др.). Текстовые источники на русском языке датированы периодом с 1574 г. по 1895 г. Лексикографические источники охватывают период с XI в. по 2020 г. Период с XI в. по XVII в. исследуется на материале «Словаря русского языка XI — XVII вв.» (1975) под ред. С. Г. Бархударова. Прочие источники датированы периодом с 1700 г. по 2020 г. Обследованные англоязычные текстовые источники относятся к периоду с 1532 г. по 1977 г. Лексикографические источники на английском языке включают словари, глоссарии и энциклопедии, изданные в период с 1572 г. по 2006 г. Текстовые источники на немецком языке охватывают период с 1521 г. по 1910 г. Список обследованных лексикографических изданий на немецком языке датирован периодом с 1513 г. по 2010 г. Разумеется, неверным было бы считать, что во всех изученных источниках встречается искомое слово. Учитывая узкие рамки статьи, мы ограничимся лишь теми источниками, которые позволяют решить поставленные задачи.

4. Результаты исследования и их обсуждение

4.1. Этимологический анализ

Логичным представляется начать с этимологической справки об исследуемом слове с учетом того, что арех входит в вокабуляр латыни, выступившей в качестве языка-источника, из которого слово проникло практически в неизменившейся форме в новые европейские языки.

В латинском языке слово арех образуется путем соединения корневого элемента ар- и суффикса -ех (по аналогии с образованием слов типа vertex). Корневой элемент ар-, по мнению Эрну и Мейе, восходит к глаголу аріō, ареге 'связывать' (DÉLL 2001: 38). Некоторые этимологи не разделяют в полной мере эту точку зрения. Во всяком случае, о невыясненном происхождении слова упоминает Скит (SKEAT 1989: 25), а Партридж сопровождает это утверждение оговоркой «возможно» (PARTRIDGE 1978: 21).

По мнению Ваана, связь с глаголом аріō также представляется дискуссионной (VAAN 2008: 46). В исследовании этимологии

слова он идет дальше, полагая, что слово берет свое происхождение от ие. *h₂er(o) 'далеко'; ср.: греч. ὕψος 'далекий', 'дальний', санскр. áraḡa- 'дальше' (ibid.: 46-47).

Эрну и Мейе допускают этрусское происхождение слова, однако затрудняются в установлении того, какое из значений слова является первичным — 'верхняя часть жреческого конического головного убора' или 'вершина', 'пик' (DÉLL 2001: 38)¹.

Вальде, со своей стороны, не усматривает достаточных оснований для признания этрусского происхождения слова (WALDE 1938, I: 57).

В словарном составе русского языка слово арех зафиксировано в 1866 г. как прямое заимствование из латыни в узком значении «палочка, украшенная шерстью, которую носили жрецы Юпитера и Марса на своих шапках» (БУРДОН и др. 1866: 52), а в более позднее время и сейчас в специализированном значении, обозначая «точку небесной сферы, к которой направлено движение Земли» (БАГРИНОВСКИЙ 2020: 111). Следует отметить, что авторы русских этимологических словарей в большинстве своем избегают включения слова апекс (арех) в состав словников, прини-

¹ Допуская этрусское происхождение слова, Эрну и Мейе ссылаются на работу Ф. Мюллера *Zur Geschichte der römischen Satire*, в которой автор считает этрусское происхождение слова арех вполне доказанным: «Der *apex* der römischen Priester und zwar der ältesten unter ihnen, der *Salii* stammt aus Etrurien und ist auch wirklich den nun gefundenen Helmen der Tyrsener, d. h. der aus dem Osten eingewanderten Etrusker auffallend ähnlich, wie G. Körte mitteilt, der zum Schluß sagt: "die Erkenntnis, daß eine höhere Kultur in Mittelitalien erst mit der etruskischen Eroberung beginnt, erscheint mir jetzt schon sicher begründet"» (MÜLLER 1923: 265). При этом Мюллер делает такой вывод, опираясь не на результаты собственных исследований, а ссылаясь на не допускающее иных толкований заключение Г. Кёрте, основанное на чрезвычайном внешнем сходстве верхней части жреческой шапки римских жрецов-салиев и найденных археологами шлемов этрусков, которые мигрировали на территорию средней Италии с востока.

мая, видимо, во внимание очевидную нечастотность употребления этого слова и специфический репертуар его значений.

В вокабуляре английского языка арех также выступает в качестве прямого заимствования из латинского языка (STORMONTH 1872: 7; FINDLATER 1886: 19; WORCESTER 1888: 71; ONIONS 1966: 42; KLEIN 1971: 42; PARTRIDGE 1978: 21; HOAD 1996: 19; BARNHART 2008: 41).

В немецком языке на Арех как на прямое заимствование из латыни указывают составители целого ряда общих и специализированных словарей и лексиконов (PIERER 1857, I: 594; ВККЛ 1911, I: 80; CONRAD 1975: 36; WAHRIG 1989: 179; BUBMANN 2002: 86; BUSSMANN 2006: 69). Словари, ссылки на которые здесь даются, не содержат детальной информации о происхождении слова, поскольку не являются этимологическими. Обследованные этимологические словари немецкого языка и сборники материалов к этимологическим словарям, среди которых *Historisch-etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Vorbemerkung und Probeartikel* (Berlin, 1977), *Deutsches etymologisches Wörterbuch* Кёблера (Tübingen, 1995), *Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache* (Mannheim, 2001), *Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes* Пауля (Tübingen, 2002), *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* Клюге (Berlin, 2011), *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* Пфайфера (Koblenz, 2014) и др., информации о слове Арех не содержат.

4.2. Семантический анализ

Латинский этимон арех в общем своем значении обозначает 'вершину', 'верхнюю точку', 'пик', 'острие' (ДВОРЕЦКИЙ 2002: 65). Это неспециализированное словоупотребление зафиксировано не только в латыни, но и в вокабуляре новых европейских языков и отмечено во множестве текстовых и лексикографических источников, относящихся к различным хронологическим периодам.²

² Интересно, что слово арех, по данным английских этимологических словарей, отмечено в общем значении в 1601 г. (BARNHART 2008: 41) или в 1603 г. (ONIONS 1937, I: 80; ONIONS 1973, I: 85), однако принятые автором изыскания позволяют говорить о более раннем его

В более узком, но, тем не менее, нетерминологическом значении, в основе которого лежит общее значение слова, апексом именуется «обмотанный шерстью жгутик белой конической шапки (*albus galerus*) жрецов-фламинов и салиев; шапка жрецов-фламинов из шкуры жертвенного ягнёнка»³ (*ibid.*: 65); см. также в (SMITH 1848: 102; ЛЮБКЕР 2001: 130; и др.). Отсюда — контекстное употребление латинского слова *apex* у Ливия («*apicem Dialem alicui imponege*» 'посвятить кого-л. в жрецы Юпитера'), у Сенеки («*apice insignis*» 'имеющий жрецеское звание'), у Горация («*regnum apices*» 'царские тиары') и др. Со значением 'вершина', 'пик' связываются также контекстно-обусловленные словосочетания, встречающиеся у римских авторов, например, «*apicem tollere*» 'развенчать, сбросить с вершины славы и могущества; обездолить' (Гораций), «*apex senectutis*» 'венеч старости' (Цицерон), «*apex sariti*» 'острие шлема' (Вергилий) и др. Во многих таких словосочетаниях апекс используется в метафорическом значении.

На периферии семантической структуры слова *apex* оказываются несколько узкоспециализированных значений, которые в совокупности позволяют рассматривать *apex* в качестве элемента

появлении, например, у Хиггинса: «**X** <...> hath the force of a double confonant, for the whiche in olde wrytinges *cs* and *gs*, was vfed, As *Apecs*, *Gregs*, for *A p e x*, *Grexx*» (HIGGINS 1572). В 1612 г. слово встречается в общем значении у Холиока, в 1656 г. и позднее у Блаунта, у Людвиг (1706), в *Gloffographia Anglicana Nova* (1707), у Бейли (1726), без указания на значение слова у Дайча (1737), у Джонсона (1755; 1820), у Феннинга (1768), у Баркляя (1774), в *A General and Complete Dictionary* (1785), у Шеридана (1789), у Уокера (1791; 1826), у Энфилда (1807) и др. В ряде этих и других словарей и энциклопедий наряду с общим значением слова *apex* фиксируются и его квазитерминологические значения, которые на являются предметом обсуждения в этой статье. Речь идет об апексе как об обозначении вершины геометрической фигуры (треугольника, конуса, пирамиды и т. п.).

³ Кэтрин Эздейл в обзорной статье подробно анализирует результаты немногочисленных исследований, в которых апекс в этом значении изучается в художественном и историческом аспектах (ESDAILE 1911).

терминологической системы языкознания, прежде всего, графики в ее тесной связи с фонетикой. В частности, в латинской графике апекс представлял собой знак долготы над гласной буквой в виде *accentus acutus* (´), применявшийся вместо более позднего макрона для различения омонимичных слов или одинаковых падежных окончаний, имеющих в своем составе гласные разной длительности. В этом значении слово, по утверждению Кноблоха (КНОВЛОХ 1963: 145), не приводящего ссылку на источник, известно примерно со 125 г. до н. э.⁴ Симеон в *Enciklopedijski rječnik* говорит о специальном употреблении слова со времен Суллы (*138 — †78 до н. э.) вплоть до III в. н. э., позднее — в Средние века и в эпоху Возрождения (SIMEON 1969, I: 85).

Кноблох и Симеон, указывая точное или примерное время появления апекса, возможно, опирались на исследование Сэндиса (1919), посвященное латинской эпиграфике, хотя в библиографическом списке Симеона эта работа не упоминается. Сэндис связывает появление апекса с удвоенным написанием гласных, считавшихся долгими по природе, которое зафиксировано в латинских надписях, относящихся к периоду со времен Гракхов (133 г. до н. э.) до Третьей Митридатовой войны (75 г. до н. э.)⁵. Начиная с этого вре-

⁴ Известно, что Кноблох не успел закончить свой словарь, последние материалы к которому были опубликованы в 1998 г. и заканчиваются леммой **Gefühlwörter**. По этой причине список источников, видимо, так и не был опубликован. Во всяком случае, автору найти его не удалось.

⁵ Сэндис приписывает введение удвоенного написания гласных римскому драматургу Акцию (*ок. 170 — †85 до н. э.). Отсылка к Акцию основывается, видимо, на высказывании Скавра: «Primum igitur per adiectionem illa videntur esse vitiosa, quod Accius geminatis vocalibus scribi natura longas syllabas voluit, cum alioqui adiecto vel sublato apice longitudinis et brevitatis nota posset ostendi» (SCAVRVS 1878: 18). Более поздние изыскания в области латинской эпиграфики приводят исследователей к выводу о том, что обычай обозначать долготу гласных на письме в помощь удвоенного их написания возник гораздо раньше.

мени и вплоть до 250 г. н. э., по его мнению, долгота гласных обозначалась апексом, изображавшимся поначалу в виде значка, напоминающего запятую или коронис (coronis) ('), а в имперскую эпоху — знаком акута (´) (SANDYS 1919: 36, 53). См. об этом также в (LEUMANN 1977: 13).

Однако в период времени со второй половины II в. до н. э. до середины I в. н. э. никаких письменных свидетельств, в которых бы апекс упоминался как диакритический знак, не обнаруживается. Ссылки на классические источники, упоминаемые в *Латинско-русском словаре* Дворецкого (ДВОРЕЦКИЙ 2002: 65), а также в иных исследованиях и словарях, составленных ранее другими авторами, заставляют проявлять некоторую сдержанность в признании факта такого раннего специализированного словоупо-

Один из самых ранних случаев удвоения гласных зафиксирован в фалиско-латинском тексте на бронзовой табличке, который исследователи относят к периоду латинизации фалисков, начавшейся, согласно Ливию, в 241 г. до н. э. В частности, в этом тексте долгота начального слога в слове *Vootum* (= *vōtum*) передана удвоением буквы «o» (ФЕДОРОВА 1991: 80). Позднее случаи удвоения (*Aaga* = *āga*; *Leege* = *lēge*) обнаруживаются в надписи, датируемой II в. до н. э., которая была сделана на алтаре из альбанского камня, найденном в 1826 г. в Бовиллах в Лации (*ibid.*: 123), а также в надписи на памятнике Марку Цецилию, которая была выполнена квадратным письмом. Удвоенные гласные (*Maarco* = *Mārcō*; *Seedes* = *sēdes*) обозначали долготу слогов (*ibid.*: 227-228). Крамер, опираясь на работу Ману Лоймана (LEUMANN 1977: 12-13), в которой во множестве приводятся примеры такого удвоения гласных, в связи с этим замечает: «Aufmerksame Römer scheinen die fehlende orthographische Unterscheidung zwischen Längen und Kürzen allerdings immer wieder als einen Mangel empfunden zu haben, denn man trifft zu verschiedenen Epochen der lateinischen Schriftgeschichte auf unterschiedliche Versuche, Abhilfe zu schaffen» (KRAMER 1991: 141). «В дальнейшем римляне от этого способа отказались и, как правило, долготу слога при письме не отмечали» (ФЕДОРОВА 1991: 227-228). Оливер полагает, что это произошло уже в III в. н. э. (OLIVER 1966: 130).

требления, поскольку достоверно установлено только, что в искомом значении арех встречается примерно в середине I в. н. э. у Марка Фабия Квинтилиана: «*Ut longis syllabis omnibus adponere a r i s e m ineptissimum est...*» (QUINTILIANUS 1920: 134, lib. 1, cap. 7, § 2). Косвенно именно такая хронологическая атрибуция этого значения может быть поддержана данными словаря *Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage* (DUBOIS 1994: 41).

После Квинтилиана во II в. н. э. об апексе в искомом значении говорит Великий Лонг, не упоминая самого слова арех, а в VII в. — Исидор Севильский⁶. Позднее арех в первом значении обнаруживается в 870 г. у Друтмара, который приводит определение слова:

«*A r e x autem titula dicitur, quæ in aliquibus litteris apud antiquos super quibusdam litteris ponebatur, sive causa differentiae, sive ut ostenderetur geminandam esse litteram*» (DRUTHMARS 870: col. 1306-1307).

В 1454 г. Токен дает свое толкование слова арех, выделяя в его семантической структуре интересующее нас значение: «*A r e x non est littera sed particula littere, que ponitur in sumitate ad distinc-*

⁶ У Исидора Севильского читаем: «Среди начертаний букв древние выделяли и *знак долготы* (арех, «черточка»). А зовется он знаком долготы, поскольку он большой по длине и рисуется сверху буквы. Это черта, находящаяся над буквою, соответственно вытянутая. <Начертание же это то, как пишется вся буква>» (ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ 2006: 12). Из определения Исидора понятно, что он называет апексом макрон, хотя и не говорит напрямую о нем как о горизонтальной черте.

Проблема внешнего вида или формы апекса, таким образом, может рассматриваться в качестве отдельной проблемы, поскольку этот диакритический знак не может быть приравнен к макрону, так как, по мнению ряда исследователей, изображался он в виде черточки над центром гласной буквы с некоторым смещением вправо, почти никогда вертикально, и обычно с наклоном вправо, т. е. внешне соответствовал акуту. При этом в латинских надписях левая (нижняя) часть апекса часто была закруглена в отличие от таковых знаков в текстах папирусов, где закругление отсутствовало (KRAMER 1991: 141).

nem...» (ТОКЕН 1454: А 220). В определениях Друтмара и Токена особый акцент делается на выполнении апексом различительной функции применительно к гласным, имеющим разную длительность в омонимичных формах.

В более поздних источниках упоминание об апексе в первом значении как о слове, входящем в вокабуляр латинского языка, зафиксировано у Шеллера: «*Ā p e x, ĩcis, m. <...> 6) das gemachte Zeichen über die Sylbe, um anzuzeigen, daß sie lang sey...*» (SCHELLER 1804, I: Sp. 838-839), у Вальпи, который трактует значение слова *apex* расширительно как знак долготы или краткости над гласной буквой, напр., *vēnit, vēnit; mālus, mālus*, или как знак ударения (VALPY 1828: 26-27), у Георгеса:

«*a p e x <...> 1) das über einen Vokal gesetzte Längenzeichen (á, erst bei spät. Gramm, ā), um gleichgeschriebene Wörter verschiedener Bedeutung (z.B. *pópulus*, die «Pappel», u. *populus*, das «Volk») od. gleichlautende Kasus verschiedener Messung (z.B. *tuá custodiá* als Abl. Sing.) zu unterscheiden*» (GEORGES 1902: Sp. 191; GEORGES 1913, I: Sp. 491), у Дворецкого (ДВОРЕЦКИЙ 2002: 65), у Кёблера: «*a p e x, lat. M.: <...> mlat.-nhd. über Vokal gesetztes Längenzeichen*» (KÖBLER 2010).

Учитывая, что латинское ударение, начиная еще с италийского периода (VI-V вв. до н. э.), наряду с тональным компонентом всегда сохраняло выраженные признаки динамичности (силы)⁷, можно согласиться с Вальпи, что апекс до появления макрона какое-то время одновременно использовался как для обозначения количества (долготы) гласного звука, так и для обозначения ударения в слове. В период классической латыни (I в. до н. э. и позднее), когда ударение становится силовым, традиционным можно считать и употребление апекса в его третьем значении как средства обозначения острого ударения (см. ниже).

Анализ текстовых и лексикографических источников Нового и Новейшего времени позволяет с опорой на работы ряда авторов установить факт употребления слова *apex* в первом значении

⁷ Ср.: «в латинском слове динамическая сторона ударения была выражена ярче, чем музыкальная» (ТРОНСКИЙ 1966: 174).

в национальных языках.

В источниках на русском языке слово апекс в первом значении зафиксировано в переводной русскоязычной версии *Словаря лингвистических терминов* Марузо:

«**А п е к с** <...> Знак острого ударения, употреблявшийся иногда римлянами в надписях для указания на долгое количество гласного» (МАРУЗО 1960: 34),

в 1966 г. у Ахмановой (без указания на функцию диакритического знака): «**А п е к с** <...> 1. Знак острого ударения в латинских надписях» (АХМАНОВА 2004: 51).

В англоязычных источниках искомое слово на национальном языке находим у Галли: «The proper Mark of a long Syllable indeed was an *A p e x*, or *Bar*» (GALLY 1754: 70), у него же:

«Tho' the *Apices*, which were ufd by the Latins, were distinct from Accents, yet still these, when Sense and Quantity are connected with them, come within the fame Reason...» (ibid.: 90).

Примечательно, что Галли описывает апекс как горизонтальную черту над буквенным символом, подобную макрону, т. е. не проводит различия между ранним апексом как индикатором длительности гласного звука (quantity), на смену которому пришел макрон, и поздним апексом как знаком острого ударения (accent). Однако он говорит о различении функций, выполняемых этими двумя апексами.

Упоминание об апексе как о горизонтальной черте представляет интерес в аспекте установления приблизительного времени, когда произошло размежевание раннего апекса (в роли макрона) и позднего апекса, обозначающего силовое ударение, с учетом их функций и внешней формы. С этой целью проанализируем высказывания Фостера:

«I can see no reason why the mark of time (the old Roman *a p e x*, of which more will be said in another place) mentioned and authorized by Quinctilian, should not be adopted by us. The *a p e x* was like our mark of a long quantity...» (FOSTER 1820: 44),

у него же читаем:

«We know, however, that the Romans, though they applied not the marks of tone, did occasionally use those of time, and placed a horizontal line, called an *a p e x*, over some long syllables to distinguish them from short ones with the same letters; as in *sōlum* the adjective, to distinguish it from *solum* the substantive; in *āret* of *areo*, as different from *aret* of *aro*; which use of the *a p e x* is remarked by Quintilian, afterwards by Scaurus, in the end of his *Orthographia*, and likewise by Caninius, who says, “Latini in longis vocalibus utebantur apicibus, *pālus*, *mālus*.” These always denoted quantity» (ibid.: 60-61);

у него же:

«Though the *a p i c e s*, which were used by the Latins, were distinct from accents, yet still *these*, when sense and quantity are connected with them, come within the same reason, and so ought to be subject to the same rule, *i. e.* that they ought to be used but in doubtful cases» (ibid.: 313).

Очевидно, что Фостер, как и Галли, говоря об апексе как о знаке, обозначающем длительность звука (time), имеет в виду макрон или, точнее, ранний апекс в функции макрона с отсылкой к Скавр⁸, Канинию и Квинтилиану. Из этого можно сделать вывод о том, что макрон в виде горизонтальной черты как замена раннему акутовому апексу использовался, как минимум, уже в I в. до н. э. Это заключение не противоречит мнению Оливера, который полагает, что макрон не применялся в качестве диакритического знака вплоть до наступления имперской эпохи, а апекс никогда не обретал форму макрона, разве что в крайне незначительном

⁸ Скавр упоминает об апексе со слов Варрона, хотя прямого подтверждения этому нет (OLIVER 1966: 130). Ср.: «si autem cum eadem [i] littera aliud breve aliud longum est, ut illa [et] *p i l a*, *a p i c e s* ibi poni debent, ubi [h]isdem litteris alia atque alia res designatur, ut *vénit* et *venit*, *áret* et *aret*, *légit* et *legit* ceteraque his similia; super I tamen litteram *a p e x* non ponitur: melius enim I (in) *p i l a* in longum producet. ceterae vocales quom eodem ordine positae diversa significant, *a p i c e* distinguuntur, ne legens dubitatione impediatur, hoc est ne †in os hos aedes pronuntietur» (SCAVRVS 1878: 33).

количестве поздних надписей на латинском языке (OLIVER 1966: 143). Правда, и в этих случаях сложно сделать однозначный вывод о том, была ли сделанная в надписи черточка, действительно, апексом, или же мы имеем дело с опиской, допущенной автором.

Слово *арех* в первом значении упоминается и в ряде других англоязычных источников, к примеру, в *Encyclopaedia Perthensis*:

«A P E X is used by grammarians for a long accent or mark to denote that a syllable is to be pronounced long. Quintilian condemns a practice of putting the apex on all long syllables; yet in some cases he allows this apex necessary, e. gr. where the different lengths of a syllable distinguish the different senses of a word as in *malus* which as long, or short, denotes an *ill man*, or an *apple tree*» (ENCYCLOPÆDIA PERTHENSIS 1816, II: 280),

в *Lexique de la terminologie linguistique* у Марузо (MAROUZEAU 1951) и др.

В источниках на немецком языке упоминание об апексе в лингвистическом употреблении и в написании, соответствующем национальным правилам орфографии, обнаруживается у Пирера:

«A p e x <...> 5) schon im Alterthum übliches Zeichen über die gedehnten Vocale gesetzt, wenn man andere Wörter mit gleichen aber geschärften Vocalen davon unterscheiden wollte, z.B. *mâlus* (Apfelbaum) u. *mâlus* (schlecht)» (PIERER 1857, I: 594),

«das Dehnungszeichen ist der A p e x (^)⁹» (PIERER 1858, IV: 800), в *Meyers Konversations-Lexikon*: «A p e x (lat.), <...> Längen- oder Tonzeichen über einer Silbe» (MKL 1885, I: 674), в *Brockhaus Konversations-Lexikon*: «A p e x (lat.), <...> in der Grammatik das Längenzeichen über einem Vokal» (BKL 1894, I: 731); в *Meyers Großes Konversations-Lexikon*: «A p e x (lat.), <...> Längen- oder Tonzeichen über eine Silbe» (MGKL 1905, I: 611), в *Brockhaus Kleines Konversations-Lexikon*: «A p e x (lat.), Spitze; in der Grammatik: Zeichen der Vokallänge (^)» (BKKL 1911, I: 80), у Геопрека: «...durch den A p e x <...> als gedehnt bezeichnen, zirkumflektieren» (GEORGES 1913, I: Sp. 1152), у Марузо (MAROUZEAU 1951), у Кноблоха:

⁹ В соответствии с традиционной передачей количественных характеристик гласных звуков в источниках по истории немецкого языка при помощи циркумфлекса Пирер не использует здесь макрон.

«**А р е х** <...> 1. diakritisches Zeichen über den Vokalen... zur Bezeichnung der Länge verwendet, wo die Unterscheidung erforderlich war (*málus* ‚Mast‘, *malus* ‚böse‘; *vénit* ‚kam‘, *venit* ‚kommt‘; *pópulus* ‚Pappeľ‘, *populus* ‚Volk‘; vgl. *i longa*...)» (KNOBLOCH 1963: 145),

в словаре Wahrig: «**А р е х** <...> Zeichen für die Länge eines Vokals (z. B. [a:] od. ā)» (WAHRIG 1989: 179), у Кёблера: «a p e x, lat. M.: <...> mlat.-nhd. <...> über Vokal gesetztes Längenzeichen... <...> nhd. A p e x, M.» (KÖBLER 2010).

С первым значением соотносится второе значение слова арех — очертания букв, черточки, точки, значки, засечки как часть букв; письмена, — встречающееся в классических источниках на латинском языке. С учетом хронологии их появления первым в этом ряду оказывается уже упоминавшийся выше Квинтилиан: «a p i c e circumducta syllaba» (QUINTILIANUS 1920: 88, lib. 1, cap. 5, § 23). Аналогичное словоупотребление зафиксировано в *Noctes Atticae* у Авла Геллия: «...vix ipsos litterarum apices potui comprehendere» (GELLIUS 1870: 314, lib. 13, cap. 10, § 30), у него же:

«...resolutio autem lori litteras truncas atque mutilas reddebat membraque earum et a p i c e s in partis diversissimas spargebat» (ibid.: 390, lib. 17, cap. 9, § 12).

Позднее оно встречается в датируемой 382 г. *Biblia Sacra Vulgata* в контексте слов Христа, цитируемых в Евангелиях Матфеем, а затем Лукой. У Матфея читаем: «iota unum aut unus a p e x non praeteribit...» (Мт. 5: 18); у Луки: «...quam de lege unum a p i c e m cadere» (Лс. 16: 17). Совершенно очевидно, что широкое распространение канонического перевода библейского текста на латыни и постоянно увеличивавшееся количество толкований и комментариев к последнему привело к тому, что употребление слова арех в описываемом (втором) значении оказывается намного более частотным, чем в прочих его значениях.

Во втором значении слово арех обнаруживается также в *De orthographia et de arte grammatica* у Кассиодора (CASSIODORVS 1878: 148):

«Est quaedam littera in F litterae speciem figurata, quae digamma nominatur, quia duos a p i c e s ex gamma littera habere videatur»,

затем в *De arte metrica et de orthographia* у Беды Достопочтенного практически в той же редакции:

«F littera in speciem figurata est cuiusdam litterae quae digamma nominatur, quia duos a p i c e s ex gamma littera habere videatur» (BEDA 1878: 302).

Уже упоминавшийся выше Токен также выделяет второе значение в семантике слова *apex* применительно к особенностям употребления диакритических знаков в древнееврейском письме¹⁰:

«...Hebrei namque diversa significant per eandem figuram, sed per quosdam punctos positos infra vel supra distiguunt; et illi puncti dicuntur a p i c e s» (ТОКЕН 1454: А 220).

Сходное словоупотребление находим у Цейлера безотносительно к особенностям древнееврейского письма:

«Archiepiscopi Colonienfis, quæ ex vetustissimo more fieri folet Aquisgrani, cujus etiam mentionem facit, quamvis perfunctoriè, Caroli IV. Bulla verè aurea, in qua solemnia creandi, & confirmandi Imp. omnia accuratè describuntur, de unctione verò Pontificis ne minimus quidem *L i t t e r æ a p e x* reperitur» (ZEILLER 1659: 130).

Второе значение латинского слова *apex* зафиксировано в ряде лексикографических источников, том числе у Серрануса: «*Ap e x*, <...> Item *das klein tyfflin auff dem buchstaben*» (SERRANUS 1539: 22), у Шоттеля: «*tüpfel / a p e x, dupflein*» (SCHOTTEL 1663: 1436), у Молнара и Беера: «*Ä p ē x, apices, gen. m. <...> Pünctlein*» (MOLNÁR, BEER 1708: 128), в *Teutsch-Lateinisch- und Ruffzisches Lexicon* как синоним лат. *punctum* и эквивалент нем. *Punkt* (TLRL 1731:

¹⁰ Речь идет о специфической системе обозначения гласных в консонантно-звуковом еврейском письме, которое исключало использование букв, передающих гласные звуки. Отсутствующие гласные замещались путем применения специальных надстрочных, подстрочных или внутрибуквенных символов-значков. Такой способ передачи гласных, наряду со способом *matres lectionis*, был разработан в середине I тысячелетия н. э. и известен как вавилонская система, предписывавшая размещать диакритические значки над согласными буквами, или как тивериадская система, когда диакритика ставилась под ними (ИВАНОВ, ИВАНОВА 2018: 51).

479), у Шеллера:

«*Apex*, ĩcis, m. <...> 7) apices litterarum, <...> i. e. die Züge: daher 8) apices eine Schrift oder ein Brief <...> daher apex auch jeder Buchstabe oder Zug des Buchstaben zu bedeuten scheint...» (SCHELLER 1804, I: Sp. 839),

у Кронеберга: «ударение, знакъ надъ буквою» (КРОНЕБЕРГ 1834: стб. 145; КРОНЕБЕРГ 1849: 37), у Георгеса:

«*apex* <...> 2) apices litterarum, die Züge der Buchstaben, die Schriftzüge <...> apices = das Schreiben, die Schrift» (GEORGES 1913, I: Sp. 1152),

у Фриска: «*κεραία* <...> als Schriftzeichen = lat. *apex* (att., hell.)» (FRISK 1960, I: 827), в 1976 г. у Дворецкого (ДВОРЕЦКИЙ 2002: 65, 143), в 1993 г. и позднее в *Metzler Lexikon Sprache* у Глюка: «*Apex*, m. <...> Oberer spitzer Winkel einiger lat. Versalbuchstaben, z.B. bei A, N, M» (GLÜCK 2000: 49), у Бикса: «*κεραία* <...> as a sign of writing = Lat. *apex* (Att., Hell.)» (BEEKES 2010, I: 676), у Кёблера: «*apex*, lat. M.: <...> mlat.-nhd. <...> Buchstabe, <...> kleiner Strich, Schriftzug, Häkchen» (KÖBLER 2010).

В англоязычных источниках искомое слово во втором его значении на национальном языке находим у Робсона: «*κεραία* <...> in N. T. *apex*, point of a letter, put for the least particle» (ROBSON 1839: 239), у Лидделла: «*κεραία* <...> an accentual mark, *apex*, 'a tittle', N. T.» (LIDDELL 1855: 727), в более позднем, дополненном и исправленном (не прижизненном) издании у него же: «*κεραία* <...> 3. in writing, *apex* of a letter...» (LIDDELL 1996: 939-940), в *A Greek-English Lexicon* со ссылкой на Евангелие от Матфея: «*κεραία* <...> extremity, *apex*, point; used by the Grk. grammarians of the accents and diacritical points...», со ссылкой на Евангелие от Луки там же:

«<...> the little lines, or projections, by which the Hebr. letters in other respects similar differ from each other, as π and η, τ and ρ, ς and ζ, [A.V. tittle]» (GELNT 1889: 344),

у Стронга: «2762. *κεραία kēraia* — <...> (spec.) the *apex* of a Heb.

letter» (STRONG 1890: 41). С опорой на данные *The Shorter Oxford Dictionary*, в котором в соответствующей словарной статье содержится отсылка к тексту Евангелия от Матфея, можно сделать вывод, что слово *арех* в этом значении вошло в вокабуляр английского языка в 1680 г.: «*Арех* <...> 3. A horn on a Hebrew letter (= *κεραία*...); hence † *fig.* A tittle, a jot — 1680» (ONIONS 1973, I: 85).

В источниках на немецком языке упоминание об апексе во втором значении и в написании, соответствующем национальным правилам орфографии, встречается с отсылкой к Евангелиям от Матфея и Луки у Арнольда: «Nicht ein Jota, nicht ein *Арех* wird in den dingen abgehen, daß nicht alles gantz wird werden, als des Vaters allein» (ARNOLD 1700: 147), у Гёттлинга: «Grade fo die älteren Lateiner, welche auf eine von Natur lange Sylbe den *Арех* setzten» (GOETTLING 1835: 22), у Кноблоха: «**Арех** <...> 2. Schriftzeichen (*apices litterarum*) oder Schriftzüge (*ductus apicum*) überhaupt...» (KNOBLOCH 1963: 145), у Кёблера (2010)¹¹.

Анализ источников позволяет выявить у латинского слова *арех* еще ряд значений. С целью упорядочения семантической структуры исследуемой лексической единицы условимся в качестве третьего значения слова считать *знак острого ударения в слове в виде accentus acutus* (´). Очевидно, что появление третьего значения слова связано с тем, что в античных источниках в качестве диакритического символа, обозначающего долготу гласного, долгое время использовался знак острого ударения *accentus acutus*, который позднее стал обозначать силовое или динамическое ударение сначала в классической латыни, а позднее и в новых европейских языках. Функцию обозначения долготы гласного или слога в латыни, как уже говорилось выше, принял на себя мак-

¹¹ Бикель полагает, что это узкое значение не связано с общим значением слова *арех* 'вершина', 'пик', а, скорее, соотносится со значением 'прутик', 'побег (растения)': «Auch die Bedeutung des Wortes als Schriftzeichen... gehört nicht zu dem Begriff 'culmen', 'cacumen', sondern zu 'virgula'» (BICKEL 1917/18: 57).

рон. В функциональном аспекте это различие двух диакритических знаков — акута и макрона — было обусловлено концептуальным различием между долготой и ударением, объясняемым разной природой этих двух фонетических явлений.

Третье значение латинского слова *apex* обнаруживаем в *Lexicon Latino-Germanicum* у Рейхера: «*A p e x, accentuum nota, quia vocalibus superponitur*» (REYHER 1686: Sp. 165), у Гедериха:

«Doch aber find nechst dieser [Sylben] auch ihre *A p i c e s* wohl inachtznehmen / fo da fürnehmlich find die *Spiritus, Apostrophi, und Accente*» (HEDERICH 1713: 126),

в *Латинском Лексиконе* у Розанова: «*A p e x, icis m. <...> Quint. Удареніе, знакъ надъ буквою*» (ЛАТИНСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ 1797: стб. 122); у Вальпи (VALPY 1828: 26-27), у Кронеберга (КРОНЕБЕРГ 1834: стб. 145; КРОНЕБЕРГ 1849: 37), у Кёблера: «*a p e x, lat. M.: <...> nhd. Apex, M., <...> Zeichen zur Kennzeichnung betonter Vokale oder Silben*» (KÖBLER 2010).

В источниках на английском языке *apex* как заимствованное в вокабуляр английского языка слово в значении 'знак ударения' упоминается у Праймэтта: «*Προσῳδίαι, generally the accentual marks themselves; otherwife called, Virgulæ, A p i c e s, Fastigia, Tenores*» (PRIMATT 1764: 20), у Лидделла (LIDDELL 1855: 727), у Брауна:

«The philosopher examines, in some similar way, the other simple vowel sounds, and finds a beginning and an end, a base and an *a p e x*, a radical and a vanishing movement, to them all» (BROWN 1861: 164),

в *A Greek-English Lexicon* (GELNT 1889: 344).

В источниках на немецком языке *apex* как заимствованное в вокабуляр немецкого языка слово в значении 'знак ударения' и написанное в соответствии с правилами немецкой орфографии упоминается в *Meyers Konversations-Lexikon* (MKL 1885, I: 674), в *Meyers Großes Konversations-Lexikon* (MGKL 1905, I: 611), а также у Кёблера (2010).

В качестве четвертого значения слова *apex* условимся считать следующее: *надстрочный знак, использовавшийся в скорописи*. Это значение сопровождается примером употребления у Пирера:

«Durch den A p e x zeigt man den Ausfall eines *d* an, z.B. *weêr* für *weder*» (PIERER 1860, XI: 935). Вычленение этого значения как отдельного значения в семантической структуре слова обусловлено тем, что фонетическими причинами объяснить выпадение конкретной буквы (звука) в разных словах и в разном буквенно-звуковом окружении крайне затруднительно. Более нигде указание на это значение слова *арех* не встречается.

В полной мере четвертое значение слова *арех* выявляется в аффилиации с пятым значением — *знак, обозначающий стяжение двух слогов в один (^)*, поскольку правила скорописи в целях экономии времени требовали сокращения некоторых графических знаков, не существенных для понимания смысла высказывания. Хронологически это значение устанавливается уже в раннем средневековье у Друтмара (DRUTHMARS 870: col. 1306-1307), который упоминает об апексе в контексте написания удвоенных букв (цитату см. выше), однако не ассоциирует внешнюю форму этого графического знака с используемым позднее в этой функции циркумфлексом. Мы находим описание этого значения и внешней формы знака у Пирера: «Apex <...> 4) (Gramm.), das Zeichen der Zusammenziehung zweier Sylben in Eine (^), z.B. *ingenî* statt *ingenii*» (PIERER 1857, I: 594). Об этом же значении упоминает Мецгер:

«As regards *i*, the long *i* or double *ii* can be written with an apex not only in inscriptions but also in certain fifth-century manuscripts, where it appears as *í*» (METZGER 1977: 372);

далее читаем у него же: «Simple *u* also takes the place of double *uu* or *ú* with an apex» (ibid.: 373)¹².

¹² Цитата взята из англоязычного источника и в опубликованном четверть века спустя русском переводе книги Мецгера *Ранние переводы Нового Завета* звучит следующим образом: «Что касается *i*, то долгое *i* или удвоенное *ii* может писаться с а п е к с о м, не только в надписях, но и в некоторых рукописях V в. (где оно выглядит как *í*)» (МЕЦГЕР 2004: 399), далее: «Простое *u* также часто ставится вместо двойного *uu* или *ú* с а п е к с о м» (ibid.: 400).

Шестое значение слова *арех* — *кончик языка* — связано с анатомическим строением речевого аппарата и основывается на семантическом переносе. По-видимому, это значение слова возникло в период формирования терминологии анатомии как отдела медицины, но не во времена античности, поскольку в то время понятие 'кончик языка' хотя и существовало, но не относилось к разряду специальной лексики. Во всех латинских вариациях этого словосочетания отсутствовало слово *арех*. У Аммиана Марцеллина встречается выражение «*aciēs linguae*» (ДВОРЕЦКИЙ 2002: 21), у Плиния Старшего — «*prima lingua*» (*ibid.*, 453).

В современных лексикографических изданиях латинское слово *арех* в этом значении приводится обычно только в качестве этимона с целью проиллюстрировать происхождение слова или его производных в национальном языке. См., например, в *Vademekum der Phonetik* у Дита: «Hinter der Zungenspitze (*la pointe*, e. *the point*, *tip*, lat. *apex*, daher apikal) folgt das Zungenblatt...» (DIETH 1950: 128). Случай лексикографирования термина зафиксирован в 1993 г. и позднее в *Metzler Lexikon Sprache* у Глюка: «**А р е х linguae** m. (Zungenspitze, engl. point/tip of the tongue, frz. *pointe de la langue*)...» (GLÜCK 2000: 49).

Русский эквивалент латинского *арех* в шестом значении отмечен в 1964 г. в переводном издании *Словаря американской лингвистической терминологии* Хэмпса: «**А п е к с** (*арех*) Кончик языка» (ХЭМП 1964: 38), в 1966 г. и позднее у Ахмановой: «**А П Е К С** <...> 2. Кончик языка; ср. органы речи» (АХМАНОВА 2004: 51), в *Russisch-deutsches Wörterbuch der linguistischen Terminologie* Грёшеля и Парвановой: «**á п е к с** 594 *Арех Zungenspitze*» (GRÖSCHEL, PARWANOWA 1985, I: 26). Обнаружить его в более ранних работах не удалось, хотя в ряде источников, посвященных описанию и классификации согласных на тех или иных основаниях, встречается производное «апикальный» (см., напр., *Основы фонологии* Н. С. Трубецкого, 1960).

В английских текстовых и лексикографических источниках *арех* в значении 'кончик языка' встречается у Парсонса:

«THE *А р е х* and Body of the Tongue (being the only Parts that

naturally fill the Cavity of the Mouth) are entirely wanting in this Woman, as clofely to the Region of the *Os Myaides*, which is the Root of the Tongue, as can well be conceived...» (PARSONS 1747: 622),

у Грегори:

«When the *a p e x* of the tongue is prevented from striking properly the fore part of the roof of the mouth, an inability is produced of pronouncing the letter *r*» (GREGORY 1807, II: 429),

у Пеи и Гейнора: «**blade**: The part of the tongue just past the tip (*a p e x*) and up to the front (associated with the hard palate)» (PEI, GAYNOR 1954: 42), у Хэмпса (HAMP 1957) с отсылкой к работе *Outline of Linguistic Analysis* Блоха и Трейгера: «The TONGUE TIP or *a p e x* is the most flexible of the articulators» (BLOCH, TRAGER 1942: 14), у Трахтерова: «А Р Е Х <...> кончик или верхушка языка» (ТРАХТЕРОВ 1962: 22), у Вебстера: «**a p e x** <...> the pointed end : TIP <the ~ of the tongue>» (GOVE 1993: 99); в *Dictionary of Medicine and Biology* у Константинидиса (KONSTANTINIDIS 2005: 122), в англоязычной версии лингвистического лексикона у Буссман: «*a p e x* <...> The tip of the tongue, primary **articulator of apical** sounds» (BUSSMANN 2006: 69), в *A Dictionary of Linguistics and Phonetics* у Кристала:

«**a p e x** (*n.*) A term used in PHONETICS for the end-point of the TONGUE (also known as the TIP), used in the ARTICULATION of a few speech sounds, such as the TRILLED [r], or some varieties of DENTAL (**apico-dental**) sounds. Such sounds could then be classified as **apical**» (CRYSTAL 2008: 29).

В немецких текстовых и лексикографических источниках слово *арех* в искомом значении зафиксировано у Пирера:

«die Spitze (*A p e x*) od. der mehr nach vorn gelegene höhere, verschmälerte, abgerundete, frei in dem Munde liegende platte Theil [der Zunge]» (PIERER 1865, XIX: 737),

у Кноблоха: «**A p e x** <...> 3. (Phonetik): Zungenspitze, dafür besser *corona* (s. unter k-). Vgl. apikal» (KNOBLOCH 1963: 145), в *Russisch-deutsches Wörterbuch der linguistischen Terminologie* Грещеля и Парвановой: «áпекс 594 *A p e x* Zungenspitze» (GRÖSCHEL, PARWANOWA

1985, I: 26). у Буссман: «**А р е х** <...> Zungenspitze als Artikulationsorgan für → Apikale» (BUBMANN 2002: 86).

5. Выводы

1. Этимология латинского слова *арех* до сих пор остается не проясненной в связи с неустановленным источником происхождения слова и недоказанностью его связи с глаголом *аріō*.

2. Результаты анализа семантической структуры слова *арех* расширяют дефиницию передаваемого этой языковой единицей понятия в терминологической системе языкознания за счет конкретизации и обособления отдельных значений этого термина.

3. В семантической структуре латинского слова *арех* выявляются шесть периферийных в силу ограниченности узуальной сферы значений, объединенных принадлежностью к терминологической системе языкознания: (1) знак долготы над гласной буквой в виде *accentus acutus*, (2) очертания букв, черточки, точки, значки, засечки как часть букв; письма, (3) знак острого ударения в слове в виде *accentus acutus*, (4) надстрочный знак, использовавшийся в скорописи, (5) знак, обозначающий стяжение двух слогов в один, (6) *апекс* как элемент речевого аппарата (кончик языка).

4. Первым с точки зрения хронологии выступает значение (1). Исследование показывает, что в этом значении слово *арех* употребляется начиная с 125 г. до н. э. Этот факт для автора сам по себе не эмпиричен, поскольку источники, относящиеся к этому периоду, им не обнаружены, и заключение строится на данных отдельных лингвистических словарей. Данные исследования указывают на I в. н. э., когда *арех* в искомом значении упоминается в сочинениях Квинтилиана, а затем у Геллия. Значение (2), скорее всего, выделилось как отдельное значение слова в начале I в. н. э. Временем возникновения значения (3) предположительно можно считать период с II в. до н. э. по II в. н. э. При этом самый ранний лексикографический источник, в котором автор обнаружил *арех* в этом значении, датируется XVII в. Очевидно, что это значение сложилось в эпоху классической латыни, когда латинское ударение утратило тональные признаки и стало динамическим. Значения (4) и (5), по-

видимому, сформировались в период раннего Средневековья не позднее IX в. и в применении к новым европейским языкам, хотя известно, что практика скорописи существовала еще в период со II в. до н. э. Поэтому, вполне вероятно, что значение (5) могло возникнуть еще в V в. в период распада Римской империи, если опираться на данные Мецгера. Значение (6), скорее всего, сложилось уже в Новое время, когда окончательно сформировалась современная терминологическая система анатомии на латинском языке, а графика и орфография стали приобретать статус отдельных разделов в языкознании. Это значение не обнаружено в доступных для автора источниках, относящихся к периоду античности, а также к раннему и позднему Средневековью. Впрочем, это совсем не значит, что таковых источников не существует вообще. Дальнейшие изыскания в этом направлении с большой степенью вероятности позволят уточнить время возникновения этого значения.

5. Слово апекс вошло на правах прямого заимствования из латыни в словарный фонд всех исследуемых новых европейских языков в форме, соответствующей латинскому этимону. Исключение составляют языки, использующие кириллицу, в которых латинский этимон был транслитерирован.

6. В словарный состав русского языка слово апекс вошло в начале второй половины XIX в. в значении, соответствующем общему значению латинского этимона. Первые (и единственные) попытки атрибутировать апекс в качестве элемента терминологической системы языкознания зафиксированы в 1960 г. и в 1966 г. в значении (1), в 1964 г. и в 1966 г. в значении (6).

7. В словарный фонд английского языка, судя по результатам исследования, слово арех в общем значении вошло не в 1601 г. или 1603 г. а в 1572 г., будучи упомянуто Хиггинсом. В специализированном лингвотерминологическом значении (1) арех встречается уже в 1754 г. у Галли. В значении (2) арех известен с 1680 г. В значении (3) слово встречается в 1764 г. у Праймэтта. В значениях (4) и (5) арех как терминологическое именование в обсле-

дованных текстовых и лексикографических источниках не зафиксирован. В значении (6) орех упоминается в 1747 г. и лексикографирован у Пеи и Гейнора в 1954 г., у Хэмпса в 1957 г. с отсылкой к источнику, датированному 1942 г., а также в некоторых более поздних словарных источниках.

8. В специализированном лингвистическом значении слово Орех известно немецким грамматикам, как минимум, начиная со второй половины IX в., однако традиция того времени писать научные трактаты на латыни, а не национальном языке, не позволяет утверждать, что в описываемый период слово уже вошло в словарный фонд немецкого языка. Само же понятие при наличии денотата, без сомнения, существовало и до заимствования могло быть объективировано средствами национального языка. Можно считать, что в терминологическую систему немецкого языкознания Орех в значении (1) вошел в 1857 г., будучи упомянут Пирером. В значении (2) Орех встречается в 1700 г. и в качестве лингвистического термина в этом значении лексикографирован Кноблом в 1963 г. В значении (3) Орех зафиксирован в *Meyers Konversations-Lexikon* в 1885 г., в значениях (4), (5) и (6) встречается у Пирера в 1860 г., 1857 г. и в 1865 г. соответственно.

© Иванов А. В.

3.3. АНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

1. Введение

Английская национальная лексикография, как и любая другая западноевропейская словарная наука, прошла долгий путь развития от прикнижных глоссариев предписывающего типа и ранних толковых словарей английского языка до авторитетных словарей сегодняшнего дня, представленных ведущими британскими издательствами Oxford, Cambridge, HarperCollins (CONSIDINE 2019b). Столь солидный многовековой путь включил несколько исторических этапов эволюции английских словарей, когда к настоящему времени сформировался концепт толкового словаря литературного английского языка, основанный на принципе нормативности (КАРПОВА 2010).

Следует отметить, что большое количество общих и специальных словарей английского языка различных типов значительно опережало формирование теории английской лексикографии. Как подчеркивает видный лексикограф нашего времени Дж. Консидин в монографии *Words and Dictionaries from the British Isles in Historical Perspective* (CONSIDINE, IAMARTINO 2007), английские словари XVI-XVIII вв. отличались широким репертуаром не только ранних толковых словарей, но и специальных словарей. А именно: словарей синонимов и антонимов, сленга, фразеологизмов, диалектизмов, правильности речи, сокращений, имен собственных, архаизмов и неологизмов, словосочетаний, терминов из различных областей знания и других специальных справочников.

При этом среди специальных словарей английского языка особо следует выделить глоссарии и конкордансы ко всему творчеству и отдельным произведениям сначала Чосера, а затем Шекспира, которые определили вектор развития английской писательской лексикографии, имеющей в своем репертуаре более трехсот лингвистических и энциклопедических словарей различных типов и объемов, представленных как в печатном, так и онлайн-формате

(KARPOVA 2011). Писательскую лексикографию называют лексикографией культурного наследия (*heritage lexicography*), поскольку она является сокровищницей английского языка и культуры.

Необходимо отметить, что именно первые глоссарии, начиная с 1700 г., заложили основу теории лексикографии (BENATI, HÄNDL 2019). Их словарные статьи содержали сначала грамматические, а позже этимологические пометы, сопровождавшие входные единицы. Первые словари английского языка были небольшими по объему, включали не более 600 слов и имели дифференциальный словник и дифференциальную лексикографическую обработку вокабул. Лишь к концу XVIII в. с появлением известного словаря Джонсона *A Dictionary of the English Language*, который стал кодификатором нормы английского языка того времени, толковый словарь приобрел черты нормативного толкового справочника с большим набором необходимых информационных категорий (BÉJOINT 2016: 17-24). В микроструктуру лексикограф ввел все виды помет, иллюстративные примеры, которые он взял из произведений Чосера, Шекспира, а также Библии, тем самым создав теорию литературного авторитета, которая ориентировала англичан на словоупотребление выдающихся писателей (CONSIDINE 2019a).

Позднее, в XIX-XX вв. авторы новых словарей английского языка и, в первую очередь, составители авторитетного словаря *Oxford English Dictionary*, который стал лингвистической компетенцией нации (BREWER 2019: 484-508), пришли к созданию целой системы помет, позволяющих усовершенствовать микроструктуру толкового словаря литературного языка, построенного на исторических принципах. Это — этимологические, предметные, стилистические, экспрессивные, региональные, хронологические и другие пометы, создающие полный портрет английского словоупотребления.

Безусловно, все словари вплоть до середины XX в. были печатными. В жестких условиях все возрастающей конкуренции на британском лексикографическом рынке издатели уделяли все большее внимание дизайну обложки, приложений, расположению материала, подбору цветовой гаммы и графических иллюстраций

(картинок, фотографий, гравюр, диаграмм, таблиц и т. п.) в мегаструктуре справочников.

Так, в середине XX в. в английской лексикографии сформировалась *теория полиграфической семиотики*, достижения которой широко применяются и в новом тысячелетии не только при составлении печатных, но и электронных словарей и для создания дружеского интерфейса нового поколения словарей английского языка.

2. Изменение современной лексикографической парадигмы

2.1. Новая англоязычная лексикографическая терминология

Стремительное развитие новых информационных технологий и изменения в современном британском обществе привели и к изменению ситуации в теории и практике английской лексикографии, имеющей богатые исторические традиции и опыт составления словарей различных типов. Эти изменения проявились прежде всего в теоретических изысканиях лексикографов. Выходят в свет интересные монографии *The Oxford Handbook of Lexicography* (DURKIN 2016) и *The Routledge Handbook of Lexicography* (FUERTES-OLIVERA 2018), в которых обсуждаются новые направления в лексикографии, инновационные словарные проекты, принципы составления электронных словарей и другие важные вопросы.

В связи с возникновением новых тенденций в английской лексикографии и интенсивной цифровизацией словарного дела, возникает вопрос *об изменении лексикографической парадигмы*, которые можно проследить в словнике нового двуязычного немецко-английского словаря лексикографических терминов *Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung. Dictionary of Lexicography and Dictionary Research* (WIEGAND, WEIBWENGER, & al. 2020). Его авторы справедливо замечают, что в XXI в. кардинально меняются векторные направления в современной западноевропейской лексикографии, и появляются новые лексикографические термины (или их новые значения). Усиливаются междисциплинарные связи лексикографии с другими науками: культурой, историей, информатикой, терминоведением и т. п.

Примерами подобных изменений в значении лексикографических терминов служат такие словарные статьи, включенные в этот словарь, как «kritische Wörterbuchforschung (Critical dictionary research)», подразумевающие не столько собственно лексикографический анализ принципов построения словаря, сколько рецензирование словаря с точки зрения современного пользователя, которое сегодня широко применяется авторитетными европейскими и британскими издательствами; «pädagogische Lexikographie (Pedagogical lexicography)» как замена устоявшегося термина «учебная лексикография» («Learner's lexicography»); «Sachgruppenlexikographie (LSP lexicography)», сегодня называемая не специальной лексикографией, а лексикографией для специальных целей, терминографией или терминологической лексикографией отдельных предметных областей, и т. д.

О появлении в современной лексикографии *новых типов словарей* свидетельствуют статьи, описывающие названия как традиционных, так и справочников нового поколения, претерпевших изменения в связи с изменением лексикографической парадигмы, например: «Sachwörterbuch (LSP dictionary)», терминологический словарь; «Printwörterbuch (Paper dictionary)», печатный словарь на бумажном носителе; «Reisewörterbuch (Travel wordbook)», обозначающий все разновидности путеводителей для путешественников, которые ранее не относили к лексикографии, и др.

В словник вошли термины из стремительно развивающейся в XXI в. *корпусной лексикографии*: «Lemma», лемма, обозначающая входную единицу корпуса или онлайн-словаря; «lexikalische Datenbank (lexical Database)», лексический банк данных; «lexikographische Daten (lexicographical data)», лексикографический банк данных; «Textblock (Text Block)» блок текста (отрывок); «Tokenisierung», разметка текста и др.

Структура словарной статьи построена так, чтобы пользователь получил максимум информации о термине.

kommerzielle Lexikographie

Gesamtheit der auf Profitabilität ausgerichteten Wörterbuchprojekte.

commercial lexicography: entirety of dictionary projects aimed at profitability.

• Der Ausdruck *kommerzielle Lexikographie* ist (offenbar nach *commercial dictionaries*) von Herbert Ernst Wiegand (1936 — 2018) für treffender als *Verlagslexikographie* angesehen worden, um damit an wirtschaftlichen Interessen ausgerichtete Wörterbuch-Vorhaben zu kennzeichnen (WIEGAND 1998: 25)...

• Wiegand 1990 — 1998 — Wiegand (Hrsg.) 2003 — Wiegand/Gouws 2011 [WW]

• **af** *kommersiële leksikografie* — **bg** *комерсиална лексикография* — **es** *lexicografía comercial* — **fr** *lexicographie commerciale* — **hu** *kommerciális lexicográfia* — **it** *lessicografia commerciale* — **pt** *lexicografia comercial*

Заголовок словарной статьи дан на немецком языке с дефиницией, далее следует его английский эквивалент, также сопровождающийся дефиницией термина. В статье присутствуют ссылки на работы известных лексикографов, которые занимаются исследованиями, связанными с описываемым термином, а в заключении приводятся эквиваленты этого термина в других иностранных языках. Такое построение весьма информативно и дает хотя лаконичную, но доступную информацию о входной единице.

Предложенная в терминологическом словаре поисковая система является вполне удобной для пользователя и включает четыре поисковых маршрута («access routes»), каждый из которых отвечает определенным запросам читателя. Маршруты А и В являются общепринятыми для любого толкового словаря и направлены на получение любой справки по алфавиту. Однако наиболее интересным представляется поисковый путь С, который начинается с изучения библиографического раздела, где собраны основные теоретические труды по теме, связанные с входной единицей. Маршрут D отсылает читателя к эквивалентам термина на других иностранных языках.

Необходимо отметить, что совсем недавно начата работа над созданием полной Интернет-версии словаря *Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung*, что не только сделает его легко до-

ступным специалистам, усовершенствует и ускорит информационный поиск в словаре, но и позволит создать открытый словник, в который сами пользователи будут добавлять новые лексикографические термины.

Более того, в последнее время в устных докладах ученых появились примеры новых слов, получивших новое звучание в XXI в. Среди них, в первую очередь, следует упомянуть названия направлений в современной английской лексикографии, которые сформировались за последние пять лет: *collaborative lexicography*, *partners' lexicography*, *commercial lexicography*, *volunteer lexicography*, *dictionary reviewing*.

Примером новых лексикографических терминов также могут служить все чаще употребляющееся в устной речи ученых (особенно лексикографов-практиков), на первый взгляд, неожиданные неологизмы, образованные от базового термина «dictionary». Это — словообразовательные формы «*dictionary-ability*», «*dictionary-ization*», «*dictionary-able*», обозначающие процессы включения и объяснения слов в макроструктуре различных типов словарей. Иными словами, *dictionary-ism in action* (словарное дело в действии)!

Пристальное внимание к новым словам получило в современных лексикографических и лексикографических исследованиях название «*neohisteria*». Более того, всплеск интереса к составлению печатных и особенно интернет-словарей неологизмов дал новый импульс развитию и английской *неологической лексикографии*, которая некоторое время оставалась за пределами внимания исследователей. Так, в 2019-2021 гг. состоялось три (!) международных научных семинара, последний из которых был полностью посвящен неологизмам коронавирусной эпохи: «*The 3rd Globalex Workshop on Lexicography and Neology: Focus on Corona-related Neologisms*» (электронный ресурс), в котором большое количество докладов было посвящено английским неологизмам и их лексикографическому описанию.

2.2. Участие пользователей в составлении словарей английского языка различных типов

Недавно в статье *User Participation in the Internet Era* была затронута еще одна тенденция, характерная для теории и практики современной лексикографии, которая началась в английской лексикографии, всегда находившейся в авангарде словарного дела (MEYER, ABEL 2018: 735-753). Если составители толковых словарей английского языка прошлого века ориентировались на принцип нормативности словаря и его академичность, то в последнее время многие авторитетные издательства Великобритании во главу угла ставят нужды и требования определенных групп пользователей, которых активно привлекают к процессу создания словарей различных типов для общих и специальных целей (NESI 2018: 579-589), усиливая таким образом антропоцентрический вектор современной лексикографии.

Основные вопросы, которые ставят перед собой составители, сводятся к трем составляющим: в каком формате должен быть представлен словарь (печатном или онлайн), какой доступ обеспечивают составители справочника (свободный или платный), какой материал включить в словник (сделать ли его открытым), какие маршруты оптимального поиска следует предложить пользователям.

С этой целью в настоящее время в теории английской лексикографии развивается ставшее привычным для многих британских издательств направление: социологическое изучение различных групп пользователей, подразумевающее анализ запросов читателей в эпоху Интернета, всесторонне описанное в работе *Dictionary Usage Research in the Internet Era* (MÜLLER-SPITZER, KOENIG, WOLFER 2018: 715-734). Такие исследования проводятся английскими учеными во многих странах мира, где изучают английский язык как иностранный (LEW, DE SCHRYVER 2014: 341-359).

Особенно актуально изучение нужд пользователей учебных словарей (*Learners' dictionaries*) английского языка, которые выби-

рают справочники *активного типа* с большим количеством фразеологизмов и словосочетаний для успешной коммуникации. В последнее время — это либо электронные версии авторитетных словарей английского языка, либо качественно новые лексикографические продукты с усиленным культурологическим компонентом (КАРРОВА 2019: 11-18). При этом запрос на культурно-ориентированные учебные словари английского языка не только у зарубежных, но и англоязычных пользователей совсем недавно способствовал появлению нового термина «*lexicology*». Этот раздел лексикографии изучает способы отбора в и лексикографического описания культурно-значимой лексики (ЉОЗОВСКИ 2018: 166-170). В такие словари вводится культурно-ориентированная английская лексика, а также лексические заимствования из языков стран, откуда прибыли иммигранты, которые способствуют сохранению национальной идентичности последних (лексика из сферы одежды, питания, музыки и т. п.).

В настоящее время создаются *словари английского языка для детей*, начиная с самого раннего возраста. Справочники включают широкий набор профессиональных и пользовательских словарей, главным образом, иллюстрированных и иллюстративных справочников. При их создании большое внимание уделяется привлекательному дизайну, красочному иллюстративному материалу, разрабатывается доступный детям метаязык словарных статей. Безусловно, в мегаструктуру включаются интересные мультимедийные и новые цифровые характеристики.

При этом большое внимание уделяется соотношению детской литературы и детского словаря в той части структуры словарной статьи, где приводятся примеры из литературных источников (сказок, баллад, пословиц и поговорок, поэтических источников и т. п.). Фактически, это новый раздел современной учебной английской лексикографии — *детская лексикография (Children's lexicography)*, которая изучает запросы целевых групп детей — пользователей словарей с учетом их возраста, национальности, а также другие важные вопросы детской лексикографии (RENNIE 2021).

3. Диджитализация английской лексикографии

3.1. Существование печатных и онлайн словарей

В XXI в. бурное развитие новых информационных технологий во всех сферах деятельности привело лексикографов во многих странах мира, включая Великобританию, к необходимости создания лингвистических и энциклопедических справочников в новом Интернет-формате. Понадобились и новые термины, обозначающие интернет лексикографию, которую стали называть *онлайн-лексикографией*, а словари — электронными, компьютерными, онлайн- и Интернет-справочниками.

Составление электронных словарей поставило составителей справочников в новые условия, обозначив серьезные вызовы: как создать надежные словари и одновременно выполнить запросы определенных групп пользователей в новом формате; какие словарные порталы представить и какие инновационные структуры словарей предложить студентам, детям, взрослым, переводчикам, профессионалам различных предметных областей и другим группам целевых пользователей; каким образом расположить языковые данные в макро- и микроструктуре электронных словарей; как обеспечить быстрый доступ к словарным материалам (KLOSA: электронный ресурс).

Качественный переход от печатных словарей к словарям на компакт-дисках стал первым этапом развития компьютерной лексикографии и создания электронных банков данных. Новая отрасль лексикографии во многом формировалась с опорой на существующие теории, апробированные на печатных словарях, в формировании и развитии которых весомый вклад внесла английская лексикография, обогатившая мировую лексикографию глубокими исследованиями (RUNDELL, JAKUBÍČEK, KOVÁŘ 2020: 18-30). Следует отметить, что первая эйфория при создании новых онлайн-словарей, когда достижения теории лексикографии если не игнорировались, то не всегда учитывались, быстро прошла. Тогда составители Интернет-словарей осознали необходимость

учитывать мировой лексикографический опыт, обобщенный ведущими учеными в целом ряде исследований. Среди них следует отметить такие солидные теоретические труды как *Electronic Lexicography* (GRANGER, RAQUOT 2012), *Electronic Lexicography in the 21st century (e-Lexicography)*. *Smart Lexicography* (KOZEM, KUNN, TANARA 2019) и др. Результаты новых цифровых проектов и исследований обсуждаются каждые два года на конференциях по электронной лексикографии (e-lexicography), которые проходят в Европе, начиная с 2004 г. (KOZEM 2017).

В английской лексикографии также появился ряд исследований, в том числе и известного английского лексикографа Г. Джэксона, написавшего множество работ по истории и современному состоянию различных типов печатных словарей английского языка для общих и специальных целей. В статье *English lexicography in the Internet Era* (JACKSON 2018: 540-553) ученый поставил ряд важных вопросов, возникших в новой отрасли лексикографии, причем на первый план Джэксон поставил вопрос о запросах и нуждах пользователя, который стремится иметь инструмент для быстрого получения надежной справки.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что в начале XXI в. все авторитетные британские издательства перевели свои словари в онлайн-формат, предложив современному пользователю новые возможности получения любой справки. В числе первых перешла к онлайн-версии серия словарей «Oxford English Dictionaries». Таким образом, появились цифровые двойники печатных словарей, что открыло новую страницу в английской лексикографии и решило, наконец, извечную проблему экономии места в словаре (OXFORD ENGLISH DICTIONARIES: электронный ресурс).

Для удобства пользователя издательство выставило все оксфордские словари для общих и специальных целей на сайте, включая и весьма востребованные у пользователя учебные словари серии «Oxford Learner's Dictionaries» (электронный ресурс). В то же время другой авторитетный электронный ресурс Cambridge Dictionaries Online представил международному пользователю все

словари английского языка, опубликованные в этом старейшем издательстве. Лексикографическая продукция издательства представлена на одноименном сайте (CAMBRIDGE DICTIONARIES ONLINE: электронный ресурс).

Наряду с цифровыми версиями авторитетных словарей английского языка появился и пользовательский словарь *Urban Dictionary* (электронный ресурс), который быстро завоевал авторитет у многих читателей мира, и сегодня он занимает видное место в ряду словарей современного английского языка. Ежедневно пользователи пополняют его открытый словник новыми словами, постоянно появляющимися в обиходе. В этом читатели видят новый подход к регистрации и объяснению новых лексических единиц языка в его живом функционировании.

Однако такое неожиданно быстрое подключение пользователей к созданию новых типов словарей вызывает сегодня некоторые опасения у профессиональных лексикографов. Вот почему, особенно в последние годы, они обратились к изучению поведения пользователей цифрового информационного пространства (GOUWS 2018: 215-236; КАРПОВА 2018: 46-52) и к описанию принципов составления онлайн-словарей (DZIEMIANKO 2018: 663-683; HARGRAVES 2020: 207-218). Особое внимание британских лексикографов нового поколения обращено к изучению структур словарика, адаптации существующего исторического опыта к новому направлению в современной онлайн-лексикографии, оптимизации информационного поиска и быстрому получению необходимой справочной информации по фразеологизмам, словосочетаниям, многозначным словам и т. п.

Английская Интернет-лексикография также обеспечила пользователей новыми справочными ресурсами, такими как *Sketch Engine Open Corpora* (электронный ресурс), *Wordnik* (электронный ресурс) и т. п., которые регулярно обновляются. Лексикографы совместно с программистами создают новые словарные порталы: словарные сети, словарные информационно-поисковые

инструменты и словарные коллекции, которые не только позволяют совершенствовать технические характеристики, но и способствуют созданию новых справочных ресурсов.

Интересным фактом современной английской лексикографии стало развитие так называемой *YouTubeLexicography*. Приметой цифровизации является предложение слушателям лекций на английском языке по различным аспектам лексикографии, которые носят не только просветительский, но и учебный характер. В частности, здесь представлено значительное количество лекций по корпусной лексикографии, которые предлагают известные ученые, например:

- Corpus Lexicography. Main problems (CORPUS LEXICOGRAPHY: электронный ресурс);
- Internet lexicography: requirements, concepts, research approaches (INTERNET LEXICOGRAPHY: электронный ресурс);
- Freiburg Ch. Downsizing and upgrading: why we need more spoken, more multilingual and more nonstandard corpora (FREIBURG: электронный ресурс).

Более того, платформа youtube широко используется и для презентации новых словарей, что особенно удобно для тех читателей, которые не любят изучать предисловия и раздел «Как пользоваться словарем».

Представленный на данной платформе материал востребован не только учеными и лексикографами-практиками. Лекции, записанные на платформе, являются незаменимым материалом для преподавания английской лексикографии в студенческой аудитории, причем спецкурсы по английской лексикографии охватывают все больше университетов как в России, так и за рубежом.

Безусловно, цифровизация лексикографии — важный момент в новой истории современной английской лексикографии. Однако именно ее богатые исторические традиции и солидный опыт создания словарей английского языка различных типов (сленга, словосочетаний, фразеологизмов, синонимов и антонимов, сокращений, имен собственных и т. д.) пока позволяет

мирно сосуществовать лингвистическим и энциклопедическим словарям как в электронном, так и печатном форматах.

Так, именно сейчас в английской лексикографии наблюдается заметное возрастание роли словарей культурного наследия (АЛХАСТОВА, КАРПОВА 2020). Среди них преобладают лингвистические и энциклопедические справочники к литературным памятникам (английскому переводу Библии, эпосу истории английского языка *Беовульф*); словари языка английских писателей (Дж. Чосер, У. Шекспир, Ч. Диккенс, Дж. Остин и др.); словари пословиц, цитат, справочники к произведениям философов, общественных и политических деятелей, являющихся хранителями культурного наследия Великобритании (КАРПОВА 2011).

3.2. Новые цифровые лексикографические проекты

Английская лексикография в эпоху цифровизации обогатилась новыми *волонтерскими* лексикографическими проектами, прежде никогда не имевшими места в традиционной англоязычной лексикографии. Эта тенденция отчетливо обозначилась в эпоху пандемии, когда тысячи людей оказались в закрытых пространствах и вынуждены были выживать, занимая себя новыми проектами. Как показали многочисленные лингвистические zoom-конференции, проведенные в Европе, Азии и Америке в 2019-2021 гг., создание новых справочных порталов и лексикографических проектов заняло в это время ведущие позиции.

Различные университеты начали создавать справочные порталы по дистанционному обучению, например, весьма популярный у пользователей Distant Learning Terminology Project, включающий глоссарий терминов из области онлайн-обучения *Glossary of Online Learning Terms*. Приведем лишь несколько примеров из словаря глоссария:

AUTHORING TOOL: Specialized software that creates eLearning. It provides functionality for assembling graphics, text, audio, video and interactive activities into running lessons for participants to take as self-paced courses;

ASYNCHRONOUS LEARNING: When learners participate in an

online learning course at different times, it is known as asynchronous learning. This might also be called eLearning or web-based training (WBT). Asynchronous learning allows learners to go through a course at their own pace and on their own schedule; **BLENDED LEARNING**: Blended learning is an instructional approach that includes a combination of learning mediums. For example, a course might include eLearning plus scheduled sessions for synchronous discussions. For example, participants can complete online self-paced lessons by a certain date and then meet on-site or online for additional learning activities (GLOSSARY OF ONLINE LEARNING TERMS: электронный ресурс).

Как показывает анализ словника глоссария, эти лексические единицы наиболее часто используются в английском подъязыке дистанционного обучения и активно заимствуются в другие языки, например, в русский, в котором появились такие термины как «цифровой университет», «цифровизация гуманитарного знания», «этикетное цифровое общение», «цифровой лингвист», «цифровая коммуникация» и др.

Однако самым популярным в последние два года (и не только у англичан) стал пользовательский проект Covid International Project. Данный информационный портал содержит разнообразные по типам термины и неологизмы, связанные с пандемией. К проекту относится и англоязычный сайт Covid-19 Language Hub.

В словнике встречаются уже ставшие привычными слова: isolation greetings, isolation in-mates, covid-idiot, battlefield of corona, BCV (before the Corona), ACD (after the covid era), contact tracing, social distancing, lockdown и др. (COVID-19 LANGUAGE HUB: электронный ресурс). Причем английским словом 2020 года признан lockdown. Такой выбор сделали эксперты авторитетного словаря *Collins*. В связи с пандемией Covid-19 употребление сравнительно редкого термина в англоязычных СМИ и Интернете возросло с четырех тысяч в 2019 г. до четверти миллиона в 2020 г.

Необходимо отметить, что печатный толковый словарь *Collins English Dictionary* выпускается издательством HarperCollins (Глазго) с 1979 г. К настоящему времени вышло 13 исправленных

и дополненных изданий, последнее в 2018 г. С 2011 г. этот словарь, как и многие другие лексикографические продукты издательства, доступен в интернете (COLLINS ENGLISH DICTIONARY: электронный ресурс).

В противовес к словарю пандемии английские пользователи создали жизнеутверждающий проект The Positive Lexicography Project, включающий 1700 слов не только из английского, но и других (150) языков. Это слова только с положительной коннотацией, обозначающие человеческие отношения, чувства, эмоции, события и т. п. Входные единицы словаря распределены по тематическому принципу, что способствует удобной маршрутизации поиска (THE POSITIVE LEXICOGRAPHY: электронный ресурс).

Интересен тот факт, что создатель проекта — британский психолог, что подтверждает возникшую в последнее время тенденцию к усилению междисциплинарной направленности лексикографических проектов, когда в их создании принимают участие не только профессиональные лексикографы, но и волонтеры, а также представители других специальностей.

В английской цифровой лексикографии есть и проекты культурологических справочников, отражающих английское национальное наследие, как например, словари для туристов, путеводители по музеям и т. п. справочники, построенные по лексикографическим принципам (КАРПОВА 2019: 178-193). Их авторами нередко становятся не профессиональные лексикографы, а волонтеры и специалисты из смежных областей: историки, литературы, художники, театроведы и т. д.

3.3. Словари английского языка на мобильных телефонах

В век обилия всевозможных гаджетов особый успех у пользователей, особенно молодого возраста, в том числе и у англичан имеют словари на мобильных телефонах (apps dictionaries), которые весьма быстро заняли свою цифровую лексикографическую нишу. Возможность получить любую справку в течение секунд, а также шаговая доступность к любому portalу, отвечает девизу

этих словарей: «The dictionary which go wherever you go» («Словарь, который идет вместе с вами»).

Созданием и продвижением таких словарей на английский цифровой рынок занимаются команды специалистов из различных сфер деятельности: программисты, лексикографы, социологи, психологи, преподаватели английского языка и т. д. Они создали популярный ресурс Educational App Store, на котором собраны многие другие словари и глоссарии (EDUCATIONAL APP STORE: электронный ресурс).

Популярный у пользователей ресурс 10 best dictionary apps for Android предлагает десять лучших словарей на мобильных телефонах для взрослых, изучающих английский язык как иностранный. В их числе *Dict Box Offline Dictionary*, *Dictionary by The Free Dictionary*, *Pocket Thesaurus*, *Advanced English Dictionary*. Этот ресурс включает также справочный портал Dictionary.com, на котором представлены различные типы специальных и общих словарей английского языка, используется поисковая система Google Search и др. (10 BEST DICTIONARY APPS FOR ANDROID: электронный ресурс).

Для мобильных телефонов пользователям предлагаются лучшие академические словари английского языка, имеющие множество печатных переизданий. Так, на основе авторитетного *Оксфордского словаря английского языка* создан портал *Apps Oxford dictionaries* (электронный ресурс).

И совсем новое веяние в современной английской лексикографии представляют собой *Apps dictionaries for young learners* (электронный ресурс) — словари на мобильных телефонах для самых юных пользователей — детей младшего дошкольного возраста. Эти словари построены по тематическому принципу. *Everyday life, the human body, history and culture, communication, natural environment* и другие разделы предлагают детям слова, способствующие росту интереса к изучению новой лексики и расширению кругозора.

Построение и маршрутизация информационного поиска в словаре организованы очень продуманно с учетом детской психологии.

Каждый раздел содержит 8-10 ключевых слов. Например, раздел «History and Culture» включает такие ключевые слова как celebration, culture, education, history, myth, religion, science, tradition. Все слова снабжены кликабельной ссылкой (с подчеркиванием), нажав на которую, пользователь может получить всю информацию о слове. Эта информация представляет собой краткую словарную статью с произносительной, графической и грамматической пометами и толкованием. По оценкам родителей, эти словари мгновенно завоевали детскую аудиторию не только в Великобритании, но и в других странах мира, где английский язык изучается как иностранный в детских садах и школах. Очевидно, будущее за такими словарями.

4. Корпусная лексикография

4.1. Электронные корпуса как основа толковых словарей английского языка

Корпусная лексикография, которая начиналась в середине XX в., в новом тысячелетии достигла значительных успехов, поскольку заложила основы для применения новых технологий в создании словарей различных типов на материале различных европейских языков (ООИ 2018: 684-700; ИВАНОВА, ГРИГОРЬЕВА 2020: 196-215).

Сегодня языковые электронные корпуса являются основой любого авторитетного толкового словаря английского языка (BERGENHOLTZ, BOTHMA, GOUWS 2015: 1-30), обеспечивая пользователю доступ к живому английскому языку в его непосредственном функционировании.

Следует заметить, что языковые электронные корпуса строятся по принципу конкорданса, в котором ключевое слово является центральной единицей, а его левое и правое окружение представляет собой контекст, сопровождающий входную единицу. Безусловно, принцип конкорданса заимствован составителями из лексикографической формы конкорданса, с которой начиналась английская писательская лексикография, где за многовековую историю создано более ста печатных и электронных конкордансов к произведениям английских писателей.

Все корпуса используют в качестве источников не только письменные тексты, но и единицы устной английской речи, которые помещаются в специальные разделы (subcorpora) языковых корпусов (Academic corpus, Speech corpus, Newspaper corpus). Вот почему составители современных толковых словарей английского языка включают аутентичные примеры в микроструктуру своих справочников именно из этих подкорпусов. Так, в словарных статьях наряду с текстуальными примерами на первое место лексикографы в семантической структуре многозначных слов ставят современное значение слова, что особенно привлекает пользователя, и, соответственно, делает словарь наиболее актуальным и востребованным.

Принципы построения корпусов отличаются друг от друга в зависимости от цели, которые ставят перед собой их составители. Так, например, British National Corpus — основа оксфордских словарей — учитывает примеры из исторически удаленных источников в целях сохранения традиции составления толкового словаря на исторических принципах. В то же время источник словарей серии Collins языковой корпус Bank of English ориентирован на живой язык, стремясь всесторонне отразить языковые изменения последних лет (HANKS 2020: 219-239).

Работа над созданием и совершенствованием современных языковых корпусов British National Corpus и Bank of English постоянно продолжается, а их данные широко используются в теории и практике создания словарей английского языка для общих и специальных целей. Более того, многие языковые корпуса нередко создаются коллективами студентов, изучающих английский язык как иностранный, а также носителями родного языка. Их широкий репертуар представлен на сайтах издательств и некоторых справочных порталах (BOELHOUWER, DYKSTRA, SIJENS 2018: 754-766).

4.2. Специальные корпуса

В XXI в. английская специальная лексикография, особенно терминологическая, имеет в своем распоряжении сотни специальных словарей новых предметных областей (логистики, страховой

медицины, цифровой экономики, пожаротушения и т. д.), термины из которых ранее не описывались в терминологических справочниках английского языка. За последние десять лет англоязычная терминология пополнилась большим количеством одноязычных и двуязычных словарей различных типов и объемов, большая часть которых представлена в онлайн-формате.

Широкий репертуар таких словарей привел к созданию специальных языковых корпусов (ООИ 2018: 684-700), в которых собраны термины определенной области знания, например, весьма востребованный специалистами и переводчиками *Open Biomedical Corpus* (электронный ресурс). Таким образом, в настоящее время в английской лексикографии появились специальные терминологические корпуса различных областей знания:

- политической лексикографии (*Political lexicography*) (МАННИК 2020);
- юридической лексикографии (*Law lexicography*) (ИКОНИКОВА 2014);
- медицинская (*Medical lexicography*) лексикография (MERIAM-WEBSTER MEDICAL DICTIONARY: электронный ресурс);
- туристическая (*Touristic lexicography*) и т.п., которые постоянно пополняются новыми терминами направлениями (ШИЛОВА 2019: 60-63).

Созданием таких корпусов наряду с профессиональными лексикографами нередко занимаются специалисты тех предметных областей, которым адресованы специальные корпуса. Таким образом, обеспечивается надежность корпусов, поскольку при их создании учитывается экспертная оценка профессионалов, принимающих участие в создании языковых баз данных.

Говоря о специальных англоязычных языковых корпусах, необходимо упомянуть наряду с терминологическими и другие специальные корпуса, например, языка писателей, среди которых Шекспир занимает ведущее место. Достаточно упомянуть *Shakespeare Drama Corpus* (электронный ресурс), где собрана лексика, встречающаяся в драмах Шекспира. Не менее интересным

представляется и Enhanced Shakespearean Corpus (электронный ресурс), в котором систематизированы данные из всех существующих шекспировских энциклопедий.

Специальные корпуса английского языка постоянно создаются и совершенствуются. Они широко востребованы различными целевыми группами пользователей, которые считают их полезным и эффективным инструментом для изучения английского языка и проведения различного рода исследований.

5. Заключение

Цифровая эра английской лексикографии объединила в процессе создания новых словарей многие дисциплины: информационные технологии, культурологию, историю, терминоведение, психологию, социологию и т. д. Профессионалы, волонтеры, партнеры, специалисты в различных предметных областях заложили прочную основу для появления новых лексикографических проектов, актуальных для современного пользователя, нуждающегося в доступном, максимально полном и надежном носителе лексикографической информации с мультимедийными характеристиками и привлекательным дружественным интерфейсом.

Глубокие теоретические исследования английских лексикографов, имеющие богатый исторический опыт, широко используются в сфере составления не только печатных, но и Интернет-словарей английского языка различных типов и объемов. При этом и сейчас в английской лексикографии отмечается позитивная тенденция сосуществования печатных словарей, их цифровых версий и онлайн-справочников.

Достижения корпусной лексикографии, новой отрасли современного словарного дела, позволяющие быстро получать объективные и аутентичные языковые данные не только для дальнейших теоретических исследований, но и составления новых толковых и специальных словарей английского языка, предлагают общие и специальные корпуса объемом до миллиарда слов. В среде электронных языковых корпусов особенно активно раз-

виваются специальные базы данных: терминологические, фиксирующие английские термины из различных предметных областей, словари языка писателей и др., которые служат основой для теоретических и практических исследований.

Составители словарей английского языка нового поколения поставили во главу угла практической лексикографии антропоцентрический характер современной лексикографии. Издательства и лексикографы постоянно изучают запросы и нужды определенных целевых групп пользователей с учетом их образования, уровня знания английского языка, национальности, возраста, социального статуса путем социологических опросов и программы окулографии (*eye tracking*), отслеживающей частоту обращения к конкретным словарям. Таким образом они изучают предпочтения читателей и учитывают их при составлении новых справочников.

Цифровая эпоха английской лексикографии характеризуется особым интересом к новым направлениям, таким как *ютьюб-лексикография* (*Youtube lexicography*), которая носит просветительский характер и уверенно завоевывает прочные позиции в преподавании теории и практики лексикографии в различных университетах мира, которые все чаще обращаются к ее справочно-информационным ресурсам.

Новый импульс к созданию инновационных форматов словарей английского языка дали словари для мобильных телефонов (*apps dictionaries*), которые стремительно завоевывают мировой рынок. Их аудитория быстро расширяется, что объясняется доступностью словарей, сравнительно недорогой стоимостью программ и удобным интерфейсом.

В век новых информационных технологий в английской лексикографии проявляется заметный интерес к изучению и созданию различных типов словарей культурного наследия, являющихся хранителями культурных традиций Великобритании. Словари языка английских писателей (особенно У. Шекспира), общественных и политических деятелей, цитат, пословиц, отражающие самостоятельные направления в лексикографии, имеют свою богатую

историю и уникальные традиции, которые позволяют надеяться на сохранение интереса к этим справочникам у последующих поколений не только в Великобритании, но и в других странах.

Таким образом, в XXI в. произошло заметное расширение рамок лексикографии как науки и практики составления словарей, что привело к развитию так называемой Reference Science, предлагающей пользователям новые лексикографические продукты с лучшими чертами интегрированных лексикографических форм (тезауруса, толкового и частотного словаря, конкорданса), богатых экстралингвистической и культурологической информацией. Эти словари представлены в различных форматах, среди которых сегодня, безусловно, лидируют онлайн-справочники. В ближайшем будущем английская лексикография, безусловно, будет сочетать в себе накопленные за многовековую историю традиции и инновации при создании новых лексикографических проектов, которые в цифровую эпоху будут пополняться благодаря усилиям профессионалов и волонтеров.

© Карпова О. М.

3.4. DER DEUTSCHE SPRACHBESTAND DER GEGENWART NACH SEINER FUNKTIONALEN VERWENDUNG

Die funktionale Verwendung von Sprachmitteln der deutschen Gegenwartssprache sowie ihre Abnahme in deren funktionales Repertoire als System-Pendant soziolektaler bzw. idiolektaler Beschaffenheit erfolgt sowohl auf Grund der entsprechenden *Stilfärbung*, als auch der Zugehörigkeit zum Allgemeinwortschatz. Insofern richtet sich die Wortwahl nicht nur nach der semantischen Ausstattung von Sprachmitteln, sondern auch nach deren funktionaler Spezialisierung. Das gegenwärtige funktionale Repertoire existiert als ein dynamisches Gegenteil zum verhältnismäßig statischen Sprachsystem, in dem alle Sprachmittel onomasiologisch geordnet sind. Dazwischen befindet sich die Grammatik als Regelwerk für die Sprechkombinatorik. Dieses Modell verschafft der deutschen Gegenwartssprache ihre nötige kommunikative Eignung, aber auch zugleich einen ausgeprägten funktionalen Determinismus.

1. Die funktionale und semantisch-expressive Stilfärbung

Beim Benutzen eines Wörterbuchs fallen (meist eingeklammerte) Stilmarkierungen neben einigen Stichwörtern auf. Diese Begleiter teilen uns mit, mit welchen Einschränkungen das Wort benutzt werden kann.

In Abb. 2 ist das „Aar“-Lemma im elektronischen Duden-Universalwörterbuch (2006) mit sogar zwei Stilmarkierungen gezeigt. Die Gebrauchsangabe (dichter. veraltet) weist darauf hin, dass das Suchwort „Aar“ durch eine *dichterische (gehobene / gewählte) Stilfärbung* gekennzeichnet ist und zugleich zu obsoleten (veralteten) Ausdrucksmitteln gehört.

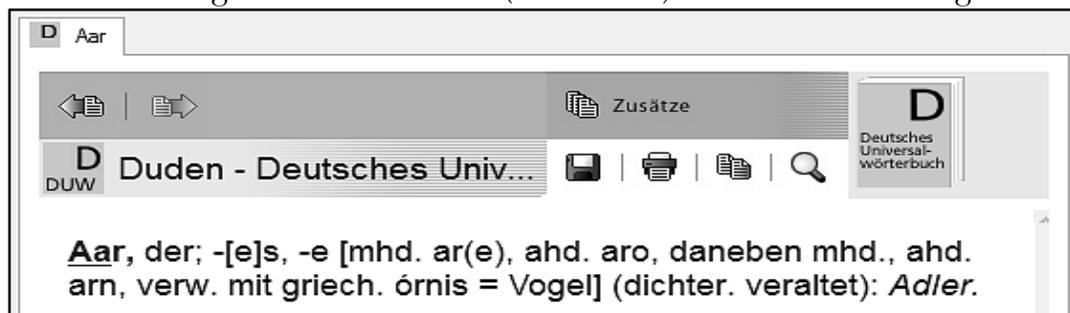

Abb. 1. Das „Aar“-Lemma in (DUDEN-UNIVERSALWÖRTERBUCH 2006)

Vielen Wörtern kommt eine gewisse Stilfärbung zu, die sich aus

der *konnotativen* Bedeutung des Wortes ergibt. Die konnotative Bedeutung wird der denotativen (begrifflichen) Bedeutung gegenübergestellt und bildet *das emotionale Gepräge eines entsprechenden Wortes*, das in der Stilistik als Stilfärbung bezeichnet wird.

Die Stilfärbung darf nicht mit dem *Stilzug* verwechselt werden: unter „Stilzug“ wird *ein charakteristisches Gestaltungsprinzip eines Textes bzw. Stils* verstanden. M. Hoffmann nennt *Sachlichkeit* einen wesentlichen Stilzug des Wissenschaftsstils und *Ironie* einen des Funktionalstils der Belletristik (HOFFMANN 2009: 1542).

Man unterscheidet zwei Arten der Stilfärbung: (a) die *funktionale* und (b) die *semantisch-expressive* Stilfärbung.

A. Die *funktionale Stilfärbung* kennzeichnet die Zugehörigkeit eines Sprachmittels zu einem bestimmten Funktionalstil, z. B. gehört das Verb „*verbeamten*“ unzweideutig dem Funktionalstil des öffentlichen Verkehrs und das Verb „*anknacksen*“ dem der Alltagsrede.

B. Unter der *semantisch-expressiven* Stilfärbung verstehen wir „Ausdrucksschattierungen innerhalb eines Funktionalstils, die (i) durch ihr Verhältnis zur literarischen Norm und (ii) durch ihren emotionalen Gehalt gekennzeichnet werden“ (RIESEL 1959: 25).

Demnach spricht man von zwei Unterarten der semantisch-expressiven Stilfärbung: (i) *nach der literarischen Qualität der Rede* und (ii) *nach der Expressivität der Rede*. Die beiden Variationen bilden eine Skala von Ausdrucksschattierungen, die sich auf der Y-Achse in entgegengesetzter Richtung von der orthogonal verlaufenden X-Achse der expressiven Nullfärbung (neutralen Stilfärbung) in der Mitte erstrecken.

Die Tabelle (sich unten) zeigt die Skala der semantisch-expressiven Stilfärbung nach der literarischen Qualität der Rede (Pfeil nach oben) und nach der Expressivität der Rede (Pfeil nach unten). Die neutrale Stilfärbung, die den Nullpunkt der Skala bildet, wird ebenfalls als *einfach-literarische Stilfärbung* bezeichnet und gilt als Grundnorm für den mündlichen sowie schriftlichen Ausdruck. Sie verleiht der Rede den Charakter der Sachlichkeit und Schlichtheit und lässt die Gefühlsneutralität beim Sprechakt erkennen.

Tabelle. Der deutsche Sprachbestand nach seiner semantisch-expressiven Stilfärbung

Richtung		Stilfärbung	Beispiel 1	Beispiel 2	Beispiel 3
	↑ die literarische Qualität der Rede	<i>geschraubt</i> (<i>geschwollen</i>)	zur ewigen Ruhe eingehen	in den heiligen Stand der Ehe treten; den Bund für das Leben schließen	das Angesicht
		<i>gewählt</i> (<i>gehoben</i>)	verscheiden	die Ehe eingehen; sich vermählen	das Antlitz
	<i>n e u t r a l</i>		<i>sterben</i>	<i>heiraten</i>	<i>das Gesicht</i>
	↓ die Expressivität der Rede	<i>literarisch- umgangs- sprachlich</i>	eingehen	j-n zu seiner Frau (zu seinem Mann) machen; Hochzeit machen (halten)	—
		<i>salopp umgangs- sprachlich</i>	ins Gras beißen	einen Mann, eine Frau kriegen	die Fratze
		<i>grob (vulgär)</i>	krepieren, verrecken	sich anketten lassen	die Fresse

I. Nach der literarischen Qualität der Rede lassen sich folgende semantisch-expressive Stilfärbungsschattierungen unterscheiden:

↑ *geschwollen (geschraubt)*;

↑ *gewählt (gehoben) / poetisch (dichterisch)*.

II. Nach der Expressivität der Rede gibt es folgende Stilfärbungsabstufungen:

↓ *literarisch-umgangssprachlich*;

↓ *familiär (salopp-umgangssprachlich)*;

↓ *grob (vulgär)*.

Die literarisch zulässige Norm bilden drei Stilfärbungsvariationen: die einfach-literarische, gewählte (gehobene) und literarisch-umgangssprachliche Stilfärbungen. Die geschwollene (geschraubte), familiäre (salopp-umgangssprachliche) und grobe (vulgäre) Abschattungen stehen außerhalb der literarischen Norm.

↑ Die geschwollene Stilfärbung, auch „Stilschwulst“ bzw. „Schwulststil“ genannt, kennzeichnet eine dem Inhalt unangemessene, übertrieben gespreizte und unnatürlich wirkende Rede, deren Gebrauch

nur zu satirisch-polemischen Zwecken gerechtfertigt ist. Die übermäßig ausgeschmückte, durch üppigen Wortschwall aufgeblähte Ausdrucksweise trägt in der Rhetorik die Bezeichnungen „Phöbus“ und „Bombast(ik)“.

↑ Für *die gehobene Stilfärbung* ist eine sorgfältige Wortwahl charakteristisch, der man sich bei feierlichen Anlässen (Festreden, Ansprachen, Vorträgen) bedient. Ein sicheres Kennzeichen der gewählten Rede ist die Vermeidung all dessen, was den Alltagscharakter trägt: expressive Wortstellung, Satzabbrüche, Ellipsen usw.

↓ *Die literarisch-umgangssprachliche Stilfärbung* zeichnet sich durch eine ungezwungene, lebhafte und gefühlsbetonte Sprachverwendung aus, die für den Funktionalstil der Alltagsrede im Allgemeinen typisch ist. Da der Alltagsverkehr vorwiegend auf mündlichem Weg stattfindet, zeigt die literarisch-umgangssprachliche Stilfärbung einen weitgehend lockeren Umgang mit der Grammatik sowie eine hohe Anschaulichkeit des Ausdrucks an.

↓ Wie der Name andeutet, indiziert *die familiäre Stilfärbung* eine Sprachverwendung in vertraulicher und entspannter Atmosphäre mit einem hohen Gehalt expressiver Phraseologismen.

↓ *Die grob-vulgäre Stilfärbung* markiert eine Ausdrucksweise, die in der Öffentlichkeit in der Regel auf Ablehnung stößt. Sie ist gekennzeichnet durch einen verstärkten Gebrauch von Vulgarismen, sozialen Jargonismen und obszönen Ausdrücken, d. h. all den Wörtern und Wendungen, die mit der Konnotation „derb“ behaftet sind. In vornehmer Gesellschaft werden vulgär gefärbte Stilmittel unter tabuierte Lexik subsumiert, deren Verwendung strikt untersagt ist. Ein Tabubruch kann mit dem Ausschluss aus der Gesellschaft enden, daher ist ein äußerst vorsichtiger Umgang mit geltenden kommunikativen Normen in einem konkreten sozialen Kreis angesagt.

Die Stilfärbung kann außerdem *absolut und kontextuell* sein. Bei Wörtern und Wortfügungen, die eine Stilfärbung kontextfrei aufweisen, handelt es sich um *absolut gefärbte Stilmittel*, vgl. „geistig umnachtet“ (gehoben) vs. „ballaballa“ (salopp-umgangssprachlich) für „verrückt“.

Dahingegen kann die kontextuelle Stilfärbung nur durch einen Kontext kenntlich gemacht werden, z. B. kann das Adjektiv „irre“ je nach Kontext entweder die einfach-literarische (*ein irrer Blick*) oder die salopp-umgangssprachliche Stilfärbung (*das ist ja irre!*) offenbaren.

Wie aus den obigen Ausführungen hervorgeht, überkreuzen sich die Stilfärbungen in der Sprachrealität: entsprechend bestimmten Kommunikationsbedingungen wird das funktionale Kolorit eines Stilsystems durch verschiedenste Stilfärbungen und ihre Kombinationen gewährleistet.

2. Die funktionale Einteilung des deutschen Sprachbestandes der Gegenwart

Die funktional-stilistische Heterogenität des deutschen Sprachbestandes der Gegenwart und die funktionale Stilfärbung seiner Schichten werfen die Frage nach der Einteilung des gesamten Wortbestandes nach seiner Zugehörigkeit zu den einzelnen schriftlichen und mündlichen Stilen der deutschen Nationalsprache auf. Hiernach werden zwei große Wortschatzgruppen unterschieden: (i) *der funktional-stilistisch undifferenzierte* und (ii) *der funktional-stilistisch differenzierte Wortbestand* (RIESEL 1959: 65).

2.1. Der funktional-stilistisch undifferenzierte Wortbestand

Zum wichtigsten Merkmal *des funktional-stilistisch undifferenzierten Wortbestandes* gehört *der unterschiedslose Gebrauch* der Sprachmittel in allen Funktionalstilen der deutschen Gegenwartssprache.

Häufig wird der funktional-stilistisch undifferenzierte Wortbestand mit dem deutschen Erbwortschatz gleichgesetzt: der letztere bildet den Kernbereich des Sprachsystems und enthält Sprachmittel, die nicht nur allgemeinverständlich und allgemeingebräuchlich sind; ohne sie kann keine Basiskommunikation stattfinden. Dazu gehören Zahlwörter (*dreiundzwanzig*), neutrale Bezeichnungen von Personen, Gegenständen, Erscheinungen und Vorgängen aus dem alltäglichen Leben (*Busfahrer, Straßenlaterne, Arbeit, atmen*), die meisten nativen Wörter (*Mark, Zawn*) u. dgl. m. Die Mehrheit dieser Sprachmittel ist einfach-literarischer Prägung und daher für jeden Redeanlass geeignet. Der Allgemeinwortschatz durchdringt alle Funktionalstile und

Kommunikationsbereiche des modernen Lebens und zeichnet sich durch absolute stilistische Neutralität aus.

Da der Wortbestand einer jeden Sprache im fortwährenden Wandel begriffen ist, erfährt auch der Allgemeinwortschatz der deutschen Gegenwartssprache einen stetigen Zustrom von neuen Sprachmitteln aus Fachsprachen, darunter ebenfalls Entlehnungen aus der weltweiten Verkehrssprache Englisch. So dürfte es heute niemanden verwundern, dass sich unter zahlreichen eingegangenen Fachtermini mehrgliedrige Komposita englischer Herkunft wie „*All-in-One-PC*“ oder „*Cloud-Server-Hosting*“ finden, die funktional-stilistisch neutral sind. Auch die Umgangssprache trägt zur ununterbrochenen Aufstockung des funktional-stilistisch undifferenzierten Wortbestandes vor allem mit ihren Kürzeln bei, vgl. *der Akku*, *die GroKo*, *der / die Azubi*.

Dank der permanenten Erweiterung des Allgemeinwortschatzes durch Entlehnung aus anderen Sprachen, Umnormung und Abnahme von Stilmitteln funktional-stilistisch differenzierter Wortschatzschichten ist sein Sprachbestand nahezu unbegrenzt und in ständigem Fluss.

2.2. Der funktional-stilistisch differenzierte Wortbestandes

Die Sprachmittel *des funktional-stilistisch differenzierten Wortbestandes* sind denen des Allgemeinwortschatzes auf Grund ihrer eingeschränkten Gebräuchlichkeit und Verständlichkeit bedeutend unterlegen. Ihr Gebrauch ist nur auf einzelne Kommunikationsbereiche beschränkt, in denen sie konkrete stilistische Funktionen ausüben.

Folgende Begrenzungen liegen den funktional-stilistisch differenzierten Wortschatzschichten zugrunde: a) *zeitliche*, b) *örtliche*, c) *soziale* und d) *berufliche Begrenzungen*.

A. Zu den *zeitlich* beschränkten Stilmitteln zählen Archaismen, Historismen, Anachronismen und Neologismen.

Als *Archaismus* gilt ein vollständig aus dem Gebrauch gekommenes bzw. altertümlich wirkendes Wort, z. B.: *der Ernting* (August), *die Halbscheid* (die Hälfte), *selbander* (miteinander, zusammen).

Der *Historismus* ist eine Bezeichnung für einen Gegenstand, der

heutzutage keine Verwendung mehr findet oder nur im Zusammenhang mit einer historischen Kulturepoche erwähnt wird, z. B.: *der Taler* (Silbermünze), *der Dreispitz* (Hut), *die Tracht* (коромысло). Historismen stehen gewöhnlich im Dienste der lokalen bzw. temporalen Koloritzeichnung.

Unter *Anachronismen* (griech. ἀναχρονισμός — „jenseits der Zeit“) [anakrōnismən] werden Wörter und Wendungen verstanden, die nicht zeitgemäß verwendet werden, z. B.: *Arina Rodionowna war Puschkins Babysitterin* (statt „Kinderfrau“). Die falsche zeitliche Einordnung dient in der Belletristik als Mittel zum Ausdruck von Humor und Satire.

Als *Neologismen* wird eine Gruppe von sprachlichen Erscheinungen bezeichnet, die vom Sprachkollektiv vorübergehend als neu empfunden wird. Dazu gehören alle Sprachmittel, die unter dem Begriff *Sprachzuwachs* zusammengefasst werden. Verständlicherweise fallen darunter nicht nur die aus eigenen Ressourcen gebildete Wörter und Wortverbindungen, sondern auch entlehnte Ausdrücke. Es sei angemerkt, dass die deutsche Sprache in ihrer Entwicklungsgeschichte im Gegensatz zum Englischen ihren Wortschatz hauptsächlich durch Übernahme von Fremdwörtern erneuert hatte. Neu sind im deutschen Sprachbestand der Gegenwart folgende Wörter: *der Beauty-Trick*, *die Merkelraute*, *der Youtuber*, *das Elendscamp* u. a.

B. *Örtlich* begrenzte Stilmittel sind territoriale Dubletten (Territorialismen, landschaftliche Synonyme) und Dialektismen.

Territoriale Dubletten sind denotativ gleichwertige Sprachmittel, die in unterschiedlichen Arealen verbreitet sind, z. B.: *der Wecken* (süddeutsch) — *die Schrippe* (berlinerisch) — *die Semmel* (norddeutsch).

Dialektismen sind regional bedingte Wörter und Wortfügungen, die wesentlich gesprochenen Charakter tragen, z. B.: *deppert* (süddeutsch) — *dumm*, *einfältig*; *kleechen* / *kläjən* (ostdeutsch) — *arbeiten*. Dialekte (Mundarten) neigen zur Konservierung ihrer Bestände und können daher von der Hochsprache lexikalisch, grammatisch und phonetisch stark abweichen. Der Gebrauch von mundartlich geprägten Ausdrücken in der belletristischen Prosa dient einzig und allein den Zwecken der lokalen Kolorierung der Rede.

C. Durch *soziale* Beschränkungen gekennzeichnet sind Argotismen, Jargonismen und Vulgarismen. Alle Erscheinungen dieser Gruppe gehören zu semantisch-expressiv gefärbten Stilmitteln.

Argotismen [æɔgɔ'tismən] sind Sprachelemente der Sondersprache einer begrenzten sozialen Gruppe. Seit dem Mittelalter ist das Argot [æ'gɔ:] (Slang, Rotwelsch) *der Gauner und Diebe* bezeugt, später haben andere Gruppen (*Studenten, Soldaten* u. a.) ihr eigenes Argot entwickelt (BROCKHAUS 2002). Das Rotwelsche fungiert als Schutz und Erkennungszeichen zugleich: als geheime Sprache stärkt es das Gemeinschaftsgefühl der Sprachteilhaber und schafft soziale Nähe; seine Sprecher geben sich als Mitglieder eines verschworenen Kollektivs zu erkennen. Zu Wesenszügen der Argotismen zählen ihre parallele Verwendung zu gemeinsprachlichen Wörtern und eine ausgeprägte expressive Stilfärbung. Argotismen werden vorwiegend zu pragmatischen Zwecken gebraucht (Betrug, Vertuschung, Verschwörung u. Ä.) und stehen in dieser Funktion den Jargonwörtern sehr nah, z. B.: *Polipee* (Polizei), *Schotter* (Kleingeld), *Plempe* (abgestandenes Bier).

Jargonismen bilden den Wortschatz eines bestimmten sozialen Milieus oder einer Subkultur, auch „Szene“ (vgl. Rechtsszene, Migrantenszene) genannt. Jargonausdrücke sind stark umgangssprachlich geprägt und haben in der Regel keine schriftliche Tradition. Der Jargon existiert als sprachlicher Gruppencode und verfügt somit über eine autarke Norm, die nur einem konkreten Personenkreis geläufig ist. Im Gegensatz zu Argotismen zeugt der Gebrauch von Jargonismen nicht unbedingt von einer Beziehung zur Unterwelt: praktisch alle Berufsgruppen entwickeln sondersprachliche Ausdrücke, vgl. die Lehrerjargonismen „*Streichorchester*“ (Fachkonferenz) und „*U-Boote*“ (Kinder, die auf Grund mangelhafter pädagogischer Betreuung hochgradig entmutigt sind und verhaltensauffällig werden).

Der wohl bekannteste deutsche Jargon ist die *Jugendsprache*. Als Geheimcode, der nur für Jugendliche zugänglich ist, ist der Jugendjargon keine lokale Erscheinung und hat deutschlandweit unter-

schiedliche Ausprägungen (vgl. *Hip-Hop-Jargon*, *Schülersprache*, *Kiezdeutsch*, *Kanak Sprach*).

Bildhaftigkeit, Expressivität, Emotionalität, Ironie und Übertreibungen prägen den jugendlichen Sprachgebrauch, z. B.: *bouncen* (tanzen), *Klappkaribik* (Sonnenstudio), *zutexten* (auf j-n penetrant einreden).

Eine Abart der Jargonausdrücke stellen die sog. „*sozialen Jargonismen*“ (Modewörter) dar, durch deren Verwendung der Sprachteilhaber sich mit der Welt der Erfolgreichen (High-Society) und dem entsprechenden Lebensstil identifiziert. Soziale Jargonismen bilden eine Art Hierarchiesprache und erfüllen eine Funktion der Abgrenzung nach innen und der Ausgrenzung nach außen. Sie werden entweder aus populären Fremdsprachen (Englisch in Deutschland, Französisch in Nordafrika, Portugiesisch auf den Kapverdischen Inseln) entlehnt oder mithilfe der bereits entlehnten Morpheme gebildet, z. B.: *TV-Comedian*, *Trend*, *Cybermobbing*.

Vulgarismen (Obszönismen) sind Kraftausdrücke, die anstößig empfunden werden. Ihr volkstümlicher Charakter trennt sie von reinen Schimpfwörtern (vgl. *Rabenerlern*), deren Aufgabe es ist, durch Bezeichnung zu beleidigen. Vulgarismen drücken Ärger, Überraschung, Unmut, Langeweile aus und erscheinen in der deutschen Gegenwartssprache meistens in Form von emotional gefärbten Komposita, z. B.: *Scheißloch*, *Arschbacke*, *Pissbecken*.

D. Zu *beruflich* begrenzten Stilmitteln gehören Fachausdrücke (Fachtermini) und Berufsjargonismen (Professionalismen).

Fachausdrücke sind genau definierte Benennungen für Begriffe eines bestimmten Sachgebiets, die in ihrer Gesamtheit eine sachbezogene Fachsprache (Terminologie) bilden. Ein normierter und standardisierter Fachwortschatz wird als *Thesaurus* bezeichnet, dessen Vokabular von Fachleuten fortdauernd kontrolliert wird, z. B.: *der auslegungsüberschreitende Störfall*, *das Wärmedämmverbundsystem*, *der Koronararterien-Bypass*.

Im Vergleich zu funktional-stilistisch neutralen Fachtermini sind *Berufsjargonismen* (Fachjargonismen) ihre *expressiven* Entsprechungen, deren Stilfärbung die ganze Skala der unterhalb der neutralen Schicht

gelegenen Schattierungen umfasst. Berufsjargonismen nehmen im funktional-stilistisch differenzierten Wortbestand eine Sonderstellung ein, da sie eine Mischform fachsprachlicher und sondersprachlicher Stilmittel sind, z. B.: „*Hurenkind*“, „*Schusterjunge*“ (Umbruchfehler im Satz).

Zu *Fachsprachen* gehören Berufssprachen der Handwerker, Jäger, Bauern usw. und wissenschaftliche Gruppensprachen; *Sondersprachen* untergliedern sich in erhöhte Sondersprachen (Religion, Dichtung, Politik), Standessprachen (Klassensprachen, Jargons) und verhüllende Sondersprachen (Rotwelsch, Zigeunerisch).

Eine Erscheinung verdient in der Typologie der funktional-stilistisch differenzierten Stilmittel dank ihres Querschnittscharakters besondere Aufmerksamkeit: *Fremdwörter*. Das sind Wortschatzelemente fremdsprachlicher Herkunft, die sich selbst im Rotwelschen finden (vgl. zahlreiche Lehnwörter aus dem Jiddischen: *seiwel* (Mist) → *einseifen*, *schmus* (Gerücht) → *der Schmus*, *kapher* (Bauer) → *der Kaffer*). Fremdwörter sind Entlehnungen mit einem sehr geringen Assimilationsgrad, deren lautliche oder graphische Gestalt ihre fremdsprachliche Abstammung erkennen lässt, z. B.: *hors concours* [ɔrkõ´ku:r] (außer Wettbewerb), *à la jardinière* [alazardi´nje:r] (nach Gärtnerinart), *das Œuvre* [´ø:vrə] (das Lebenswerk eines Künstlers).

Allgemein steht Fremdwörtern *bezeichnende* (nominative) Funktion zu, d. h. fremdsprachliche Mittel werden herangezogen, um neue Gegenstände, Erscheinungen und Vorgänge zu bezeichnen, weil die andere Sprache, wie es Goethe formulierte, „darin vieles oder Zarteres gefasst hat“, z. B.: *die / das App*, *das Smartphone*, *der USB-Stick*, *der Hovercraft-Sport*.

Gleichwohl werden Fremdwörter zu stilistischen Zwecken hauptsächlich als Mittel (i) der Koloritzeichnung und (ii) des Ausdrucks von Humor und Satire gebraucht (RIESEL 1959: 110f). Es muss vorausgeschickt werden, dass es sich bei stilistischem Gebrauch von Fremdwörtern nicht unbedingt um Entlehnungen handelt. Die fremdwörtlichen Einschübe verfolgen meistens einen rein situativen Effekt.

I. Wenn Fremdwörter als sprachliche Abbilder einer fremden

bzw. befremdenden Kultur (Subkultur) wirken, spricht man von einem *lokalen* (nationalen, politischen, historischen, sozialen, beruflichen usw.) *Kolorit* der Rede. In folgendem Beispiel bedient sich der Leistungssportler Stefan Kretzschmar eines Zitats der EU-konformen Politiker, indem er die fehlende Meinungsfreiheit in der heutigen BRD anprangert: „Welcher Sportler äußert sich heute denn noch politisch? Es sei denn, es ist die politische *Mainstream*-Meinung, wo man gesagt hat: „Wir sind bunt“ und „*Refugees welcome*“...“

Die Wiedergabe einer fremden Realität erfordert in der Regel die Verwendung von Realienbezeichnungen und führt zwangsläufig zum sog. *Naturalismus*, vgl. zahlreiche englisch klingende Beisätze in Filmprodukten der angelsächsischen Kinoindustrie, die von deutschen Synchronisatoren in ureigenster Form zitiert werden: *Major* [ˈmeɪdʒə(r)] *Sinclair* (eigentlich: *Major* [maˈjɔːr] *Sinclair*), *Colonel* [kɜːnl] *Smith* (eigentlich: *Oberst Smith*).

II. In kritischen und unterhaltenden Genres bezweckt die Einflechtung von Fremdwörtern zwar auch die lokale Kolorierung der Rede, jedoch steht diese im Dienste des Ausdrucks von *Humor und Satire*.

In einem Sketch mit D. Hallervorden und F. Lüdecke gerät ein Arbeitssuchender an einen Beamten, dessen Sprache von Anglizismen ganz und gar durchsetzt ist: „Kaminski, eine Ehre, Sie *supporten* zu dürfen!“

Auf diese Weise wird die glattzüngige Geschäftsetikette verspottet, die sich in deutschen Ämtern seit dem Kriegsende etabliert hatte und nur eine heuchlerische Nachahmung der US-amerikanischen „*Business-Culture*“ darstellt. Die Ausschmückung der Rede durch überflüssige Anglizismen ist ein sicheres Indiz für einen sozialen Jargon, dessen sich insbesondere deutsche Prominente bedienen, um ihre Außergewöhnlichkeit zu betonen.

Thomas Hayo, bekannt als Juror der Castingshow „*Germany’s Next Topmodel*“, beschreibt den Aufnahmeplatz wie folgt: „*Cloud Forest*, unser erstes großes *Shooting*, richtig *coole Location*, über hundert Hektar groß, also ’n *Riesen-Dom* mit *Tropical Rain Forest* drin“.

Der bewusste Ersatz von deutschen Entsprechungen durch englisch klingende Worthülsen dient nicht anders als dem Zweck, sich von minder Erfolgreichen sprachlich abzugrenzen.

Viele englischsprachige Werbeslogans der deutschen Unternehmen und Industriekonzerne rühren auf Grund ihrer Unverständlichkeit ebenfalls an die Grenze des Lächerlichen und werden deshalb oft zur Zielscheibe der öffentlichen Kritik, vgl. „*Powered by emotion*“ (Sat 1), „*Stimulate your senses*“ (Loewe), „*Come in and find out*“ (Douglas).

3. Fazit

Es bleibt festzuhalten: die Stilfärbung erwächst aus der konnotativen Bedeutung des Wortes und stellt sein emotionales Gepräge dar. Es gibt zwei Arten der Stilfärbung: die funktionale, welche die Zugehörigkeit eines Sprachmittels zu einem konkreten Funktionalstil kennzeichnet, und die semantisch-expressive Stilfärbung als Ausdrucksschattierung innerhalb eines Funktionalstils. Die letztere zerfällt nach der literarischen Qualität der Rede in die geschwollene (geschraubte), gewählte (gehobene) und nach der Expressivität der Rede in die literarisch-umgangssprachliche, saloppe und vulgäre Stilfärbung. Dazwischen befindet sich die einfach-literarische Stilfärbung mit ihrem neutralen Ausdruckswert. Zur literarischen Norm gehören nur die drei zentralen Stilfärbungen: die einfach-literarische, gewählte und literarisch-umgangssprache. Die Stilfärbung kann je nach Kontextzugehörigkeit absolut oder kontextuell sein. In einem Wörterbuch wird ein stilistisch gefärbtes Wort mit einer entsprechenden Gebrauchsangabe versehen. Nach seiner funktionalen Verwendung gliedert sich der deutsche Sprachbestand der Gegenwart in den funktional-stilistisch undifferenzierten und differenzierten Wortbestand. Der erstere ist gekennzeichnet durch einen unterschiedslosen Gebrauch in allen Funktionalstilen der deutschen Gegenwartssprache. Der letztere zerfällt in zeitlich, örtlich, sozial und beruflich beschränkte Wortschatzgruppen. Zeitlich begrenzte Stilmittel sind Archaismen, Historismen, Anachronismen und Neologismen. Örtliche Beschränkungen weisen territoriale Dubletten und Dialektismen. Zu

sozial begrenzten gehören Argotismen, Jargonismen und Vulgarismen. Zu beruflich beschränkten Stilmitteln zählen Fachausdrücke und Berufsjargonismen. Fremdwörter werden uneingeschränkt in beiden Teilwortschätzen gebraucht. Ihre funktional-stilistisch differenzierte Verwendung steht im Dienste der Koloritzeichnung und des Ausdrucks von Humor und Satire.

© Кобенко Ю. В.

Раздел IV
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

4.1. НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭМИГРАЦИИ В АМЕРИКЕ: МЕМУАРЫ ЖЕН ВЕЛИКИХ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ — КАТИ МАНН, МАРТЫ ФЕЙХТВАНГЕР, АЛЬМЫ МАЛЕР- ВЕРФЕЛЬ — В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЭТИКИ

1. Введение

Проблема адаптации мигрантов представляется сегодня одной из самых актуальных и сложных и касается практически всех стран Европы и Америки. Особую группу беженцев образуют интеллектуалы: студенты, ученые, люди творческих профессий, уехавшие от ужасов войны и жизни, лишенной каких-либо достойных перспектив. В истории человечества таких «исходов» было великое множество.

В переломные периоды целые группы людей, объединенные общими взглядами, несогласные с политическими режимами или насильственно изгнанные из родной страны, образовывали целые поселения, искали приюта в чужих пределах. Евреи во времена инквизиции, гугеноты в период религиозных войн, роялисты в эпоху правления Наполеона, инакомыслящие в первые годы диктатуры пролетариата.

Одним из самых страшных, масштабных и непостижимых по своей жестокости стало изгнание интеллектуалов из Германии, начавшееся сразу после прихода к власти Гитлера в 1933 г. При поддержке Элеоноры Рузвельт и нескольких культурных институций в Калифорнии образовалась колония немецкоязычных писателей, которых удалось спасти от преследований фашистов. Это помогло предотвратить разрушение немецкой литературной традиции и способствовало развитию интернациональных связей между творческой элитой из разных стран. Сведения о жизни немецких писателей в изгнании можно получить из разных источников, как академических, так и публицистических, в частности из воспоминаний жен Томаса Манна, Лиона Фейхтвангера, Франца Верфеля.

Ценность представляют не только сведения, почерпнутые из

этих текстов, но и их язык, оживляющий образы известных личностей эпохи.

2. Цель и методы исследования

Цель исследования: описать геополитический контекст, в котором сложился такой феномен как немецкая писательская колония в американской эмиграции.

В соответствии с целью исследования проанализирован процесс формирования интеллектуального сообщества, изучена проблематика творчества трех больших немецкоязычных писателей, описаны документы эпохи, рассказывающие о жизни и деятельности жен великих немецких писателей; изучены их воспоминания об американском опыте в контексте современных тенденций гендерной поэтики.

В качестве базовых методов в исследовании использованы биографический, культурно-исторический методы, метод «пристального чтения», метод дискурсивного анализа и принципы компаративистики (ЗИНЧЕНКО, ЗУСМАН, КИРНОЗЕ 2011; ЗЕМАНЕК, NEBRIG 2012).

3. Характеристика материала исследования

В качестве литературного материала использованы мемуары Альмы Малер-Верфель (*Моя жизнь*, 1964), Кати Манн (*Мои неопубликованные заметки*, 1974), Марты Фейхтвангер (*Всего лишь женщина*, 1983).

В качестве дополнительного материалы были использованы книги С. Кигэн *Невеста ветра. Жизнь и время Альмы Малер-Верфель* (2008) и О. Хильмес с тем же названием, фильмы К. Рассела «Mahler» (1974) с Дж. Хейл и Б. Бересфорда «Bride of the wind» (2001) с С. Уинтон в главной роли; книга М. Флюгге *Четыре жизни Марты Фейхтвангер* (2008); исследование К. Юнглинга *Катя Манн. Жена волшебника* (2003), эссе Х. Мёллер *Женщины семейства Манн* (2004) и сериал «Семья Манн. Роман века» (2001).

4. Результаты исследования и их обсуждение

4.1. Исторический контекст

30-е гг. XX столетия стали переломными не только для

истории Германии, но и всей Европы. Уже в первый год правления НСДАП десятки писателей, художников, музыкантов, журналистов покинули пределы Родины, ища пристанище сначала в Европе — во Франции (коммуна на юго-востоке региона Прованс *Sauvage-sur-mer*, в которой несколько лет жили Б. Брехт, С. и А. Цвейги, Г. Кестен, Э. Э. Киш, А. Кёстнер, Б. Франк, Э. Пискатор, А. Редершайдт, В. Газенклевер, Й. Рот, Ф. Хеслер, Манны — Томас, Генрих, Клаус, Голо, Л. Фейхтвангер, Ф. Верфель), в Швейцарии, где издавался крупнейший эмигрантский журнал *Mass und Wert*, в Голландии, а также в Англии, Швеции и СССР (НАARMAN 1995).

Когда фашистская угроза стала неотвратимой для Старого света, многим удалось уехать в Америку. Перед этим некоторые известные мыслители оказались в заточении: Л. Фейхтвангер чудом избежал смерти, благодаря невероятным усилиям Марты, которая организовала побег из лагеря «Ле Милль», затем из «Сэнт Николас», охраняемого французами, что и дало возможность спастись. Остальных узников после прихода немцев отправили в Освенцим. В. Беньямину, напротив, уехать в США было не суждено. После отказа в транзите через Испанию в ночь с 26 на 27 сентября 1940 г. он покончил жизнь самоубийством в печально известном отеле «Hotel de Francia» (MAUTHNER 2007). Подобных примеров можно привести очень много. И те, кто успел выехать из Германии, остались благодарны мужественным людям, помогавшим беженцам в страшные годы нацизма.

Переезду немецких интеллектуалов содействовали не столько официальные структуры (Америка соблюдала нейтралитет), сколько независимые фонды, например «Чрезвычайный комитет спасения» под руководством журналиста Вэриана Фрая, группа добровольцев-квакеров — членов церкви Unitarian Church, отдельные влиятельные лица, такие как Элеонора Рузвельт, жена президента США (примечательно, что начало его срока правления приходится на 12 апреля — день проведения акции «против негерманского духа»).

Так в 1938-1939 гг. на территории штата Калифорния

образовалась писательская колония, представляющая Германию за океаном. Здесь в Пасифик-Палисейдс (*Pacific Palisades*) на вилле «Аврора» обосновались Фейхтвангеры, Манны получили в пользование дом в фешенебельном районе Лос-Анджелеса (Сан-Ремо-Драйв), Верфели купили дом в Беверли-Хиллз. Писатели получили возможность читать в Америке лекции, выступать перед широкой аудиторией.

Итак, после переезда перед известными немецкоязычными авторами, многие из которых посредственно владели английским, встали два принципиальных вопроса: что, находясь в эмиграции, можно сделать для культуры своей страны и как нужно взаимодействовать с принимающей культурой. Ответы на эти вопросы дает анализ творчества, общественной жизни, публицистики писателей, творчество которых стало еще более интенсивным на чужбине. Появились новые темы; авторы обратились к новым жанрам.

Американский период Фейхтвангера — взлет творческой активности. За 16 лет им было написано более десяти романов, среди них *Братья Лаутензак* (1942), *Лис в винограднике* (1947), *Гойя* (1951), итоговый роман *Иосиф Флавий* (1958). Верфель написал роман-притчу *Песнь о Бернадетте* (1941) и последний свой текст *Звезда нерожденных* (1946), подготовил к изданию полное собрание сочинений. Т. Манн закончил тетralогию об Иосифе (1933-1943), *Лотту в Веймаре* (1939), опубликовал *Доктора Фаустуса* (1947), *Избранника* (1951), *Феликса Круля* (1954), создал серию радиопередач «Германия и немцы» и программных статей по истории немецкой литературы.

Постепенно новоприбывшие писатели обрастали кругом американских знакомых, их новое прибежище стало центром притяжения для многих интеллектуалов современности: Ч. Чаплина, А. Эйнштейна, Ч. Лавтона и очень многих других известных личностей (VAGET 2011).

Однако кроме интеллектуальных проблем писатели-эмигранты столкнулись с бытовыми трудностями: как обустроиться в новом мире? Колоссальную роль в организации жизни и

работы в американском изгнании сыграли жены этих выдающихся людей, не только взявшие на себя повседневные хлопоты (создание домашнего уюта), но и ставшие секретарями, советницами и ближайшими сподвижниками великих мужей. Как и когда-то в Европе, им удалось создать своего рода интеллектуальные центры.

Сегодня вилла «Аврора» является структурой, поддерживающей современных художников и писателей, дом Маннов также выкуплен правительством ФРГ для аналогичных целей.

4.2. Писатели и их жёны-биографы: особенности нарратива в мемуарах А. Малер-Верфель, М. Фейхтвангер и К. Манн

Несмотря на общность интересов все авторы и их семьи продолжали жить своей жизнью. Каждая из упомянутых женщин, значительно переживших своих мужей (М. Фейхтвангер и К. Манн умерли в возрасте 96 лет, А. Малер-Верфель — в 85 лет), отличалась своим особым характером и темпераментом. Это хорошо заметно по книгам, которые они создали в американской эмиграции.

Ни одна из рассматриваемых фигур не осталась «безгласной». Все они оставили после себя воспоминания: значительную переписку, а также биографические заметки (А. Малер-Верфель книгу *Моя жизнь* (1964), К. Манн *Мои неопубликованные заметки* (1974), М. Фейхтвангер *Всего лишь женщина* (1983).

Все тексты — своего рода подведение итогов, рефлексия о прожитой жизни, окружении, эпохе. Интерес представляет не только содержание и тематика мемуаров — большая часть фактов известна читателям и особенно специалистам — но и особые типы нарративов, характерные для рассматриваемых текстов. Данная теоретическая перспектива характерна для исследований в русле гендерной поэтики.

Вслед за А. Г. Афанасьевым, Т. Н. Бреевой, О. В. Пермяковой, Т. В. Торсуновой, М. Рюткёненом под гендерной поэтикой мы понимаем раздел исторической поэтики, ориентированный на изучение «гендерной картины мира» (АФАНАСЬЕВ, БРЕЕВА 2017; ПЕРМЯКОВА, ТОРСУНОВА 2019). В фокусе внимания исследования

традиционные аспекты художественного произведения (жанр, хронотоп и др.), а также реконструкция «взглядов автора на природу маскулинности / феминности, способы их репрезентации в художественной практике», проблема описания я-нарративов (АФАНАСЬЕВ, БРЕЕВА 2017).

Нарратив рассматривается в исследовании как «дескриптивная, логическая эстетическая, эмоциональная и ассоциативная структура повествования, позволяющая автору «творить реальность» (ДЖЕЙМИСОН 2001), «организовывать текст, стягивать все сюжетные векторы в общий фокус» (КЕРМОУД 1990). В лингвистической перспективе в центре внимания оказывается языковой способ репрезентации действительности (КАРАБАЕВА 2003; ALEXANIAN 2005; МАЛЫГИНА 2008).

Рассматриваемые в данной статье тексты позволяют на конкретных примерах заметить различия в понимании типологически сходных событий.

Автор книги *Моя жизнь* А. Малер-Верфель — «femme fatale» эпохи, писала о себе и чуть меньше о своих великих мужьях Г. Малере, В. Гропиусе, О. Кокошке (близком друге), Ф. Верфеле. Доминирующая модель письма — самоутверждение. Текст представляет собой скорее автобиографию, в которой факты передаются через субъективный опыт и личную точку зрения.

В книге есть подразделы, маркированные переломными годами жизни (1916, 1924, 1938). Однако есть и смысловое деление: каждый из периодов соотносим с определенным деятелем культуры и тем видом искусства, который он представлял. Малер — один из самых известных и харизматичных музыкантов эпохи модернизма. Первый муж автора автобиографии связан с юностью Альмы, ее годами обучения в консерватории и занятий музыкой. Авторитет уже пожилого музыканта, директора Бургтеатра, по признанию Альмы, подавлял ее. Запрет самой писать музыку и требование бесконечно переписывать сложнейшие партитуры Малера привел к неуверенности и стремлению к реваншу (MAHLER-WERFEL 1964).

Гропиус — крупнейший архитектор, идеолог стиля Bauhaus,

женившись на вдове великого композитора, потребовал жить порознь, встречаясь попеременно то в Берлине, то в Вене. Этот брак на расстоянии разочаровал Альму, вызвал, по ее собственному признанию, потребность в страстных и безоглядных отношениях, которые ей впоследствии обеспечил эксцентричный художник-экспрессионист Оскар Кокошка. После нескольких разрывов и попытки двойного суицида, Альма страстно захотела сделаться хозяйкой своей судьбы. Это стало возможно в отношениях с пражским писателем Францем Верфелем. Будучи мягким человеком, намного моложе своей знаменитой возлюбленной, он с уважением принимал ее советы относительно выбора сюжетов. Все тексты, написанные в американский период творчества, создавались под влиянием опытной и хорошо знающей законы успеха спутницы.

Наконец, Альма почувствовала себя кукловодом, а блестящий стилист Верфель помог реализовать множество ее замыслов. Апогеем «жизнетворческого» пути Малер-Верфель стало создание собственного текста, текста с нескромным названием *Моя жизнь* (это название вызвало негативные ассоциации; книга называется не «Das Leben», а *Mein Leben*).

Перед читателем предстает история художественной среды первой половины XX в., о главных событиях которой читатель узнает из порой приукрашенных историй любовных побед автора книги. Однако за Альмой угадывается драматический фон, выписанный пунктиром, данный субъективно, с той долей внимания, которая характерна для когда-то подавленной женщины, сумевшей взять реванш над тяжелой и полной треволений судьбой.

Удивляет простой слог книги, неожиданный для столь пестрой биографии этой примечательной женщины:

Ich habe die Erkenntnis gewonnen, daß ich nicht glücklich, nicht unglücklich bin. Es ist mir auf einmal zum Bewußtsein gekommen, daß ich nu rein Scheinleben führe. Meine innere Unterdrücktheit ist zu groß. Mein Schiff ist im Hafen. Aber leck (MAHLER-WERFEL 1964: 24).

Возможно, именно эта простота и четкое ведение линии

повествования более всего говорит о ее характере, крепости духа и желании обрести славу, не меньшую, чем ее мужа. Хотя делает она это достаточно традиционным способом. Жизнь А. Малер-Верфель в Америке после смерти Верфеля могла бы составить отдельную главу биографии. Но об этом периоде можно узнать больше из фильмов, посвященных «невесте ветра», как ее называли критики (по названию картины О. Кокошки «Windbräut»).

Для Марты Фейхтвангер (урожденной Лефлер) ее муж Лион — одновременно и верный спутник, готовый восхищаться ее энергией, и источник славы (писатель, создавший более 30 известных романов), и мальчик, которого следует защищать.

О жизни М. Фейхтвангер и ее эпохи читатель узнает из ее писем (с 1977 г. Марта вела активную переписку со многими деятелями культуры), из серии передач на канале ZDF под общим названием «Zeugin des Jahrhunderts» / Oral history и текста, созданного на основе наговоренных на магнитофон монологов «Nur eine Frau». Позднее они были расшифрованы и изданы к юбилею этой яркой личности.

Неутомимая спортсменка — она прекрасно плавала и каталась на лыжах — Марта одна из тех отважных спутниц великих людей, которые брали на себя все материальные хлопоты, включая заботу о безопасности жизни, тем более, что на пути семейства Фейхтвангеров было много препятствий. Наверное, одним из самых ярких событий ее биографии является организация побега Лиона из захваченной фашистами Франции.

В молодости Фейхтвангеры жили в крайней нужде. Ситуация осложнялась очевидными антисемитскими настроениями, царившими в южной немецкой столице. Рассказывая о жизни в Мюнхене, Марта вспоминает слова чиновника, который «курировал» их пребывание в городе:

Und überhaupt sind Sie hier sehr unbeliebt. Wir hätten Sie schon längst ausgewiesen, wenn Sie nicht beide hier geboren wären (FEUCHTWANGER 1983).

Мотив неприкаянности сопровождает весь текст книги. Веселой, но не легкой была жизнь в поэтической коммуне. Посещение СССР и встреча со Сталиным, описанная позднее в эссе *Москва. 1937 год* (ФЕЙХТВАНГЕР 1937), принесла Фейхтвангеру немало проблем. Многие товарищи по перу отвернулись от него.

Только в Америке наступили годы относительного материального благополучия, когда семья оказалась в центре интеллектуальной жизни. Марта самолично отремонтировала дом, сумела создать поистине изысканный кружок, образуемый значительными личностями своего времени — от Эйнштейна до Рузвельта.

Однако настоящее пристанище Фейхтвангер нашел в своих книгах, издаваемых огромными тиражами в ГДР и СССР. И. Цверенц замечает в рецензии на книгу *Только женщина*:

Schlussatz: „Sie kehrten nicht mehr zurück“. In Person wurden beide in Deutschland nie mehr heimisch, blieben weiter in den USA, ein großes coming home aber bereitete das Leseland DDR Feuchtwangers Werken (ZWERENZ 2007).

Характеризуя особенности нарратива, следует отметить спонтанность и некоторую «цветистость» стиля Марты. Во многом данный факт объясняется тем, что биография записана со слов. Однако, очевидно, что витальная женщина также не смогла удержаться от самолюбования и гипербол. Приведем в пример фрагмент критического отзыва о стиле и языке Марты из рецензии, опубликованной в журнале *Der Spiegel*:

Leider aber entpuppt sich das „Dokument“ als eine Ansammlung von Klatsch und Stilblüten, deren unfreiwillige Komik vom Tiefschlaf des verantwortlichen Lektorats zeugt. Neue Aufschlüsse über Leben und Werk des zu seiner Zeit sehr einflußreichen Feuchtwanger aber bietet es kaum. Dafür erfährt der Leser, wie gern das ungleiche Paar („Schon am frühen Morgen sah ich aus wie Salome“, wogegen „Lion nur ein anständiges Inneres aufzuweisen hatte“) zum Baden ging. Denn „es war recht traurig, sich immer nur in der Waschschüssel zu waschen. Auch waren wir ja leidenschaftliche Schwimmer“... (SCHWARZES SAMTKLEID 1983).

Эта стилистическая избыточность и желание погрузить читателя в многочисленные бытовые детали в значительной степени обусловлены характером автора, сформировавшимся в течение долгой, сложной и интересной жизни. Марта открыто проявляет свой темперамент и подчеркивает свою женскую реализованность.

Мемуары К. Манн (урожденная Прингсхайм) вообще сложно атрибутировать как автобиографию. Кати Манн в ней почти нет. Воспоминания она надиктовала Элизабет Плессен и сыну Майклу. «Я никогда не могла делать, что хотела...», — так начинается книга *Фрау Томас Манн. Жизнь Кати Прингсхайм*, написанная современными исследователями Инге и Вальтером Йенсами (ЙЕНС 2006). Книга была издана в 2003 г., а в 2006 г. переведена на русский язык. Здесь уже в названии звучит основной мотив растворения в личности знаменитого мужа, с чем авторы, однако, вполне аргументировано спорят.

Для русскоязычной публики Катя Манн самая значительная из упомянутых фигур. Она известна не только потому, что была постоянной спутницей и помощницей Т. Манна. Из книги *Империя Прингсхайм* многие читатели узнали детали биографии блестящего мюнхенского семейства (KURZKE 2003): отец — профессор математики, знаток изобразительного искусства и музыки, знаменитая бабушка-феминистка, известные родственники и друзья дома. Сама К. Манн, что она подтверждает в своей биографии, была одной из первых женщин в Мюнхенском университете, ставших математиками.

«Немецкая литература там, где я», — нескромно заявил Т. Манн из Америки (HARPPRECHT 1995). Но без участия и интеллектуальной помощи его жены это было бы невозможно.

Несмотря на то, что текст надиктован, чувствуется стиль женщины-логика. Если бы не местоимения женского рода и вполне очевидные контексты, указывающие на то, что пишет женщина, можно было бы вполне отнести текст к маскулинному типу, написанному практически в форме живого отчета:

Ich habe tatsächlich mein ganzes allzulanges Leben immer im strickt

Privaten gehalten. Nie bin ich hervorgetreten, ich fand, daß ziemte sich nicht...

In dieser Familie muß es einen Menschen geben, der nicht schreibt. Daß ich mich jetzt auf dieses Interview einlasse, ist ausschließlich meine Schwäche und Gutmütigkeit zuzuschreiben (MANN 2000).

Воспоминания были продиктованы, когда Т. Манн уже умер, а сын Кати Клаус покончил жизнь самоубийством. Дочь Элизабет испытывала проблемы со здоровьем. На чужбине, в маленьком городке в Швейцарии Кате Манн пришлось взяться за обустройство своего четвертого дома. Но никакие внешние трудности не заставили ее показать слабость. Она ставит своей целью объективно описать важные моменты в жизни ее великого мужа и оставить важные сведения для исследователей и знатоков его творчества. Подобный подвиг отречения от личного редко встречается в литературе.

5. Выводы

Благодаря различиям в повествовательных стратегиях, тексты дополняют друг друга и дают более объективные сведения о жизни и настроениях эмигрантов-интеллектуалов в Америке.

Подобная исследовательская перспектива может привлечь современную отечественную публику, интересующуюся судьбой немецкой эмиграции в Америке и исследователей, занимающихся проблемами изучения гендерной поэтики.

© Аверкина С. Н.

© Разина И. С.

© Родина Г. И.

4.2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА ЕВГЕНИЯ ГАГАРИНА

1. Эмигрантоведение и немецкоязычное литературное творчество Е. А. Гагарина

Занимаясь изучением немецкоязычного литературного творчества писателя-эмигранта Евгения Андреевича Гагарина, мы невольно входим в круг научных проблем, связанных с эмигрантоведением, новым научным направлением в отечественной гуманитаристике, изучающим различные аспекты жизни и деятельности российской эмиграции (ПРОНИН 2009). Предвосхищая возможность возникновения проблем, связанных с терминологическим аппаратом эмигрантоведения и напрямую выходящих в плоскость эмигрантского литературного творчества Гагарина, сразу же поясним, что, вслед за М. И. Раевым (1994: 17), будем далее применять термин «русское зарубежье» лишь относительно представителей русской эмиграции 1917-1940 гг., их жизни, творчества, объединений, мировоззрения и трактовать данное понятие как особый культурно-исторический феномен, обусловивший литературное творчество Гагарина.

Для понимания широкого контекста немецкоязычной прозы Гагарина необходимо пояснить, что русское зарубежье, в котором, собственно говоря, и возникли произведения автора, представляет собой относительно самостоятельное культурное и политическое явление, которое сложилось к середине 1920-х гг. в Европе. Следует обратить внимание на то, что основными центрами русского зарубежья являлись Берлин, Париж, Прага, Белград, София и Харбин. Но степень их значимости в различные этапы существования эмиграции была различной. Насколько нам известно, жизненный и творческий путь Гагарина особенно тесно был связан с первыми двумя центрами русского зарубежья. Изучение немецкоязычного творчества писателя позволяет представить литературное зарубежье именно как культурный феномен.

Термином «русский эмигрант», вслед за многими отечественными и зарубежными учеными, будем обозначать лицо, получившее воспитание в русской культуре и владеющее русским языком как родным, вынужденное покинуть Россию и проживающее (проживавшее) за рубежом (БАЗАНОВ, ШОМРАКОВА 2013: 4).

Для рассмотрения лингвокультурологических особенностей немецкоязычной прозы писателя-эмигранта Гагарина — выходца с Архангельского Севера позволим себе процитировать немецкого ученого Марка Раеффа, который писал:

«Когда русские пытаются сегодня заполнить пробелы в знаниях относительно истории своей страны и преемственности ее культуры, они обязательно должны учитывать работы о России, возникшие за ее пределами» (перевод мой — А. П.) (RAEFF 1995: 30).

Данное утверждение было использовано немецким автором в контексте изучения русской эмиграции в Германии 1920-1941 гг., т. е. именно в отношении того времени, когда Гагарин находился в этой стране. Можно сказать, что вышеприведенное высказывание позволяет достаточно точно определить основную цель исследования немецкоязычного литературного творчества русских писателей-эмигрантов. Посредством лингвокультурологической интерпретации эмигрантских произведений, созданных в Германии, за рубежами нашей родины, мы можем продвинуть себя хотя бы немного в понимании культуры и литературы русского зарубежья и его традиций. Проблематика соотнесения Своего и Чужого выходит тем самым на передний план.

Карл Шлёгель, немецкий исследователь жизни и творчества русских эмигрантов Германии, утверждает в одном из своих научных трудов, что занимаясь изучением наследия и реабилитацией русских эмигрантов в наше время, «Россия открывает или думает, что открывает для себя заново то, что когда-то потеряла» (перевод мой — А. П.) (SCHLÖGEL 1995: 11). С этим трудно не согласиться. Изучая немецкоязычное творчество Гагарина с лингвокультурологических позиций, попытаемся показать специфику языкового и литературного творчества выходца с Архангельского

Севера, проживавшего около пятнадцати лет в Германии. Это важно для того, чтобы понять, почему он, находясь там по воле судьбы, писал именно так, а не иначе, какие чувства он питал к своей исторической родине.

Говоря об эмигрантской прозе Гагарина, следует вспомнить, что в современной исторической науке для установления периодизации российской эмиграции чаще всего используют понятие «волны» и насчитывают их чаще всего три. При этом границы каждой из волн российской эмиграции очерчиваются не совсем одинаково. Вслед за А. А. Прониным, к первой волне русской эмиграции мы будем относить эмигрантов, покинувших Россию в 1917-1938 гг.; ко второй волне — в 1939 — конце 1950-х гг.; к третьей волне — в 1960-х — 1988 гг. (ПРОНИН 2009: 15). В исследованиях, посвященных русской эмигрантской проблематике, часто отмечается, что только послеоктябрьская эмиграция «первой волны»

«сумела в большей степени, чем последующие, не только сохранить русскую культуру в изгнании, но и приумножить ее и воспитать в ее традициях второе, третье, а иногда и четвертое поколения» (БАЗАНОВ, ШОМРАКОВА 2013: 12).

Можно сказать, что своими иноязычными произведениями эмигранты первой волны выполняли вполне определенную миссию. Причем

«миссия у русских эмигрантов возникла не потому, что эмигранты захотели ее иметь. А потому, что от нее невозможно было уклониться — разве что перестать быть собой» (НАЗАРОВ 1994: 3)¹.

Карл Шлёгелъ пояснил миссию русских эмигрантов, проживавших в это время в Германии следующим образом:

«Образ старой России, представление «большевистской России», опыт невольного участия в гражданской войне, которые передавались эмигрантами, были весьма ценными, хотя в большинстве своем они характеризовались неопределенностью и зашифрованностью (...). Так называемым общим знаменателем для эмиграции

¹ Более подробно о миссии русских эмигрантов данного периода можно прочитать в книге М. В. Назарова *Миссия русской эмиграции* (1994).

являлась большая антипатия к большевизму» (SCHLÖGEL 1995: 13).

Марк Раефф, описывая причины эмиграции русских в Германию в 1920-1941 гг., писал о том, что после завершения революции и гражданской войны в России бегство за рубеж из-за угрозы жизни и в связи со стремлением к свободе тех, кто боролся с «большевистским режимом» или не хотел принимать его условия, было основным источником происхождения большой волны эмигрантов из России. Отвержение «большевистского режима» выражалось, по мнению немецкого ученого, не только в противодействии экономическим, социальным и политическим целям новой, советской, системы, но и в убеждении, что

«именно большевики способствовали разрушению культурных традиций России и духовных ценностей и таким образом способствовали “деградации” народа и “разрушению любого вида умственной деятельности”» (перевод мой — А. П.) (RAEFF 1995: 20).

Марк Раефф открыто говорит также и о том, что главная цель русской эмиграции заключалась для представителей элиты прежнего общества прежде всего в том, чтобы вернуть прежний строй, сохраняя и развивая русские культурные традиции (*ibid.*).

Сейчас, когда после Октябрьской революции 1917 г. прошло уже более ста лет, объективно оценить миссию первой волны эмиграции достаточно сложно. Путем лингвокультурологического изучения эмигрантских произведений Гагарина, имеющих самое непосредственное отношение к этой волне эмиграции, можно попытаться понять «эмигрантский дух» произведений, описывающих события Советской России конца 20-х — начала 30-х гг.

Для того, чтобы раскрыть условия возникновения немецкоязычных произведений Гагарина, позволим себе вкратце напомнить основные биографические сведения о нашем земляке. Он родился 12 февраля 1905 г. в деревне Большое Коноваловское Шенкурского уезда Архангельской области, провел свое в материальном отношении весьма безоблачное детство в дореволюционной России. По некоторым источникам, он обучался несколько лет в

Петроградском университете², а затем после возвращения на свою малую родину долгое время работал в различных должностях, связанных с лесом и строительством деревообрабатывающих предприятий. В 1931 г. Гагарин женился на Вере Сергеевне Арсеньевой, дочери аристократа, служившего во времена царской России дипломатом (СЛОВАРЬ ПОЭТОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1999: 18-19). В 1933 г. ему удалось эмигрировать вместе со своей женой и ее родственниками (матерью, старшим братом Василием и сестрой Анной) в Германию.

Что касается факта переезда Гагарина на постоянное место жительства в Германию, то в данном случае можно говорить об абсолютно официальном выезде из Советской России. Если точнее, в 1933 г. благодаря усиленному вмешательству британского правительства и стараниям влиятельных родственников, в первую очередь, сестры матери Веры Сергеевны, леди Эджертон (Ольги Николаевны Лобановой-Ростовской), вдовы британского посла в Риме, а также большому выкупу, предложенному зарубежными родственниками советскому правительству, в Германию удалось выехать многим из семейства Арсеньевых и их близким (ЗАБЫТОЕ ИМЯ). В монографии Л. В. Довыденко, посвященной Кенигсбергу и русскому зарубежью, на примере жизни и деятельности известного русского философа, культуролога, богослова и историка религии Николая Сергеевича Арсеньева, брата Веры Сергеевны Арсеньевой, называется адрес, по которому воссоединилась в Кенигсберге семья Арсеньевых и к которой присоединился Гагарин: Regentenstraße 13 (ДОВЫДЕНКО 2008: 84).

Некоторые биографические данные Гагарина говорят также и о том, что он значительную часть времени эмиграции провел в Берлине и его окрестностях. Гагарин обучался в Лесной академии в Эберсвальде, работал в Берлине в международной организации, связанной с экспортом леса. В качестве эксперта в сфере лесоведения он написал целый ряд научных трудов на немецком

² Ср., например, воспоминания брата жены Гагарина, Николая Сергеевича Арсеньева (АРСЕНЬЕВ 2012: 4).

языке, которые были опубликованы в 40-е гг. XX в. в Германии (GAGARIN 1941A; GAGARIN 1941B; GAGARIN 1942; GAGARIN 1949).

Из комментария о Гагарине, составленного Л. В. Довыденко и С. П. Заикиным для книги Н. С. Арсеньева *Дары и встречи жизненного пути* (ДОВЫДЕНКО, ЗАИКИН 2013), нам удалось узнать, что Гагарин жил также в Австрии, в Зальцбурге, а также в Мюнхене. Гагарин трагически погиб в Мюнхене 20 октября 1949 г. в результате дорожной аварии.

В эмиграции Гагарин создал целый ряд художественных произведений на немецком языке. В начале под псевдонимом Андрея Русинова появились две художественно-документальные книги, которые однозначно можно отнести к прозе воспоминаний: *Die große Täuschung* («Великий обман») (RUSSINOW 1936) и *Auf der Suche nach Russland* («В поисках России») (RUSSINOW 1937). В этих книгах писатель-эмигрант представил жизнь Советской России 20-х — 30-х гг. с позиций человека, которому была чужда новая советская жизнь и который явно испытывает ностальгию по патриархальной, царской России, хотя и не верит в возрождение былой страны. Об этом свидетельствуют как многочисленные пассажи обеих книг, так и выбранные подзаголовки произведений. В подзаголовке первой книги речь идет о «записках из Советской России, ускользнувших от ГПУ» (*Aufzeichnung aus Sowjetrussland, die der G.P.U. entgangen sind*), то есть описывается то, о чем НКВД запрещал рассказывать, а тем более писать. В подзаголовке второй книги Советская Россия противопоставляется настоящей, истинной России (*Sowjetrussland und das wahre Russland*).

Описывая во второй книге свои многочисленные путешествия по северу Советской России, а затем по Волге и даже по Сибири до Владивостока, а также более подробно свою жизнь на Архангельском Севере, в том числе во время тюремного заключения по подозрению НКВД в «контрреволюционной деятельности», автор прослеживает судьбу всего русского народа в послереволюционные годы. Автор откровенно признается в негативной

оценке событий 1920-х — 1930-х гг., происходивших в стране советов: насильственной коллективизации, репрессий и гонений, индустриализации, разорения церквей и монастырей, преследования верующих.

Приведем далее некоторые факты, которые позволяют понять, как относились в Германии к немецкоязычной прозе Гагарина, который писал как под псевдонимом Андрея Русинова, так и под своим собственным именем. Герман Александр фон Кайзерлинг, немецкий философ и писатель (1880-1946), выходец из Ливонии, организовал в 1920 г. при поддержке бывшего великого герцога Эрнста Людвиг в Дармштадте «Школу мудрости». В творческом наследии этой школы можно обнаружить отзыв Кайзерлинга о книге Андрея Русинова *Die große Täuschung*. В книжном обозрении под номером 26 от 1937 г. можно найти следующую характеристику вышеупомянутой книги:

«Наконец-то появилась книга о России, которая правдиво описывает самую ужасную и ставшую уже известной всем сторону русской трагедии (...). В книге речь идет о людях, сосланных на побережье Северного Ледовитого океана, приговоренных в результате обвинений ГПУ к принудительным работам, которые лишь в редких случаях избегали ужасной смерти. Все суровее и хладнокровнее становящийся мир только удивляется тому, каких пионерских высот можно добиться благодаря новым принудительным мерам. Например, канал, соединяющий Балтийское и Белое моря, действительно, является выдающимся достижением. (...) Рекомендую прочитать книгу Русинова и представить себе изображаемое. Описания автора отрезвляюще спокойны, в них явно не хватает красок. Акцент делается весьма характерно на духовно прекрасном, а также на том, где заканчивается человечность и отрицается душа, так что в итоге можно наблюдать, как из большой нищеты зарождается нечто новое, более высокое» (перевод мой — А. П.) (KEYSERLING 1936).

Понятно, в каком идеологическом ключе Кайзерлинг рассматривает изображаемые в книге *Die große Täuschung* события времен становления советской власти. В Германии периода коричневой чумы все советское и не могло восприниматься иначе. Возьмем, к

примеру, еще одну рецензию на книгу *Die große Täuschung*, обнаруженную в приложении к книге Гагарина *Auf der Suche nach Russland*:

«Эта книга о Советской России написана русским, который долгое время работал на различных должностях в советско-российских службах и много видел того, что «человеку лучше не видеть».

Студент Ленинградского университета в связи со сфабрикованным против него делом об убийстве посла Советской России был отчислен из университета и выслан на Крайний Север, в Архангельск. После различных видов деятельности в качестве топографа он был арестован и заключен под стражу в одну из тюрем ГПУ. Из этой тюрьмы ему каким-то чудом удалось бежать, он оказался на долгожданной свободе. Однако автор лишь в общих чертах говорит обо всем этом, он отказывается от детального изображения «интересной» биографии, причем его собственное «я» спрятано за происходящими действиями. Именно это и придает произведению уникальность, повышает силу его воздействия и показывает правдивость историй в любом из крохотных эпизодов, которые кажутся весьма небрежно набросанными» (перевод мой — А. П.) (RUSSINOW 1937).

Все это показывает, с какой целью были написаны обе выше-названные книги Гагарина, рассчитанные на рядового немецкого бюргера эпохи национал-социализма. В произведениях художественно-документального характера Гагарина описываются раскулачивание, коллективизация, индустриализация, гонения и репрессии, воинствующий атеизм и многие другие явления послереволюционной жизни Советской России. В то же время в обеих книгах явно чувствуется дух эмигрантского патриотизма: стремление возвысить все то, что было характерно для дореволюционной России, любовь к природе и семье, сострадание к людям, пострадавшим от революционных событий и большевистского строя, безграничная вера в Бога и в вечную жизнь.

На эмигрантское начало художественно-документальных произведений Гагарина говорит тот факт, что в своих книгах ав-

тор-повествователь в лице главного героя Андрея Русинова открыто рассуждает о проблемах Советской России как человек, относящийся к русской эмиграции. В книге *Die Suche nach Russland* сам главный герой Андрей Русинов рассказывает о том, что, оказавшись за границей в эмигрантской среде, он обнаружил отсутствие единства в рядах эмигрантов. Сообщается о том, что бывшие белогвардейцы много пьют и говорят о своей любви к родине, на самом деле «разочаровавшись в идее спасения России». Далее рассказывается о том, что политические взгляды эмигрантов расходятся настолько, что, условно говоря, «три разных эмигранта могут представлять три различные партии». Уставшее от всего и опустившее руки старшее поколение эмигрантов, по словам Андрея Русинова, ничему не научившись и ничего не забывая, живет только своими воспоминаниями, с печалью и тоской думает о потерянных владениях и титулах и втайне надеется на материальную компенсацию. Более молодое поколение, со слов Русинова, полно стараний в своей эмигрантской деятельности, но не имеет ни малейшего представления о реальной действительности на далекой и незнакомой им родине, но тем не менее попадает под влияние процветающих на этой почве политических демагогов, которые основывают все новые партии, объявляя себя будущими спасителями России, на самом же деле таковыми не являясь и стараясь в различных организациях соответствующего характера опорочить своих противников. Как следует из рассуждений автора-повествователя, главный герой не верил в то, что Россию могут спасти эмигранты. По его глубокому убеждению, которое являлось, на наш взгляд, абсолютно ошибочным, якобы уже на тот момент в самой России появилось новое поколение, которое желало коренных изменений, но не планировало при этом реставрации разрушенного (RUSSINOW 1937: 196).

Важным, на наш взгляд, является обнаруженное во время

научно-поисковой работы по проекту РФФИ³ упоминание об опубликовании прозы Гагарина как одного из видных русских писателей в эмигрантском литературно-художественном журнале «Возрождение», издававшемся в Париже после завершения выхода предшествующей одноименной газеты, начиная с 1949 г. (ПЕТРОВА 2000: 524). Это говорит, на наш взгляд, в пользу признания творчества Гагарина как соответствующего идейным принципам вдохновителей вышеупомянутого журнала.

«Основной идейной направленности “либеральному консерватизму”, выдвинутому первоначально П. Б. Струве, — газета и журнал оставались верными до конца, а основными девизами редакции издания были “Величие и свобода России”, “Достоинства и права человека”, “Ценность культуры”» (ibid.).

В энциклопедическом справочнике *Литературное Зарубежье России* среди прочих сведений, некоторые из которых вовсе не соответствуют действительности, можно найти весьма интригующее и важное для понимания идейно-политической подоплеки художественно-документальных произведений Гагарина сведение о том, что писатель являлся членом мюнхенской группы «Союза борьбы за свободу России» (ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬ РОССИИ 2006: 194).

Следует признать, что создавались немецкоязычные произведения Гагарина в Германии в условиях национал-социалистической диктатуры. Дискриминация в контексте коричневой идеологии и наблюдаемая тогда «регрессия под влиянием национал-социалистической диктатуры в 1933-1945 гг.» (ЛЕМАН 2018: 236), несомненно, повлияли на творчество Гагарина. Изучение специальной научной литературы, посвященной русской эмиграции в Германии

³ Исследование проводилось в рамках научно-поискового проекта при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Архангельской области в рамках научного проекта № 17-14-29002 по региональному конкурсу «Русский Север: история, современность, перспективы» в 2017-2018 гг.

в период до 1945 г., показывает явное воздействие национал-социалистического режима на литературное творчество тех писателей, которые оставались в этой стране⁴.

Какие высказывания и пассажи в немецкоязычных книгах Гагарина могут свидетельствовать о влиянии национал-социализма? В книге *Auf der Suche nach Russland* автор-повествователь рассказывает о том, что крестьяне, видевшие в 1930-е гг. летающие аппараты или самолеты в небе на севере России, якобы надеялись на возвращение интервентов, и русский народ верил, что скоро начнется война, которая может принести «освобождение от большевиков». Разве можно согласиться с позицией автора в лице Русинова, что русский народ тогда стремился получить оружие и участвовать в войне, чтобы в итоге получить помощь извне? Андрей Русинов пишет, сам содрогаясь от своих мыслей:

Das russische Volk wartet auf einen Krieg! Das ist furchtbar, aber dennoch wahr! Ist diese schreckliche Hoffnung allein kennzeichnend für den Zustand, in den das Land und das Volk gebracht worden sind? Das Volk sehnt sich nach einem Kriege, um Waffen zu bekommen, und dann glaubt es ganz naiv an eine Hilfe von außen. — (...) Der Glaube an eine edle „brüderliche“ Hilfe von außen, an einen Kreuzzug gegen den Bolschewismus, zeigt aber, daß der russische Bauer ein allzu großer Idealist ist. Die Politik der Staaten ist größtenteils prinzipienlos und kurzsichtig (RUSSINOW 1937: 56).

Интересно заметить, что в таких высказываниях сам Русинов не одобряет так называемую «веру русского народа в поддержку извне и в освобождение России от большевиков с помощью других стран». А в другой своей книге *Die große Täuschung*, которую можно считать первой частью дилогии⁵, Русинов еще более убеж-

⁴ Ср., например, свидетельства, представленные в (BAUR 1998).

⁵ Два художественно-документальных произведения Русинова *Die große Täuschung* и *Die Suche nach Russland*, действительно, соединены друг с другом общностью основного сюжета, действующими лицами, в них один и тот же главный герой — Андрей Русинов. Второе произведение

денно говорит в связи с упоминанием аналогичной ситуации с появившимися в небе самолетами о том, что надеяться русскому мужику на освобождение извне было бы наивно и странно. При этом он сам отвергает такие мысли, подозревая себя даже в лояльности большевикам.

Если взять научные труды отечественных литературоведов, которые занимались или занимаются изучением творчеством Гагарина, то в них, в первую очередь, подчеркивается любовь писателя-эмигранта к России, его забота о судьбе народа, отмечается отражение в литературном творчестве писателя революционных и послереволюционных событий, особое место отводится рассмотрению эсхатологических и апокалипсических мотивов в прозе Гагарина. Так, Е. Ш. Галимова и М. В. Никитина отмечают, что лейтмотивным во всех рассказах и повестях Гагарина можно считать

«не просто контрастное сопоставление, столкновение картин жизни России дореволюционной и большевистской, но невозможность, мучительная для повествователя и близких ему героев, осмыслить произошедшую катастрофу, невозможность до конца поверить, что весь привычный, родной мир исчез, разрушен

развивает и подробнее описывает целый ряд тем и действий, о которых говорилось в первой книге. Автор-повествователь второй книги постоянно делает ссылки на первое произведение. Ср.: «Einen Friedhof werde ich nie vergessen, den ich bereits in meinem Buch „Die große Täuschung“ erwähnt habe» (RUSSINOW 1937: 148); «Wie der Bischof T., den ich in dem Buche „Die große Täuschung“ beschrieben habe, einmal sagte (...)» (ibid.: 175); «Und ich sah wieder vor mir die unendlichen Reihen der russischen Geistlichen durch die Eiswüste in die Verbannung ziehen, sah den ermatteten Erzbischof Antonius und viele andere, die ich in meinem Buch „Die große Täuschung“ genannt habe» (ibid.: 210). Именно в последней главе второго произведения дилогии, имеющей название *Die letzte Fahrt*, подробно рассказывается о тайном побеге Андрея Русинова за границу через Дальний Восток в Китай. В первой книге автор лишь сообщает, что ему удалось пробраться за рубеж, но он интригующе умалчивает о том, каким образом он это сделал, говоря о том, что это заслуживает «написания отдельного приключенческого романа».

навсегда» (ГАЛИМОВА, НИКИТИНА 2017: 76).

Они отмечают также и то, что

«невозможность понять и поверить, вызывающая предельное напряжение душевных сил, порождает ощущение ирреальности, абсурдности происходящего» (ibid.)

Вполне обоснованным представляется наблюдение литературоведов, согласно которому в прозе Гагарина «балансирование героя на грани между реальным, но исчезнувшим прошлым и ирреальным настоящим делает его существование зыбким, призрачным», а «жизнь, утратившая свои основы», словно обретает «некую иную, inferнальную сущность» (ibid.).

Д. А. Разин, занимавшийся изучением художественного мира Гагарина на основе русскоязычных произведений автора, следующим образом охарактеризовал смысловую основу художественного творчества писателя:

«Образ родной земли, судьба России и русского народа, размышление над трагическими переменами в жизни Родины — вот смысловая основа, каркас всех произведений Евгения Гагарина. Россия становится главным героем каждого рассказа, повести или романа писателя. Сам писатель принадлежал к «старой» России, а в 30-е годы повторил судьбу многих соотечественников, став эмигрантом. Именно на этих фактах основывается один из важнейших конфликтов прозы Гагарина — конфликт между старой и новой Россией. Герои прозы Гагарина живут в послереволюционной стране, но их мысли и чаяния устремлены в прошлое. Трагедия разрушения патриархальной России, мотив насильственной смены исконно русского уклада жизни красной нитью проходит через страницы прозы Гагарина» (РАЗИН: электронный ресурс).

Следует отметить, что помимо двух вышеупомянутых книг художественно-документального характера, которые можно отнести к эмигрантской литературе освидетельствования, можно также назвать и некоторые другие немецкоязычные произведения Гагарина, а именно повести, рассказы и новеллы, объединенные в специальные сборники и отдельные издания. В 1937 г. в Мюнхенском издательстве «Kösel-Pustet» вышел сборник повестей

Гагарина на немецком языке под реальным именем автора, правда, в немецкоязычном варианте написания его имени (Eugen Gagarin) *Die Gewesenen. Russische Schicksale* («Бывшие. Судьбы русских») (GAGARIN 1937). В этот сборник вошли четыре рассказа Гагарина *Die alte Hofdame* («Старая фрейлина»), *Ophelia in Moskau* («Офелия в Москве»), *Weiße Nächte* («Белые ночи») и *Die letzte Fahrt* («Последнее стойбище»). В 1939 г. в том же издательстве в сборнике под названием *Der verwehte Weg: Novellen* («Занесенный путь: новеллы») были опубликованы немецкоязычные новеллы Гагарина (GAGARIN 1939). В рецензии на этот сборник новелл, написанной Райнхольдом Шнайдером в Германии в 1939 г. и фрагментарно цитируемой в монографии *Die Weissen Blätter* Марии Теодоры фон Боттленберг-Ландсберг, содержатся положительные слова в адрес Гагарина как «русского» писателя. Автор рецензии считает, что Гагарин является вполне зрелым повествователем, который призван продолжить традицию русского искусства, как по приобретенному опыту и глубине веры, так и по используемым изобразительным средствам. По мнению Шнайдера, русское искусство разделяло ужасную судьбу народа и его страдания, а также отсутствие возможности выразить надежду (BOTTLENBERG-LANDSBERG 2012: 100).

После войны в Мюнхене в издательстве «Ehgenwirt» на немецком языке была опубликована повесть Гагарина *Die letzte Weihnachtsreise* (GAGARIN 1946). Ограничимся здесь лишь упоминанием того факта, что эта повесть появилась у автора-эмигранта первоначально на немецком языке, а лишь затем — на русском. В 1948 г. был опубликован роман Гагарина *Rückkehr des Kornetts* («Возвращение корнета») (GAGARIN 1948). Главным героем романа является Подберезкин, русский эмигрант, корнет, проходивший в годы Второй мировой войны службу в немецкой армии в качестве переводчика штаба, который прибыл вместе с немецкими войсками в Советский Союз. Ключевым мотивом в этом романе является мотив пути. С одной стороны, прослеживается путь становления

души героя, а с другой стороны, описывается путь поиска желанной России (РАЗИН 2008: 15).

Перечислив основные немецкоязычные произведения Гагарина, скажем, что в довоенное время Гагарин не сразу оказался в списке известных писателей-эмигрантов. Следует отметить, что изданные в тридцатых годах в Германии произведения Гагарина многократно переиздавались в стране эмиграции в 40-е гг., так что уже к началу 1948 г. русского по происхождению автора в немецких литературных кругах относили к широко известным писателям Германии. Об этом свидетельствует, например, официальное обращение епископа евангелической церкви земли Вюртенберг Теофила Вурма к писателям Германии по поводу планировавшегося съезда писателей страны, который должен был состояться с 8 по 15 июля 1948 г. в одном из санаториев г. Бад Болль и который в итоге все же не состоялся. В документе под названием *An die Dichter in Deutschland* («Обращение к писателям Германии»), который был обнаружен в архиве муниципалитета Бад Балль и являлся ничем иным как приглашением к участию в съезде писателей (*Einladungsschreiben*), среди прочего сообщалось о том, что в список приглашенных на съезд писателей входил 51 человек, и, что для нас особенно важно, в их число было включен Гагарин. Все приглашенные писатели характеризуются в указанном документе как авторы достаточно известные. Данная информация была получена благодаря статье немецкого писателя и евангелического пастора Райнхольда Аара, появившейся в сети Интернет в 2017 г. (АНР 2017: 8).

Важно отметить, что в немецкоязычных произведениях писателей-эмигрантов, выходцев из Советской России, опубликованных в первой половине XX в., можно обнаружить специфические формы повествования, которые, несомненно, повлияли на постоянно расширяющееся немецкое литературное пространство и смогли внести свой вклад в понимание двух важных составляющих культурной идентификации «Своего» и «Чужого» в немецкоязычной эмигрантской прозе.

2. Документализм и документальность немецкоязычных романов Гагарина

В книге Н. С. Арсеньева, изданной в переводе с французского языка на немецкий под названием *Die russische Frömmigkeit*⁶, можно найти указание на то, что обе книги Гагарина, написанные под псевдонимом Андрея Русинова, основываются на «личных воспоминаниях особой значимости» (ARSENIEW 1964: 8). В другой книге Арсеньева, вышедшей в Германии в 1966 г. под названием *Die geistigen Schicksale des russischen Volkes* («Духовные судьбы русского народа»), говорится о том, что книги Гагарина, пишущего под псевдонимом, восходят к пережитому опыту и описывают не только христианские образы женщин, но и «целый ряд больших почитателей веры из различных сословий и профессий во времена «большевистских» преследований за веру» (перевод мой — А. П.) (ibid.: 97). Тем самым подтверждаются документализм и документальность созданных писателем-эмигрантом текстов, которые как таковые установить и определить на примере книг Гагарина совсем не сложно.

Документализм будем рассматривать, вслед за Я. И. Явчуновским, как

«область художественного творчества, в пределах которой авторы с помощью реальных свидетельств стремятся выразить правду о времени и человеке» (ЯВЧУНОВСКИЙ 1974: 22).

Следует согласиться с тем, что реальные факты и события, упоминаемые в художественно-документальных книгах Гагарина, действительно, «составляют не только первооснову и скрытый подтекст (прототипику) (...) произведений, но и организуют их целостную структуру» (ibid.: 22).

В обеих книгах Гагарина мы наблюдаем, как предметы, явления, события реального мира (исторические события, лица, время, пространство и др.) «становятся объектами прямой референции», а

⁶ В переводе на русский язык это название могло бы звучать как «Русская набожность» или «Русская святость жизни».

посредством «различных стратегий автор стремится подчеркнуть эту связь с реальным миром, читатель должен ощутить ее, иначе теряется смысл его прочтения» (ДРОНОВА 2015: 226).

Необходимо согласиться с тем, что документализм проявляется в немецкоязычных романах Гагарина, написанных под псевдонимом Андрея Русинова, вследствие желания засвидетельствовать реально существовавшие факты и события и представляет собой ничто иное как изображение фактического материала в трансформированном литературном виде для достижения определенных художественных целей, которые, в свою очередь, зависят от мировоззрения и взглядов автора, его эстетических идеалов, творческих пристрастий и замыслов. Проявлением документализма можно считать среди прочего подлинность, точность и конкретность в передаче фактов, иначе говоря, фактическую достоверность, которая может доминировать над художественными критериями.

Приведем далее наиболее очевидные примеры из книги Гагарина *Die große Täuschung*, подтверждающие наличие черт документализма.

Одним из важных персонажей книги Гагарина *Die große Täuschung* является архиепископ Антоний (Erzbischof Antonios), резиденция которого располагалась в Архангельске. В книге весьма подробно описывается жизненный путь архиепископа Антония и его богослужebная деятельность. Говорится о том, что он был сыном бедного деревенского священнослужителя и после окончания духовной семинарии стал сельским священником, женился, но после того, как потерял жену, стал монашествующим человеком. Сообщается, что перед революцией Антоний являлся архимандритом монастыря в Вологде, а затем его назначили викарием Вологодской епархии. После ссылки в Сибирь и возвращения в 1923 г. в родные места он был рукоположен в сан архиепископа Архангельского.

Чтобы можно было перепроверить эти сведения из жизни и деяний св. Антония (в миру Николая Михайловича Быстрова), содержащиеся в книге Гагарина *Die große Täuschung*, целесообразно

обратиться к информации, приводимой на Интернет-сайте «Православный церковный календарь». Там говорится о том, что архиепископ Антоний родился 11 октября 1858 г. в селе Ньюба Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Далее приводятся основные сведения о нем:

«Будущий архипастырь окончил Вологодскую Духовную семинарию. Женился. В 1882 году был рукоположен во священника. Овдовев, отец Николай в 1888 году принял монашеский постриг с именем Антоний, и дальнейшее его служение Богу продолжалось в монастырях Вологодской епархии. 17 января 1910 года была совершена его хиротония во епископа Вельского, викария Вологодской епархии» (СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНТОНИЙ: электронный ресурс).

В официальных церковных источниках сообщается также, что в марте 1921 г. Антоний был рукоположен в сан епископа Архангельского и Холмогорского. Сщмч. Антоний как мог помогал страдающим от репрессий людям, в том числе пострадавшим от гонений и репрессий священнослужителям и монашествующим как продуктами, так и деньгами, в результате чего был взят под наблюдение ОГПУ. Его квартира стала местом, где ссыльное духовенство смогло получать моральную поддержку, деньги, продукты, одежду. Сообщается, что 7 октября 1926 г. епископа Антония снова арестовали, обвинив в контрреволюционных действиях, но затем в феврале того же года, выпустили из тюрьмы по решению ОГПУ. В 1921 г. он был рукоположен в сан Архангельского архиепископа, и стал управляющим епархиями всего Северного края. Его арестовали 23 января 1931 г., а скончался он 16 июля того же года после того, как плохое питание и вопиющая антисанитария подорвали его ослабленное здоровье (ibid.).

Судьба архиепископа Антония прослеживается на протяжении всей книги *Die große Täuschung*, включая арест и нечеловеческие условия его содержания в тюрьме ГПУ:

Der Gedanke an Erzbischof Antonios verläßt mich den ganzen Tag nicht. Er ist fünfundsiebzig Jahre alt, altersschwach und elend, hat schon eine Verhaftung und dreijährige Verbannung nach Sibirien durchgemacht. Wenn die neue Gefangenschaft lange dauert, wird er sie nicht aushalten.

Außerdem foltert man jetzt in der G.P.U. ohne Rücksicht auf das Alter. Der Greis wird die Qualen nicht ertragen, er hat weder den rasenden Fanatismus der Märtyrer noch die körperlichen Kräfte dazu, er ist zutraulich und offenherzlich (RUSSINOW 1936: 221).

В вышеприведенном фрагменте текста автор выражает сострадание к предстоятелю Архангельской епархии, характеризует его как добросердечного и надежного человека, который в силу своего возраста не сможет вынести издевательств в тюрьме.

В книге подробно описывается содержание архиепископа Антония в тюрьме ОГПУ. Последние дни умирающего архипастыря представлены в мельчайших подробностях:

Der Erzbischof war nun schon so schwach geworden, daß er sich nicht mehr auf das Bett zu legen vermochte; und er lag auf dem Fußboden. Er aß kaum noch etwas, doch litt er furchtbar an Durst und niemand von den anderen besaß die Willenskraft, ihm eine Wasserportion abzugeben. Würmer wühlten in seinem Bart, krochen ihm in den Mund, Nase und Ohren, bis sie einer von den anderen Gefangenen herauszog. Manchmal verlor er das Bewußtsein, manchmal schrie er auf, sonst flüsterte er Gebete. Die Tage schleppten sich dahin, ohne daß eine Veränderung eintrat. Morgens öffnete sich die Tür. Dann ward Brot ausgeteilt. Eines Tages brachte man einen verbannten Bischof T. in die Zelle. Ihm beichtete der sterbende Erzbischof Antonios und empfing die Absolution. (...) Bald erkrankte er noch an der Ruhr. Er hatte große Blutverluste, man ließ ihn aber immer noch in der Zelle. Er fieberte stark und war so geschwächt, daß er sich kaum mehr bewegen konnte (RUSSINOW 1936: 228-229).

Гагарин стремился посредством документальности изображения показать всю суровость гонений и репрессий по отношению к представителям духовенства, очевидность мучений священнослужителей. Документализм в изображении образа архиепископа Антония, его церковной деятельности и физических страданий во время содержания в тюрьме полностью подтверждается. Даже безымянное придание его тела земле сотрудниками ОГПУ, а затем перезахоронение духовенством, описываемое в книге Гагарина, находит документальное подтверждение в

обнаруженном на сайте Виртуального музея православной церкви описании жизни и деятельности св. Антония:

«Тюремная камера стала последним пристанищем архиепископа Антония (Быстрова). Тело было предано земле на Вологодском кладбище. Спустя некоторое время Владыка был перезахоронен на Ильинском кладбище. Как свидетельствовала народная молва, со всеми почестями, какие смогли оказать в ту тяжкую годину любимому архипастырю» (АРХИЕПИСКОП АРХАНГЕЛЬСКИЙ АНТОНИЙ: электронный ресурс).

Очень важным для сохранения памяти об архиепископе Архангельском Антонии, для осознания твердости его веры, является, на наш взгляд, тот факт, что 26 декабря 2016 г. он был канонизирован Священным синодом Русской православной церкви в сонме новомучеников Российских (ibid.).

Документальное подтверждение фактам жизни и деятельности многих других персоналий обнаруживается в книге *Die große Täuschung* при описании советской действительности. Так, в этом произведении отражена судьба историка и археолога Юстина Михайловича Сибирцева, который, по замыслу автора, возглавлял отдел рукописей Архангельской городской библиотеки, спасал как мог историческое и архивное наследие Архангельского Севера, и с которым имел возможность часто общаться главный герой произведения Андрей Русинов:

Ein gebrechlicher Alter namens Sibirzew, der hier als Chef der Handschriftenabteilung angestellt ist, ein gelehrter Archäologe und Historiker, bringt mir verstaubte Folianten. Zuerst verhielt er sich mißtrauisch mir gegenüber, aber später hatte er mich liebgewonnen wegen meiner Leidenschaft für seltene Bücher, Urkunden und das Altertum. „Die Jugend liebt die Wissenschaft heutzutage nicht“, seufzt er, „sie ehrt nicht das Altertum. Sie liest nur Broschuren und Zeitungen. Ist das eine Wissenschaft? (RUSSINOW 1936: 59).

В вышеупомянутой книге Гагарина можно найти многочисленные положительные отзывы об этом человеке. Так, один из персонажей произведения, начальник Архангельского городского архива Соколов характеризует Юстина Михайловича Сибирцева

как большого знатока и ценителя литературы, которого удалили из состава сотрудников библиотеки, заменив на юного коммуниста, который вовсе не разбирался в вопросах литературы.

Нам удалось установить реальную личность персонажа книги Сибирцева. Речь здесь идет об известном архангельском ученом-историке, археографе и палеографе Иустине (Юстине) Михайловиче Сибирцеве (1853-1932), который впоследствии стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. Сибирцев родился 9 июня 1853 г. в Архангельске, в 1877 г. окончил историческое отделение Санкт-Петербургской духовной академии, затем преподавал латинский, греческий и немецкий языки в Архангельской духовной семинарии. Приведем далее некоторые важные сведения о научных трудах ученого, собранные историком-архивистом В. А. Волинской и опубликованные на региональном Интернет-сайте «Архангельский некрополь»:

«Большой науке Сибирцев известен тем, что подготовил к изданию и опубликовал ценнейшие документы — двинские грамоты (совместно с академиком А. А. Шахматовым), а также «Акты Лодомской церкви...» XVI-XVIII веков, написал более 20 научных трудов, в которых главное внимание уделил истории и культуре Русского Севера, в частности, Архангельска и Холмогор. (...) После ликвидации церковно-археологического комитета в 1921 г. И. М. Сибирцев был принят сотрудником Дома книги имени М. В. Ломоносова по отделу рукописных и старопечатных книг, а вскоре назначен хранителем музея древнерусского искусства и быта, то есть — хранителем того, что им было собрано и изучено. Но уже в июле 1925 г. он написал заявление об освобождении от должности «по преклонности лет, ослаблению зрения и другим неблагоприятным обстоятельствам». 14 января 1928 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Стал первым архангельским ученым, удостоенным этого высокого звания. Скончался 6 ноября 1932 г. Похоронен в Архангельске на Ильинском кладбище» (СИБИРЦЕВ ИУСТИН МИХАЙЛОВИЧ: электронный ресурс).

Лишь некоторые сведения из приведенной выше биографии Сибирцева чуть-чуть изменены в немецкоязычном произведении

Гагарина. Сибирцев является на страницах книги начальником отдела рукописей библиотеки, а не дома книги имени М. В. Ломоносова или хранителем вышеупомянутого музея.

Документализм в книге *Die große Täuschung* прослеживается в изображении не только положительных героев, которым сочувствует автор, но и отрицательных персонажей. Так, в одном из вплетенных в общую канву повествования рассказов о бесчинствах, происходивших в лагере особого назначения в Холмогорах, где мученической смертью погибли десятки тысяч людей (бывших белогвардейцев, священнослужителей, людей дворянского происхождения, ссыльных), можно найти упоминание коменданта этого самого кровавого лагеря Советской России, литовца Бачулиса. В описании событий соответствующих событий в романе Гагарина сообщается о женщине, которая искала своего любимого в этом «лагере смерти»:

Das Straflager war damals schon eingerichtet, die Nonnen waren aus dem Kloster vertrieben und täglich brachte man Gruppen von Offizieren dorthin. Ich ging nach Cholmogory. Ob, nicht ich allein! Tausende von Frauen, Müttern, Schwestern gingen dahin, die ihre Angehörigen suchten. Man ließ uns nicht einmal an die Klostermauern herankommen — ich fühlte, daß er dort war, wir fühlten alle, daß sie dort waren, die wir suchten, und man erlaubte uns nicht, sie vor dem Tode zu sehen. Der Kommandant des Lagers, ein Lette, hieß Baschulis. Wie kann nur die Erde solche Menschen dulden? ... Nein! Das war kein Mensch! ... (RUSSINOW 1936: 48).

На сайте виртуального музея Новомучеников и исповедников Земли Архангельской, на стенде под названием «Архангельский, Холмогорский и Пертоминский концентрационные лагеря» было найдено документальное подтверждение того, что Бачулис, комендант Холмогорского лагеря особого назначения, действительно, был очень жесток. Приведем пассаж текста из вышеназванного Интернет-источника, который со ссылкой на другие документальные источники свидетельствует об этом:

«Лагерь дислоцировался в южной части Холмогор на территории

Успенского женского монастыря и соборного комплекса, отделение — в бывшем монастырском скиту в деревне Товра. Комендантом лагеря «для пользы службы» назначен 20 июня 1921 г. сотрудник 1-го разряда секретно-оперативного отдела Архгубчека Бачулис. Об этом коменданте С. Мельгунов пишет со слов человека, который (когда слухи о «лагере смерти» дошли до Москвы) специально ездил на далекий Север, чтобы выяснить, как помочь несчастным людям: «В бытность комендантом Бачулиса, человека крайне жестокого, немало людей было расстреляно за ничтожнейшие провинности. Про него рассказывают жуткие вещи. Говорят, будто он разделял заключенных на десятки и за провинность одного наказывал весь десяток»» (АРХАНГЕЛЬСКИЙ, ХОЛМОГОРСКИЙ И ПЕРТОМИНСКИЙ КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ: электронный ресурс).

С понятием документализма связан еще один важный для рассмотрения немецкоязычных произведений Гагарина термин — документальность. Документальность, в отличие от документализма, следует рассматривать в качестве основы для творческого отображения реальных событий в книгах Гагарина и создания художественных образов. Несмотря на то, что многие реальные события и факты присутствуют в произведениях Гагарина в почти неизменном виде, они используются им в том числе и в художественных целях. Благодаря документальным данным изображению имевших место событий придается большая достоверность, так что документальность повествования способствует правдивому представлению действительности (воссозданию реально существующих лиц, времени и места происходящего), помогает читателю глубже проникнуть в смысл произведения, а на языковом уровне придает повествованию документальные черты, что создает впечатление правдивости и убедительности.

Документальность повествования прослеживается в книгах Гагарина *Die große Täuschung* и *Auf der Suche nach Russland*, например, во многочисленных упоминаниях сестер Н., данные из которых во многом совпадают с биографическими данными сестер Арсенье-

вых, Верой (женой Гагарина) и ее сестрой Анной, а также их матери Екатерины Васильевны Арсеньевой (Шеншиной). Есть предположение, что сам Гагарин также является прообразом одного из героев обоих романов. Автор книги (Русинов) называет его всегда «der junge G.» («юный Г.») Почему Гагарин представляет в рассматриваемой книге события, происходящие в советской России, не со своей собственной позиции, а как бы наблюдает себя в романе со стороны? Видимо, для того, чтобы придать документальному изображению страны советов большую убедительность, а с другой стороны, чтобы обезопасить себя.

Известно, что сестры Арсеньевы после отбывания длительного срока в Соловецком лагере были отправлены в Архангельск на шесть лет в ссылку. А их мать отправилась туда вслед за ними. Отец, Сергей Васильевич Арсеньев, был аристократического происхождения, являлся дипломатом, послом российского царя в целом ряде стран. Из книги Николая Сергеевича Арсеньева *Дары и встречи жизненного пути* мы узнаём, что семья Арсеньевых благодаря дипломатической деятельности отца долгое время провела за границей (АРСЕНЬЕВ 1974). Анна Сергеевна Арсеньева, младшая из сестер, была первый раз арестована в Москве и в связи с обвинением в «контрреволюционной агитации» приговорена как и ее старшая сестра Вера к двум годам пребывания в лагерях особого назначения. В течение пяти лет обе сестры отбывали указанный срок в Соловецких лагерях особого назначения (СЛООН), а затем были сосланы в Архангельск до 1931 г., но и там многократно вызывались на допросы в органы Главного политического управления (ГПУ). После освобождения сестры проживали вплоть до 1933 г. в Архангельске. Есть сведения, что Анна являлась прихожанкой Воскресенской церкви в Архангельске. 21 января 1931 г. она была вновь арестована и находилась под стражей до 4 августа того же года, после чего уголовное дело против нее все же было прекращено.

Возвращаясь к рассмотрению документальности в книге Гагарина *Die große Täuschung*, подчеркнем, что описания сестер Н. в

этом произведении становятся весьма важным элементом архитектоники текста. Воспоминания главного героя, связанные с сестрами Н., занимают в произведении, относящемся к мемуарной литературе, едва ли не центральное место.

Судьбу сестер Арсеньевых можно проследить во время их нахождения на севере в лагерях и в ссылке. В своих воспоминаниях о Соловецком лагере особого назначения младшая сестра Н. документально точно воспроизводит гнетущую атмосферу лагеря и подневольную жизнь заключенных. В ее рассказе упоминается о том, что в первые годы существования лагеря в качестве заключенных там содержались в основном офицеры, представители духовенства, дворянства, купечества и их жены, поэтому повсюду были видны аристократические лица с тонкими чертами лица, слышался французский язык. Несмотря на свое благородное дворянское происхождение и аристократизм все заключенные ходили босыми с красными замерзшими от холода руками и были одеты в лохмотья:

In zerlumpten Kleidern, barfuß, mit rotgewordenen Händen — sie stellten ein seltsames Bild dar — die letzten Vertreter der Geschlechter, von denen viele in gerader Linie von dem ersten russischen Fürsten Rürük, aus dem neunten Jahrhundert, abstammten (RUSSINOW 1936: 184).

Особое чувство сострадания и почитания сестры Н. показывают по отношению к представителям духовенства, которых «на Соловках» было очень много и которые подвергались особым мучениям.

Тяжелые чувства вызывают вкладываемые в уста младшей сестры Н. свидетельства полного бесчинства и издевательств младшего лагерного персонала по отношению к заключенным. Характеризуя некоторых следователей и надзирателей как «деградировавших элементов», бывшая узница Соловецкого лагеря особого назначения приводит в качестве примера случаи беззакония, когда «напившийся допьяна следователь идет в морг и

производит там расстрел уже погибших людей», или когда сходящие с ума от многочисленных расстрелов надзиратели беспорядочно стреляли в воздух и вслух разговаривали с умершими, видимо, в силу терзавших их угрызений совести.

В книге *Auf der Suche nach Russland* образы сестер Н., также выступающих в качестве центральных персонажей произведения, приобретают вполне конкретные черты документальности. Главный герой произведения вместе с сестрами Н. путешествует по различным храмам окрестных сел и деревень города Архангельска и даже в более отдаленные места (Николо-Карельский монастырь, скит староверов в лесах близ Куртяево). Их связывает религиозность, любовь к патриархальной России и безграничная вера в русский народ и светлое будущее с возрожденной верой:

Aber wir lieben dich, wir lieben deine unermesslichen Weiten, deine mächtigen Flüsse und Wälder, deine wogenden Steppen, deine alten Städte und Kirchen, deinen Himmel, der nur in Rußland so klar und unendlich blau ist; wir können nicht leben ohne dich, und wir wissen, daß du uns einmal rufen wirst, wie eine Mutter ihre Söhne ruft... (RUSSINOW 1937:10).

Из второй книги Гагарина мы узнаем имена младшей и старшей сестер Н. (Александры и Софьи). Во время совместных путешествий главного героя и сестер Н. проявляется глубина веры сестер (они плакали от звона колоколов, призывающих к службе, знали все религиозные обряды, историю происхождения храмов), аристократизм их манер, в том числе владение языком «высшего общества» в который изящно вплетались французские выражения. Сообщается, что сестры преподавали во время ссылки в Архангельск иностранные языки для представителей государственных органов, работали в клубе для зарубежных моряков. На страницах книги *Auf der Suche nach Russland* подробно рассказывается о том, как проходил обыск, учиненный сотрудниками НКВД в доме у сестер Н. и их матери. При этом присутствовал Андрей Русинов, с точки зрения которого и описывается ситуация с обыском, а также «юный Г.»:

Wir waren also in bester Stimmung und lasen aus einem Buche vor. Plötzlich ertönte ein lautes Klopfen an der Außentür des Hauses. Wir warfen einander erstaunte Blicke zu, mein Herz stockte in Vorahnung, doch hoffte ich noch, es sei ein verspäteter Besuch gekommen. Im Flur war das Getümmel vieler schwerer Füße hörbar. Fräulein Sophie sprang auf. Und dann wurde mit einem mal die Tür rasch aufgerissen, ich erblickte Uniformen, hohe Tuchhelme, blitzende Bajonette, den Ausdruck von Abscheu und Schmerz auf den Gesichtern der Schwestern N. Es war die G.P.U.! Drei Agenten, darunter eine Frau, und drei Rotarmisten standen in der Tür. Mechanisch fuhr ich mit der Hand nach den Taschen, obwohl es meine Regel war, nichts außer Zigaretten, Geld und Taschenuhr bei mir zu tragen; da schrie der Soldat: „Hände hoch!“. Und sofort durchsuchten geschickte Hände meine Taschen. „Sie haben kein Recht,“ versuchte ich zu protestieren, „zeigen Sie mir Ihre Vollmacht.“ „Hier ist meine Vollmacht!“ Mit diesen Worten hob einer der Agenten, ein ausgeprägter Jude, eine Pistole drohend vor mein Gesicht. „Wie heißen Sie? Was machen Sie hier?“ „Ich heiße Russinow“, antwortete ich, und „nehme hier Stunden in der englischen Sprache.“ „Wir sind genügend unterrichtet über Ihre englischen Stunden ... Und wer sind Sie?“ wandte er sich nun an den jungen G. (ibid.: 149).

Представленный отрывок текста демонстрирует, как все присутствующие боятся НКВД. Об этом говорит выбор соответствующей лексики, передающей эмоции и действия героев: wir warfen einander erstaunte Blicke zu (мы удивленно переглянулись); mein Herz stockte in Vorahnung (мое сердце замерло в предчувствии беды); Fräulein Sophie sprang auf (София вскочила); Ausdruck von Abscheu und Schmerz auf den Gesichtern der Schwestern N. (выражение брезгливости и боли на лицах сестер Н.).

Далее в книге повествуется о том, что младшую из сестер Н. по имени Александра, Андрея Русинова и «юного Г.», а также нашедшую приют в семье Н. монахиню проводившие обыск представители ГПУ обязали назавтра явиться в городское отделение ГПУ. Впоследствии Александра, Андрей Русинов и «юный Г.» оказались в заключении. Анну Арсеньеву, прототипа младшей сестры Н., также арестовывали во время ее нахождения в архангельской

ссылке и она небольшой срок находилась в тюрьме. Все это свидетельствует о том, что прообразами данных персонажей, действительно, послужили Арсеньевы.

Из второй книги Гагарина мы узнаем о том, что «юный Г.», как и главный герой обеих книг Андрей Русинов, находился несколько месяцев в тюрьме НКВД, затем обручился со старшей сестрой Н., Софьей и уехал вместе с сестрами и их матерью в Москву для последующего выезда за границу по официальным каналам. Это говорит о том, что под именем «юного Г.» скрывается прообраз самого Гагарина. Однако буквальным подтверждением того факта, что сам Гагарин прошел через тюрьмы ГПУ, мы на сегодняшний день не располагаем.

Из сцены прощания Андрея Русинова с сестрами Н., которые уезжают в Москву на поезде, мы узнаем некоторые подробности о том, каким образом сестрам Арсеньевым и их матери вместе с Гагариным удастся выехать из России.

Нельзя не отметить важность сохранения Гагариным при создании художественно-документальных немецкоязычных текстов русских выражений, свойственных для конкретных ситуаций или обычаев. Так, при передаче пасхальных традиций русского народа автор вначале дословно сохраняет при переводе на немецкий язык структуру и семантику русского пасхального приветствия-приветствия и ответа на него:

Aber alle blieben wach. Um 12 Uhr nachts begann der Bischof die Obermesse zu lesen. Wir hörten zu, auf unseren Plätzen sitzend. Eine fühlbare Spannung war in der Luft.

„*Christus ist auferstanden!*“ rief der Bischof, für einen Augenblick das Lesen unterbrechend.

„*Er ist wahrhaftig auferstanden!*“ antwortete die Zelle (RUSSINOW 1936: 246).

Интересно отметить, что в книге *Die große Täuschung* используется также транслитерация русского пасхального приветствия «*Christos woskresse!*» (ibid.: 249).

В обеих книгах Гагарина можно найти большое количество русских пословиц и поговорок, переведенных на немецкий язык

при создании произведения. Ср., например, включение исконно русской поговорки «Чужая душа — потемки» в текст мини-рассказа о праздновании Рождества во время гражданской войны в период перемирия, прекрасной праздничной атмосфере и о неожиданном предательстве «белогвардейцев», которые перешли на сторону большевиков:

Wer konnte ahnen, wie es endete, — Ja, wahr ist das Sprichwort, *in einer fremden Seele sieht man nicht mehr wie in finsterner Nacht!* (RUSSINOW 1937: 106).

Поскольку значительная часть действия книги *Auf der Suche nach Russland* происходит в тюрьме ГПУ (об этом повествует глава XI «Im Inneren Gefängnis»), а затем и в городской тюрьме (глава X «Im Kriminalgefängnis»), в которых находился главный герой Андрей Русинов, в немецкоязычной книге калькируются или особым образом передаются соответствующие русские пословицы и выражения, которые для немцев звучат, конечно же, довольно странно. Но они поясняются повествователем и удачно интегрируются в нарратив, придавая произведению национальный русский колорит и колорит советской эпохи.

Приведем два примера с русскими поговорками, с помощью которых автор попытался погрузить немецкого читателя в советскую реальность со всеми ее типичными чертами. Создаваемая таким образом форенизация позволяет показать особенности русской национальной культуры и, в частности, русского языка. Русская пословица «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», используемая персонажем книги крестьянином Иваном Кривополеновым, родом из Пинеги, в наставлении к сыну перед смертью приобретает в немецкоязычном тексте Гагарина несколько иной вид ввиду использования лексемы *Bettelstab*, символизирующей попрошайничество, и позволяющей читателю сразу же понять смысл данной пословицы, поскольку суму нищие в Германии не используют. Немецкие попрошайки носят за спиной рюкзак (*Bettelsack*):

Sei nicht betrübt, daß du im Gefängnis bist. Unsere Väter sagten: „*Vor dem Bettelstab und dem Gefängnis ist niemand sicher*“. Einmal wird alles gut

werden in Mütterchen Russland. So sei getrost und vor allem glaube an Gott! (ibid.: 240).

Говоря о документальности повествования, следует обратить особое внимание на изобилие в обоих немецкоязычных книгах Гагарина советизмов, используемых для передачи описываемых событий и реалий советского времени. Советизмами будем считать вербальные единицы, характеризующие исторические реалии, связанные с советской действительностью. К таковым следует относить не только отдельные слова и словосочетания, но и клишированные выражения, а также целые фразы.

Советизмы можно разделить на две большие группы: денотативные и концептуальные. К денотативным советизмам будем относить советизмы, передающие советские реалии как «типизированные элементы (явления и события) советской действительности» (ШКРЕДОВА 2014: 14).

Денотативные советизмы довольно активно используются автором для погружения в советскую действительность, так отличавшуюся на тот период времени от западной цивилизации. Многократной и разнотипной номинации подверглись в книгах на немецком языке с учетом его правил:

— наша страна и составляющие ее части: U.d.S.S.R., die Sowjetunion, das Räteland, der Sowjetstaat, Sowjetrepubliken, Sowjetrußland, R.S.F.S.R. и др.;

— советские учреждения и их подразделения, организации, в том числе военные и партийные: der Kolchos, ein Sowchos, die Miliz, Verwaltung des Kolchosen „Der rote Stern“, Gosplan, die kommunistische Zelle des Dorfes, der Samojudenrat, die kommunistische Zelle der Universität, die Säuberungskommission, das Volkskommissariat für Volksaufklärung, Volkskommissariat für Landwirtschaft, die Tscheka, Kreisvollzugsausschuss, die Arbeiterfakultät, Speisehäuser, „rote“ Ecken, Sags (Standesamt), Staatssanatorium, „Coop“-Laden и др.;

— люди, принимавшие активное участие в строительстве социализма и защите его завоеваний: die Aktivisten, die Tschekisten, ein Komsomolez — Komsomolzi (Jungkommunisten), ein Rotarmist,

der Komsomol-Jüngling, Jungkommunist, Rote Armee, die Rote Kavallerie, Hauptuntersuchungsrichter der „KRO“, der Abteilung zur Bekämpfung der Konterrevolution, der Sekretär des Provinzpartei-komitees и др.;

— социально-экономические мероприятия и социально-политические процессы советского времени: der Fünfjahresplan, Industrialisierung, die Generallinie, Kollektivierung des Dorfes, N.Ö.P. — Neue Wirtschaftspolitik, die Privatindustrie und Privathandel erlaubte, der Plan der Ausführung der Erntearbeiten, öffentliche Nahrungsversorgung, Arbeitspensum, Dneprostroj, Kuzneykstroj, Pasporsisation и др.

Вышеназванные группы не исчерпывают все возможности специфических номинаций советского времени, переданных средствами переводящего языка.

Эксплицитно выраженными денотативными советизмами в немецкоязычных книгах Гагарина являются многочисленные композиты с компонентом Sowjet- / -sowjet, не теряющим свой субстантивный статус или все же тяготеющим к аффиксоидности: Dorfsowjet, Sowjetregierung, Sowjetbevölkerung, Sowjetbürger, Sowjetehe, Sowjetbehörde, Sowjetaktivisten, Sowjetpresse, die Sowjetkunst, Sowjethandel, das Sowjet-Salzwerk, Sowjetgeschäft, Sowjetangestellter, Sowjetjugend, Sowjetflotte.

Следует согласиться с тем, что употребление денотативных советизмов в книгах Гагарина, в отличие от концептуальных советизмов, не связано с воздействием на сознание читателей (в нашем случае — немецких), а обусловлено лишь необходимостью сообщить информацию о советском строе и его элементах.

В качестве концептуальных советизмов, используемых в немецкоязычных книгах Гагарина, будем рассматривать единицы, которые характеризуют элементы той или иной идеологической системы и содержат «стереотипные и мифологизированные представления о советской действительности» (ШКРЕДОВА 2014: 13-14).

Реализованные в немецкоязычных произведениях Гагарина

концептуальные советизмы неоднородны по своей идеологической подоплеке. Следует выделить советизмы, соответствующие советской идеологии и работающие на советскую систему, и слова, отражающие советскую реальность, но уже с других позиций, с позиций «идеологического врага» советской системы. Лексемы второго типа можно было бы условно обозначить как «анти-советизмы».

Приведем вначале примеры концептуальных советизмов первого типа, которые использовались в послереволюционной России и Советском Союзе в рамках «классовой борьбы» для обозначения жителей страны, которым предписывались «контрреволюционные» действия. Их в текстах рассматриваемых книг писателя-эмигранта довольно много, так как они помогают передать гонения и репрессии, проводимые большевиками по отношению к большому количеству совершенно невинных людей: Schädling, Lischenez, der Entrechteter, der Feind des Volkes, Volksfeindin, die Ka-Ers (K.-R.), Konterrevolutionäre, Verschwender und Veräußerer des Volksvermögens, sozial nahestehendes Element, sozialfeindliches Element, gewesene Leute, Kulaken, Kulaks, Podkulatchnik (Kulakengehilfe), antisowjetische Elemente, Andersgläubige, Feinde des kommunistischen Vaterlandes, Ihr weißes Gesindel und Gegenrevolutionäre!, Ausbeuter der Arbeiter, Feinde der Kollektivierung, freiwillige Ansiedler, Klassenfeinde, fremde Elemente, Verschickte, Verbannte и др.

Отрицательную оценку содержат также советские обозначения так называемой контрреволюционной («вредительской») деятельности людей, а также деятельности «враждебных» классов: gegenrevolutionäre Tätigkeit, Schädlingstätigkeit, Schädlingsaktionen, Ausbeutung des Arbeiter- und Bauernstandes, Exploitation, das Abbrechen der Kirchen zum Zweck des sozialistischen Aufbaus, Sabotierung des Fünfjahresplanes и др.

Концептуальные советизмы используются в немецкоязычных книгах Гагарина для обозначения различного рода наказа-

ний репрессированных людей и мер, «направленных на укрепление советской власти». В них явно прослеживается идеологическая линия большевиков: *Verschickung ins Lager, Straflager, Zwangslager auf der Solowky-Insel, Requisition, Verbannung, Verstaatlichung der privaten Häuser, „Wespennest“ vernichten, Liquidation der Kulaken, Liquidation des Kulakentums als Klasse, die Säuberung der kommunistischen Partei* и др.

В противоположность тем номинациям, которые содержат отрицательную коннотацию, в текстах писателя-эмигранта можно встретить также изначально положительно заряженные лексемы советского характера, которые в немецкоязычных книгах используются автором в целях сарказма и высмеивания абсурдности идей Советской России и социальных практик, наблюдаемых в ней: *das Rote Fest des grünen Baumes, Kampf gegen Feinde des Kommunismus der Rote Kommandeur, rote Agitatoren, die neue kommunistische Zeit, Polit-Stunden, im Lande des Sozialismus, Stalin — der geliebte Vater des Volkes, das kommunistische Heiligtum, Befreiung der Frau vom Küchenjoch, sozialistische Industrialisierung des Landes, freiwillige Kollektivierung, Stoßarbeit, Stoßbrigade, Stoßtempo, Errungenschaften des Kommunismus, neue «rote» Spezialisten, Udarniki (Arbeiter-Stoß-Trupps), Stoßspezialisten, der sozialistische Aufbau, Großleistungen, Stoßleistungen, Arbeitsleistungen, Schlagarbeit, Stoßtage, sozialistische Sonnabende, Übererfüllung des Arbeitspensums, sozialistischer Wetteifer, Kampf um die Übererfüllung des Planes, Fünfjahresplan in vier Jahren, Sieg des Kommunismus, Sowjetmoral, selige kommunistische Zukunft, die Kalorien der neuen sozialistischen Nahrung.*

К концептуальным советизмам следует относить также переведенные на немецкий язык воззвания советского времени (*Die Religion ist ein Mittel zur Unterdrückung der Arbeitenden! Nieder mit den Popen! Wir fordern die Schließung der Kirchen!*), лозунги советского времени (*Die ganze Macht den Räten!; Es lebe der Bund der Armen und der Mittleren! Tod den Schädlingen!, Nieder mit den*

Faulenzern und Bummlern! Vorwärts im sozialistischen Tempo! Jeder nach seinen Fähigkeiten — jedem nach seinen Bedürfnissen!; Lenin ist tot, aber sein Werk lebt fort!), заголовки советских газет (Stalins Rede über den großen Fünfjahresplan, Anfang eines großartigen industriellen Aufbaus, Die Verwandlung des bäuerlichen Russlands in die industrielle U.d.S.S.R., Aufhebung des Einzelhandels, Sozialistische Aufbau der Landwirtschaft, Die Schrecken des kommunistischen Systems), советские песни, например, «Du bist weit und breit, o, mein Sowjetland!» («Широка страна моя родная!»).

В целях создания документальности описываемых ситуаций автор-повествователь обращается к прагматическому потенциалу обращений-советизмов. Он пытается показать немецкому читателю, каким образом обращались государственные служащие к гражданам. Так, если представитель советской власти чувствовал симпатию к человеку, он обращался к нему *Genosse!* (Товарищ!). Если же гражданин или гражданка относился (относилась) к категории так называемых бывших людей, а то и «контрреволюционеров», то по отношению к ним возможно было лишь одно очень строгое обращение *Bürger / Bürgerin* (гражданин / гражданка).

Таким образом, документализм и документальность немецкоязычных художественно-документальных произведений Гагарина свидетельствуют о том, что автор попытался в них с эмигрантских позиций отразить время потрясений в России, показать судьбы людей, особенно так называемых бывших (дворян, офицеров царской армии, священнослужителей, зажиточных крестьян). Большевики и те, кто присоединились к ним в строительстве новой жизни, изображаются в первых двух книгах писателя как «губители России и ее традиций», создатели новой («рабской») системы.

3. Художественность немецкоязычных произведений Гагарина

Несмотря на явно прослеживаемый мемуарный характер рассматриваемых книг Гагарина нельзя также отрицать их художественность, поскольку она доминирует над документальностью

и документализмом. Можно говорить о наличии определенной идеологической позиции, которую отстаивает автор-повествователь Андрей Русинов и которая, по нашему мнению, во многом не совпадает с позицией самого Гагарина. Можно отметить мастерство автора вышеупомянутых книг в достижении единства формы и содержания. В творчестве Гагарина присутствуют идейность (соотнесенность с той или иной идеологией) и жизненная правда, что делает повествование и характеры произведений, находящиеся на переломе истории, особенно интересными.

Можно сказать, что книга Гагарина *Auf der Suche nach Russland* является гимном северу и его жителям. Информация о севере, его природе и коренных жителях (большой частью зажиточных крестьянах) дается с большой любовью. Во многих пассажах книги встречаем восхищение севером и его природой:

Gegen abend gelangten wir an das Dorf Kechta. Es ist an einem hohen Ufer der Dwina gelegen. „Beinahe wie im Kaukasus“, bemerkte lächelnd mein Gefährte, als wir auf den Berg geklettert waren. Er setzte sich mühsam ins Gras und begann sich mit einem Taschentuch den Schweiß abzuwischen. Unter uns erstreckten sich blühende, duftende Wiesen, Licht und Schatten liefen darüber wie Flammen, in der Ferne leuchtet dampfend der Fluß, und hinter ihm am Horizont dehnten sich, in blauer Dunst gehüllt, die dunklen Umrisse des Waldes. Über ihnen glitzerte, kaum noch bemerkbar, das Kreuz einer Kirche. Es war noch die echte, unberührte, russische Landschaft, und mein Herz erzitterte vor Wehmut und Freude, als wir auf dem Berg saßen, die erhitzten Gesichter dem duftenden Winde zugewandt (RUSSINOW 1937: 15).

В этом отрывке любованию северной природой выражается, прежде всего, в частом использовании положительно коннотированных эпитетов (blühende, duftende Wiesen; die echte, unberührte Landschaft, dem duftenden Winde zugewandt и т. д.), в реализации глаголов, связанных с ярким светом (leuchten, glitzern), а также в метафоре, связанной с ощущением наслаждения и радости (mein Herz erzitterte vor Wehmut und Freude).

Для описания традиций и обычаев северян автор использует

большое количество региональных реалий, которые имеют распространение лишь на северных территориях России. Приведем в качестве примеров два контекста с такими словами-реалиями бытового характера.

Wir kamen nach Tschuchtscherma am 19. Juli, am Vorabend des Elias-Festes. Am nächsten Tag sollte hier eine große Dorffeiер stattfinden. Die Bauern brauten Bier. Dieser Brauch stammte von alten Zeiten her und war noch vor kurzem nur im Norden sehr verbreitet. Das selbstgebraute Bier ist süß, dick und außerordentlich stark, er wurde im Norden „Braga“ genannt, genau wie in den alten russischen Heldenliedern (ibid.: 33).

Den Weihnachtsbaum schmückte man mit bunten Lichtern, vergoldeten Nüssen und mit „Kosuli“, einer Art Weihnachtskuchen in Form von Tieren, Sternen, Engeln, am liebsten aber Samojeden mit ihrem Renttiерgespann. Diese Kuchen wurden sehr kunstvoll mit Ornamenten aus buntem Zucker verziert. Die Herstellung und das Verziieren von „Kosuli“ lag in der Hand besonderer Meister, die ihre Kunst von den Eltern erbten und den Kindern übergaben (ibid.: 91).

Северное домашнее пиво под названием «брага» и северные козули — имбирные пряники особого типа — являются до сих пор брендами Архангельской области.

В книге *Auf der Suche nach Russland* можно найти описание свадебных поморских обрядов, празднования дня св. Петра и св. Павла (в народе называвшегося Петровым днем), Рождества со святочными обрядами гадания, что является очень ценным для сохранения знаний о самобытной культуре народов севера.

В книгах Гагарина содержатся многочисленные описания обычаев не только северян, но и русского народа. Среди реалий, используемых автором для подробного освещения русских культурных традиций, можно выделить слова, получившие немецкоязычный облик (написание русскоязычных по звучанию существительных латинскими буквами с заглавной буквы) за счет транслитерации, с последующим или предшествующим комментарием или без него, с кавычками, демонстрирующими иноязычность, инородность слов, или без таковых: Muschik — die Muschiks,

Polati (eine Art hölzerner Hängepritschen, wo die Erwachsenen schlafen), Samowar, Sarafan, Banja, Pirogen, Starzi, Katorga, Wersta, Bastschuhe, Rogatina (eine Art Heugabel), „Kascha“ (aufgekochte Grütze mit Hasenfleisch), Besprizorniki (obdachlose Kinder) и др.

Для передачи религиозного опыта и подтверждения знаний в сфере русского православия в тексте книги реализуются многочисленные слова-реалии, обозначающие различные ответвления религии, представителей религиозных общин, священнослужителей и т. д.: *Bespopovzi*, *Krestovniki* (Kreuzträger), *Stariza* (greise Nonne), *die Totenandacht* (*Pannychida*), *Skit* (Einsiedelei) и др.

Эти реалии способствуют культурному трансферу, осуществляемому автором-эмигрантом в книгах, рассчитанных на представителей другой, немецкой, культуры.

Для обеспечения культурной адаптации немецкоязычного текста, содержащего многочисленные русские национальные реалии, автор-повествователь активно использует в своих произведениях языковые стереотипные ситуации, включающие реалии⁷.

Очень точно характеризует автор-повествователь молчаливость и несловоохотливость трезвого русского мужика:

Auch zu Hause war Egor sehr schweigsam. Der russische Muschik vermeidet überhaupt jede überflüssige Unterhaltung, alle unnützen Worte. Lieber grübelt er (*ibid.*: 118).

В текстах книг Евгения Гагарина содержится большое количество русских выражений, пословиц, поговорок, фрагментов народных песен, относящихся к русскому фольклору. Все это показывает русское происхождение автора-эмигранта, его любовь к России, трогательное отношение к русскому народу. Особого внимания заслуживают, например, рассуждения главного героя книги *Auf der Suche nach Russland* относительно души русского крестьянина:

⁷ Ср., например, просьбу «поставить самовар»: «Anissja, stell den Samowar auf!» (RUSSINOW 1936: 18).

Nirgends ist die Zweispalt der Seele so stark wie bei dem Russen. Nirgends verträgt sich das zerstörende Böse so friedlich mit dem grenzlosen Guten wie in der Seele des russischen Bauern... (ibid.: 35).

Адекватно, на наш взгляд, передано по-немецки свадебное причитание невесты:

...dabei sang sie weinend ein Lied: „Ein stolzer Falke ergreift ein schneeweißes Täubchen. Ein Fremder schleicht in unsern Hof herein und nimmt mich fort, schmucke Maid...“ (ibid.: 35).

Северное русское гостеприимство прослеживается не только в изображаемых традициях и обычаях, но и в коммуникативном поведении людей, которое ввиду осуществляемого писателем-эмигрантом культурного трансфера включает много русских поговорок:

„Setze dich, sei mein Gast!“ lud er mich ein. „In den Beinen steckt keine Wahrheit, wie die Alten sagen“ (ibid.: 98).

„Willkommen, Gevatter! Hast mich nicht erkannt?“ unterbrach ihn freudig Egor. „Da muß ich einmal reich werden, — wie die alten Leute früher sagten“ (ibid.: 102).

Удачно вкрапленные в повествование русские поговорки «В ногах правды нет!» и «Буду богатым!» (если сразу не узнают) сопровождаются в первых двух контекстах стереотипным комментарием говорящего вариативного типа «как старики говорят / как раньше говорили старики». Это свидетельствует о патриархальных устоях, существовавших на Руси веками. Именно об этом с ностальгией вспоминает всякий раз автор-повествователь в лице Андрея Русинова.

Необходимо отметить, что две главы книги *Auf der Suche nach Russland*, а также предшествующая им глава, повествующая об обыске в доме сестер Н., аресте сестры Александры, «юного Г.» и главного героя Андрея Русинова созданы автором-повествователем с целью художественного изображения гонений и репрессий, раскулачивания и насильственной коллективизации. В пассажах книги о тюрьмах Архангельска, в которых находились некоторые герои книги и которые подробно описывались автором в лице

главного героя, находились представители почти всех слоев населения России. В одной камере с Андреем Русиновым находились представители раскулаченных и репрессированных крестьян, портовый рабочий, профессор Н. (ученый), учитель иностранных языков из Архангельской гимназии, инженер-гидротехник, бывалый моряк, бывший меньшевик-интеллигент (писатель и друг Максима Горького), бывший офицер белой армии, впоследствии монах, епископ И., ученый-агроном из Ярославля, а также «наседки» (тайные агенты НКВД), урки (малолетние преступники) во главе с «атаманом».

Для отражения ситуации в тюрьмах НКВД в книге очень часто используется лексема G.P.U. (именно в таком написании, с точками), а также немецкие композитные образования, включающие компонент GPU, иногда с точками между элементами аббревиатуры, а иногда только с одной точкой после последней инициализации: GPU.-Gefängnis, GPU.-Zelle, der GPU.-Aufseher, die G.P.U.-Kerker и др.

Особая атмосфера «советскости» создается в пассажах книги, посвященной тюремной жизни, благодаря инкрустации типично русских языковых выражений в немецкий текст при их калькировании, транслитерации или транскрипции:

Die „Urki“ wollten sich vor Lachen ausschütten. Woronkoff aber griff den „Urka“ mit der Hand und warf ihn auf die Pritsche wie einen Kater. Da sprang der Ataman auf. Und sie standen gegeneinander — zwei prächtige Kerle mit geballten Fäusten. Die Lage wurde durch den Matrosen gerettet. Er stellte sich zwischen die beiden mit den Worten: „Wegen dieses Ochsen wollt ihr euch schlagen?! *Scha*, Kinder, *scha!* ... *Ruhiger an den Kreuzungen!*...“ Und er stieß sie auseinander. Die beiden gingen mürrisch zu ihren Plätzen (ibid.: 230).

В вышеприведенном микроконтексте реализуются русское междометие «ша!» происхождением из еврейского *scha* как категорический призыв прекратить что-либо в значении ‘довольно, прекрати, замолчи!’ (БТСРЯ 1940, IV: 433), и языковое выражение «Полегче на поворотах!», представляющее собой в прагматическом отношении совет (не грубить).

4. Культурный трансфер и языковая репатриация

В аспекте лингвокультурологического анализа немецкоязычных произведений Гагарина обратимся далее к понятию культурного трансфера, которое было введено в научный обиход Мишелем Эспанем и Михаэлем Вернером в связи с изучением культурных связей Франции и Германии (ESPAGNE, WERNER 1987). Разработанное этими учеными понятие культурного трансфера позволило рассматривать трансформационные процессы, сопутствующие переносу знаний и информации из одной культуры в другую, учитывать циркуляцию и преобразование культурных ценностей и их переосмысление или интерпретации в новых культурах. Сегодня это понятие, охватывая интер- и интракультурные взаимосвязи, исследуется как билатеральный процесс, при этом особое внимание обращается на «процессуальность самого феномена» (ЛОБАЧЕВА 2010: 24).

Культурный трансфер, действительно, следует рассматривать в качестве динамического процесса, включающего три взаимосвязанных компонента: 1) исходную культуру; 2) инстанцию-посредника и 3) целевую культуру. В соответствии с первым компонентом ученые предлагают изучать объекты, практики, тексты и дискурсы, заимствованные из исходной культуры. В рамках второго компонента предлагается исследовать роль и функции фигур- и инстанций-посредников (переводчиков, издателей, университетов, средств массовой информации, издательств и т. д.). В связи с рассмотрением третьего элемента (целевой культуры) рекомендуется анализировать способы отбора, формы усвоения и виды продуктивной рецепции (перевод, формы культурной адаптации, формы творческой адаптации, подражания (MITTERBAUER 1999: 23).

Именно такое понимание культурного трансфера представляется важным при рассмотрении немецкоязычных художественно-документальных произведений Гагарина. Благодаря пониманию механизмов культурного трансфера, несомненно, осу-

ществляемого в его эмигрантской прозе, можно попытаться представить, каким образом культурно-маркированная информация относительно культуры донора (русской, советской) попадает через созданные художественно-документальные произведения в культуру-реципиента (немецкую), какие изменения она претерпевает в условиях другого общества (в данном случае в эпоху немецкого национал-социализма).

Двойной культурный трансфер наблюдается, например, когда книга Гагарина, написанная под псевдонимом Андрея Русина, переводится на русский язык переводчиком из России.⁸ То, что дается в немецком оригинале с позиций писателя-эмигранта и предназначено немецкому читателю 30-х гг. прошлого века, должно быть донесено до современного русскоязычного читателя (в том числе и молодежи), который сам должен увидеть в погруженном в русскую культуру тексте «Свое» и «Чужое». При переводе немецкого текста, принадлежащего к прозе эмигрантов, на русский язык переводчик, с одной стороны, вынужден осуществлять доместикацию, так как пытается передать дух эмигрантского произведения, а с другой стороны, стремится сохранить «немецкость» в повествовании, а значит, вынужден форенизировать некоторые элементы.

Перевод книги *Die große Täuschung*, выполненный Леонидом Левиным в Архангельске в 2017 г. и снабжённый многочисленными комментариями и фотографиями, можно, действительно, назвать перифрастически виртуальным возвращением нашего земляка Гагарина на свою историческую родину. Читатели книги, изданной Левиным в переводе на русский язык, вполне могут распознать в *Великом обмане* и белое, и черное. Однако сам переводчик говорит в комментарии к изданию о том, что его целью при переводе не было «разделение правды и вымысла» (РУСИНОВ 2017: 325). Сопереживая за гонимых, репрессированных, арестованных,

⁸ Ср., например, переведенную Л. И. Левиным книгу Гагарина под названием *Великий обман* (РУСИНОВ 2017).

расстрелянных, современный российский читатель сам видит советскую историю такой, какой она была. В данном случае, действительно, можно говорить о языковой репатриации, поскольку строки, написанные писателем в эмиграции и обращенные к немецкому обывателю в 30-е гг. XX в., переадресованы с помощью переводчика современному российскому читателю.

Языковая репатриация позволяет реабилитировать автора в современных социально-политических условиях, когда соотечественники могут посмотреть на описываемые события совершенно другими глазами. Ностальгия автора-эмигранта по родине, по Архангельскому Северу, постоянно присутствующая в его произведениях, оценивается сегодняшним читателем как любовь зарубежного соотечественника к родине и ее культурным традициям.

Следует заметить, что Леонид Левин не является профессиональным переводчиком, по своей основной профессии он инженер-строитель. Как говорит он сам, в обычной жизни он занимается обследованием технического состояния зданий и сооружений в Архангельске (ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ...: электронный ресурс). Поэтому оценивать качество выполненного им перевода по каким-либо четко установленным критериям не представляется возможным и необходимым.

Важно в таких текстах-переводах в полной мере сохранять установки и взгляды писателя, покинувшего родину в переломный момент истории (отсюда негативный настрой по отношению к большевикам и советскому строю в целом, но в то же время — ностальгия по родине, доброе отношение к трудолюбивым, честным людям, незаконно пострадавшим от гонений и репрессий).

При рассмотрении лингвокультурологических аспектов немецкоязычных произведений Гагарина и их переводов следует учитывать, что текст оригинала создается в одной культуре (немецкой) на языке этой культуры представителем другой культуры (русской), а переводится под влиянием конкретных этно-

культурных факторов на русский язык переводчиком, принадлежащим к той же культуре, к которой принадлежал изначально автор, но эта культура (российская) представлена уже в трансформированном виде и является принимающей. При этом можно говорить в таком случае о языковой репатриации, то есть о виртуальном возвращении автора-эмигранта на историческую родину путем создания текста перевода.

Охарактеризуем далее более подробно с лингвокультурологических позиций книгу *Die große Täuschung* («Великий обман»), опубликованную на немецком языке под псевдонимом «Андрей Русинов». Она была подготовлена к печати в 1936 г. в Брауншвейге, в издательстве «Hellmuth Wollermann Verlagsbuchhandlung (W. Maus)», владельцем которого являлся Вильгельм Маус из Берлина. Напечатана была эта книга в типографии «Druck Spamer AG Leipzig», что свидетельствует о многослойности инстанции посредника в русско-немецком культурном трансфере. Русскоязычный автор-эмигрант публиковал свою книгу на немецком языке, а издательство и типография обеспечивали ее выпуск в соответствии с требованиями того времени. Авторство книги, принадлежащее в данном случае именно Гагарину, не вызывает ни малейшего сомнения по целому ряду причин. Во-первых, о том, что под псевдонимом «Русинов» писал именно Гагарин, можно узнать из книги Н. С. Арсеньева (ARSENIIEW 1929: 97), брата жены писателя. Во-вторых, согласно сведениям, полученным нами в Государственном архиве Архангельской области, в 1930 г. Гагарин работал в Архангельске в тресте «Севстрой» в планово-экономическом отделе (СПИСОК СОТРУДНИКОВ...: электронный ресурс). Именно эта деятельность, на наш взгляд, и позволила Гагарину собрать ценный материал для создания книги, о которой идет речь. Жизнь Гагарина на Архангельском Севере, а также опыт очевидца и даже участника строительства лесопильных и деревообрабатывающих заводов в Северном Крае, с одной стороны, помогли в будущем произведении показать всю красоту и вместе с тем суровость северной природы и представить реально существовавшие сюжеты с описанием

жизни коренных жителей, а с другой стороны, изложить в художественно-документальном произведении все трудности быта и труда на севере в послереволюционный период: голод, разруху, репрессии.

Обратимся далее к образу Архангельского Севера, представленному в вышеуказанной книге. В тексте рассматриваемой книги образ севера начинает представать перед читателем с самых первых строк. Словосочетание *nach dem Norden* можно обнаружить в перечне содержания первой главы и в качестве первых слов книги. Первые два предложения как текста оригинала, так и текста перевода, осуществленного Левиным, содержат двойной повтор указанного выше словосочетания и соответственно его перевода на русский язык. «На Север! На Север!» вкладывается в уста главного героя Андрея Русинова, который повторяет их про себя, перемещаясь по Невскому проспекту в Ленинграде. Это говорит о значимости образа севера в указанном произведении. Если кто-то с замиранием сердца произносит что-то несколько раз, то это, несомненно, свидетельствует об особом отношении данного человека к референту повтора.

В одном из начальных эпизодов произведения *Die große Täuschung* говорится о том, что бывший студент Андрей Русинов в своей поездке на север беседует с соседкой по купе поезда, женщиной пожилого возраста, и отвечает на ее вопрос о том, куда он едет и надолго ли, следующим образом:

Nach dem Norden fahre ich, Großmutter (...) zur Arbeit, und auf wie lange, weiß ich selber nicht (RUSSINOW 1936: 13).

У читателя книги создается противоречивое впечатление, когда главный герой произведения Андрей Русинов, казалось бы, впервые едет на поезде на Архангельский Север, и вместе с тем он уже очень многое знает о севере, как бы делясь постоянно своим прошлым опытом, ни в коем случае не эксплицируя конкретные факты своего пребывания здесь. Не случайно, даже само слово *Norden* вызывает у главного героя столь трепетные чувства. Это можно

проследить как в многочисленных повторах данной лексемы в тексте, так и в описаниях северной природы, северной деревни, коренных зажиточных северян, о чем речь шла уже выше.

Когда поезд проезжает населенные пункты, находящиеся на территории бывшей Архангельской губернии, главный герой, а значит, и автор-повествователь в форме действующего лица произведения, говорящий от имени «я», отмечают особенность северных названий станций Njandoma, Woschega, напоминающих по своему звучанию финский язык. Вместе с тем, с большим удовольствием наблюдая за северным лесом и его многочисленными деталями, якобы впервые в жизни попавшими в поле зрения, автор вполне осознанно комментирует это так, как будто бы он там когда-то жил:

Die Sonne ist hinter dem Walde verschwunden, doch noch lange bleibt es hell in den Sommernächten im Norden (ibid.: 14).

Из содержания текста видно, что главный герой — повествователь до этого испытывал уже на себе магию белых ночей, и говорит об этом, судя по тону звучания слов, с большой ностальгией.

Приведем далее еще один пример явного противоречия между «знакомым» и «незнакомым» севером. Автор-повествователь, с одной стороны, впервые должен был видеть север, так как он идентифицирует себя с главным героем, который первый раз едет туда. Но в то же время чувствуется, что он обладает преинформационными знаниями, говорящими в пользу жителя севера или человека северного происхождения. Возникает вполне закономерный вопрос о том, откуда молодой человек, бывший студент физико-математического факультета Ленинградского университета Андрей Русинов обладает серьезными знаниями о лесе и его северной специфике и даже знает терминологию, связанную с ведением лесного хозяйства? Не потому ли, что автором произведения *Die große Täuschung* является сам Гагарин, обучавшийся в Лесной академии в немецком Эберсвальде, а затем работавший много лет в Международной организации в Берлине, связанной с защи-

той леса, а впоследствии написавший книгу *Die Wälder der Sowjetunion* (GAGARIN 1941b). Ср. пассаж с описанием леса в тексте оригинала:

Wir nähern uns Archangelsk. Es ist bedeutend kühler geworden: man fühlt den Norden. Die Wälder sind nun weniger dicht, und hat sich die Holzart der Bestände verändert. Gestern waren es meistens mächtige, riesig große Kiefern, heute sind es nur elend hagere Fichten, mit kaum zwei bis drei schwachen kurzen Ästchen an der Südseite. Auch sind es mehr Birken und Weiden. Oft ziehen sich statt des Waldes unendlich lange, mit schönem grünem Moos vollständig verwachsene Sümpfe hin, nur selten bemerkt man darauf kleine Inseln mit Zwergbirken und Gebüsch (RUSSINOW 1936: 15).

Основное действие, описываемое в книге *Die große Täuschung*, происходит на Архангельском Севере. Подъезжая к Архангельску, главный герой видит прежде всего Северную Двину, которая почти всегда описывается автором книги как величественная и красивая река. Особое место отведено Двине в содержании второй главы текста оригинала, в которой она называется die Nord-Dwina:

Der Zug fährt schneller, die Weichen werden häufiger, ich unterscheide zum Himmel strebende Rauchspirale, dann blitzt ein ungeheuer breiter Wasserstreifen auf — die Nord-Dwina — mit einer großen Menge verschiedener Dampfer. Und am weiten Ufer, hinter dem Flusse, liegt Archangelsk: Glänzende Kirchenkuppeln, niedrige lange Gebäude, grüne Gärten. Unzählige Stapel von frischem Holz ziehen sich viele Kilometer am Ufer entlang (ibid.).

Чувствуется, что отношение автора-повествователя, а с ним и самого героя к Северной Двине самое положительное. Русинов восхищается красотой и могучестью реки:

Mindestens anderthalb Kilometer ist die Dwina an dieser Stelle breit! ... Es weht ein scharfer Wind und die kräuselnden Wellen jagen einander, weiße Möwen schweben über dem Wasser, schreien schrill und schlagen mit den Flügeln (ibid.: 16).

В анализируемом тексте Северная Двина сама по себе или в окружении природы постоянно противопоставляется горестям людей, находящимся на Севере в ссылке или в заключении:

„Sie sind wohl nicht von hier?“, frage ich.

„Ach nein“ erwidert er, ich bin hier in Verbannung. Die meisten Leute sind hier Verschickte“, und er zeigt dabei auf die anderen Träger.

„Die Dwina ist aber wunderschön“, sage ich.

„Das ja“, antwortet er melancholisch (ibid.).

Большая роль отводится в рассматриваемом произведении Гагарина северной природе, как бы составляющей противовес тем событиям, от которых становится жутко. Часто природа объединяется в описаниях автора-повествователя с деревенскими или городскими пейзажами, что привносит в язык произведения элементы реальности, которая находится либо в дисгармонии с природой, либо в явном противоречии с ней.

Следует заметить, что и коренные жители севера, в большей части не бедняки, а зажиточные люди, и их жилища, и северные деревни несмотря на общий негативно окрашенный тон эмигрантского произведения представлены в книге по-особому тепло.

В следующем фрагменте книги подробно описывается дом-двор крестьянина Петра Устиновича, в котором разместился на временное жительство главный герой Андрей Русинов, с большой симпатией передается семейная атмосфера:

Er besitzt ein zweistöckiges Haus, das wohl vor etwa hundert Jahren aus mächtigen Tannenstämmen gezimmert worden war. Die Balken sind glänzendschwarz geworden, vor Alter gesprungen und mit Moos bewachsen. Das Haus wirkt dadurch enger und noch wuchtiger. Ein massives Satteldach aus dicken, schon grün gewordenen Brettern deckt es. Die Fensterläden sind zierlich geschnitzt und nach alten Mustern bunt bemalt, ganz oben unter dem Dache hängt ein winziger Balkon mit einem geschnitzten Geländer. Mein Zimmer im zweiten Stock liegt an diesem Balkon. Das Haus ist sauber, es duftet nach frischem Heu, etwas nach dem Stall, alles ist gemütlich und voller Wohlstand. In den Pardezimmern stehen ausgezeichnete Möbel: ein riesiges Sofa, dickbäuchige Stühle, große Spiegel, ein wie Feuer glänzender geputzter Samowar; es hängen Vorhänge an den Fenstern, reine gestickte Handtücher an den Wänden und — was mich am meisten erfreut — Heiligenbilder im alten Silberornat in der „großen Ecke“ (ibid.: 33).

В этом отрывке очевидно благоговейное и даже восторженное отношение Русинова ко всему, что его окружает в доме принимающего хозяина, Петра Устиновича. Можно выдвинуть предположение, что именно так или похоже выглядел родной родительский дом самого Гагарина в деревне Большое Коноваловское.

Для усиления контраста между патриархальностью, традиционностью уклада жизни северных зажиточных крестьян в до-революционной России и разоренностью крестьянских хозяйств в «большевицкой» России, в другом пассаже книги, повествующем о негативных последствиях большевистского правления, приводится описание той же самой деревни и того же дома Петра Устиновича, но уже в ужасно опустошенном состоянии после перехода жителей деревни в колхоз:

Das Dorf ist „Kolchos“ geworden. Ich gehe die Straße entlang. Dieselben zwei Reihen von Häusern, doch wie hat sich alles verändert! Bei mehreren „Isba“ sind die Fenster mit Holzbrettern quer verschlagen, ein Zeichen, daß niemand darin wohnt. Auf der Straße sieht man keinen Menschen, sogar Hunde bellen nicht auf meine Schritte. Da steht das Haus von Petr Ustinowitsch, mit dem Balkon meines ehemaligen Zimmers. Spuren der Verwüstung liegen auf ihm, auf dem ganzen Bauernhof, der früher so rein und ordentlich aussah (ibid.: 205-206).

Представители новой, Советской России — рабочие и крестьяне из бедняков представлены в книге *Die große Täuschung* весьма враждебно. Во всем чувствуется негативное отношение автора-повествователя к советскому строю, идеям и действиям большевиков и поддерживающих их людей, строителям новой жизни. Так, лесозаготовительные работы в Северном крае изображаются в весьма негативных тонах:

Schon zwei Monate lebe ich nun im Walde, zusammen mit dem Beauftragten der „Rushollandoles“ für das Holzfällen. Wir wohnen in einer Bretterhütte ohne Rauchausgang, die vier Schritte lang und drei Schritte breit- und dazu so niedrig ist, daß ein Mensch nicht aufrecht darin stehen kann. Tag und Nacht qualmt der Herd, die Wände sind verräuchert und mit einer dicken, glänzenden Rußschicht überzogen, es riecht stark nach Harz. Das Tageslicht dringt nur mühsam durch

ein einziges, winziges Fensterchen. An der Wand steht ein aus Brettern gezimmertes, ziemlich breites Holzgerüst, darauf liegen Strohsäcke, unsere Betten (ibid.: 46-47).

Важно отметить, что вся книга построена на контрастах, на противопоставлении старого, устоявшегося, традиционного, солидного и нового, разрушившего эти вековые традиции.

Автор-повествователь не мыслит образ Севера без его столицы — Архангельска. Многочисленные описания города служат в книге созданию колорита повествования для создания угнетающей атмосферы 20-х — 30-х гг.:

In einem Jahr hat sich Archangelsk bis zur Unerkenntlichkeit verändert: die privaten Läden sind spurlos verschwunden, die „Cooperativ“, mit ihren hoffnungslosen leeren Fächern und Schaufenstern, haben sich dafür vermehrt; die Leute sehen kümmerlich und ärmlich aus, ihre Kleidung ist wie verblichen (ibid.: 56).

Андрей Русинов не может не замечать в своих наблюдениях, что даже за один год портовый город Архангельск, с его вековыми традициями и большим количеством иностранцев, изменился просто до неузнаваемости:

«бесследно исчезли частные лавки, зато умножились «коопы» с их безнадежно пустыми прилавками и витринами» (Русинов 2017: 65).

Жители города также изменились внешне, они выглядят жалко и бедно, а одежда их выглядит выцветшей.

Начиная с пятой главы книги можно познакомиться со всем, что относится к понятию «индустриальный север». Приведем пример того, как Архангельск выглядел в период строительства промышленных предприятий:

Das Baugelände der Holzfabrik — oder des „Holzkombinats“, wie sie offiziell heißt — auf dem Fluß Solombalka hat sich bis zur Unerkenntlichkeit verändert, seit ich vor einem halben Jahr zuletzt hier war. Die Gebüsch sind spurlos verschwunden, ringsumher ragen Baugerüste und Gerippe halbfertiger Gebäude hervor. Obwohl es noch Winter ist, liegt kaum Schnee auf dem Boden, er ist von Menschentritten und Pferdehufen zu einer grauen, schmutzigen Masse zertrampelt, welche wie in einem Pfluge durchfurcht zu sein scheint. Überall sieht man Kanäle,

Wassergruben, ganze Berge von Tonerde, zerschlagene Ziegelsteine, Holz- und Sägespäne (RUSSINOW 1936: 118).

Перед немецким читателем, на которого была рассчитана книга, в этом пассаже открывается весьма удивительный «строительный ландшафт», в котором несмотря на явное продвижение в строительстве Соломбальского лесопильно-деревообрабатывающего комбината в виде полуготовых построек наблюдаются многочисленные следы людей и лошадей в намешанной грязи, горы глиняной земли, кучи опилок и древесной щипы, отнюдь не свидетельствующие о порядке и гармонии.

Сами же строители комбината изображаются с большим сочувствием. Сообщается, что они напоминают муравьев, снующих под окрики охраны. Среди них, конечно же, было много так называемых спецпереселенцев, которые прибыли на Север после того, как они были изгнаны со своих родных мест:

Tausende von zerlumpten mageren Menschen wühlen herum, wie in einem Ameisenhaufen, kriechen auf den Baugerüsten, schleppen schwere Lasten unter der Aufsicht von Militär in G.P.U.-Uniform; es dröhnen die Dampfmaschinen, widerlich kreischen die Winden. Dann verstummt plötzlich alles. Totenstille tritt ein. Die Leute klettern herunter, die Arbeit hört auf. Es vergeht einige Zeit. Dann fangen die Aufseher wieder an zu schreien, Revolver und Peitschen zu schwingen, die „Ameisen“ laufen in Scharen irgendwohin, schleppen die Geräte mit sich — auf dem früheren Platz ist alles erstorben. Wie bei einer Feuersbrunst! (ibid.).

Перед взором читателя открывается захватывающий вид на строительство как на своего рода «муравейник». Эта метафора используется автором для описания быстрых движений «беззащитных» людей. Описывается, как тысячи истощенных людей в рваной одежде карабкаются на леса, многие из них носят тяжелый груз. Все это происходит под бдительным надзором военных в форме сотрудников НКВД. Паровые котлы грохочут, пронзительно визжат лебедки. Динамика действий просто зашкаливает. И вдруг все затихает, настает мертвая тишина. Люди на какое-то

время слезают с лесов, и работа прекращается. Но после небольшого перерыва вновь начинают кричать надсмотрщики, а «муравьи» вновь бегают, волоча за собой инструменты.

Такие вот картины безысходности подневольного труда репрессированных людей на стройках Севера открываются перед нами. О суровых условиях севера, о том, что север стал для многих ссыльных людей и спецпереселенцев, по сути дела, ледяной погубелью. Об этом говорят многие лексемы и словосочетания, связанные со снегом, холодом, морозом и их последствиями в тексте оригинала: Schneesturm und Frost, hinter dem Schneeschleier, auf dem erstarrten Flusse, das eingefrorene Holz, abgefroren, ihre schneebedeckten Lumpen abblasen, zersauste Bärte, vereist, Eiszapfen и др.

Таким образом, север предстает в книге Гагарина, с одной стороны, как богатый народными традициями, красивый своей природой край, подающий надежды на сохранение векового, вечного. С другой стороны, — это край лагерей, ссылок, показывающий свое суровое лицо гонимым и репрессированным.

Общая смысловая модальность книги *Die große Täuschung* состоит, на наш взгляд, в том, что человек, покинувший свою родную страну по политическим и идеологическим причинам, посредством изменения своей профессии и немецкоязычного творчества становится частью другой культуры и идеологии, но не теряет желания рефлексировать то, что он чувствовал во время пребывания в прежнее время на своей родине. Он чувствует себя патриотом исторической родины и хочет быть сопричастным к ее событиям.

К выявленным частным смыслам можно отнести, например, среди прочего мысль, входящую лейтмотивом во внутреннюю речь образа автора. Она характеризуется явным отторжением советского строя, всего преходящего и суетного, и благоговейным отношением к природе, вечному. Приведем в подтверждение этому всего лишь один пассаж из текста оригинала:

Welch tragischer Gegensatz zwischen Schönheit und Frieden der Na-

tur und dem bösen, verdorbenen und anspruchsvollen Tun der Menschen in allem, was sie schaffen! ... Es scheint mir, als stelle dieser Frieden der Natur die höchste Möglichkeit des irdischen Glücks dar und beweise gleichzeitig auch den falschen Weg, den man gewählt hat, um es zu finden. Die ganze Geschichte der Menschheit ist nichts anderes als die Geschichte politischer Änderungen. Keine von ihnen vermochte jedoch den Menschen glücklicher zu machen, im Gegenteil — man spricht ja immer von der „guten, alten Zeit“ und sehnt sich immer nach der Vergangenheit zurück (ibid.: 304-305).

Изучение немецкоязычной прозы Гагарина на основе художественно-документальных эмигрантских произведений показывает, что в немецкоязычных оригиналах весьма своеобразно осуществляется русско-немецкий культурный трансфер. Несмотря на наличие у нашего земляка, прибывшего в Германию, целого ряда обвинений в адрес большевиков и их сторонников, он с большим состраданием к русскому народу прослеживает в своих книгах происходившие в Советской России коренные изменения и с явно выраженной симпатией к северу и его жителям рассказывает немцам о русской душе. Эмигрантский дух пронизывает все немецкоязычное творчество писателя, воспоминания о былой и советской России не дают автору покоя, заставляют его задумываться о смысле человеческой жизни, о религии, Боге и вечности.

© Поликарпов А. М.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка. М.: МГОУ, 2019. [Averina, Anna V. (2019) *Modal'nyy sintaksis nemetskogo yazyka* (Modal Syntax of German). Moscow: Moscow Region State University. (In Russian)].
- Алхастова З. Р., Карпова О. М. Словари культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2020. [Alhastova, Zalina R., Karpova, Olga M. (2020) *Slovari kul'turnogo naslediya (na materiale slovarey yazyka angliyskikh pisateley, tsitat i poslovits* (Dictionaries of Cultural Heritage with Special Reference to Dictionaries of English Writers, Quotations and Proverbs). Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Арнова Н. В. Взаимодействие просодических и жестовых компонентов невербального поведения человека в презентации нового продукта: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. [Arnova, Natal'ya V. (2018) *Vzaimodeystviye prosodicheskikh i zhestovykh komponentov neverbal'nogo povedeniya cheloveka v prezentatsii novogo produkta* (Interaction of Prosodic and Gesture Components of Non-verbal Human Behavior in the Presentation of a New Product). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт на Майне: Посев, 1974. [Arsenyev, Nikolay S. (1974) *Dary i vstrechi zhiznennogo puti* (Gifts and Encounters on the Path of Life). Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)].
- Арсеньев Н. С. Предисловие // Гагарин Е. А. Возвращение корнета. М.: Посев, 2012. С. 3—6. [Arsenyev, Nikolay S. (2012) *Predisloviye* (Foreword). In Gagarin, Yevgeniy A. *Vozvrashcheniye korneta* (The Return of the Cornet). Moscow: Posev, 3—6. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3—19. [Arutyunova, Nina D. (1987) *Anomalii i yazyk* (Anomalies and Language). In *Questions of linguistics*, 3, 3—19. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova, Nina D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt* (Types of Language Values. Evaluation. Event. Fact). Moscow: Nauka. (In Russian)].

- Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412—413. [Arutyunova, Nina D. (1990) *Rechevoy akt* (Speech Act). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 412—413. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. [Arutyunova, Nina D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the Human World). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / ред. Е. В. Падучева. М.: Прогресс, 1985. С. 21—38. [Arutyunova, Nina D., & Paducheva, Yelena V. (1985) *Istoki, problemy i kategorii pragmatiki* (Origins, Problems and Categories of Pragmatics). In Paducheva, Yelena V. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 16. *Lingvisticheskaya pragmatika* (New in Foreign Linguistics. Vol. 16. Linguistic Pragmatics). Moscow: Progress, 21—38. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: (Структура и значение). М.: Русский язык, 1983. [Arutyunova, Nina D., & Shiryaev, Yevgeniy N. (1983) *Russkoe predlozheniye. Bytijnyy tip: (Struktura i znachenije)* (Russian Existential Sentence: Structure and Meaning). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Архангельский, Холмогорский и Пертоминский концентрационные лагеря [Электронный ресурс] // Виртуальный музей новомучеников и исповедников Земли Архангельской. URL: http://arhisprovedniki.ru/tour/for_guides/2323. [Arkhangel'skiy, Kholmogorskiy i Pertominskiy kontsentratsionnyye lagerya (Arkhangelsk, Kholmogory and Pertominsk Concentration Camps). In *Virtual'nyy muzey novomuchenikov i ispovednikov Zemli Arkhangel'skoy* (Virtual Museum of the New Martyrs and Confessors of the Arkhangelsk Land). Retrieved from http://arhisprovedniki.ru/tour/for_guides/2323. (In Russian)].
- Архив РАН. Фонд 1001. Описание 1. Ед. хр. 38. [Archives of the Russian Academy of Sciences. Fund. 1001. Descr. 1. Storage Unit 38].
- Архиепископ Архангельский Антоний (Быстров) канонизирован в

- сонме новомучеников российских // Виртуальный музей Новомучеников и исповедников Земли Архангельской. URL: <http://arhis-povedniki.ru/news/982>. [Arkhiyepiskop Arkhangel'skiy Antoniyy (Bystrov) kanonizirovan v sonme novomuchenikov rossiyskikh (Archbishop Anthony (Bystrov) of Arkhangel'sk was canonized in the Host of the New Martyrs of Russia). In *Virtual'nyy muzey novomuchenikov i ispovednikov Zemli Arkhangel'skoy* (Virtual Museum of the New Martyrs and Confessors of the Arkhangel'sk Land). Retrieved from <http://arhis-povedniki.ru/news/982>. (In Russian)].
- Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / ред. В. П. Нерознак. М.: Academia, 1997. С. 267—279. [Askol'dov, Sergey A. (1997) Kontsept i slovo (Concept and Word). In Neroznak, Vladimir P. (ed.) *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya* (Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text: An Anthology). Moscow: Academia, 267—279. (In Russian)].
- Афанасьев А. С., Бреева Т. Н. Гендерный аспект изучения литературы. М.: ФЛИНТА, 2017. [Afanasyev, Anton S., & Breyeva, Tatyana N. (2017) *Gendernyy aspekt izucheniya literatury* (Gender Aspect of Literature Study). Moscow: FLINTA. (In Russian)].
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. [Akhmanova, Olga S. (2004) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Багриновский Г. Ю. Большой этимологический словарь русского языка. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. [Bagrinovskiy, Grigoriy Yu. (2020) *Bolshoy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Big Etymological Dictionary of the Russian Language). Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russian)].
- Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга Русского зарубежья. Из истории книжной культуры XX века. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна, 2013. [Bazanov, Petr N., & Shomrakova, Inga A. (2013) *Kniga Russkogo zarubezh'ya. Iz istorii knizhnoy kul'tury XX veka* (The Book of the Russian Diaspora. From the History of Book Culture of the 20th Century). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Technology and Design. (In Russian)].
- Байкова О. В. Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции: монография. Киров: Вятский гос. ун-т, 2009.

- [Baykova, Olga V. (2009) *Nemetskiye ostrovnyye dialekty v usloviyakh yazykovoy interferentsii* (German Island Dialects in the Context of Language Interference). Kirov: Vyatka State University. (In Russian)].
- Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях межъ- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): Автореф. ... дис. доктора филол. наук: 10.02.04. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. [Baykova, Olga V. (2012) *Funktsionirovaniye nemetskikh dialektov v usloviyakh mezh- i vnutriyazykovogo vzaimodeystviya v ramkakh yazykovogo ostrova (teoreticheskiye problemy i polevyye issledovaniya v Kirovskoy oblasti)* (Functioning of German Dialects in the Conditions of Inter- and Intralinguistic Interaction within the Framework of the Language Island (Theoretical Problems and Field Research in the Kirov Region)). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Kirov: Vyatka State University. (In Russian)].
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. [Bally, Charles. (1955) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* (General Linguistics and Issues of the French Language). Moscow: Foreign Literature Publ. (In Russian)].
- Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Bally, Charles. (2001) *Frantsuzskaya stilistika* (French Stylistics). Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian)].
- Баранов А. Н. Корпусная лингвистика // Введение в прикладную лингвистику. 2003. С. 112—137. [Baranov, Anatoliy N. (2003) *Korpusnaya lingvistika* (Corpus Linguistics). *Introduction to Applied Linguistics*, 112—137. (In Russian)].
- Белов А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика / ред. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1988. С. 49—58. [Belov, Aleksandr I. (1988) *Tsvetovye etnoeydemy kak obyekt etnopsikholingvistiki* (Ethno-eidems of Color as an Object of Ethnopsycholinguistics) In Sorokin, Yu. A. (ed.) *Etnopsikholingvistika* (Ethnopsychology). Moscow: Nauka, 49—58. (In Russian)].
- Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1985. [Belyayeva, Yelena I. (1985) *Funktsional'no-semanticheskiye polya modal'nosti v angliyskom i rusском yazykakh*. (Functional and Semantic

- Fields of Modality in English and Russian). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Беляева Е. И., Синеокова Т. Н. Speech Disfluency in L1 and L2 of Trainee Interpreters: Problem Statement Speech Disfluency in L1 and L2 of Trainee Interpreters: Problem Statement // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2020. Вып. 6 (13). С. 116—124. [Belyaeva, Yekaterina I., & Sineokova, Tatyana N. (2020) Speech Disfluency in L1 and L2 of Trainee Interpreters: Problem Statement Speech Disfluency in L1 and L2 of Trainee Interpreters: Problem Statement. *Theoretical and Applied Aspects of Studying Speech Activity*, 6 (13), 116—124.
- Беляевская Е. Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 76—83. [Belyaevskaya, Yelena G. (2013) Kognitivnaya lingvistika i prepodavaniye inostrannykh jazykov (Cognitive Linguistics and Foreign Language Teaching). *MGIMO Review of International Relations*, 32, 76—83. (In Russian)].
- Берестнев Г. И. Слово, язык и за их пределами. Калининград: Балтийский федерал. ун-т им. И. Канта, 2007. [Berestnev, Gennadiy I. (2007) *Slovo, yazyk i za ikh predelami* (Word, Language and Beyond). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2008. С. 25—37. [Boldyrev, Nikolay N. (2008) Otsenochnyye kategorii kak format znaniya (Evaluation Categories as a Format of Knowledge). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 3. Tambov: Tambov State University, 45—49. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2017. С. 20—81. [Boldyrev, Nikolay N. (2017) Antropotsentricheskaya teoriya yazyka. Teoretiko-metodologicheskie osnovy (Anthropocentric Theory of Language. Theoretical and Methodological Foundations). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 38. Tambov: Tambov State University, 20—81. (In Russian)].

- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. Дом ЯСК, 2018. [Boldyrev, Nikolay N. (2018) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* (Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. Дом ЯСК, 2019. [Boldyrev, Nikolay N. (2019) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* (Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. [Bondarko, Aleksandr V. (1996) *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* (Theory of Functional Grammar: Locativity. Beingness. Possessivity. Conditioning). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка: в 4 т. / ред. Д. Н. Ушаков. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1940. [Ushakov, Dmitriy N. (ed.) (1940) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4.* (The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 4). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia). (In Russian)].
- Буданова Е. А. Лингвистика на службе методики: когнитивно-лингвистический подход к формированию языковых навыков на уроках иностранного языка [Электронный ресурс] // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». 2007. URL: <https://urok.1sept.ru>. [Budanova, Yekaterina A. (2007) *Lingvistika na sluzhbe metodiki: kognitivno-lingvisticheskiy podkhod k formirovaniyu yazykovykh navykov na urokakh inostrannogo yazyka* (Linguistics at the Service of Methods of Teaching: Cognitive-Linguistic Approach to Forming Language Skills at Foreign Language Lessons). Festival of Pedagogic Ideas “Open Lesson”. Retrieved from <https://urok.1sept.ru>. (In Russian)].
- Булдыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки славянской культуры, 1997. [Bulygina, Tatyana V. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* (Linguistic Conceptualization of the World

- (Based on the Material of Russian Grammar)). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. Словотолкователь. 30000 иностранных словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка, съ означеніемъ ихъ корней. М.: Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), 1866. [Bordon, I. F., & Mikhelson, Alexey D. (1866) *Slovotolkovatel'. 30000 inostrannykh slov, voshedshikh v sostav Russkago yazyka, s oznacheniyem ikh korney* (The Word Interpreter. 30,000 Foreign Words Included in the Russian Language, with the Meaning of their Roots). Moscow: University Publ. (In Russian)].
- Василевич А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / ред. А. П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 9—28. [Vasilevich, Aleksandr P. (2007) *Etimologiya tsvetonaimenovaniy kak zerkalo natsional'no-kul'turnogo soznaniya* (Etymology of Color Names as a Mirror of National and Cultural Consciousness) In Vaselevich, A. P. (ed.) *Naimenovaniya tsveta v indoevropeskikh yazykakh: Sistemy i istoricheskiy analiz*. Moscow: KomKniga, 9—28. (In Russian)].
- Вашунина И. В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. [Vashunina, Irina V. (2007) *Vzaimodeystviye vizual'nykh i verbal'nykh sostavlyayushhikh pri vospriyatii kreolizovannogo teksta* (The Interaction of Visual and Verbal Components in the Perception of a Creolized Text). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание / ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997а. С. 33—88. [Wierzbicka, Anna. (1997a) *Russkiy yazyk* (Russian Language). In Krongaus, Maxim A. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* (Language. Culture. Cognition). Moscow: Russkiye slovari (Russian Dictionaries), 33—88. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание / ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997б. С. 326—375. [Wierzbicka, Anna (1997b) *Tolkovaniye emotsional'nykh kontseptov* (Interpretation of Emotional Concepts). In Krongaus, Maxim A. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* (Language. Culture. Cognition). Moscow: Russkiye slovari (Russian Dictionaries),

- 326—375. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Немецкие «культурные сценарии»: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Семантические универсалии и описание языков / ред. Т. В. Булыгина. М.: Издат. Дом ЯСК, 1999. С. 682—729. [Wierzbicka, Anna. (1999) Nemetskiye “kul’turnyye stsenarii”: obshhestvennyye znaki kak klyuch k ponimaniyu obshhestvennykh otnosheniy i kul’turnykh tsennostey (German “Cultural Scripts”: Social Signs as a Key for Understanding of Social Relations and Cultural Values. In Bulygina, Tatiana V. (ed.) *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* (Semantic Universals and Description of Languages). Moscow: LRC Publishing House, 682—729). (In Russian)].
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. [Wierzbicka, Anna. (1999) *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* (Semantic Universals and Language Description). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Вишневская В. Как понимают значения некоторых оттенков цвета в разных возрастных группах // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. трудов / ред. И. А. Стернин. Вып. 32. С. 160—163. Воронеж: Истоки, 2016. [Vishnevskaya, Vlada. (2016) *Kak ponimayut znacheniya nekotorykh ottenkov tsveta v raznykh vozrastnykh gruppakh* (The Meanings of Certain Shades of Color in Different Age Groups) In Sternin, Iosif A. (ed.) *Kul’tura obshcheniya i eye formirovaniye* (Communication Culture and its Formation), Issue 32. Voronezh: Istoki Publ., 160—163. (In Russian)].
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Эдиториал УРСС, 2002. [Volf, Yelena M. (2002) *Funktsional’naya semantika otsenki* (Functional Semantics of Evaluation). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: МГУ, 2000. [Vsevolodova, Maya V. (2000) *Teoriya funktsional’no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka* (Theory of Functional and Communicative Syntax: Fragment of Applicative Language Model). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 11—17. [Gak, Vladimir G. (1982) *Pragmatika,*

- uzus i grammatika rechi (Pragmatics, Usus and Speech Grammar). *Foreign Languages at School*, 5, 11—17. (In Russian)].
- Галактионова О. С. Аспекты порождения устного текста на родном и иностранном языке: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Орел: Орловский гос. ун-т, 2008. [Galaktionova, Olga S. (2008) *Aspekty porozhdeniya ustnogo teksta na rodnom i inostrannom yazykax: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* (Aspects of Generating an Oral Text in the Native and Foreign Languages (On the Material of the Russian and English Languages)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Orel: Orel State University. (In Russian)].
- Галимова Е. Ш., Никитина М. В. Эсхатологические и апокалипсические мотивы в прозе писателя-эмигранта первой волны Евгения Гагарина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2017. № 4. С. 75—81. [Galimova, Yelena Sh., & Nikitina, Marina V. (2017) *Eskhatologicheskiye i apokalipsicheskiye motivy v proze pisatelya-emigranta pervoy volny Yevgeniya Gagarina* (Eschatological and Apocalyptic Motives in the Prose of the Émigré Writer of the first Wave Yevgeniy Gagarin). *Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art History. Philological sciences*, 4, 75—81. (In Russian)].
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. [Hegel, Georg W. F. (1997) *Nauka logiki* (The Science of Logics). Saint Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)].
- Герасимова О. И. О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса / ред. И. П. Сусов. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1985. С. 150—157. [Gerasimova, Olga I. (1985) *O tipakh znacheniy kosvennykh vyskazyvaniy* (On the Types of Meanings of Indirect Statements). In Susov, Ivan P. (ed.) *Pragmaticheskiye i semanticheskiye aspekty sintaksisa* (Pragmatic and Semantic Aspects of Syntax). Kalinin: Kalinin State University, 150—157. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009. [Golubeva, Nadezhda A. (2009) *Slovo. Tekst. Diskurs. Pretsedentnyye yedinity* (Word. Text. Discourse. Case Units). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].

- Голубева Н. А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Нижний Новгород: Поволжье, 2010. [Golubeva, Nadezhda A. (2010) *Grammaticheskiye pretsedentnyye yedinitsty v sovremennom nemetskom yazyke* (Grammatical Case Units in the Modern German Language). Nizhny Novgorod: Povolzhye. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Вербализация прецедентного мышления в ракурсе межкультурной коммуникации // Вестник НГЛУ. 2020. № 3 (51). С. 26—48. [Golubeva, Nadezhda A. (2020) Verbalizatsiya pretsedentnogo myshleniya v rakurse mezhkul'turnoy kommunikatsii (Verbalization of Case-based Thinking from the Intercultural Communication Viewpoint). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 26—48. (In Russian)]. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-26-48.
- Голубева Н. А., Семеленова М. В. Вектор оценки — сомнительный рассказчик (на материале художественного дискурса) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи / ред. И. Н. Кабанова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. С. 104—112. [Golubeva, Nadezhda A., & Semelenova, Mariya V. (2021) Vektor otsenki — somnitel'nyy rasskazchik (na materiale khudozhestvennogo diskursa) (The Evaluation Vector is a Dubious Narrator (Exemplified by the Artistic Discourse). In Kabanova, Irina N. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoy rechi* (Theory and Practice of Linguistic Description of Colloquial Speech). Nizhny Novgorod: LUNN, 104—112. (In Russian)].
- Гордеева К. О. Способы заполнения лакун при переводе немецкоязычных оттеночных наименований // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2018. № 3 (32). С. 25—31. [Gordeyeva, Kseniya O. (2018) Sposoby zapolneniya lakun pri perevode nemetskoazychnykh ottenochnykh naimenovanii (Ways to fill in the Gaps in the Translation of German-language Shade Names). *Professional'nyy proekt: idei, tekhnologii, rezul'taty*, 3 (32), 25—31. (In Russian)].
- Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / ред. Е. В. Падучева. М.: Прогресс, 1985. С. 276—302. [Gordon, David, & Lakoff, George. (1985) Postulaty rechevogo obshcheniya (Postulates of Speech Communication). In Paducheva, Yelena V. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 16. Lingvisticheskaya pragmatika (New

- in Foreign Linguistics. Vol. 16. Linguistic Pragmatics). Moscow: Progress, 276—302. (In Russian)].
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / ред. Е. В. Падучева. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237. [Grice, Herbert Paul. (1985) *Logika i rechevoye obshcheniye* (Logic and Speech Communication). In Paducheva, Yelena V. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 16. Linguisticheskaya pragmatika (New in Foreign Linguistics. Vol. 16. Linguistic Pragmatics). Moscow: Progress, 217—237. (In Russian)].
- Гришина Е. А. Русская жестикация с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Издат. Дом ЯСК, 2017. [Grishina, Yelena A. (2017) *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoy tochki zreniya* (*korpusnyye issledovaniya*) (Russian Gestures from a Linguistic Point of View (Corpus Studies)). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Давыденко Л. В., Заикин С. П. Комментарии // Н. С. Арсеньев. Дары и встречи жизненного пути. СПб: Вестник, 2013. С. 323—427. [Davydenko, Lidiya V., & Zaikin, Sergey P. (2013) *Kommentarii* (Comments) In Arsenyev, Nikolay S. *Dary i vstrechi zhiznennogo puti* (Gifts and Encounters on the Path of Life), Saint Petersburg: Vestnik, 323—427. (In Russian)].
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2000. [Dvoretzkiy, Iosif Kh. (2002) *Latinsko-russkiy slovar'* (Latin-Russian Dictionary). Moscow: Russkiy yazyk. (In Latin and Russian)].
- Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категории персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. [Dementyev, Vadim V. (2013) *Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury` : kategorii personal'nosti v leksike i pragmatike* (Communicative Values of Russian Culture: Personality Categories in Lexicon and Pragmatics). Moscow: Global Kom. (In Russian)].
- Дементьев В. В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. 22. № 4. С. 919—944. [Dementyev, Vadim V. (2018) *Nepryamaya kommunikatsiya v russkoy natsional'no-rechevoy kul'ture* (Indirectional Communication in Russian National Speech Culture). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 919—944. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке / ред. Е. С. Кубрякова.

- М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1994. С. 32—87. [Demyankov, Valeriy Z. (1994) *Teoriya prototipov v semantike i pragmatike yazyka* (The Prototypes Theory in Semantics and Pragmatics of Language). In Kubryakova, Yelena S. (ed.) *Struktury predstavleniya znaniy v yazyke* (Structures of Knowledge Representation in Language). Moscow: RAS Institute of Scientific Information on Social Sciences, 32—87. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / ред. Е. С. Кубрякова и др. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 31—33. [Demyankov, Valeriy Z. (1997) *Interpretatsiya* (Interpretation). In Kubryakova, Yelena S., & al. (eds) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Short Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 31—33. (In Russian)].
- Джеймисон Ф. Теории постмодерна // Искусствознание. 2001. № 1. С. 111—122. [Jamisson, Fredric. (2001) *Teorii postmoderna* (Postmodern Theories). *Iskusstvoznaniye*, 1, 111—122. (In Russian)].
- Дзэнс Н. И., Перевышина И. Р. Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий. СПб: Антология, 2012. [Dzens, Nadezhda I., & Perevyshina, Irina R. (2012) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika s nemetskogo yazyka na russkiy i s russkogo na nemetskiy* (Theory of Translation and Translation Praxis from German into Russian and from Russian into German). Saint Petersburg: Antologiya. (In Russian)].
- Довыденко Л. В. Кенигсберг — Русское зарубежье: Николай Сергеевич Арсеньев (1888-1977). Калининград: Калининградская правда, 2008. [Dovydenko, Lidiya V. (2008) *Kenigsberg — Russkoye zarubezh'ye: Nikolay Sergeevich Arsenyev (1888-1977)* (Königsberg — Russian Diaspora: Nikolay Sergeevich Arsenyev (1888-1977)). Kaliningrad: Kaliningradskaya pravda. (In Russian)].
- Долгое возвращение автора на родину. В Архангельске издали книгу писателя-эмигранта Евгения Гагарина [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Dvina29» События в Архангельской области. URL: <http://dvina29.ru/all-materials/item/15873-dolgoe-vozvrashchenie-avtora-na-rodinu>. [Dolgoye vozvrashcheniye avtora na rodinu. V Arkhangel'ske izdali knigu pisatelya-emigranta Yevgeniya Gagarina (Long Return of the Author to his Homeland. A Book by the Emigrant Writer Yevgeniy Gagarin was published in Arkhangelsk). In

Informatsionnoye agentstvo "Dvina29" Sobytiya v Arkhangel'skoy oblasti (Information Agency "Dvina29" Events in the Arkhangel'sk Region). Retrieved from <http://dvina29.ru/all-materials/item/15873-dolgoe-vozvrashchenie-avtora-na-rodinu>. (In Russian)].

Долнин К. А. Спонтанная речь как объект лингвистического исследования // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та иностранных языков / ред. Ю. М. Скребнев. Горький: Горьковский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1983. С. 59—68. [Dolinin, Konstantin A. (1983) Spontannaya rech' kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya (Spontaneous Speech as an Object of Linguistic Research). In Skrebnev, Yuriy M. (ed.) *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi* (Theory and Practice of Linguistic Description of Colloquial Speech). Gorky: Gorky State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 59—68. (In Russian)].

Дронова О. А. Документализм в романе «Новой деловитости» // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. № 6 (146). С. 225—235. [Dronova, Olga A. (2015) Dokumentalizm v romane "Novoy delovitosti" (Documentalism in the Novel "New business-like"). *Bulletin of the Tambov State University*, 6 (146), 225—235. (In Russian)].

Дружинин А. С. Когнитивный подход к объяснению грамматики английского языка (на примере форм Present Perfect) // Интерактивный научно-методический журнал «Сообщество учителей английского языка». 2016. № 8. С. 4. [Druzhinin, Andrey S. (2016) Kognitivnyy podkhod k obyasnenu grammatiki angliyskogo yazyka (na primere form Present Perfect) (Cognitive Approach to Explaining English Grammar (On the example of Present Perfect Forms)). *Interaktivnyy nauchno-metodicheskiy zhurnal "Soobshhestvo uchiteley angliyskogo yazyka"* (Interactive Scientific and Methodological Journal "Community of English Language Teachers"), 8, 4. (In Russian)].

Жабин Д. В., Молоканова А. И. Психолингвистическое исследование формальных признаков звучащей речи говорящего в условиях эмоциональной напряженности в контексте искусственного билингвизма (на примере экзаменационного стресса) // Вестник Нижегородского гос. ун-та. 2018. № 1. С. 166—170. [Zhabin, Dmitriy V., Molokanova A. I. Psicholingvisticheskoye issledovaniye formalnykh priznakov zvuchashchey rechi govoryashchego v usloviyakh emotsionalnoy napryazhennosti v kontekste iskusstvennogo bilingvizma (na primere ekzamenatsionnogo stressa) // *Vestnik Nizhegorodskogo gos. un-ta*. 2018. № 1. С. 166—170. (In Russian)].

- riy V., & Molokanova, Anna I. (2018) Psikholingvističeskoye issledovaniye formal'nykh priznakov zvuchashhey rechi govoryashhego v usloviyax emotsional'noy napryazhennosti v kontekste iskusstvennogo bilingvizma (na primere ekzamenatsionnogo stressa) (Formal Features of the Spoken Foreign Language in a Situation of Emotional Tension within Artificial Bilingualism: a Psycholinguistic Research (the Case of Examination Stress). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, 1, 166—170. (In Russian)].
- Забывтое имя. «Любовь Христова объемяет нас» [Электронный ресурс] // Московский журнал. 2007. № 8. URL: <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801350>. [Zabytoye imya. “Lyubov’ Khristova obyemlet nas” (Forgotten Name. “Love of Christ embraces us”). In *Moscow Magazine*, 2007, 8. Retrieved from <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801350>. (In Russian)].
- Задворнов И. А. Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 52—57. [Zadvornov, Igor A. (2000) *Severnuyu Kavkaz: etnopoliticheskiye i religioznyye osobenno-sti sotsiokul'turnoy identichnosti* (The North Caucasus: Ethnopolitical and Religious Features of Socio-Cultural Identity). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies), 10, 52—57. (In Russian)].
- Захаров В. П. Корпусная лингвистика. СПб.: СПбГУ, 2005. [Zakharov, Viktor P. (2005) *Korpusnaya lingvistika* (Corpus Linguistics). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. СПб.: СПбГУ, 2013. [Zakharov, Viktor P., Bogdanova, Svetlana Yu. (2013) *Korpusnaya lingvistika* (Corpus Linguistics). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Академия, 2004. [Zelenetskiy, Alexandr L. (2004) *Sravnitel'naya tipologiya osnovnykh evropeyskikh yazykov* (Comparative Typology of Main European Languages). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Зиновьева И. Ю. Синтактико-семантический статус НИЧТ в первой позиции предполя в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: НГЛУ, 2002. [Zinov'yeva, Irina Yu. (2002) *Sintaktiko-semanticheskiy status NICHТ v pervoy pozitsii predpol'ya v sovremennom nemetskom yazyke*

- (Syntactic-Semantic Status of NICHT in the First Position of the Pre-Field in Modern German). Extended PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе Э. И. Литература и методы ее изучения: системно-синергетический подход. М.: ФЛИНТА, 2011. [Zinchenko, Viktor G., Zusman, Valeriy G., Kirnoze, Zoya I. (2011) *Literatura i metody ee izucheniya: sistemno-sinergeticheskiy podkhod* (Literature and Methods of its Study: System-synergetic Approach). Moscow: FLINTA. (In Russian)].
- Иванов А. В., Иванова Р. А. Языки Библии // TERRA LINGUÆ: В мире языка, языки в мире / ред. Б. В. Кондаков, Т. Н. Чугаева. Пермь: Титул, 2018. С. 46—55. [Ivanov, Andrey V., & Ivanova, Rimma A. (2018) *Yazyki Biblii* (Bible Languages). In Kondakov, Boris V., & Chugayeva, Tatyana N. (eds) *TERRA LINGUÆ: In the World of Language, Languages in the World*. Perm': Titul. (In Russian)].
- Иванова Е. В. О гнездах, коровах и крае земли (о реконструкции языковой картины мира) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. (Филология. Востоковедение. Журналистика.). 2014. № 1. С. 136—143. [Ivanova, Yelizaveta V. (2014) *O gnezdakh, korovakh i kraye zemli (o rekonstruktsii yazykovoy kartiny mira)* (On Nests, Cows and the Edge of the Earth (On the Reconstruction of the Linguistic Picture of the World)). *Bulletin of the St. Petersburg University*. Series 9 (Philology. Orientalism. Journalism), 1, 136—43. (In Russian)].
- Иванова Т. К., Григорьева Л. И. Немецкая лексикография: между классикой и цифрой // Современная германистика и западноевропейская литература: Коллективная монография. Вып. 2 / ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020. С. 196—215. [Ivanova, Tatyana K., & Grigoryeva, Lidiya I. (2020) *Nemetskaya leksikografiya: mezhdyy klassikoy i tsifroy* (German Lexicography: between Classics and Digitalisation). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Sovremennaya germanistika i zapadnoevropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature). Issue 2. Moscow: Flinta, 196—215. (In Russian)].
- Йенс И., Йенс В. Фрау Томас Манн. М.: Б.С.Г. ПРЕСС, 2007. [Jens, Inge, & Jens, Walter. (2007) *Frau Thomas Mann* (Mrs. Thomas Mann) Moscow: B.S.G. PRESS. (In Russian)].
- Иконникова В. А. Возникновение и развитие культурного компонента

- в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Москва: Московский пед. гос. ун-т, 2014. [Ikonnikova, Valentina A. (2014) *Vozniknoveniye i razvitiye kul'turnogo komponenta v anglojazychnoy yuridicheskoy terminologii (na materiale terminosistem Anglii, Shotlandii i SSHA (Roots and Development of English Law Terminology with Special Reference to Terminological Systems of England, Scotland and USA). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2014. (In Russian)].*
- Имплицитность в языке и речи / ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. [Borisova, Yelena G., & Martemyanov, Yuriy S. (eds) (1999) *Implitsitnost' v yazyke i rechi (Implicitness in Language and Speech). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].*
- Ирисханова О. К. К вопросу о коммуникативном мышлении: полимодальное измерение аспектуальности // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2017. С. 57—60. [Iriskhanova, Olga K. (2017) К вопросу о коммуникативном мышлении: полимодальное измерение аспектуальности (On the Question of Communicative Thinking: A Polymodal Dimension of Aspectuality). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive Studies of Language). Tambov: Tambov State University, 57—60. (In Russian)].*
- Ирисханова О. К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов: жесты «поэтические» vs «прозаические» // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII / ред. Т. В. Романова. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 989—993. [Iriskhanova, Olga K. (2019) К вопросу о коммуникативном мышлении: полимодальное измерение аспектуальности (On the Question of Communicative Thinking: A Polymodal Dimension of Aspectuality). In Romanova, Tatyana V. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive Studies of Language) Issue 37. Nizhny Novgorod: DEKOM Publishing House, 989—993. (In Russian)].*
- Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах. Кн. I — III: Семь свободных искусств / пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитоновна. СПб: Евразия, 2006. [Isidore of Seville.

- (2006) *Etimologii ili Nachala* (The Etymologies, or Beginnings). In 20 books. Books 1-3: Seven Liberal Arts. Saint Petersburg: Evrasia. (In Russian)].
- Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. [Kazarina, Valentina I. (2002) *Sintaksicheskiy kontsept «sostoyaniye» v sovremennom russkom yazyke (k voprosu o ego formirovani)* (The Syntactic Concept of “State” in the Modern Russian Language (On the Problem of its Formation). Yelets: Yelets State University. (In Russian)].
- Карабаева А. Г. Нарратив в науке и образовании // Инновации и образование: сб. материалов конференции. Серия «Symposium», вып. 29. СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2003. С. 89—96. [Karabayeva, Aliya G. (2003) *Narrativ v nauke i obrazovanii* (Narrative in Science and Education). In Pigrov, Konstantin S., et al. (eds) *Innovatsii i obrazovaniye* (Innovations and Education), Issue 29. Saint Petersburg: Sankt-peterburgskoye filosofskoye obshchestvo (St. Petersburg Philosophical Society), 89—96. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковая спираль: Ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. [Karasik, Vladimir I. (2015) *Yazykovaya spiral': Tsennosti, znaki, motivy* (Language Spiral: Values, Signs, Motives). Volgograd: Paradigm. (In Russian)].
- Карасик В. И. Прокрастинация: Векторы оценки // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2019. С. 196—201. [Karasik, Vladimir I. (2019) *Prokrastinatsiya: Vektory otsenki* (Procrastination: Evaluation Vectors). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 37. Tambov: Tambov State University, 196—201. (In Russian)].
- Карпова О. М. Английская лексикография: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия. 2010. [Karpova, Olga M. (2010) *Angliyskaya leksikografiya* (English Lexicography: a Textbook for Students of Higher Educational Institutions). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Карпова О. М. Словарь как инструмент пользователя информационного пространства // Новая экономика и региональная наука. 2018. 2.

- C. 46—52. [Karpova, Olga M. (2018) Slovar' kak instrument pol-zovatelya iformatsionnogo prostranstva (A Dictionary as a User's Instrument in Information Era). *New Economics and Regional Science*, 2, 46—52. (In Russian)].
- Карпова О. М. Современные тенденции в английской лексикографии // Современная германистика и западноевропейская литература: Коллективная монография / ред. А. В. Иванов, В. М. Бухаров. М.: Флинта, 2019. С. 178—193. [Karpova, Olga M. (2019) *Sovremennyye tendentsii v angliyskoy leksikografii* (Modern Tendencies in English Lexicography) In Ivanov, Andrey V., & Bukharov, Valeriy M. (eds) *Sovremennaya germanistika i zapadnoyeuropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature). Moscow: Flinta, 178—193. (In Russian)].
- Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Воронежский гос. тех. ун-т, 2001. [Kashkin, Vyacheslav V. (2001) *Funktsional'naya tipologiya (neopredelennyy artikul')* (Functional Typology (Indefinite Article)). Voronezh: Voronezh State Technical University. (In Russian)].
- Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования 4 / ред. Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев. М.: РАН, 2010. С. 134—152. [Kibrik, Andrey A. 2010. *Mul'timodal'naya lingvistika* (Multimodal Linguistics). In Aleksandrov, Ju. I., & Solovyev, V. D. (eds) *Kognitivnyye issledovaniya 4* (Cognitive Research 4). Moscow: RAS, 134—152. (In Russian)].
- Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29—59. [Kibrik, Alexandr Ye. (2015) *Kognitivnyy podkhod k yazyku* (Cognitive Approach to Language). In Kibrik, Andrey A.; Koshelev, Aleksey D., & al. (eds) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: The Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC Publishing House, 25—29. (In Russian)].
- Кибрик А. Е., Федорова О. В., Николаева Ю. В. Невербальная коммуникация // Введение в науку о языке / ред. С. Г. Татевосов, О. В. Федорова. М.: Буки Веди, 2019. С. 276—284. [Kibrik, Aleksandr Ye., Fedorova, Olga V., & Nikolaeva, Juliya V. (2019) *Neverbal'naya kommunikatsiya* (Non-verbal Communication). In Tatevosov, Sergey

- G., & Fedorova, Olga V. (eds) *Vvedeniye v nauku o yazyke* (Introduction to the science of the language). Moscow: Buki Vedi, 276—284. (In Russian)].
- Клепикова Т. А. Лингвистические метарепрезентации. СПб.: Астерион, 2008. [Klepikova, Tatyana A. (2008) *Lingvisticheskiye metareprezentatsii* (Linguistic Meta-representations). Saint Petersburg: Asterion. (In Russian)].
- Клепикова Т. А. «Разделяемое языковое сознание»: метакогнитивные процессы в языке и речи // Когнитивные исследования языка. Вып. VI / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2010. С. 270—273. [Klepikova, Tatyana A. (2010) “Razdelyaemoye yazykovoye soznaniye”: metakognitivnye processy v yazyke i rechi (“Shared Language Consciousness”: Metacognitive Processes in Language and Speech). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 6. Tambov: Tambov State University, 270—273. (In Russian)].
- Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. [Klyuyev, Yevgeniy V. (2002) *Rechevaya kommunikatsiya* (Speech Communication). Moscow: RIPOL KLASSIK. (In Russian)].
- Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / ред. Б. Ю. Городецкий. М.: Прогресс, 1986. С. 7—21. [Kobozeva, Irina M. (1986) “Teoriya rechevykh aktov” kak odin iz variantov teorii rechevoy deyatelnosti (“Theory of Speech Acts” as one of the Variants of the Theory of Speech Activity). In Gorodetskiy, Boris Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 17. Teoriya rechevykh aktov (New in Foreign Linguistics. Vol. 17. Theory of Speech Acts). Moscow: Progress, 7—21. (In Russian)].
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. № 5. С. 462—470. [Kobozeva, Irina M., & Laufer, Nataliya I. (1988) Ob odnom sposobe kosvennogo informirovaniya (About one Method of Indirect Informing). *Izvestiya AN SSSR* (Bulletin of the USSR Academy of Sciences), 5, 462—470. (In Russian)].
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов дол-

- женствования // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 169—175. [Kobozeva, Irina M., & Laufer, Nataliya I. (1991) Semantika modal'nykh predikatov dolzhenstvovaniya (Semantics of Modal Predicates of Necessity). In Arutyunova, Nina D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnyye kontsepty* (Logical Analysis of Language. Cultural Concepts). Moscow: Nauka, 169—175. (In Russian)].
- Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. [Kolesov, Vladimir. V. (2004) *Yazyk i mental'nost'* (Language and Mentality). Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. [Kolshanskiy, Gennadiy V. (1990) *Obyektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* (Objective Picture of the World in Knowledge and Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. [Kondakov, Nikolay I. (1975) *Logicheskii slovar'-spravochnik* (Logic Reference-book). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Корлыханова Е. Л. Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МПГУ, 2000. [Korlyhanova, Yelena L. (2000) *Vzaimodeystviye prosodicheskikh i kinesicheskikh sredstv v vyrazhenii emotsional'nykh znacheniy radosti, gneva, udivleniya v scenicheskoy rechi (na materiale angliyskogo yazyka)* (Interaction of Prosodic and Cynesic Means in the Expression of Emotional Meanings of Joy, Anger, Surprise in Stage Speech (On the Material of the English Language)). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian)].
- Корнилов О. А. Языковая картина мира как отражение национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. [Kornilov, Oleg A. (2003) *Yazykovaya kartina mira kak otrazheniye natsional'nykh mentalitetov* (The Linguistic Picture of the World as a Reflection of National Mentality). Moscow: CheRo. (In Russian)].
- Кострова О. А. Стратегии модализации высказывания в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики, 2021. № 1. С. 89—100. [Kostrova, Olga A. (2021) Strategii modalizatsii

- vyskazyvaniya v nemetskoj lingvokul'ture (Strategies of modality choice of Utterances in German Culture). *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 89—100. (In Russian)]. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-1-89-100.
- Костюлина Ю. С. Номинация цвета в рекламе глянцевых журналов // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 53—55. [Kostyulina, Yuliya S. (2017) Nominatsiya tsveta v reklame glyantsevykh zhurnalov (Color Nomination in Advertising for Glossy Magazines) *Baltic Humanitarian Journal*, 6, 1 (18), 53—55. (In Russian)].
- Кошелев А. Д. На пороге эволюционно-синтетической теории языка // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 123—154. [Koshelev, Aleksey D. (2015) Na poroge evolyutsionno-sinteticheskoy teorii yazyka (On the Threshold of Evolutionary-Synthetic Theory of Language). In Kibrik, Andrey A.; Koshelev, Aleksey D., & al. (eds) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: The Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC Publishing House, 123—154. (In Russian)].
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. [Krasnykh, Viktoriya V. (2003) “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili real'nost'? (“One’s own” among “Strangers”: Myth or Reality?). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Кронеберг И. Я. Латинско-Россійскій лексиконъ. В 2 ч. Ч. I А-М. М.: Въ Типографіи С. Селивановскаго, 1834. [Kroneberg, Ivan Ya. (1834) *Latinsko-russkiy leksikon* (The Latin-Russian Lexicon). In two Parts. Part I A-M. Moscow: Printed by S. Selivanovskiy. (In Russian)].
- Кронеберг И. Я. Латинско-Русскій лексиконъ. М.: Въ Типографіи С. Селивановскаго, 1849. [Kroneberg, Ivan Ya. (1849) *Latinsko-russkiy leksikon* (The Latin-Russian Lexicon). Moscow: Printed by S. Selivanovskiy. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований / ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1977. С. 222—303. [Kubryakova, Yelena S. (1977) Teoriya nominatsii i slovoobrazovaniye (Theory of Nomination and Word Formation). In Serebrennikov, Boris A. (ed.) *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy* (Language Nomination. Types of Nominations). Moscow: Nauka, 222—303. (In Russian)].

- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Yelena S. (2004) *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasty rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* (Language and Knowledge. On the Path of Acquiring Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Кудрина Н. А. Прецедентное знание как основа научной концептуализации // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2011. С. 206—208. [Kudrina, Natalya A. (2011) *Pretsedentnoye znaniye kak osnova nauchnoy kontseptualizatsii* (Precedent Knowledge as the Basis of Scientific Conceptualization). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 8. Tambov: Tambov State University, 206—208. (In Russian)].
- Кудря О. А. Вторичные цветообозначения в словаре и художественном тексте (на материале английского и украинского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. [Kudrya, Olga A. (2015) *Vtorichnyye tsvetooboznacheniya v slovare i khudozhestvennom tekste (na materiale angliiskogo i ukrainskogo yazykov)* (Secondary Color Terms in the Dictionary and Literary Text (Based on English and Ukrainian Languages)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: RUDN University. (In Russian)].
- Кузьмина С. Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта: Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: НГЛУ, 2015. [Kuz'mina, Svetlana Ye. (2015) *Prostoye predlozheniye sovremennogo angliyskogo yazyka kak sredstvo reprezentatsii sintaksicheskogo kontsepta* (A Simple Sentence of the Modern English Language as a Means of Representing a Syntactic Concept). Advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: Монография. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2006.

- [Kulikova, Lydmila V. (2006) *Kommunikativnyy stil' v mezhkul'turnoy paradigme* (Communicative Style in the Intercultural Paradigm). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. (In Russian)].
- Кулько О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: труды и материалы Международной научной конференции. Казань: Казанский гос. ун-т культуры и искусств, 2004. С. 224—225. [Kulko, O. I. (2004) *Kolorativy i oznacheniya tsveta v reklame* (Coloratives and Color Designations in Advertising). In *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy* (Russian and Comparative Philology: State and Prospects). Kazan: Kazan University of Culture and Arts, 224—225. (In Russian)].
- Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 22.00.01. М.: МГИМО, 2011. [Kurske, Vladislav S. (2011) *Mnozhestvennaya etnicheskaya identichnost': teoreticheskiye podkhody i metodologiya issledovaniya (na primere rossiyskikh nemtsev)* (Multiple Ethnic Identity: Theoretical Approaches and Research Methodology (On the Example of Russian Germans)). Extended abstract of PhD thesis in Sociology. Moscow: MGIMO University. (In Russian)].
- Лапинская И. П., Набиева А. С. Обозначение цвета в косметологии // Инновационные процессы в лингводидактике: Сб. науч. трудов. Воронеж: Воронежский гос. тех. ун-т, 2006. Вып. 4. С. 15—20. [Lapinskaya, I. P., & Nabyeva, A. S. (2006) *Oboznacheniye tsveta v kosmetologii* (The Color Designation in Cosmetology). In *Innovatsionnyye protsessy v lingvodidaktike* (Innovative Processes in Linguodidactics). Issue 4. Voronezh: Voronezh State Technical University, 15—20. (In Russian)].
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Издат. Дом ЯСК, 2006. [Larina, Tatyana V. (2006) *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* (Category of Politeness and Communicative Style. Comparison of English and Russian Lingual and Cultural Traditions). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Латинский Лексиконъ — Латинский Лексиконъ съ Россійскимъ переводомъ

- изъ лучших Латинскихъ писателей собранный Государственной Коллегии Иностранныхъ Дплъ Переводчикомъ Фомою Розановымъ. (1797) М.: Собственнымъ иждивеніемъ. [Rozanov, Foma. (trans.) (1797) *Latinskiy Leksikon s Rossiyskim perevodom iz luchshikh Latinskikh pisateley* (Latin Lexicon with Russian Translation from the Best Latin Writers, Compiled by the Interpreter of the State Colleague of Foreign Affairs Foma Rozanov). Moscow: at own expense. (In Russian and Latin)].
- Левицкий А. Э. Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2016. С. 184—191. [Levitskiy, Andrey E. (2016) *Antropotsentrizm kak osnova kognitivno-diskursivnogo analiza yedinitits yazyka* (Anthropocentrism as the Basis of Cognitive-discourse Analysis of Language Units). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 27. Tambov: Tambov State University, 184—191. (In Russian)].
- Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н. Цветобозначение *красный* в английском и русском сказочном дискурсе: лингвокультурный аспект // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. трудов. Вып. 3. М.: КДУ, Университетская книга, 2020. С. 127—131. [Levitskiy, Andrey E., & Nikulshina, Tatyana N. (2020) *Tsvetooboznachenіye krasnyu v angliyskom i russkom skazochnom diskurse: lingvokul'turnyy aspekt* (*Red color in Russian and English Fairy Tale Discourse: Linguocultural Specifics*). In Molchanova, Galina G. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* (Language. Culture. Translation. Communication). Issue 3. Moscow: KDU, Universitetskaya Kniga, 127—131. (In Russian)], doi:10.31453/kdu.ru. 91304.0134.
- Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н. Вербализация *коричневого* в сказочных картинах мира русских и англичан: сопоставительный аспект // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Г. Кузьминой, Н. А. Фененко. Воронеж: Истоки, 2021а. С. 321—329. [Levitskiy, Andrey E., & Nikulshina, Tatyana N. (2021) *Verbalizatsiya korichneвого v skazochnykh kartinakh mira russkikh i anglichan: sopostavitel'nyi aspekt* (Verbalization of Brown in the Fairy-Tale Pictures of the World of the Russians

- and the British: a Comparative Aspect). In Kuzmina, L. G., & Fenenko, N. A. (eds) *Yazykovaya kartina mira v usloviyakh mul'tilingvizma i mul'tikul'turalizma: perevodcheskiy, lingvisticheskiy i didakticheskiy aspekty* (Linguistic Picture of the World in the Conditions of Multilingualism and Multiculturalism: Translation, Linguistic and Didactic Aspects). Voronezh: Istoki Publ., 321—329. (In Russian)].
- Левитский А. Э., Никольшина Т. Н. Цвет серый: проблема категоризации и вербализации (на материале русского и английского сказочных дискурсов) // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (46) / ред. А. В. Иванов. Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. С. 168—172. [Levitskiy, Andrey E., Nikulshina, Tatyana N. (2021) *Tsvet seryu: problema kategorizatsii i verbalizatsii (na materiale russkogo i angliyskogo skazochnykh diskursov)* (*Grey Colour: Categorization and Verbalization in Russian and English Fairy Tale Discourse*). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 3 (46). Nizhny Novgorod: LUNN, 168—172. (In Russian)].
- Леман Ю. Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени / пер. Наталии А. Бакши, Алексея И. Жеребина. М.: Издат. Дом ЯСК, 2018. [Lehman, Jürgen. (2018) *Russkaya literatura v Germanii. Vospriyatiye russkoy literatury v khudozhestvennom tvorchestve i literaturnoy kritike nemetskoazychnykh pisateley s XVIII veka do nastoyashchego vremeni* (Russian Literature in Germany. Perception of Russian Literature in Artistic Creation and Literary Criticism of German-Speaking Writers from the 18th Century to the Present). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. [Leontyev, Aleksey N. (2000). *Lektsii po obshchey psikhologii* (Lectures on General Psychology). Moscow: Smysl. (In Russian)].
- Литературное Зарубежье России. Энциклопедический справочник / ред. Е. П. Чельшев, А. Я. Дегтяров. М.: Парад, 2006. [Chelyshev, Yevgeniy P., & Degtyarov, Aleksandr Ya. (eds) (2006) *Literaturnoye Zarubezh'ye Rossii. Entsiklopedicheskiy spravochnik* (Literary Abroad of Russia. Encyclopedic Reference Book). Moscow: Parad.
- Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в

- системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С. 23—27. [Lobacheva, D. V. (2010) Kul'turnyy transfer: opredeleniye, struktura, rol' v sisteme literaturnykh vzaimodeystviy (Cultural Transfer: Definition, Structure, Role in the System of Literary Interactions). *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2010, 8 (98), 23—27. (In Russian)].
- Лошаков А. Г. Метаконцепты и метатексты в аспекте концепции сверхтекста // Вестник ВятГУ. 2008. № 1-2. С. 14—18. [Loshakov, Aleksandr G. (2008) Metakontsepty i metateksty v aspekte kontsepcii sverkhsteksta (Metaconcepts and Metatexts in the Aspect of the Concept of a Supertext). *Herald of Vyatka State University*, 1-2, 14—18. (In Russian)].
- Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. В 3 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. [Lübker, Friedrich. (2001) *Reallexikon des klassischen Altertums* (Real Lexicon of Classical Antiquities). Moscow: OLMA-PRESS. (In Russian)].
- Маджаева С. И., Байдашева Э. М. К вопросу об изучении термина с компонентом цветообозначения в языке медицины // Вестник СВФУ. 2020. № 1 (75). С. 88—97. [Madzhayeva, Sanya I., & Baydasheva, Elvira M. (2020) K voprosu ob izuchenii termina s komponentom tsvetooboznacheniya v yazyke meditsiny (Terms with a Color Component in Clinical Medicine). *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 1 (75), 88—97. (In Russian)], doi: 10.25587/SVFU.2020.75.55416.
- Макаров М. А. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. [Makarov, Mikhail L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* (Fundamentals of the Discourse Theory). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Малыгина А. В. Гендерные аспекты как тексты культуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. М.: Московский гос. ун-т культуры и искусств, 2008. [Malygina, Anna V. (2008) *Gendernye aspekty kak teksty kul'tury* (Gender Aspects as Texts of Culture). Extended Abstract of PhD thesis in Philosophy. Moscow: Moscow State Institute of Culture and Arts. (In Russian)].
- Мамонтова В. В. Корпусная лингвистика в современной парадигме // Актуальные вопросы современной науки. 2010. Вып. 12. С. 230—

238. [Mamontova, Viktoria V. (2010) Korpusnaya lingvistika v sovremennoy paradigme (Corpus Linguistics in the Modern Paradigm). *Actual Issues of the Contemporary Science*, 12, 230—238. (In Russian)].
- Маник С. А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2020. [Manik, Svetlana A. (2020) *Angloyazychnaya politicheskaya leksikografiya: formirovaniye, razvitiye, sovremennoye sostoyaniye* (English Political Lexicography: Formation, Development, Modern State). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Маныкин В. А. Социолингвистический аспект функционирования диалектов немцев Поволжья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1992. [Manykin, Vladimir A. (1992) *Sotsiolingvisticheskiy aspekt funktsionirovaniya dialektov nemtsev Povolzhya* (Sociolinguistic Aspect of the Functioning of Volga Germans' Dialects). PHD thesis in Philology. Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. [Marouzeau, Jules. (1960) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (A Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Foreign Literature. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2011. [Medvedeva, Tatyana S.; Oparin Mark V., & Medvedeva, Diana I. (2011). *Klyuchevyye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury* (Key Concepts of German Linguistic Culture). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].
- Меньшикова С. И. Метаконцепт «нравственность» и его репрезентация в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. VI / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2010. С. 276—278. [Men'shikova, Svetlana I. (2010) Metakontsept «npravstvennost'» i yego reprezentatsiya v khudozhestvennom tekste (The Metaconcept “Morality” and its Representation in a Literary Text). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 6. Tambov: Tambov State University, 276—278. (In Russian)].

- Мехов Д. В. Лингвистические и социокультурные аспекты мелиорации // Омский научный вестник. 2014. № 4. С. 97—100. [Mekhov, Dmitriy V. (2014) *Lingvisticheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty melioratsii* (Linguistic and Socio-Cultural Aspects of Land Reclamation). *Omsk Scientific Bulletin*, 4, 97—100. (In Russian)].
- Мецгер Б. М. Ранние переводы Нового Завета: Их источники, передача, ограничения. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. [Metzger, Bruce Manning (2004) *Ranniye perevody Novogo Zaveta: Ikh istochniki, peredacha, ogranicheniya* (The Early Versions of the New Testament: Their Origins, Transmission and Limitations). Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute. (In Russian)].
- Мещерякова А. А., Синеокова Т. Н. Представления испытуемых о корреляции между условиями предъявления текстов на L1 и L2 и количеством воспроизводимых предложений // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2021. Вып. 7 (14). С. 159—164. [Meshcheryakova, Aleksandra A., & Sineokova, Tatyana N. (2021) *Predstavleniya ispytuyemykh o korrelyatsii mezhdu usloviyami predyavleniya tekstov na L1 i L2 i kolichestvom vosproizvodimykh predlozheniy* (Testees' Perception of Correlation between Conditions of Texts Presentation in L1 and L2 and Number of Reproduced Sentences). *Theoretical and Applied Aspects of Studying Speech Activity*, 7 (14), 159—164. (In Russian)].
- Милосердова Е. В. Прагматика речевого общения. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2001. [Miloserdova, Yelizaveta V. (2003) *Pragmatika rechevogo obshcheniya* (Pragmatics of Speech Communication). Tambov: Tambov State University. (In Russian)].
- Мирошников Ю. И. Аксиология: концепция эмотивизма. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. [Miroshnikov, Yuriy I. (2007) *Aksiologiya: kontseptsiya emotivizma* (Axiology: the Concept of Emotivism). Yekaterinburg: RAS Institute of Philosophy and Law. (In Russian)].
- Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / ред. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. [Morris, Charles. (1983) *Osnovaniya teorii znakov* (Foundations of the Theory of Signs). In Stepanov, Yu. S. (ed.) *Semiotika* (Semiotics). Moscow: Raduga. (In Russian)].
- Москалюк Л. И. Социолингвистические аспекты речевого поведения

- российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. [Moskalyuk, Larisa I. (2000) *Sotsiolingvistiicheskiye aspekty rechevogo povedeniya rossiyskikh nemtsev v usloviyakh bilingvizma* (Sociolinguistic Aspects of Speech Behavior of Russian Germans in the Context of Bilingualism). Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. (In Russian)].
- Мотов С. В. Обучение грамматике английского языка на лингвокогнитивной основе // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 179. С. 32—39. [Motov, Sergey V. (2019) *Obucheniye grammatike angliyskogo yazyka na lingvokognitivnoy osnove* (Teaching English Grammar on Linguocognitive Basis). *Tambov University Review. Series: Humanities*, 179, 32—39. (In Russian)]. doi:10.20310/1810-0201-2019-24-179-32-39
- Муф Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. [Moore, George E. (1984) *Principy etiki* (Principia ethica). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Мяжкова Е. Ю. Единицы внутреннего метаязыка с точки зрения их моделирования // Когнитивные исследования языка. Вып. VI / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2010. С. 279—281. [Myagkova, Yelena Yu. (2010) *Yedinitsy vnutrennego metayazyka s tochki zreniya ikh modelirovaniya* (Units of the Internal Metalanguage from the Viewpoint of their Modeling). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 6. Tambov: Tambov State University, 279—281. (In Russian)].
- Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М: Родник, 1994. (Nazarov, Mikhail V. (1994) *Missiya russkoy emigratsii* (Mission of the Russian Emigration). Moscow: Rodnik. (In Russian)].
- Названова И. А. Концепт «ирреальность» в семантическом пространстве русского языка: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Таганрог: Таганрогский гос. пед. ун-т, 2006. [Nazvanova, Irina A. (2006) *Kontsept "Irreal'nost'" v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka* (The Concept "Irreality" within the Semantic Space of the Russian Language). PhD thesis in Philology. Taganrog: Taganrog State Pedagogical University. (In Russian)].
- Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53—64. [Nikitin, Mikhail V. (2004)

- Razvernutyye tezisy o kontseptakh (Detailed Theses on Concepts). *Vo-prosy kognitivnoy lingvistiky* (Issues of Cognitive Linguistics), 1, 53—64. (In Russian)].
- Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Libroком, 2009. [Nikitin, Mikhail V. (2009) *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* (Fundamentals of the Linguistic Theory of Meaning). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка). Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2007. [Nikonova, Zhanna V. (2007) *Freymovuyu analiz rechevykh aktov (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* (Frame Analysis of Speech Acts (Based on the Material of the Modern German Language)). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Сочинения / ред. К. А. Свасьян. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5—238. [Nietzsche, Friedrich. (1990) *Tak govoril Zarathustra* (Thus spoke Zarathustra). In Svasyan, Karen A. *Nietzsche. Sochineniya* (Nietzsche's Works). In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl'. (In Russian)].
- Онипенко Н. К. Категория лица в грамматике и тексте // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М.: Издат. Дом ЯСК, 2018. С. 199—224. [Onipenko, Nadezhda K. (2018) *Kategoriya litsa v grammatike i tekste* (Category of Person in Grammar and in Text). In Bondarko, Alexandr V., & Kazakovskaya, Viktoriya V. (eds) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Predikativnyye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste* (Problems of Functional Grammar. Predicative Categories in the Utterance and Whole Text). Moscow: LRC Publishing House, 199—224. (In Russian)].
- Орехова Н. Н., Обухова О. Н. Говоры этнических немцев Глазова (предварительные результаты полевых исследований) // Немцы новой России: перспективы развития: материалы конференции. М.: МСНК-Пресс, 2010. С. 124—127. [Orekhova, Natalya N., & Obukhova, Olga N. (2010) *Govory etnicheskikh nemtsev Glazova (predvaritel'nyye rezul'taty polevykh issledovaniy)* (The Dialects of Glazov's Ethnic Germans (Preliminary Results of Field Research)). In

- German, Arkadiy A. (ed.) *Nemtsy novoy Rossii: perspektivy razvitiya* (Germans of the New Russia: Development Prospects). Conference Papers. Moscow: MSNK-Press, 124—127. (In Russian)].
- Орехова Н. Н., Обухова О. Н. Этносоциологическое направление в исследованиях лингвокультуры немцев Глазова (по материалам полевых исследований) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): материалы конференции / ред. А. А. Герман. М.: МСНК-Пресс, 2012. С. 123—128. [Orekhova, Natalya N., & Obukhova, Olga N. (2012) Etnosotsiologicheskoye napravleniye v issledovaniyakh lingvokul'tury nemtsev Glazova (po materialam polevykh issledovaniy) (Ethnosociological Aspect in the Studies of the Linguoculture of Glazov Germans (Based on the Field Research Materials)). In German, Arkadiy A. (ed.) *Dva s polovinoy veka s Rossiyey (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemtsev v Rossiyu)* (Two and a Half Centuries with Russia (On the 250th Anniversary of the Beginning of Germans' Mass Resettlement to Russia)). Conference Papers. Moscow: MSNK-Press, 123—128. (In Russian)].
- Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / ред. Б. Ю. Городецкий. М.: Прогресс, 1986. С. 22—129. [Austin, John L. (1986) Slovo kak deystviye (Word as Action). In Gorodetskiy, Boris Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 17. Teoriya rechevykh aktov (New in Foreign Linguistics. Vol. 17. Theory of Speech Acts). Moscow: Progress, 22—129. (In Russian)].
- Пермякова О. В., Торсунова Т. В. Гендерная поэтика художественного текста // Гендерные аспекты социогуманитарного знания: сб. трудов конференции / Д. Б. Вершинина. Пермь: ПГНИУ, 2012. [Permyakova, Oksana V., & Torsunova, Tatyana V. (2012) Gender-naya poetika khudozhestvennogo teksta (Gender Poetics of a Literary Text). In Vershinina, D. B. (ed.) *Gender Aspects of Socio-humanitarian Knowledge*. Proceedings of the Conference. Perm': Perm' National Research University. (In Russian)].
- Петров В. В., Герасимов В. И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Когнитивные аспекты языка / ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. [Petrov, Viktor V., & Gerasimov, Vladimir I. (1988) Na puti k

- kognitivnoy modeli yazyka (On the Way to the Cognitive Model of Language. In Petrov, Viktor V., & Gerasimov, Vladimir I. (eds) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 13. Kognitivnyye aspekty yazyka (New in Foreign Linguistics. Vol. 13. Cognitive Aspects of Language). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Петрова М. А. Типы немодальных значений модальных предикатов: на материале славянских и германских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. [Petrova, Mariya A. (2007) *Tipy nemodal'nykh znacheniy modal'nykh predikatov: na materiale slavyanskikh i germanskikh yazykov* (Types of Non-modal Meanings of Modal Predicates: Exemplified by Slavonic and Germanic Languages). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russian)].
- Петрова Т. Г. «Возрождение» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918-1990 / ред. А. Н. Николюкин. Т. 2. Периодика и литературные центры. Ч. 1-3. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 524—531. [Petrova, Tatyana G. (2000) *Vozrozhdeniye (Revival)*. In Nikolyukin, Aleksandr N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya Russkogo Zarubezh'ya 1918-1990. T. 2. Periodika i literaturnyye tsentry. Ch. 1-3* (Literary Encyclopedia of the Russian Diaspora 1918-1990. Vol. 2. Periodicals and Literary Centers. Parts 1-3). Moscow: Russian Political Encyclopedia, 524—531. (In Russian)].
- Печенникова Л. В. Цветообозначения в рекламном дискурсе (на материале англо-американской и российской рекламы предметов быта): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2006. [Pechennikova, Liubov' V. (2006) *Tsvetooboznacheniya v reklamnom diskurse (na materiale anglo-amerikanskoj i rossijskoj reklamy predmetov byta)* (Color Coding in Advertising Discourse (Based on Anglo-American and Russian Advertising of Household Items)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Издат. Дом ЯСК, 2001. [Peshkovskiy, Aleksandr M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* (Russian Syntax in the Scientific View). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Пирс Ч. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. [Peirce, Charles. (2000) *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* (Selected

- Philosophical Works). Moscow: Logos. (In Russian)].
- Плунгян В. А. Почему языки такие разные. М.: АСТ-ПРЕСС, 2010. [Plungyan, Vladimir A. (2010) *Pochemu yazyki takiye raznyye* (Why the Languages So Different). Moscow: AST-PRESS. (In Russian)].
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungyan, Vladimir A. (2011) *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskkiye znacheniya i grammaticheskkiye sistemy yazykov mira* (Introduction into Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of World Languages). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Поспелова А. Г. Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики / ред. В. В. Бурлакова. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1988. С. 141—152. [Pospelova, Aleksandra G. (1988) *Kosvennyye vyskazyvaniya* (Indirect statements). In Burlakova, Varvara V. (ed.) *Spornyye voprosy angliyskoy grammatiki* (Controversial Issues of English Grammar). Leningrad: Leningrad State University, 141—152. (In Russian)].
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8—69. [Postovalova, Valentina I. (1988) *Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka* (Picture of the World in Human Life). In Serebrennikov, Boris A. (ed.) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* (The Role of the Human Factor in Language: Language and the Picture of the World). Moscow: Nauka, 8—69. (In Russian)].
- Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев: Вища школа, 1986. [Pocheptsov, Oleg G. (1986) *Osnovy pragmaticheskogo opisaniya predlozheniya* (Fundamentals of the Pragmatic Description of Sentence). Kiyev: Vishcha shkola. (In Russian)].
- Привалова И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование: Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. [Privalova, Irina V. (2006) *Yazykovoye soznaniye: etnokul'turnaya markirovannost': teoretiko-eksperimental'noye issledovaniye* (Linguistic Consciousness: Ethnocultural Marking: Theoretical and Experimental Re-

- search). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russian)].
- Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург: Российский гос. профессионально-педагогический ун-т, 2009. [Pronin, Aleksandr A. (2009) *Rossiyskaya emigratsiya v otechestvennykh dissertatsionnykh issledovaniyakh 1980-2005 gg.: bibliometricheskii analiz* (Russian Emigration in Domestic Research 1980-2005: A Bibliometric Analysis). Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University. (In Russian)].
- Пропп В. Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. [Propp, Vladimir Ya. (1998) *Morfologiya "volshebnoy" skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* (Morphology of a "Fairy Tale". The Historical Roots of the Fairy Tale). Moscow: Labirint. (In Russian)].
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта; Наука, 2006. [Prokhorov, Yuriy E., & Sternin, Iosif A. (2006) *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* (Russians: Communicative Behavior). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].
- Раев М. И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919-1939 / пер. Анны Ратобыльской. М.: Прогресс-академия, 1994. [Rayev, Mark I. (1994) *Rossiya za rubezhom: istoriya kul'tury russkoy emigratsii, 1919-1939* (Russia Abroad: History of the Culture of the Russian Emigration, 1919-1939). Moscow: Progress-akademiya. (In Russian)].
- Разин Д. А. Евгений Андреевич Гагарин [Электронный ресурс] // Литературная карта Архангельской области. URL: <http://writers.aonb.ru/gagarin-e.a.html>. [Razin, Denis A. Yevgeniy Andreyevich Gagarin (Yevgeniy Andreyevich Gagarin). In *Literaturnaya karta Arkhangel'skoy oblasti* (Literary Map of the Arkhangelsk Region). Retrieved from <http://writers.aonb.ru/gagarin-e.a.html>. (In Russian)].
- Разин Д. А. Художественный мир Е. А. Гагарина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008. [Razin, Denis A. (2008) *Khudozhestvennyy mir Ye. A. Gagarina* (The Artistic World of Ye. A. Gagarin). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Arkhangelsk: Pomor State University. (In Russian)].

- Рахманкулова С. Е. Структура простого высказывания на английском языке. Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. [Rakhmankulova, Svetlana Ye. (2018) *Struktura prostogo vyskazyvaniya na angliyskom yazyke* (Structure of Simple Utterance in English). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е. Современная когнитивная лингвистика в преподавании грамматики иностранного языка // Вестник НГЛУ. 2020. № 49. С. 86—103. [Rakhmankulova, Svetlana Ye. (2020) *Sovremennaya kognitivnaya lingvistika v prepodavanii grammatiki inostrannogo yazyka* (Modern Cognitive Linguistics in Teaching Grammar of a Foreign Language). *LUNN Bulletin*. 49, 86—103. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е. Узуальная синтаксическая интерференция: проявления и пути преодоления (на материале английского и русского языков) // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 450. С. 40—48. [Rakhmankulova, Svetlana Ye. (2020) *Uzualnaya sintaksicheskaya interferentsiya: proyavleniya i puti preodoleniya (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* (Usual Syntactic Transfer: Manifestations and Ways of Overcoming (Based on the Material of the English and Russian Languages)). *Tomsk State University Journal*, 450, 40—48. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е., Ибо Н. Е., Цветкова Л. И. Специфика аутентичной английской речи по сравнению с русской: сопоставительный аспект механизма компрессии // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Сб. материалов Второй Всероссийской конференции с международным участием (21-22 мая 2021 г.) / ред. С. Е. Рахманкулова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. С. 84—93. [Rakhmankulova, Svetlana Ye.; Ibo, Natalya E., & Tsvetkova, Lidiya I. (2021) *Spetsifika autentichnoy angliyskooy rechi po sravneniyu s russkoy: sopostavitelnyy aspekt mekhanizma kompressii* (Specifics of Authentic English Speech Versus Russian Speech: A Comparative Aspect of the Compression Mechanism). In Rakhmankulova, Svetlana Ye. (ed.) *Actual Problems of philology and Linguodidactics*. Proceedings of the 2nd All-Russia Conference with international Participation. Nizhny Novgorod: LUNN, 84—93. (In Russian)].
- Русинов А. Великий обман. Записки из Советской России, ускользнувшие от ГПУ / пер. с нем. яз. Л. И. Левина. Архангельск: Лоция,

2017. [Rusinov, Andrey. (2017) *Velikiy obman. Zapiski iz Sovetskoj Rossii, uskol'znuvshiyе ot GPU* (Great Deception. Notes from Soviet Russia that eluded the GPU). Arkhangelsk: Lotsiya. (In Russian)].
- Рябков С. С. Фреймовая структура речевого акта *Vertrag* в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2008. [Ryabkov, Sergey S. (2008) *Freymovaya struktura rechevogo akta Vertrag v sovremennom nemetskom yazyke* (The Frame Structure of the Speech Act *Vertrag* in the Modern German Language). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Рябцева Н. К. Знание языка и знания о языке: метаязык речевого общения // Когнитивные исследования языка. Вып. III / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2008. С. 45—55. [Ryabtseva, Nadezhda K. (2008) *Znaniye yazyka i znaniya o yazyke: metayazyk rechevogo obshheniya* (Language Knowledge and Knowledge about Language: the Metalanguage of Speech Communication). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Issue 3. Tambov: Tambov State University, 45—55. (In Russian)].
- Священномученик Антоний (Быстров) Архангельский, Холмогорский, епископ [Электронный ресурс] // Православный церковный календарь. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-antonij-bystrov>. [Svyashchennomuchenik Antoniy (Bystrov) Arkhangel'skiy, Kholmogorskiy, yepiskop (Hieromartyr Anthony (Bystrov) of Arkhangelsk, Kholmogory, Bishop). In *Pravoslavnyy tserkovnyy kalendar'* (Orthodox Church Calendar). Retrieved from <https://azbyka.ru/days/sv-antonij-bystrov>. (In Russian)].
- Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Издат. Дом ЯСК, 2004. [Seliverstova, Olga N. (2004) *Trudy po semantike* (Works on Semantics). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике / ред. Е. В. Падучева. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 43—78. [Sapir, Edward. (1985) *Graduirovaniye: semanticheskoye issledovaniye* (Graduation: Semantic Research). In Paducheva, Yelena V. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 16. *Lingvisticheskaya pragmatika* (New in Foreign Linguistics. Vol. 16. Linguistic Pragmatics). Moscow: Progress, 43—78.

- (In Russian)].
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / ред. Б. Ю. Городецкий. М.: Прогресс, 1986. С. 195—222. [Searle, John Rogers. (1986) *Kosvennyye rechevyye akty* (Indirect Speech Acts). In Gorodetskiy, Boris Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 17. *Teoriya rechevykh aktov* (New in Foreign Linguistics. Vol. 17. Theory of Speech Acts). Moscow: Progress, 195—222. (In Russian)].
- Сибирцев Иустин Михайлович [Электронный ресурс] // Архангельский некрополь. URL: <http://arh-necropol.narod.ru/index/sibircev/0-89>. [Sibirtsev Iustin Mikhaylovich (Sibirtsev Justin Mikhailovich). In *Arkhangel'skiy nekropol'* (Arkhangelsk Necropolis). Retrieved from <http://arh-necropol.narod.ru/index/sibircev/0-89>. (In Russian)].
- Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 1997. [Skoblikova, Yelena S. (1997) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya* (Contemporary Russian. Syntax of Simple Sentence). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Словарь поэтов Русского Зарубежья / ред. В. П. Крейд. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. [Kreyd, Vadim P. (ed.) (1999) *Slovar' poetov Russkogo Zarubezh'ya* (Dictionary of Poets of the Russian Diaspora). Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russian)].
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2004. [Slyshkin, Gennadiy G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* (Linguocultural Concepts and Metaconcepts). Advanced PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Смирницкая С. В., Баротов М. А. Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб.: Изд-во РАН, 1997. [Smirnitskaya, Svetlana V., & Barotov, Machnun A. (1997) *Nemetskiye govory Severnogo Tadjikistana* (German Dialects of Northern Tajikistan). Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Сокулер З. А. Проблема обоснования знания. Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера. М.: АН СССР, 1988.

- [Sokuler, Zinaida A. (1988) *Problema obosnovaniya znaniya. Gnoseologicheskiye kontseptsii L. Vitgenshteyna i K. Poppera* (The Problem of Substantiation of Knowledge. The Epistemological Concepts of L. Wittgenstein and K. Popper). Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Список сотрудников управления «Севстрой» на 15 октября 1930 г. // ГАОО. Ф. 4164. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об. [Spisok sotrudnikov upravleniya «Sevstroy» na 15 oktyabrya 1930 g. (List of Employees of the “Sevstroy” Management on October 15, 1930). In *Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti*. Fond 4164. Opis'. 1. Delo 8. List. 7 oborot (State Archives of the Arkhangel'sk Region, Fund 4164, Inventory 1, Case 8, Sheet 7 turn). (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. [Stepanov, Yuriy S. (1981) *Imena, predikaty, predlozheniya (Semiologicheskaya grammatika)* (Nouns, Predicates, Sentences. Semiological Grammar). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. [Stepanov, Yuriy S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Степанова А. В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2006. [Stepanova, Anna V. (2006) *Intertekstual'naya priroda obraza i obraznosti (na materiale obraznykh sravnitel'nykh konstruksiy angliyskoy i amerikanskoy literatury 19 i 20 vv.)* (The Intertextual Nature of Image and Imagery (Exemplified by the Figurative Comparative Constructions of English and American Literature of the 19th and 20th centuries)). PhD thesis in Philology. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Сун Чуньчунь. Колоративная лексика в русском рекламном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018. [Sun Chunchun. (2008) *Kolorativnaya leksika v russkom reklamnom tekste* (Colorative Vocabulary in Russian Advertising

- Text). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Сухова Н. В. Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МГЛУ, 2004. [Sukhova, Natal'ya V. (2004) *Vzaimodeystviye prosodii i neverbal'nykh sredstv v monologicheskoy rechi (na materiale angliyskikh dokumental'nykh fil'mov)* (Interaction of Prosody and Non-verbal Means in Monologue Speech (On the Material of English Documentaries)). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. [Teliya, Veronika N. (1986) *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinits* (Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2008) *Voyna i mir yazykov i kul'tur* (War and Peace of Languages and Cultures). Moscow: Slovo. (In Russian)].
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика, структура / ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227—284. [Toporov, Vladimir N. (1983) *Prostranstvo i tekst* (Space and Text). In Tsivyan, Tatyana V. (ed.) *Tekst: semantika, struktura* (Text: Semantics and Structure). Moscow: Nauka, 227—284. (In Russian)].
- Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33—42. [Toshchenko, Zhan, & Chaptykova, Tatyana I. (1996) *Diaspora kak obyekt sotsiologicheskogo issledovaniya* (Diaspora as an Object of Sociological Research). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies), 12, 33—42. (In Russian)].
- Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М.: Иногиз, 1962. [Trakhterov, Aleksandr L. (1962) *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya* (English Phonetic Terminology). Moscow: Foreign Literature. (In Russian)].
- Тронский И. М. К вопросу о месте древнегреческого ударения // Язык и стиль античных писателей / отв. ред. А. И. Доватур. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1966. [Tronskiy, Joseph M. (1966) *K voprosu o meste drevnegrecheskogo udareniya* (On the Question of the Place of Ancient Greek Stress). In Dovatur, Aristid I. (ed.) *Yazyk i stil antichnykh*

- pisateley* (Language and Style of Ancient Writers). Moscow: Leningrad State University. (In Russian)].
- Файзуллин Ф. С., Асылгузин Р. Р. Этничность и этническая идентичность. Уфа: Гилем, 2005. [Fayzullin, Fanil S., & Asylguzhin, Rafil R. (2005) *Etnichnost' i etnicheskaya identichnost'* (Ethnicity and Ethnic Identity). Ufa: Gilem. (In Russian)].
- Федорова Е. В. Ранняя латинская письменность (VIII — II вв. до н. э.). М.: МГУ, 1991. [Fedorova, Yelena V. (1991) *Rannnyaya latinskaya pis'mennost'* (VIII — II vv. do n. e.) (Early Latin Inscriptions (VIII — II centuries BC)). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Федорова Л. Л. Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Московский лингвистический журнал. 2003. Вып. 7. № 2. С. 21—40. [Fedorova, Lydmila L. (2003) *Mekhanizmy izmeneniya distantsii v rechevom vzaimodeystvii* (Mechanisms of Distance Change in Speech Interaction). *Moscow Journal of Linguistics*, 7 (2), 21—40. (In Russian)].
- Фейхтвангер Л. Москва. 1937 год. М: Гослитиздат, 1937. [Feuchtwanger, Lion. (1937) *Moskva. 1937 god* (Moscow 1937). Moscow: Goslitizdat. (In Russian)].
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Когнитивные аспекты языка / ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. С. 52—92. [Fillmore, Charles J. (1988) *Frejmy i semantika ponimaniya* (Frames and the Semantics of Understanding). In Petrov, Viktor V., & Gerasimov, Vladimir I. (eds) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 13. *Kognitivnyye aspekty yazyka* (New in Foreign Linguistics. Vol. 13. Cognitive Aspects of Language). Moscow: Progress, 52—92. (In Russian)].
- Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. [Formanovskaya, Natalya I. (2007) *Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika* (Speech Interaction: Communication and Pragmatics). Moscow: IKAR. (In Russian)].
- Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2004. [Furs, Lyudmila A. (2004) *Sintaksicheski reprezentiruemye kontsepty* (Syntactically Representable Concepts). Tambov: Tambov State University. (In Russian)].

- Харченко В. К. Лексикографирование оттенков цвета // Проблемы русского и общего языкознания: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 5. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2007. С. 77—87.
[Kharchenko, Vera K. (2007) *Leksikografirovaniye ottenkov tsveta* (Lexicography of color shades). In *Problemy russkogo i obshchego yazykoznaniiya* (Problems of Russian and General Linguistics). Issue 5. Yelets: Yelets State University, 77—87. (In Russian)].
- Харченко В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское: свыше 4000 слов в 8000 контекстах. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2009. [Kharchenko, Vera K. (2009) *Slovar' tsveta: real'noye, potentsial'noye, avtorskoye* (Color Dictionary: Actual, Potential, Author's). Moscow: Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing. (In Russian)].
- Холодилова М. А. Грамматикализация русских модальных глаголов // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. XI. 1. С. 369—399.
[Kholodilova, Mariya A. (2015) *Grammatikalizatsiya russkikh modal'nykh glagolov* (Grammaticalization of Russian Modal Verbs). *Acta Linguistica Petropolitana*, XI, 1, 369—399. (In Russian)].
- Хэмп Э. П. Словарь американской лингвистической терминологии. М.: Прогресс, 1964. [Hamp, Eric Pratt. (1964) *Slovar' amerikanskoy lingvisticheskoy terminologii* (A Dictionary of American Linguistic Terminology). Moscow: Progress Publishers. (In Russian)].
- Цибуля Н. Б. Соотношение жестов, просодии и значения слов // События в коммуникации и когниции: Материалы Международной научной конференции / ред. О. К. Ирисханова. М.: МГЛУ, 2016. С. 164—165. [Tsibulya, Natal'ya V. (2016) *Sootnosheniye zhestov, prosodii i znacheniya slov* (Correlation of gestures, prosody and meaning of words). In *Iriskhanova, Olga K. (ed.) Sobytiya v kommunikatsii i kognitsii* (Events in Communication and Cognition). Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow: Moscow State Linguistic University, 164—165. (In Russian)].
- Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002.
[Tsurikova, Lyubov' V. (2002) *Problema yestestvennosti diskursa v mezhhkul'turnoy kommunikatsii* (The Problem of Naturalness of Discourse in Intercultural Communication). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].

- Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60—88. [Chafe, Wallace. (2015) Na puti k lingvistike, osnovannoy na myshlenii (Towards Thinking-based Linguistics). In Kibrik, Andrey A.; Koshelev, Aleksey D., & al. (eds) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: the Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC Publishing House, 60—88. (In Russian)].
- Ченки А. Qualities of Event Construal in Speech and Gesture: Aspect and Tense // События в коммуникации и когниции: Материалы Международной научной конференции / ред. О. К. Ирисханова. М.: МГЛУ, 2016. С. 13—14. [Cienki, Alan. (2016) Qualities of Event Construal in Speech and Gesture: Aspect and Tense. In Iriskhanova, Olga K. (ed.) *Sobytiya v kommunikatsii i kognitsii* (Events in Communication and Cognition). Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow: Moscow State Linguistic University, 13—14].
- Ченки А. Gestures and grammatical constructions // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII / ред. Т. В. Романова. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 120—125. [Cienki, Alan. (2019) Gestures and grammatical constructions. In Romanova, Tatyana V. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language) Issue 37. Nizhny Novgorod: DEKOM Publishing House, 120—125].
- Шакирова Э. Р. Интенция говорящего и аспекты ее реализации: на материале английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2003. [Shakirova, Elvira R. (2003) *Intentsiya govoryashchego i aspekty yeye realizatsii: na materiale angliyskogo yazyka* (Speaker's Intention and Aspects of its Implementation: On the material of the English Language). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Ufa: Bashkir State University. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens: монография. М.: URSS; Либроком, 2012. [Shakhovskiy, Viktor I. (2012) *Golos emotsiy v yazykovom krugе homo sentiens* (The Voice of Emotions in the Language Circle of homo sentiens). Moscow: URSS: Librokom. (In Russian)].
- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. [Schweitzer, Aleksandr D., & Nikolsky, Leonid B. (1978) *Vvedeniye v sotsiolingvistiku* (Introduction to Sociolinguistics).

- Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Шилова Е. А. Общие тенденции развития англоязычной терминологии туризма // Вестник Ивановского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 1. С. 60—63. [Shilova, Yekaterina A. (2019) *Obschiye tendentsii razvitiya angloyazychnoy terminologii turizma* (General Tendencies of Development of English Touristic Terminology). *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*, 1, 60—63. (In Russian)].
- Шкредова М. И. Советизмы в эмигрантской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Архангельск: Мурманский гос. гуманитарный ун-т, 2014. [Shkredova, Mariya I. (2014) *Sovetizmy v emigrantskoy proze* (Sovietisms in Émigré Prose). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Arkhangelsk: Murmansk State Humanitarian University. (In Russian)].
- Щенникова Н. В. Структурно-семантические и функциональные характеристики русского идиома английского языка: Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2017. [Shhennikova, Natalya V. (2017) *Strukturno-semanticheskiye i funktsional'nyye kharakteristiki russkogo idioma angliyskogo yazyka* (Structural-semantic and Functional Characteristics of the Russian Idiom of the English Language). Advanced PhD thesis in Philology. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Явчуновский Я. И. Документальные жанры. Образ, жанр, структура произведения. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1974. [Yavchunovskiy, Yakov I. (1974) *Dokumental'nyye zhanry. Obraz, zhanr, struktura proizvedeniya* (Documentary Genres. Image, Genre, Structure of the Work). Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- 10 best dictionary apps for Android. Retrieved from <https://www.androidauthority.com/best-dictionary-apps-android-751290>.
- Abraham, Werner. (2011) Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In Diewald, Gabriele, & Smirnova, Elena. (eds) *Modalität und Evidentialität*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 125—147.
- Abraham, Werner, & Leiss, Elisabeth. (2013) Einleitung. In Abraham, Werner, & Leiss, Elisabeth. (eds). *Funktionen von Modalität*. Berlin; Boston: De Gruyter, 1—24.

- Abraham, Werner, & Leiss, Elisabeth. (2014) Introduction. In Leiss, Elisabeth, & Abraham, Werner. (eds) *Modes of modality. Modality, typology, and universal grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1—15.
- Achard, Michel, & Niemeier, Susanne. (eds) (2004) *Cognitive Linguistics, Second Language Acquisition, and Foreign Language Teaching*. New York: Mouton de Gruyter, 119—141.
- Achard, Michel. (2018) Teaching usage and concepts: Towards a cognitive pedagogical grammar. In Tyler, Andrea; Huang, Lihong, & Jan, Hana. (eds) *What is Applied Cognitive Linguistics? Answers from Current SLA Research*, Berlin: Mouton de Gruyter, 37—62.
- Ahr, Rainhold. (2017) *Ein Brief von Ernst Wiechert — und seine Folgen*. Retrieved from https://www.ev-akademie-boll.de/fileadmin/user_upload/04_Akademie/05_Geschichte/korr_EW-Beitrag2017-Ein_Brief_von_E._Wiechert_und_seine_Folgen-1.pdf.
- Alexanian, Elena A. (2005) Les innovations du style narratif du XXe siècle. *Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften*, 16. Retrieved from http://www.inst.at/trans/16Nr/05_1/alexanian16.htm.
- Alturbeh, H., & Whidborne, J. F. (2020) Visual Flight Rules-Based Collision Avoidance Systems for UAV Flying in Civil Aerospace. *Robotics*, 9 (1), 9. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics9010009>.
- Apps dictionaries for young learners. Retrieved from <https://kids.wordsmyth.net/we>.
- Apps Oxford Dictionaries. Retrieved from <https://www.mobisystems.com/ru-ru/dictionaries/?from=&to=Select&brand=Oxford&sort=asc>.
- Arnold, Gottfried. (1700) *Gottfrid Arnolds Fortsetzung und Erläuterung Oder Dritter und Vierdter Theil der unpartheyifchen Kirchen- und Ketzer-Historie*. In 2 Bd. Bd. 2. Frankfurt am Mayn: bey Thomas Fritsch.
- Arseniew, Nicolas. (1929) Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. In *Einzeldarstellungen von Nicolas von Arseniew, Privatdozent an der Universität Königsberg, früher Professor an der Universität Saratof*. Mainz: Dioskuren Verlag.
- Arseniew, Nikolaus. (1964) *Die russische Frömmigkeit*. Zürich: EVZ-Verlag.
- Arseniew, Nikolaus. (1966) *Die geistigen Schicksale des russischen Volkes*. Graz; Wien; Köln: Verlag Styria.
- Barnhart, Robert K. (ed.) (2008). *Chambers Dictionary of Etymology*. Edinburgh: H.W. Wilson Company.
- Bartlett, Frederic. (1932) *Remembering*. Cambridge: Cambridge University

- Press.
- Baur, Johannes. (1998) *Die russische Kolonie in München 1900-1945. Deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Beda, Albinus. (1878) De arte metrica et de orthographia. In Keil, Henrich. (ed.) *Scriptores de orthographia*. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 217—312.
- Beekes, Robert. (2010) *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I A-Λ. Leiden: E. J. Brill.
- Béjoint, Henri. (2016) Dictionaries for General Users: History and Development. Current Issues. In Durkin, Philip. (ed.) *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford: Oxford University Press, 17—24.
- Benati, Chiara, & Händl, Claudia. (eds) (2019) *From Glosses to Dictionaries. The Beginnings of Lexicography*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Bergenholtz, Henning; Bothma, Theo J. D., & Gouws, Rufus H. (2015) Phases and Steps in the Access to Data in Information Tools. *Lexikos*, 25, 1—30.
- Berlin, Brent, & Kay, Paul. (1969) *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkley and Los Angeles: University of California Press.
- Biber, D.; Conrad, S., & Reppen, R. (2011) *Corpus linguistics: investigating language structure and use*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bickel, Ernst. (1917/18) Beiträge zur Römischen Religionsgeschichte. II. Zum Cybelekult (Stattus silc. V. 3, 176ff). In Brinkmann, August. (ed.) *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. 72. Frankfurt am Main: J. D. Sauerländers Verlag, 52—61.
- Birdwhistell, Ray L. (1973) *Kinesics and context*. Norwich: Penguin.
- BKKL — Brockhaus Kleines Konversations-Lexikon. In 2 Bd. Bd. I A-K. (1911). Leipzig: F. A. Brockhaus.
- BKL — Brockhaus Konversations-Lexikon. In 16 Bd. Bd. I A-Astrabad. (1894). Leipzig: F. A. Brockhaus. [14., vollst. neubearb. Aufl.]
- Bloch, Bernard, & Trager, George Leonard. (1942) *Outline of Linguistic Analysis*. Baltimore: Linguistic society of America.
- Boelhouwer, Bob; Dykstra, Anne, & Sijens, Hindrik. (2018) Dictionary Portals. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 754—766.
- Bolinger, Dwight. (1983) Affirmation and default. *Folia Linguistica*, 17,

99—116.

- Bottlenberg-Landsberg, Maria Theodora. (2012) Die Weissen Blätter: eine konservative Zeitschrift im und gegen den Nationalsozialismus. In Steinbach, Peter, & Tuchel, Johannes. (eds) *Schriften der Gedenkstätte Deutscher Widerstand Reihe A. Analysen und Darstellungen*. Berlin: Lukas Verlag.
- Boutet, Dominique, & Morgenstern, Aliyah. (2018) Speakers' Gestural Expression of Event Construal: Quantitative and qualitative analyses. In Cienki, Alan, & Iriskhanova, Olga K. (eds) *Aspectuality Across Languages*. Amsterdam: Benjamins.
- Boutet, Dominique; Morgenstern, Aliyah, & Cienki, Alan. (2016) A Grammatical Aspect and Gesture in French: A Kinesiological Approach. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 132—151.
- Bowles, Melissa, & Montrul, Silvina. (2008) The Role of Explicit Instruction in the L2 Acquisition of the A-Personal. In de Garavito, Joyce Bruhn, & Valenzuela, Elena. (eds) *Selected Proceedings of the 10th Hispanic Linguistics Symposium*, 25—35.
- Brewer, Charles. (2019) Standard Varieties of English from c. 1700. In Considine, John. (ed.) *The Cambridge World History of Lexicography*. Cambridge: Cambridge University Press, 484—508.
- Briggs, Katharine M. (1991) *A Dictionary of British Folktales in the English Language incorporating the F. J. Collection*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Brockhaus in Text- und Bildedition. (2002) Mannheim: Bibliographisches Institut, F. A. Brockhaus.
- Brown, Goold. (1861) *The Grammar of English Grammars*. In 2 vols. New York: Published by Samuel S. & William Wood.
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Bussmann, Hadumod. (2006) *Dictionary of Language and Linguistics*. London and New York: Taylor & Francis.
- Cambridge Dictionaries Online. Retrieved from <http://dictionary.cambridge.org>.
- Caruso, M.; Gallina, P., & Seriani, S. (2021) On the Modelling of Tethered Mobile Robots as Redundant Manipulators. *Robotics*, 10 (2), 81. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics10020081>.
- Cassiodorus Martyrivi. (1878) De orthographia et de arte grammatica. In

- Keil, Henrich. (ed.) *Scriptores de orthographia*. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 127—216.
- Casson, Ronald W. (1994) Russet, Rose, and Raspberry. The Development of English Secondary Color Terms. *Journal of Linguistic Anthropology*, 4, 1, 5—22.
- Christiansen, Jacobus. (1889) *De apicibus et i longis inscriptionum latinarum*. Dissertatio inauguralis. Husumensem: Prostat apud C. F. Delff.
- Cienki, Alan. (2017) Utterance Construction Grammar (UCxG) and the variable multimodality of constructions. *Linguistics Vanguard*, 3 (s1). DOI: 10.1515/lingvan-2016-0048.
- Collins English Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.
- Conrad, Rudi. (1975) *Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
- Considine, John, & Iamartino, Giovanni. (eds) (2007) *Words and Dictionaries from the British Isles in Historical Perspective*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Considine, John. (2019a) A Dictionary Ecosystem: Four Centuries of English Lexicography. In Ogilvie, Sarah. (ed.) *The Cambridge Companion to English Dictionaries*. Cambridge: Cambridge University Press, 89—100.
- Considine, John. (ed.) (2019b) *The Cambridge World History of Lexicography*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Corpus Lexicography. Main problems. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=2kQIvJYX-y0>.
- Covid-19 Language Hub. Retrieved from <https://languages.oup.com/covid-19-language-resources>.
- Crystal, David. (2008) *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. [6th ed.]
- De Knop, Sabine, & De Rycker, Teun. (eds) (2008) *Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- De Knop, Sabine; Boers, Frank, & De Rycker, Antoon. (eds) (2010) *Fostering Language Teaching Efficiency through Cognitive Linguistics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Deane, Paul. (1992) *Grammar in Mind and Brain. Explorations in Cognitive Syntax*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- DÉLL — Ernout, Alfred, & Meillet, Antoine. (2001) *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Paris: Klincksieck.

- Derrouaoui, S. H.; Bouzid, Y., & Guiatni, M. (2021) Nonlinear Robust Control of a New Reconfigurable Unmanned Aerial Vehicle. *Robotics*, 10 (2), 76. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics10020076>.
- Didirkova, Ivana; Dodane, Christelle, & Diwersy, Sascha. (2019) The Role of Disfluencies in Language Acquisition and Development of Syntactic Complexity in Children. In Rose, R. L., & Eklund, R. (eds) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12-13 September, 2019, Budapest, 85—86. doi: 10.21862/diss-09.
- Dieth, Eugen. (1950) *Vademekum der Phonetik*. Bern: A. Francke AG Verlag.
- Druthmarus, Christianus. (870) *Expositio In Matthaeum Evangelistam*. In *Documenta Catholica Omnia. De Scriptoribus Ecclesiae Relatis. Patrologia Latina*. Vol. MPL106, col. 1261C—1504C.
- Dubois, Jean. (ed.) (1994) *Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage*. Paris: Larousse.
- Duden — Wissenschaftlicher Rat und die Mitarbeiter der Duden-Redaktion. (eds) (1984) *Die Grammatik*. Berlin: Dudenverlag. [4., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]
- Duden-Universalwörterbuch. (2006) Elektronische Ausgabe. Mannheim: Bibliographisches Institut. [6., überarb. u. erw. Aufl.]
- Durkin, Philip. (ed.) (2016) *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- DWDS Kernkorpus 21 (2000-2010). Retrieved from [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache \(dwds.de\)](https://www.dwds.de).
- Dziemianko, Anna. (2018) Electronic Dictionaries. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York, 663—683.
- Educational App Store. Retrieved from <https://www.educationalappstore.com/app/category/english-literacy-apps><https://hifisamurai.github.io/lexicography>.
- EFT — English Fairy Tales. (1890) London: David Nutt.
- Egbert, James Chidester. (1896) *Introduction to the Study of Latin Inscriptions*. New York; Cincinnati; Chicago: American Book Company.
- Ehrhardt, Claus, & Heringer, Haus-Jürgen. (2011) *Pragmatik*. Paderborn: Wilhelm Fink.
- Ekman, Paul. (1981) The repertoire of nonverbal behavior. In Kendon, Adam; Sebeok, Thomas A., & Umiker-Sebeok, Jean. (eds) *Nonverbal Communication, Interaction, and Gesture: Selections from Semiotica*.

- Approaches to Semiotics*, 41. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 54—103.
- Ekman, Paul. (2004) Emotional and Conversational Nonverbal Signals. *Language, Knowledge, and Representation*, 99, 39—50.
- Ekman, Paul, & Friesen, Wallace V. (1969) The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding. *Semiotica*, 1, 49—98.
- Encyclopædia Perthensis — The New Encyclopædia; or, Universal Dictionary of Arts and Sciences. In 23 vols. Vol. II Anatomy-Astronomy. (1816). Edinburgh: Printed for John Brown.
- Engel, Uirich. (1996) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Julius Groos.
- Enhanced Shakespearean Corpus. Retrieved from <http://corpora.lancs.ac.uk/esc-user-service>.
- Esdaile, Katharine A. (1911) The Apex or Tutulus in Roman Art. *The Journal of Roman Studies*, 1, 212—226.
- Espagne, Michel, & Werner, Michael. (1987) La construction d'une référence culturelle allemande en France: genèse et histoire (1750-1914). *Annales Économies, Sociétés, Civilisations*, 42, 4, 969—992.
- Fandrych, Christian, & Thurmair, Maria. (2018) *Grammatik im Fach Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Grundlagen und Vermittlung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Fauconnier, Gilles, & Turner, Mark. (2002) *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
- Ferrentino, E.; Salvioli, F., & Chiacchio, P. (2021) Globally Optimal Redundancy Resolution with Dynamic Programming for Robot Planning: a ROS Implementation. *Robotics*, 10, 42. Retrieved from <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/42>.
- Feuchtwanger, Marta. (1983) *Nur eine Frau. Jahre — Tage — Stunden*. München: Verlag Langen-Müller.
- Findlater, Andrew. (1886) *Chambers's Etymological Dictionary of the English Language*. London and Edinburgh: W. & R. Chambers.
- Foster, John. (1820) *An Essay on the Different Nature of Accent and Quantity, With their Use and Application in the English, Latin, and Greek Languages*. London: Printed by J. F. Cove for R. Priestley.
- Freiburg, Charles. (2021) Downsizing and upgrading: why we need more spoken, more multilingual and more nonstandard corpora [Электронный ресурс]. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?>

- v=1uczsbgNMEQ&list=PLYHoxQ9dRIHf5r0DkOgWJcmFsXyZ-OIKl&index=26.
- Fried, Mirjam. (2015) Construction Grammar. In Alexiadou, A., & Kiss T. (eds) *Syntax — Theory and Analysis*. Berlin: Mouton de Gruyter, 974—1003.
- Frisk, Hjalmar. (1960) *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. In 3 Bd. Bd. I A-K. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- FTE — Folk Tales of England. (1964) London: Routledge and Kegan Paul Limited Broadway House.
- Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) (2018) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge.
- Fugal, J.; Bae, J., & Poonawala, H. A. (2021) On the Impact of Gravity Compensation on Reinforcement Learning in Goal-reaching Tasks for Robotic Manipulators. *Robotics*, 10, 46. Retrieved from <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/46>.
- Gagarin, Eugen. (1937) *Die Gewesenen. Russische Schicksale*. München: Kösel-Pustet.
- Gagarin, Eugen. (1939) *Der verwehte Weg: Novellen*. München: Kösel-Pustet.
- Gagarin, Eugen. (1941a) Die Hauptrohstoffgebiete des russischen Holzexports. *Intersylva*, 1, 73—94.
- Gagarin, Eugen. (1941b) *Die Wälder der Sowjetunion*. Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag.
- Gagarin, Eugen. (1942) Die Entwicklung der sowjetrussischen Holzverarbeitungsindustrie. *Intersylva*, 2, 146—166.
- Gagarin, Eugen. (1946) *Die letzte Weihnachtsreise: Erzählung*. München: Ehrenwirth.
- Gagarin, Eugen. (1949) Holzanbau zum Schutz der Felder in Russland. *Forstwissenschaftliches Zentralblatt*, 68 (9), 571—602.
- Gagarin, Evgenij A. (1948) *Rückkehr des Kornetts*. München: Ehrenwirth.
- Gally, Henry. (1754) *A Dissertation against Pronouncing the Greek Language according to Accents*. London: Printed for A. Millar.
- Gellius, Aulus. (1870) *Auli Gellii Noctes Atticae cum indicibus locupletissimis. Ad optimorum librorum fidem accurate editae*. Lipsiae: Sumptibus Ottonis Holtze.
- GELNT — A Greek-English Lexicon of the New Testament, being Grimm's Wilke's Clavis Novi Testamenti. (1889). New York; Cincinnati; Chicago: American Book Company.

- Georges, Karl Ernst. (1902) *Kleines lateinisch-deutsches Handwörterbuch*. Hannover und Leipzig: Hahnsche Buchhandlung.
- Georges, Karl Ernst. (1913) *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch*. In 2 Bd. Bd. I A-hypatoīdēs. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.
- Gladrow, Wolfgang, & Kotorova, Elisaveta. (2018) *Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen. Eine kontrastive Darstellung*. Berlin: Peter Lang.
- Glossary of Online Learning Terms. Retrieved from <https://thelearning-coach.com/resources/online-learning-glossary-of-terms>.
- Glück, Helmut. (ed.) (2000) *Metzler-Lexikon Sprache*. Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Goettling, Carl Wilhelm. (1835) *Allgemeine Lehre vom Accent der griechischen Sprache*. Jena: In der Cröker'schen Buchhandlung.
- Goldberg, Adele E. (2006) *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Gouws, Rufus H. (2018) Internet Lexicography in the 21st century. In Engelberg, Stefan; Kämper, Heidrun, & Storjohann, Petra. *Wortschatz: Theorie, Empirie, Dokumentation*. Berlin: De Gruyter, 215—236.
- Gove, Philip Babcock. (1993) *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*. Cologne: Könemann Verlagsgesellschaft MBH.
- Granger, Sylviane, & Paquot, Magali. (eds) (2012) *Electronic Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- Gregory, George. (1807) *A Dictionary of Arts and Sciences*. In 2 vols. Vol. II I-Zygyphyllum. London: Printed for Richard Phillips.
- Greimas, Algirdas J. (1966) Sémantique structurale. *Recherche de méthode*, 33—65.
- Gröschel, Berhard, & Parwanowa, Elena. (1985) *Russisch-Deutsches Wörterbuch der linguistischen Terminologie*. In 2 Bd. Bd. I A-Π. Münster: Institut für Allgemeine Sprachwissenschaft der Westfälischen Wilhelms-Universität. (Studium Sprachwissenschaft. Beiheft 3.1)
- Haapaja, Matti. (2021) *Best phone lens I have ever tried! anamorphic*. Retrieved from <https://yandex.ru/video/preview/?text=BEST%20PHONE%20LENS>.
- Haarmann, Hermann. (ed.) (1995) *Innen-Leben: Ansichten aus dem Exil*. Berlin: Fannei & Walz.
- Hall, Edward T. (1981) *Beyond culture*. Garden City; New York: Anchor Press; Doubleday.

- Hamp, Eric Pratt. (1957) *A Glossary of American Technical Linguistic Usage 1925 — 1950*. Utrecht; Antwerp: Spectrum Publishers.
- Hanks, Patrick. (2020) English Dictionaries and Corpus Linguistics. In Ogilvie, Sarah. (ed.) *The Cambridge Companion to English Dictionaries*. Cambridge: Cambridge University Press, 219—239.
- Harden, Thomas. (2009) Modalverben. In Hentschel, Elke, & Vogel, Petra M. (eds) *Deutsche Morphologie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009, 235—238.
- Hargraves, Orin. (2020) Electronic Dictionaries. In Ogilvie, Sarah. (ed.) *The Cambridge Companion to English Dictionaries*. Cambridge: Cambridge University Press, 207—218.
- Harpprecht, Klaus. (1995) *Thomas Mann: Eine Biographie*. Berlin: ROWOLT.
- Haverkate, Henk. (1979) *Impositive Sentences in Spanish. Theory and Description in Linguistic Pragmatics*. Amsterdam: North-Holland Publ.
- Hederich, Benjamin. (1713) *Anleitung Zu den fürnehmsten Philologischen Wissenschaften*. Wittenberg: Bey Gottfried Zimmermann.
- Heider, Eleanor R. (1972) Universals in Colour Naming and Memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 93 (1), 10—20.
doi: 10.1037/h 0032606.
- Heine, Bernd. (1997) *Cognitive Foundations of Grammar*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Hentschel, Elke, & Vogel, Petra M. (eds) (2009) *Deutsche Morphologie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Higgins, John. (1572) *HVLOETS Dictionarie*. Londini: In ædibus Thomæ Marfhij.
- Hijazo-Gascón, Alberto, & Llopis-García, Reyes. (2018) Applied Cognitive Linguistics and Foreign Language Learning. Introduction to the Special Issue. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 57. 10.1515/iral-2018-2004.
- Hilkes, Peter. (1989) Deutsche in der Sowjetunion: Sprachkompetenz und Sprachverhalten. *Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache*, 99, 69—83.
- Hilsenteger, Lewis George. (2020) *I'm Switching to the Galaxy S10* (Unbox Therapy Lewis George Hilsenteger) Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=qjBAtS4P4_4.

- Hilsenteger, Lewis George. (2021) *I'm Switching To The iPhone XS Max* (Unbox Therapy Lewis George Hilsenteger) Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=SeZsW1o-ja>.
- Hoad, Terry F. (ed.) (1996) *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Hoffmann, Michael. (2009) Mikro- und makrostilistische Einheiten im Überblick. In Fix, Ulla; Gardt, Andreas, & Knape, Joachim. (eds) *Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung*. Bd. 31.2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1529—1545.
- Holme, Randal. (2004) *Mind, Metaphor and Language Teaching*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hübner, Emil (Aemilivs). (1885) *Exempla scripturae epigraphicae latinae*. Berolini: apvd Georgivm Reimervm.
- Internet lexicography: requirements, concepts, research approaches. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=O8BQ5Of1228>.
- Isik, O. K.; Hong, J.; Petrunin, I., & Tsourdos, A. (2020) Integrity Analysis for GPS-Based Navigation of UAVs in Urban Environment. *Robotics*, 9 (3), 66. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics9030066>.
- Jackson, Howard. (2018) English Lexicography in the Internet Era. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 540—553.
- Jordanidisz, Ágnes; Mihály, Orsolya, & Bóna, Judit. (2019) Temporal Aspects of Disfluencies in Picture-elicited Story Telling before and after Intervention during the Dynamic Assessment of Children's Narrative Skills. In Rose, R. L., & Eklund, R. (eds) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12-13 September, 2019, Budapest, 100—101. doi: 10.21862/diss-09.
- Karpova, Olga M. (2011) English Author Dictionaries as Contribution to National Heritage. *Respectus Philologicus*, 39 (44), 11—20.
- Karpova, Olga M. (2019) Modern English Dictionaries. A Foreign User's View. *Respectus Philologicus*, 36 (41), 11—18.
- Kehlmann, Daniel. (2009) *Ruhm. Ein Roman in neun Geschichten*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- Kermode, Frank. (1990) *Poetry, Narrative, History*. Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell.
- Keyserling, Hermann. (1936) Der Weg zur Vollendung. In *Das Erbe der*

- Schule der Weisheit*, 26. Retrieved from <https://schuledesrades.org/palme/schule/erbe/?Q=4/7/38/196>.
- Klein, Ernest. (1971) *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Dealing with the origin of words and their sense development thus illustrating the history of civilization and culture*. Amsterdam: Elsevier Publishing Company.
- Klosa, Anette. (2021) Internet lexicography: requirements, concepts, research approaches. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=O8BQ5Of1228>.
- Knobloch, Johann. (1963) *Sprachwissenschaftliches Wörterbuch*. Bd. I. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Köbler, Gerhard. (2010) *Lateinisches Abkunfts- und Wirkungswörterbuch für Altertum und Mittelalter*. URL: <http://www.koeblergerhard.de/Mittel-latein-HP/VorwortMlat-HP.htm>.
- Konstantinidis, Giannis. (2005) *Elsevier's Dictionary of Medicine and Biology in English, Greek, German, Italian and Latin*. Grammatical information of Greek entries compiled by Stavroula Tsiantoula. Part I, Basic Table. Amsterdam: Elsevier B. V.
- Kosem, Iztok. (ed.) (2017) *Electronic Lexicography in the 21st century*. Proceedings of e-Lex 2017 Conference, Leiden, the Netherlands, 19-21 September. Brno: Lexical Computing.
- Kotin, Mikhail L. (2011) *Ik gihôrta dat seggen...* Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung. In Diewald, Gabriele, & Smirnova, Elena. (eds) *Modalität und Evidentialität*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 35—48.
- Kozem, Iztok, & Kuhn, Tanara Z. (eds) (2019). *Electronic Lexicography in the 21st century (e-Lexicography)*. *Smart Lexicography*. Book of Abstracts. Brno: Lexical Computing.
- Kramer, Johannes. (1991) Die Verwendung des Apex und P. Vindob. L 1 c. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 88, 141—50.
- Kurzke, Hermann. (2003) *Thomas Mann. Life as a Work of Art. A Biography*. Princeton: Princeton University Press.
- Kuße, Holger. (2012) *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Laczkó, Mária. (2019) Temporal Characteristics of Teenagers' Spontaneous Speech and Topic Based Narratives Produced during School Lessons. In Rose, R. L., & Eklund, R. (eds) *Proceedings of DiSS 2019, The*

- 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech, 12-13 September, 2019, Budapest, 63—66. doi: 10.21862/diss-09-017-laczko.
- Lai, Yu-Da. (2011) *A Cognitive Linguistics Approach to Language Teaching: Processing Instruction of Iconicity in EFL Classrooms*, 35, 43—90.
- Lakoff, George. (1990) The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-schemas? *Cognitive Linguistics*, 1 (1), 39—74.
- Lakoff, George, & Johnson, Mark. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Langacker, Ronald. (2000) *Grammar and Conceptualization*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, Ronald. (2008a) The Relevance of Cognitive Grammar for Language Pedagogy. In de Knop, Sabine, & de Rycker, Teun. (eds) *Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar*. New York: Mouton de Gruyter, 7—36.
- Langacker, Ronald. (2008b) Cognitive Grammar as a Basis for Language Instruction. In Robinson, P., Ellis, N. (eds) *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. London: Routledge, 66—88.
- Leech, Geoffrey. (1983) *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Leiss, Elisabeth. (2000) *Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster der Definitheit*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Leumann, Manu. (1977) *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung (Oscar Beck). (Handbuch der Altertumswissenschaft: Abt. 2; Teil 2, Lateinische Grammatik / von Leumann-Hofmann-Szantyr; Band 1)
- Lew, Robert, & De Schryver, Gilles-Maurice. (2014) Dictionary Users in the Digital Revolution. *International Journal of Lexicography*, 27, 4, 341—359.
- Liddell, Henry George, & Scott, Robert. (1855) *A Greek-English Lexicon*. Oxford: At the University Press.
- Liddell, Henry George, & Scott, Robert. (1996) *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.
- Lissandrini, N.; Michieletto, G.; Antonello, R.; Galvan, M.; Franco, A., & Cenedese, A. (2019) Cooperative Optimization of UAVs Formation Visual Tracking. *Robotics*, 8 (3), 52. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics8030052>.
- Littlemore, Jeannette. (2009) *Applying cognitive linguistics to second language learning and Teaching*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.

- Llopis-García, Reyes. (2016) Using Cognitive Principles in Teaching Spanish L2 Grammar. In del Carmen Méndez Santos, M. (ed.). *Nuevas perspectivas en la enseñanza del español como lengua extranjera*. [Special Issue]. *Hesperia*, XIX (2), 29—50.
- Łozowski, Piotr. (2018) Dictionaries and Culture. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 166—170.
- Lyons, John. (1968) Existence, Location, Possession and Transitivity. In Van Rootselaar, B. & Staal, J. F. (eds) *Logic, Methodology and Philosophy of Science*. Vol. III. Amsterdam, 495—504.
- MacLaury, Robert E. (1992) From Brightness to Hue: An explanatory Model of Color-category Evolution. *Current Anthropology*, 33, 2, 137—186.
- Macmillan Dictionary. Retrieved from <https://www.macmillan-dictionary.com>.
- Maekawa, Kikuo. (2019) Five Pieces of Evidence Suggesting Large Lookahead in Spontaneous Monologue. In Rose, R. L., & Eklund, R. (eds) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12-13 September, 2019, Budapest, 7—10. doi: 10.21862/diss-09-003-maekawa.
- Mahler-Werfel, Alma. (1964) *Mein Leben. Biographie*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.
- Mann, Katia. (2000) *Meine ungeschriebenen Memoiren*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.
- Marouzeau, Jules. (1951) *Lexique de la terminologie linguistique*. Paris: P. Geuthner.
- Mauthner, Martin. (2007) *German Writers in French Exile, 1933-1940*. London: Vallentine Mitchell.
- McEnery, T., & Hardy, A. (2011) *Corpus linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McKinnon, Peter. (2021) *The GoPro HERO 7 — Garbage OR Gold?* Retrieved from <https://yandex.ru/video/preview/?text=The%20Go-Pro%20HERO%207%20>.
- Meibauer, Jörg. (1999) *Pragmatik*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Meriam-Webster Medical Dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/medical>.
- Metzger, Bruce Manning. (1977) *The Early Versions of the New Testament: Their Origins, Transmission and Limitations*. Oxford: Clarendon Press.

- Meyer, Christian M., & Abel, Andrea. (2018) User Participation in the Internet Era. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: 735—753.
- MGKL — Meyers Großes Konversations-Lexikon. (1905) In 20 Bd. Bd. I. A-Astigmatismus. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Miller, David L. (1997) Beyond the Elements: Investigations of Hue. In Hardin, C. L., & Maffi, Luisa. (eds) *Color Categories in Thought and Language*. New York: Cambridge University Press, 151—162.
doi: 10.1017/CBO9780511519819.
- Mitterbauer, Helga. (1999) Kulturtransfer — ein vielschichtiges Beziehungsgeflecht. *Newsletter Moderne*, Heft 1, 23—25.
- MKL — Meyers Konversations-Lexikon. (1885) In 19 Bd. Bd. I. A-Atlantiden. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut. [4. Aufl.]
- Molnár, Albert Szenczi, & Beer, Johann Christoph. (1708) *Dictionarium Quadrilingue Latino-Ungarico-Græco-Germanicum*. Noriberga: Martinus Endter.
- Müller, F. (1923) Zur Geschichte der römischen Satire. *Philologus. Zeitschrift für das klassische Alterthum*, 32 (78), 230—280.
- Müller-Spitzer, Carolin; Koenig, Alexander, & Wolfer, Sascha. (2018) Dictionary Usage Research in the Internet Era. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: 715—734.
- Nentwich, C., & Reinhart, G. (2021) Method for Health Indicator Evaluation for Condition Monitoring of Industrial Robot Gears. *Robotics*, 10 (2), 80. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics10020080>.
- Nesi, Hilary. (2018) The Developments of Users and the Publishing World: Printed or Online, Free or Paid for? In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 579—589.
- Oliver, Revilo Pendleton. (1966) Apex and Sicilicus. *American Journal of Philology*, Vol LXXXVII, 2. Whole No. 346, 129—170.
- Onions, Charles Talbut. (ed.) (1937) *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles*. In 10 vols. Vol. I A-Bro. Oxford: Oxford University Press.
- Onions, Charles Talbut. (ed.) (1966) *Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Onions, Charles Talbut. (ed.) (1973) *The Shorter Oxford English Dictionary*;

- On Historical Principles*. In 2 vols. Vol. I A-Markworthy. Oxford: Clarendon Press.
- Ooi, Vincent B. (2018) Using the Web for Lexicographic Purposes. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: 684—700.
- Open Biomedical Corpora. Retrieved from <https://github.com/openbiocorpora>.
- Ortner, Hanspeter. (1983) Syntaktisch hervorgehobene Konnektoren im Deutschen. *Deutsche Sprache*, 11, 97—121.
- Oxford English Dictionary. Retrieved from <https://en.oxford-dictionaries.com/english>.
- Oxford Learner's Dictionaries. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
- Pagani, R.; Nuzzi C.; Ghidelli, M.; Borboni, A.; Lancini, M., & Legnani, G. (2021) Cobot User Frame Calibration: Evaluation and Comparison between Evaluation and Comparison between Positioning Repeatability Performances Achieved by Traditional and Vision-based Methods. *Robotics*, 10, 45. Retrieved from <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/45>.
- Parsons, James. (1747) XI. A phyiological account of the cafe of Margaret... *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*, vol. 44, issue 484, 621—626.
- Partridge, Eric. Origins. (1978) *A Short Etymological Dictionary of Modern English*. London and Henley: Routledge & Kegan Paul.
- Pei, Mario, & Gaynor, Frank. (1954) *A Dictionary of Linguistics*. New York: Philosophical Library.
- Pierer, Heinrich August. (1857; 1860; 1865) *Pierer's Universal-Lexikon der Vergangenheit und Gegenwart oder Neuestes enzyklopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe*. In 19 Bd. Bd. I A-Aufzwingen, Bd. XI Matelica-Nishnei-Kolymask, Bd. XIX Weck-Züllchow. Altenburg: Verlagsbuchhandlung von H. A. Pierer.
- Pozzi, M.; Prattichizzo, D., & Malvezzi, M. (2021) Accessible Educational Resources for Teaching and Learning Robotics. *Robotics*, 10, 38 Retrieved from <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/38>.
- Primatt, William. (1764) *Accentus Redivivi: Or, A Defence of an Accented Pronunciation of Greek Prose*. Cambridge: Printed by J. Bentham.

- Pütz, Martin, & Niemeier, Susanne. (eds) (2001) *Applied Cognitive Linguistics: Theory, Acquisition and Language Pedagogy*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Pütz, Martin; Niemeier, Susanne, & Dirven, René. (eds) (2001) *Applied Cognitive Linguistics II: Language Pedagogy*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Quintilianus, Marcus Fabius. (1920) *The Institutio Oratoria of Quintilian*. With an English translation by H. E. Butler, M. A. In four volumes. Vol. I. London: William Heinemann; New York: G. P. Putnam's Sons.
- Raeff, Marc. (1995) Emigration — welche, wann, wo? Kontexte der russischen Emigration in Deutschland 1920-1941. In Schlögel, Karl. (ed.) *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Berlin: Akademie Verlag, 17—31.
- Rakhmankulova, Svetlana Ye. (2021) A Cognitive Linguistics Approach to Teaching English Syntax to Russian EFL Learners. *Proceedings of 6th International Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language*, 33—47.
- Rastegarpanah, A.; Gonzalez, H. C., & Stolkin, R. (2021) Semi-Autonomous Behaviour Tree-Based Framework for Sorting Electric Vehicle Batteries Components. *Robotics*, 10 (2), 82. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics10020082>.
- Redford, Melissa A. (2019) Implications of a Developmental Approach for Understanding Spoken Language Production. In Rose, R. L., & Eklund, R. (eds) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12-13 September, 2019, Budapest, 84. doi: 10.21862/diss-09.
- Reis, Marga. (1977) *Präsuppositionen und Syntax*. Tübingen: Niemeyer.
- Rennie, Susan. (ed.) (2021) Children's Dictionaries. *Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of Northern America*. (In print).
- Reyher, Andreas. (1686) *Lexicon Latino-Germanicum: Sive Theatrum Romano-Teutonicum*. Lipsiæ & Francofurti: Reyher & Weidmann.
- Riesel, Elise. (1959) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.
- Riordan, James. (1987) *Folktales of British Folktales*. Moscow: Raduga.
- Robinson, Peter, & Ellis, Nick C. (eds) (2008) *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. London: Routledge.
- Robson, Charles. (1839) *A Greek Lexicon to the New Testament*. London: Published by Whittaker and Co.

- Rokeach, Milton. (1968) *Beliefs, Attitudes, and Values: A Theory of Organization and Change*. San Francisco: Jossey-Bass, Inc. (The Jossey-Bass social and behavioral science series)
- Rudzka-Ostyn, Brygida. (2003) *Word power: Phrasal Verbs and Compounds. A Cognitive Approach*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Rundell, Michael; Jakubíček, Miloš, & Kovář, Vojtěch. (2020) Technology and English Dictionaries. In Ogilvie, Sarah. (ed.) *The Cambridge Companion to English Dictionaries*. Cambridge: Cambridge University Press, 18—30.
- Russinow, Andrei. (1936) *Die große Täuschung: Aufzeichnung aus Sowjetrußland, die der G.P.U. entgangen sind*. Braunschweig: Wollermann.
- Russinow, Andrei. (1937) *Auf der Suche nach Russland. Sowjetrußland und das wahre Rußland*. Leipzig: Hesse und Becker Verlag.
- Sadock, Jerrold M. (1974) *Toward a Linguistic Theory of Speech Acts*. New York: Academic Press.
- Sandys, John Edwin. (1919) *An Introduction to the Study of Latin Inscriptions*. Cambridge: At the University Press.
- Scavrus, Terentivs. (1878) De orthographia. In Keil, Henrich. (ed.) *Scriptores de orthographia*. Lipsiae: In aedibvs B. G. Tevbnari, 11—35.
- Scheller, Immanuel Johann Gerhard. (1804) *Aufführliches und möglichst vollständiges lateinisch-deutsches Lexicon*. In 5 Bd. Bd. I A-C. Leipzig: bey Caspar Fritsch.
- Schenkel, J.; Taelle, P.; Goldberg, D.; Horney, J., & Hammond, T. (2020) Identifying Potential Mosquito Breeding Grounds: Assessing the Efficiency of UAV Technology in Public Health. *Robotics*, 9 (4), 91. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics9040091>.
- Schlögel, Karl. (1995) Russische Emigration in Deutschland 1918-1941. Fragen und Thesen. In Schlögel, Karl. (ed.) *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Berlin: Akademie Verlag, 11—16.
- Schottel, Justus Georg. (1663) *Aufführliche Arbeit Von der Teutschen Haupt-Sprache*. Braunschweig: Gedruckt und verlegt durch Christoff Friedrich Zilligern.
- Schwarzes Samtkleid. Rezension auf M. Feuchtwangers „Nur eine Frau. Jahre — Tage — Stunden“. *Der Spiegel*, 28, 1983. <https://www.spiegel.de/kultur/schwarzes-samtkleid-a-82ffc094-0002-0001-0000-14020848?context=issue>.

- Searle, John R. (1976) *Speech acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Serranus, Johannes. (1539) *Dictionarium Latinogermanicum*. Norimberga: Johannes Petreius.
- Shakespeare Drama Corpus. Retrieved from <https://dracor.org/shake>.
- Sicker, Frank. (ed.) (1993) *Moderne Reden und Ansprachen*. Niederhausen: Falken.
- Simeon, Rikard. (1969) *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*. Vol. I-II. Vol. I A-O. Zagreb: Matica hrvatska.
- Sinclair, J. (1991) *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press.
- Skeat, Walter William. (1989) *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford: At the Clarendon Press.
- Sketch Engine Open Corpora. Retrieved from <https://old.sketchengine.co.uk/open>.
- Smith, William. (1848) *Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London: Taylor, Walton, and Maberly, Upper Gower Street; etc. [2nd ed.]
- Steinvall, Anders. (2002) *English Colour Terms in Context*. Umeå: Umeå Universitet. Retrieved from <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:144764>.
- Stormonth, James. (1872) *The School Etymological Dictionary and Word-Book, Combining the Advantages of An Ordinary Pronouncing School-Dictionary and An Etymological Spelling-Book. For Use in Schools*. Edinburgh: William Blackwood & Sons.
- Strong, James. (1890) *A Concise Dictionary of the Words in the Greek Testament; with their Renderings in the Authorized English Version*. Nashville; New York: Abingdon Press.
- Suzuki, Shungo, & Kormos, Judit. (2019) The Effects of Read-aloud Assistance on Second Language Oral Fluency in Text Summary Speech. In Rose, R. L., & Eklund, R. (eds) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12-13 September, 2019, Budapest, 31—34. doi: 10.21862/diss-09-009-suzu-korm.
- Tai, James H.-Y. (1989) Toward a Cognition-based Functional Grammar of Chinese. In Tai, J. & Hsueh, F. (eds) *Functionalism and Chinese Grammar*. Chinese Language Association, 186—226.
- Taylor, John Russell. (1995) *Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Oxford University Press.

- The 3rd Globalex Workshop on Lexicography and Neology: Focus on Corona-related Neologisms. Retrieved from <https://elex.is/gwln3>.
- The Positive Lexicography. Retrieved from <https://hifisamurai.github.io/lexicography>.
- Tieroff, Rolf, & Vogel, Petra M. (2009) *Flexion*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Timm, Uwe. (1998) *Johannisnacht: Roman*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- TLRL — Teutfch-Lateinifch- und Ruzfisches Lexicon. (1731). St. Petersburg: Gedruckt in der Kayferlichen Academie der Wiffenschafften Buchdruckerey.
- Toibin, Colm. (2021) *Brooklyn*. Retrieved from https://royallib.com/read/ibn_olm/Brooklyn.html#0.
- Token, Henricus. (1454) *Rapularius domini magistri Hinrici Token*. Magdeburg.
- Tyler, Andrea. (2012) *Cognitive Linguistics and Second Language Learning*. New York: Routledge. doi:10.4324/9780203876039
- Tyler, Andrea; Mueller, Charles, & Ho, Vu. (2011) Applying Cognitive Linguistics to Learning the Semantics of English *to, for* and *at*: An Experimental Investigation. *Vigo International Journal of Applied Linguistics*, 8, 181—205.
- Urban Dictionary. Retrieved from <https://www.urbandictionary.com>.
- Vaan, Michiel de. (2008) *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden: E. J. Brill.
- Vaget, Hans Rudolf. (2011) *Thomas Mann, der Amerikaner. Leben und Werk im amerikanischen Exil 1938 — 1952*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.
- Valpy, Francis Edward Jackson. (1828) *An Etymological Dictionary of the Latin Language*. London: A. J. Valpy.
- Wahrig, Gerhard. (1989) *Deutsches Wörterbuch*. München: Mosaik Verlag GmbH.
- Walde, Alois. (1938) *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. In 3 Bd. Bd. I A-L. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Wiegand, Heinrich E.; Beißwenger, Michael, & al. (2020) *Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung (Dictionary of Lexicography and Dictionary Research)*. Bd. 3. Berlin: De Gruyter.
- Worcester, Joseph Emerson. (1888) *A New Etymological Dictionary of the English Language*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company.

- Wordnik. Retrieved from <https://www.wordnik.com>.
- Wunderlich, Dieter. (1976a) *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Wunderlich, Dieter. (1976b) Sprechakttheorie und Diskursanalyse. In Appel, Karl-Otto. (ed.) *Sprachpragmatik und Sprachphilosophie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 463—488.
- Wunderlich, Dieter. (1977) On Problem of Speech Act Theory. In Butts, R. E., & Hintikka, J. (eds) *Basic Problems in Methodology and Linguistics*. Dordrecht: Reidel, 243—258.
- Wunderlich, Dieter. (1979) Was ist das für ein Sprechakt? In Grewendorf, Günther. (ed.) *Sprechakttheorie und Semantik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 275—324.
- Wunderlich, Dieter. (1980) Methodological Remarks on Speech Acts Theory. In Searle, John R.; Kiefer, F., & Berwisch, Manfred. (eds) *Speech Acts Theory and Pragmatics*. Dordrecht: Reidel, 291—312.
- Yamakawa, Y.; Katsuki, Y.; Watanabe, Y., & Ishikawa, M. (2021) Development of a high-speed, low-latency telemanipulated robot hand system. *Robotics*, 10, 38. Retrieved from <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/41>.
- Yasuda, Sachiko. (2010) Learning Phrasal Verbs Through Conceptual Metaphors: A Case of Japanese EFL Learners. *TESOL Quarterly*, 44 (2), 250—273. doi:10.5054/tq.2010.219945
- Zeiller, Martin. (1659) *CENTVRIA III. VARIARVM QVÆSTIONVM*. Nürnberg: Gedruckt bey Wolff Eberhard Felßecker.
- Zemanek, Evi, & Nebrig, Alexander. (eds) (2012) *Komparatistik*. Berlin: Akademie Verlag.
- Zifonun, Gisela. (1997) Bedeutung der Modalverben. In Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger, & Strecker, Bruno. (eds) *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1881—1920.
- Zollinger, Heinrich. (1984) Why just Turquoise? Remarks on the Evolution of Color Terms. *Psychological Research*, 46 (4), 403—409. doi: 10.1007/BF00309072.
- Zwerenz, Ingrid. (2007) *Nur eine Frau?* Retrieved from <https://www.potenladen.de/zwerenz-ingrid-marta-feuchtwanger.htm>.

АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНОГРАФИИ

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Глава 1.1. Аксиологический концепт: векторы исследования

Глава посвящена векторам изучения фундаментальных характеристик универсума бытия человека и общества — ценностям и оценочности в их единстве и одновременно в их вариативной репрезентации в языке в целом и на примере немецкого языка, в частности. Одним из векторов исследования выступает форматирование знаний о ценностях через вторичный концепт с описанием его структуры и метасемантического содержания.

Глава 1.2. Лексико-грамматическая модализация высказывания в немецкой и русской лингвокультурах

В главе рассматривается концептуальное различие средств модализации и их функционирования в немецком и русском языках. Материал ограничивается модальными глаголами в немецком и их соответствиями в русском языке. Выводится зависимость концептуально-языковых различий от базовых культурных концептов немецкой и русской культур.

Глава 1.3. Оттеночные цветообразования в колористике английской сказки: лингвокультурный аспект

В главе выявляются лингвокультурные особенности оттеночных цветообозначений в сказочной картине мира англичан. Используются описательный метод, метод компонентного анализа и метод словарных дефиниций, лингвокультурологический анализ, семантический анализ и метод количественного анализа, которые системно описывают материал и вносят вклад в разработку методики реконструкции колористического фрагмента сказочной картины мира.

Глава 1.4. Проблема косвенности речевых актов (на примере современного немецкого языка)

В главе освещаются вопросы, связанные с трактовкой, критериями выявления и описания косвенных речевых актов в языке.

Во введении обосновывается актуальность исследования в контексте общей проблематики современной прагматической лингвистики, которая во многом обусловлена пересечением понятийных сфер терминов, используемых современными языковедами для выявления и описания косвенных речевых актов. Основная часть главы посвящена анализу теоретической литературы по проблемам косвенности и имплицитности, конвенциональности косвенных речевых актов, освещаются основные подходы и критерии к их описанию в языке. С опорой на результаты анализа научной литературы и примеров из современной немецкой художественной и публицистической литературы делаются выводы об основных компонентах понятийной сферы косвенного речевого акта, релевантных для выявления и описания этого языкового феномена. Приводится авторский взгляд на критерии выявления и описания косвенных речевых актов, которые могут быть использованы в ходе дальнейшей теоретической и практической разработки данной проблематики.

Глава 1.5. Специфика отражения события в синтаксисе английского высказывания: лингводидактический аспект

В главе с лингводидактической точки зрения рассматриваются особенности концептуализации события и его репрезентации в синтаксической структуре простого англоязычного высказывания. Выявляются общие механизмы, которые обуславливают различия в структурах англоязычного и русскоязычного высказываний об одном типе ситуации; их усвоение может способствовать развитию навыка построения синтаксически правильного и аутентичного высказывания несмотря на интерференцию родного языка.

Глава 1.6. Влияние вариабельности условий предъявления текстов на L1 и L2 на количество реализуемых предложений относительно их количества в исходных текстах

В главе обсуждаются статистические характеристики текстов, воспроизведенных в рамках эксперимента на родном и иностранном языках. Выявляется взаимосвязь между количеством предло-

жений в них и условиями предъявления текстов (порядок следования языков, способы презентации: графический, звуковой, смешанный).

Глава 1.7. Жестикуляционно-речевые кластеры в персуазивном дискурсе

Кинетические сигналы, сопровождают речевое общение и участвуют в передаче информации. В разных видах устной коммуникации обмен информацией обеспечивается благодаря взаимодействию и взаимодополняемости средств двух каналов — вербального (сегментного) и невербального (визуального). Настоящее исследование фокусируется на выявлении соотношения жестов, просодии и значения слов.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ

Глава 2.1. Лингвокультурные маркеры, репрезентирующие этническую идентичность российских немцев Удмуртии

В главе исследуются маркеры этнокультурной идентичности российских немцев города Глазова (Удмуртия), проживающих в иноязычном, иноэтническом и иноконфессиональном окружении. В статье проанализированы языковая ситуация, а также языковые традиции, прежде всего, процесс изучения родного языка как дистинктивного признака этнической идентичности российских немцев Глазова.

РАЗДЕЛ III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

Глава 3.1. Анализ категории отрицания: корпусный подход (на материале английского языка)

Глава посвящена сопоставительному анализу средств выражения отрицания в англоязычном научно-техническом и художественном дискурсах с использованием методики корпусно-ориентированного дискурс-анализа при помощи инструмента для исследования корпусов AntConc. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью комплексного изучения отрицания как одной из базовых категорий мышления, с другой, — расширением практики создания и анализа корпусов

текстов с помощью компьютерных технологий на основе принципов, сформулированных компьютерной лингвистикой. В ходе исследования было установлено, что AntConc не является совершенным при отборе лексических единиц с отрицательными аффиксами, так как к поиску добавляются все слова, включающие искомый элемент независимо от его значения. В художественном дискурсе преобладают лексические и синтаксические средства выражения отрицания, что объясняется частотным использованием разговорных и простых форм, используемых в этом типе дискурса, в то время как для научно-технического дискурса характерно использование морфологических средств выражения отрицания.

Глава 3.2. Апекс в историко-этимологическом и лексикографическом аспектах

Глава посвящена изучению этимологии и истории развития семантической структуры термина *арех*, который входит в состав терминологических систем русской, английской и немецкой лингвистики. В качестве отдельного предмета исследования выступают случаи и способы его лексикографирования в словарях общего и специального типа. Этимология термина до сих пор остается не проясненной, поскольку достоверно не выявлена связь лексемы *арех* с глаголом *аріѡ*. Изучение системы значений термина *арех* в историко-лингвистическом аспекте позволило уточнить семантическую структуру термина и проследить хронологию возникновения формирующих ее значений. Установлено, что семантическую структуру термина образуют шесть значений, из которых только два оказываются наиболее частотными и, как правило, отображаются в словарях при описании его семантики. Оставшиеся четыре значения обычно остаются вне поля зрения составителей словарей. Результаты анализа семантической структуры термина *арех* позволяют расширить его дефиницию за счет конкретизации и обособления отдельных его значений.

Глава 3.3. Английская лексикография в цифровую эпоху

Глава посвящена рассмотрению новых тенденций в английской лексикографии в эпоху Интернета. Описываются изменения в парадигме современной лексикографии: портрет пользователя цифрового информационного пространства, усиление учебного и культурологического компонентов словарей, новые цифровые лексикографические проекты, электронные корпуса для общих и специальных целей, репертуар словарей английского языка на мобильных телефонах для взрослой и юношеской аудитории.

Глава 3.4. Der deutsche Sprachbestand der Gegenwart nach seiner funktionalen Verwendung

Im Kapitel werden Grundsätze der funktionalen Verwendung von Sprachmitteln des deutschen Sprachbestandes der Gegenwart erläutert. Das Hauptaugenmerk liegt auf verschiedenen Arten der Stilfärbung sowie der Zugehörigkeit zum deutschen Allgemeinwortschatz.

РАЗДЕЛ IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Глава 4.1. Немецкая литература эмиграции в Америке: мемуары жен великих немецких писателей — Кати Манн, Марты Фейхтвангер, Альмы Малер-Верфель — в контексте гендерной поэтики

Глава посвящена творчеству немецкоязычных авторов, покинувших Германию после прихода Гитлера к власти и образовавших в Америке писательскую колонию, ставшую центром культурной жизни. В качестве материала исследования взяты мемуары жен таких известных писателей как Т. Манн, Л. Фейхтвангер и Ф. Верфель. Автобиографические тексты рассматриваются как документ эпохи, позволяющий проникнуть в сложные перипетии жизни в изгнании; вместе с тем внимание уделяется проблемам гендерной поэтики, позволяющим судить о характере и художественном темпераменте известных женщин, оставивших след в истории становления немецкоязычной литературы. Благодаря различиям в повествовательных стратегиях, тексты дополняют друг друга и дают более объективные сведения о жизни и настроениях

эмигрантов-интеллектуалов в Америке. Подобная исследовательская перспектива может привлечь отечественную аудиторию, интересующуюся судьбой немецкой эмиграции в Америке, и исследователей, занимающихся проблемами изучения гендерной поэтики.

Глава 4.2. Лингвокультурологические особенности немецкоязычного литературного творчества Евгения Гагарина

В главе представлены результаты исследования немецкоязычного творчества писателя-эмигранта Евгения Гагарина, выходца с Русского Севера. С позиций лингвокультурологии в контексте культурного трансфера и эмигрантоведения рассматриваются две его книги с учетом их документализма, документальности и художественности.

THE ANNOTATED CONTENT OF THE MONOGRAPH

SECTION I. ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

1.1. Axiological Concept: Research Vectors

The chapter is devoted to the vectors of studying the fundamental characteristics of the universe of human being and society — values and evaluativeness in their unity and at the same time in their variable representation in language as a whole and on the example of the German language in particular. One of the vectors of the research is the formatting of knowledge about values through a secondary concept with a description of its structure and metasemantic content.

1.2. Lexical and Grammatical Modality Means of Utterances in German and Russian Cultures

The author considers conceptual differences of modal means and their functioning in German and Russian. The language material is limited to modal verbs in German and their equivalents in Russian. The interdependence of conceptual linguistic differences and basic cultural concepts of German and Russian cultures is shown.

1.3. Colour Shades in English Fairy-tales from Linguocultural Perspective

The chapter deals with the identification of linguocultural features of colour shades designations in the worldview of English fairy-tales. The descriptive method, methods of component analysis and dictionary definitions, linguoculturological analysis, semantic analysis, and quantitative analysis have been applied for providing a study of colour shades designations. The proposed research methodology contributes to further development of reconstruction colour shades within the worldview of English fairy-tales.

1.4. The Problem of the Indirection of Speech Acts (Exemplified by Modern German)

The chapter highlights issues related to the interpretation, criteria for identifying and describing indirect speech acts in the language. The introduction substantiates the relevance of the study in the context of the general problems of modern pragmatic linguistics, which is

largely due to the intersection of conceptual spheres of terms used by modern linguists to identify and describe indirect speech acts. The main part of the chapter is devoted to the analysis of theoretical literature on the problems of indirection and implicitness, conventionality of indirect speech acts, highlights the main approaches and criteria for their description in the language. Based on the results of the analysis of scientific literature and examples from modern German fiction and journalistic literature, conclusions are drawn about the main components of the conceptual sphere of an indirect speech act, which are relevant for identifying and describing this linguistic phenomenon. The author's view on the criteria for identifying and describing indirect speech acts, which can be used in the course of further theoretical and practical development of this problem, is given.

1.5. Representation of a Situation in the Syntax of an English Sentence: the ELT Perspective

Taking the ELT perspective, the chapter examines conceptualization of an event and its representation in the syntax of a simple sentence in modern English. The author reveals common mechanisms that cause differences in the structures of English and Russian utterances about the same type of reality situation. Mastering these mechanisms can help to develop the skill of constructing syntactically correct and authentic utterances in ELT learners, despite the interference of the native language.

1.6. Influence of Variability of Presentation Conditions of Texts in L1 and L2 on the Number of Reproduced Sentences in Comparison with their Number in Source Texts

Statistical characteristics of texts reproduced in native and foreign languages in an experimental study are discussed, revealing correlation between the number of sentences in them and conditions of texts representation: the order of languages and the way of presentation (graphic, sound, mixed).

1.7. Gesticulation-speech Clusters in Persuasive Discourse

Kinetic signals accompany speech communication and participate

in the transmission of information. In different types of oral communication, the exchange of information is ensured through the interaction and complementarity of the means of two channels — verbal (segmental) and non-verbal (visual). The present study will focus on identifying the relationship of gestures, prosody and meaning of words.

SECTION II. LANGUAGE CONTACTS AND VARIATION

2.1. Linguistic and Cultural Markers Representing the Ethnic Identity of Russian Germans in Udmurtia

The chapter investigates the ethno-cultural identity markers of the Russian Germans in the city of Glazov (Udmurtia) living in a foreign-language, non-ethnic and non-confessional environment. The language situation, as well as language traditions, primarily the process of native language study as a distinctive feature of the ethnic identity of the Russian Germans in Glazov, are analyzed.

SECTION III. WORD — SENSE — MEANING

3.1. The Analysis of the Negation Category: Corpus Based Approach (Exemplified by the English Language Material)

The chapter is devoted to the comparative analysis of the means expressing negation in the English scientific, technical and artistic discourses. The method of the corpus-oriented discourse analysis is applied. The analysis is performed with the *AntConc*. The relevance of the research is due, on the one hand, to the need for a comprehensive study of negation as one of the basic categories of thinking, and on the other hand, to the expansion of the practice of creating and analyzing text corpora using computer technologies based on the principles formulated by computational linguistics. During the study, it was found that the *AntConc* tool is not perfect when selecting lexical units with negative affixes, since all words that turn off the desired element are added to the search, regardless of its meaning. In artistic discourse, lexical and syntactic means of expressing negation prevail, which is explained by the frequent use of colloquial and simple forms used in this type of discourse, while scientific and technical discourse is characterized by the use of morphological means of expressing negation.

3.2. Apex from Historical, Etymological and Lexicographic Viewpoint

The chapter focuses on studying the etymology, history and lexicographic description of the semantic structure development of the term apex, which was embedded in terminological systems of Russian, English, and German linguistics. Cases and methods of recording the term apex in general and special dictionaries constitute a separate subject of research. The etymology of the term still remains unclear, since connections between the lexeme apex and the verb *apiō* have not been reliably established. Studying the system of meanings of the term apex within historical and linguistic context has made it possible to clarify the semantic structure of the term and trace the chronology of its meanings. It has been established that the semantic structure of the term is formed by six meanings, of which only two are the most frequent and, as a rule, are displayed in dictionaries when describing its semantics. The remaining four meanings usually escape lexicographers' attention. The results of analyzing the semantic structure of the term apex enable expansion of its definition through concretizing and isolating individual meanings of this term.

3.3. English Lexicography in the Digital Époque

The chapter is devoted to the description of new tendencies in English lexicography in the époque of internet. It deals with modification of modern lexicographic paradigm, i. e. user's profile in digital media, cultural and learner orientation of current English dictionaries, new digital lexicographic projects, electronic corpora for general and special purposes, repertoire of English apps-dictionaries for senior and junior users.

3.4. The Contemporary German Language Stock according to its Functional Use

The article explains the principles of the functional use of language means in contemporary German language. The main focus is on different types of style coloring and belonging to the general German vocabulary.

SECTION IV. THEORETICAL ASPECTS OF LITERARY STUDIES

4.1. German Emigration Literature in America: Memoirs of the Wives of Great German Writers — Katia Mann, Marta Feuchtwanger, Alma Mahler-Werfel — in the Context of Gender Poetics

The chapter is devoted to the works of German-speaking authors who left Germany after Hitler came to power and formed a writers' colony in America, which became the center of cultural life. The memoirs of the wives of such famous writers as T. Mann, L. Feuchtwanger and F. Werfel are taken as the research material. Autobiographical texts are considered as a document of the epoch, allowing a glimpse into the complex experiences of life in exile; at the same time, attention is paid to the problems of gender poetics, which allow us to judge the character and artistic temperament of the famous women who have left a mark in the history of the formation of German-language literature. Due to the differences in narrative strategies, the texts complement each other and provide more objective information about the life and sentiments of emigrant intellectuals in America. Such a research perspective can attract a domestic audience interested in German emigration in America and researchers involved in the study of gender poetics.

4.2. Linguo-Cultural Characteristics of the German-Language Literary Work of Evgeniy Gagarin

The chapter presents the results of a study of the German-language creativity of the emigrant writer Evgeniy Gagarin, a native of the Russian North. From the standpoint of linguoculturology in the context of cultural transfer and emigrant studies, two of his books are examined in terms of their documentalism, documentality and artistry.

ТЕРМИНЫ

- аксиология 1.1
Альма Малер-Верфель 4.1
апекс 3.2
аудиовизуальный анализ 1.7
вектор оценки 1.1
взаимодействие категорий 1.2
воспроизведение текста 1.6
гендерная поэтика 4.1
документализм 4.2
документальность 4.2
жесты-иллюстраторы 1.7
имплицитность 1.4
иностраный язык 1.6
историко-лингвистический анализ 3.2
Катя Манн 4.1
когнитивная лингвистика 1.5
колористика 1.3
конвенциональность языкового знака 1.4
контекст культуры 1.2
концепт 1.1
концептуализация 1.5
корпус 3.1
корпусная лексикография 3.3
корпусная лингвистика 3.1
косвенность 1.4
критерии выявления и описания косвенных речевых актов 1.4
культурный трансфер 4.2
лексикографический анализ 3.2
лингвистический термин 3.2
лингвокультура 1.3
лингвокультурные маркеры 2.1
Марта Фейхтвангер 4.1
мемуарная литература 4.1
мемуарная проза 4.2
метаконцепт 1.1
мобильные словари 3.3
модальные глаголы 1.2
модальные предикаты 1.2
модусная категория 1.1
нарратив 4.1
научно-технический дискурс 3.1
обучение иностранному языку 1.5
оттеночные цветообозначения 1.3
оценка 1.1
персуазивный дискурс 1.7
пользователь 3.3
прагматическая лингвистика 1.4
просодия 1.7
репрезентация 1.5
речевое поведение 2.1
родной язык 1.6
российские немцы 2.1
семантика 1.3
семантическая структура 3.2
синтаксическая модель предложения 1.5
ситуация (событие) 1.5
сказочная картина мира 1.3
теория косвенных речевых актов 1.4
художественный дискурс 3.1
ценность 1.1
цифровая лексикографическая парадигма 3.3
эмигрантоведение 4.2
эмигрантская литература 4.1
этимологический анализ 3.2

этническая идентичность 2.1	funktional-stilistisch (un)differen-
языковая репатриация автора 4.2	zierter Wortbestand 3.4
AntConc 3.1	Sprachmittel 3.4
deutsche Gegenwartssprache 3.4	Stilfärbung 3.4
funktionales Repertoire 3.4	

KEYWORDS

- Alma Mahler-Werfel* 4.1
AntConc 3.1
apex 3.2
apps dictionaries 3.3
artistic discourse 3.1
assessment 1.1
audiovisual analysis 1.7
author's language repatriation 4.2
axiology 1.1
categorical interaction 1.2
cognitive linguistics 1.5
colour variety 1.3
concept 1.1
conceptualization 1.5
contemporary German language 3.4
conventionality of a language
 sign 1.4
corpus 3.1
corpus lexicography 3.3
corpus linguistics 3.1
criteria for identifying and
 describing indirect speech acts 1.4
cultural context 1.2
cultural transfer 4.2
digital lexicographic paradigm 3.3
documentalism 4.2
documentality 4.2
EFL teaching 1.5
emigration literature 4.1
emigration studies 4.2
ethnic identity 2.1
etymological analysis 3.2
evaluation vector 1.1
foreign language 1.6
functional repertoire 3.4
functional-stylistically (un)differen-
 tiated vocabulary 3.4
gender poetics 4.1
gestures-illustrators 1.7
historical and linguistic analysis 3.2
implicitness 1.4
indirectness 1.4
Katia Mann 4.1
language means 3.4
lexicographic analysis 3.2
linguistic and cultural markers 2.1
linguistic term 3.2
linguoculture 1.3
Marta Feuchtwanger 4.1
memoir literature 4.1
memoir prose 4.2
metaconcept 1.1
modal predicates 1.2
modal verbs 1.2
modus category 1.1
narrative 4.1
native language 1.6
persuasive discourse 1.7
pragmatic linguistics 1.4
prosody 1.7
representation 1.5
Russian Germans 2.1
scientific and technical discourse 3.1
semantic structure 3.2
semantics 1.3
sentence pattern 1.5
shades of colour designation 1.3
situation (event) 1.5
speech behavior 2.1
style coloring 3.4

Keywords

text reproduction 1.6

theory of indirect speech acts 1.4

user 3.3

value 1.1

worldview of fairy-tales 1.3

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкина С. Н., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Анашкина И. А., Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Байкова О. В., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Бухаров В. М., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Голубева Н. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Иванов А. В., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Карпова О. М., Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Кобенко Ю. В., Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

Конькова И. И., Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Кострова О. А., Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Левицкий А. Э., Московский государственный университет, Москва, Россия

Мещерякова А. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Мидова Е. О., Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия

Никонова Ж. В., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Никольшина Т. Н., Автомобильно-дорожный институт, Донецкий национальный технический университет, Горловка

Обухова О. Н., Вятский государственный университет, Киров,
Россия

Поликарпов А. М., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Разина И. С., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Рахманкулова С. Е., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Родина Г. И., Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Тырьгина В. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

LIST OF CONTRIBUTORS

Anashkina, Irina A., Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Averkina, Svetlana N., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

Baykova, Olga V., Vyatka State University, Kirov, Russia

Bukharov, Valeriy M., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

Golubeva, Nadezhda A., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

Ivanov, Andrey V., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia

Karpova, Olga M., Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Kobenko, Yuriy V., National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia

Konkova, Inna I., Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Kostrova, Olga A., Samara State University of Social Sciences and Edu-
cation, Samara, Russia

Levitsky, Andrey E., Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia

Meshcheryakova, Aleksandra A., Nizhny Novgorod Linguistics Univer-
sity, Nizhny Novgorod, Russia

Midova, Yekaterina O., Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical
University, Nizhny Novgorod, Russia

Nikonova, Zhanna V., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

Nikulshina, Tatyana N., Donetsk National Technical University, Auto-
mobile and Highway Engineering Institute, Gorlovka

Obukhova, Olga N., Vyatka State University, Kirov, Russia

Polikarpov, Aleksandr M., Lomonosov Northern (Arctic) Federal Uni-
versity, Arkhangelsk, Russia

Rakhmankulova, Svetlana Ye., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

Razina, Irina S., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia

Rodina, Galina I., Arzamas Branch of Lobachevsky State University of
Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Tyryguina, Valentina A., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	4
1.1. Аксиологический концепт: векторы исследования <i>Голубева Н. А.</i>	5
1.2. Лексико-грамматическая модализация высказывания в немецкой и русской лингвокультурах <i>Кострова О. А.</i>	28
1.3. Оттеночные цветообразования в колористике английской сказки: лингвокультурный аспект <i>Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н.</i>	54
1.4. Проблема косвенности речевых актов (на примере современного немецкого языка) <i>Никонова Ж. В., Мидова Е. О.</i>	71
1.5. Специфика отражения события в синтаксисе английского высказывания: лингводидактический аспект <i>Рахманкулова С. Е.</i>	101
1.6. Влияние вариабельности условий предъявления текстов на L1 и L2 на количество реализуемых предложений относительно их количества в исходных текстах <i>Рахманкулова С. Е., Мещерякова А. А.</i>	114
1.7. Жестикуляционно-речевые кластеры в персуазивном дискурсе <i>Тыртыгина В. А.</i>	126
Раздел II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ	142
2.1. Лингвокультурные маркеры, репрезентирующие этническую идентичность российских немцев Удмуртии <i>Байкова О. В., Обухова О. Н., Бухаров В. М.</i>	143
Раздел III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ.....	170
3.1. Анализ категории отрицания: корпусный подход (на материале английского языка) <i>Анашкина И. А., Конькова И. И.</i>	171
3.2. <i>Апекс</i> в историко-этимологическом и лексикографическом аспектах <i>Иванов А. В.</i>	184
3.3. Английская лексикография в цифровую эпоху <i>Карпова О. М.</i>	208

3.4. Der deutsche Sprachbestand der Gegenwart nach seiner funktionalen Verwendung	
<i>Кобенко Ю. В.</i>	230
Раздел IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ	243
4.1. Немецкая литература эмиграции в Америке: мемуары жен великих немецких писателей — Кати Манн, Марты Фейхтвангер, Альмы Малер-Верфель — в контексте гендерной поэтики	
<i>Аверкина С. Н., Разина И. С., Родина Г. И.</i>	244
4.2. Лингвокультурологические особенности немецкоязычного литературного творчества Евгения Гагарина	
<i>Поликарпов А. М.</i>	255
Литература / References	307
Аннотированное содержание монографии	370
The Annotated Content of the Monograph	376
Термины	381
Keywords.....	383
Сведения об авторах	385
List of Contributors	387

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 3

Коллективная монография

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Подписано в печать 24.11.2021. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 22,78. Уч.-изд. л. 17,81.

Тираж 500 экз. Изд. № 5528. Заказ № 6829.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ИП Симаков С.В.

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1